

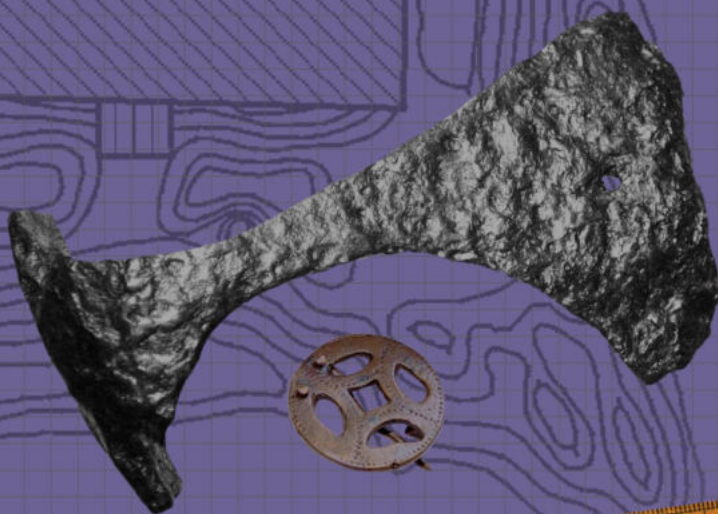
Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья

Выпуск 5

Старая Ладога первая столица Руси

«Город Ладога и Северная Русь,
в первые века Русской истории»
Старая Ладога 13 июня 2015 г.

2015
Санкт-Петербург

ОРГАНИЗАТОРЫ

научной конференции
«Город Ладога и Северная Русь в первые века Русской истории»
и историко-культурного фестиваля
«Старая Ладога - первая столица Руси»
**Ленинградское областное отделение
Всероссийской общественной организации
«Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»
и Институт истории материальной культуры РАН
выражают благодарность за поддержку и участие:**

Правительству Ленинградской области,
Комитету по печати и связям с общественностью Ленинградской области,
Управлению культуры Министерства обороны Российской Федерации,
Центральному Спортивному Клубу Армии
Министерства обороны Российской Федерации,
Компании ВЕЛЕС КАПИТАЛ,
Компании ХОРС,
Государственному Историческому Музею,
Санкт-Петербургскому отделению
Российского Военно-Исторического Общества,
Муниципальному образованию Волховского муниципального района,
Староладожскому сельскому поселению,
Староладожскому историко-архитектурному
и археологическому музею-заповеднику,
Компании Социальная пропаганда,
клубам Военно – Исторической реконструкции России
и персонально
Белецкому Сергею Васильевичу,
Бычевой Валентине Анатольевне,
Бутину Дмитрию Александровичу
Коровкину Дмитрию Сергеевичу,
Штыровой Анне Юрьевне,
Кашину Сергею Александровичу

Russian Academy of Sciences
Institute for the History of Material Culture

Ladoga and Ladoga Land in the Middle Ages

Volume 5

Materials of the International Conference «The Town of Ladoga and
Northern Rus in the First Centuries of Russian History»
Staraya Ladoga, 13 June 2015

Saint-Petersburg
2015

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья

Выпуск 5

Материалы международной конференции
«Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории»
Старая Ладога, 13 июня 2015 г.

Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47).04

ББК 63.3(2)4

Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Выпуск 5.
СПб. Ленинградское областное отделение Всероссийской
общественной организации «Всероссийское общество охраны
памятников истории и культуры», ООО «Социальная
пропаганда» 2015. 310 с.

ISBN 978-5-91673-161-3

Сборник подготовлен в рамках программы
«Исследование государственного развития России и её
места в мировом историческом и культурном процессе»,
утвержденной Распоряжением Правительства РФ
от 27.12.2012 г. № 2538р

Проект

«Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и её
соседей, возникновение и развитие Русского государства»

Редакционная коллегия:

А. Н. Кирпичников (ответственный редактор),

С. В. Белецкий, В. А. Лапшин

ISBN 978-5-91673-161-3

© Коллектив авторов, 2015

© ИИМК РАН, 2015

© ООО "Социальная пропаганда", 2015

© Ленинградское областное отделение
Всероссийской общественной организации
«Всероссийское общество охраны
памятников истории и культуры», 2015

Ad memoriam

**Владимир Дмитриевич
Сарабянов
(06. 04. 1958 — 03. 04. 2015)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

12-14 июня 2015 г. в урочище Победище близ Старой Ладogi (Ленинградская обл.) состоялись историко-культурный фестиваль «Старая Ладога – первая столица Руси» и научно-практическая конференция «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории». В конференции участвовало 16 докладчиков, представлявших научные учреждения Санкт-Петербурга, Москвы и Тронхейма. Костяк данного собрания составляли научные сотрудники отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН.

На конференции были заслушаны доклады, посвященные различным вопросам отечественной и международной истории и археологии – новым открытиям в Старой Ладoge и историческим судьбам первой столицы Руси (А.Н. Кирпичников, В.А. Лапшин, Н. В. Григорьева, А.В. Курбатов, Д.А. Арутюнов и И.А. Хаустова, А. Стальсберг), памятникам культуры длинных курганов (С.Г. Попов), изображениям на лепной керамике (А.В. Плохов, С.А. Семенов), украшениям из оловянистых сплавов и восточным украшениям (Е.Р. Михайлова, Д.Ю. Чернышенко), древнерусским геральдическим подвескам (С.В. Белецкий) и предметам скандинавского происхождения (П.А. Миляев, К.А. Михайлов), погребальным памятникам эпохи средневековья (Шмелев К.В.), воинским топорам (П.А. Васин) и участию реконструкторов в патриотическом воспитании молодежи (В.В. Филозов). Характер докладов соответствовал не только научной значимости и историческим судьбам Ладogi за полтора тысячелетия ее существования, но и теме фестиваля военно-исторической реконструкции, в рамках которого была проведена конференция. Большинство докладов, прочитанных на конференции публикуются в настоящем сборнике.

В настоящее издание включены также тексты докладов В.Ю. Соболева о комплексе находок из раскопок в Ладoge в 1886-1887 гг., Е.Н. Шумилова (Пермь) о северной границе Новгородской земли, А.И. Саксы о происхождении «корель» русских летописей и В.Б. Панченко о каменных крестах Новгородской земли; авторы перечисленных докладов по разным причинам не смогли принять участие в работе конференции. Кроме того, в сборник включена статья Л.В. Войтовича (Львов) о генеалогии Рюрика, связанная с темами как фестиваля военно-исторической реконструкции, так и конференции, проводившейся в рамках фестиваля.

Сочетание двух столь разноплановых мероприятий – научная конференция и фестиваль военно-исторической реконструкции – это новаторский эксперимент. Первая попытка приурочить научную конференцию к фестивалю реконструкторов была предпринята в 2013 г., когда параллельно с фестивалем, проводившемся близ Ладogi, в Староладожском музее-заповеднике прошла конференция «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения» (Бутин 2014: 164-169). Но в полной мере плодотворность сотрудничества ученых и реконструкторов проявилась в 2015 г., когда научные заседания проходили в палатке непосредственно на территории «Лагеря викингов» в урочище Победище (рис. 1-3), а среди докладчиков и слушателей были участники и участницы фестиваля в костюмах «эпохи викингов» (рис. 4-8).

С 70-х гг. прошлого столетия движение военно-исторической реконструкции охватило многие страны, не исключая и Россию. Возникли сотни клубов, дружин и отрядов этого направления. Восстанавливаются и разыгрываются битвы и единоборства от эпохи древних обществ и до XX в. Реконструкторы разного возраста – от пионеров до пенсионеров – сами изготавливают оружие, экипировку, шьют одежду, копируя музейные предметы и археологические находки и стремясь при этом к максимальной достоверности. Все это происходит на научной основе, хотя, конечно, и дополненной некоторой фантазией. Фактически, энтузиастами воссоздается важнейшая часть культуры и устройства обществ на историческом пространстве от древности и до современности. Гости таких зрелищ, нередко приуроченных к общенародным праздникам, становятся свидетелями многочисленных воинских игр и состязаний, наблюдают ожесточенные по виду, но совершенно бескровные схватки бойцов (рис.9-14). Удары по щитам, звон мечей, свист стрел, крики борющихся поражают своим взаимравдашним напором, удалью и смелостью. Рядом с полем боя возведены шатры полевого лагеря. Здесь живут реконструкторы. Перед палатками горят костры, и участники фестиваля в железных котлах готовят себе пищу, которая подается на деревянные столы в глиняной посуде ручной работы. И здесь же проводится ярмарка, на которой зрители и гости фестиваля могут приобрести сувениры, имитирующие древние вещи – глиняную и деревянную посуду, орудия труда из железа и украшения из цветных металлов. Одним словом, разворачивается красочное зрелище с неожиданными игровыми затеями и маневрами масс обученных военному делу молодых людей. Все это динамично, азартно, дух захватывает как у детей, так и у взрослых.

Для участников военно-исторических ристалищ подобные фестивали – это своеобразная школа мужества, находчивости, ловкости и, если угодно, романтики. Воспитывается обстановка братства и взаимопомощи. В схватках пеших и конных нередко участвуют бывшие исторические противники – славяне и викинги, степняки и княжеские дружинники, русские и монголы, французы и русские эпохи Наполеоновских войн, белые и красные времен Гражданской войны. Воспитывается патриотизм, твердость характера, находчивость, отвага, познаются секреты тактики боя, выделки оружия и доспеха.

Именно такой историко-культурный фестиваль состоялся 12-14 июня 2015 г. в Старой Ладогe. Девизом его стали строки А. С. Пушкина: «Бойцы поминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». В фестивале участвовали около 250 реконструкторов, приехавших из Санкт-Петербурга, Москвы, других городов России и зарубежных стран. Зрителей собралось более трех тысяч человек. Организатором фестиваля выступило Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Фестиваль поддержали ряд общественных и государственных организаций, а также частные лица.

О Старой Ладогe после долгих лет глухого, незаметного существования справедливо заговорили как о сокровищнице российской и международной истории и культуры. Выдвинута идея превращения Старой Ладоги в культурно-исторический и туристический центр международного уровня. Здесь нашли общий язык историки и археологи, искусствоведы и музеееды, архитекторы и

реставраторы, хозяйственники и управленцы, высшие власти области и страны. Великим историческим достоянием богат поселок в устье Волхова. Наша общая задача открыть и показать это достояние всем неравнодушным людям, вернуть страницы минувшего нашему Отечеству и народу.

Фестиваль «Старая Ладога – первая столица Руси» оказался знаковым – он был приурочен к национальному празднику страны, Дню России. Хотелось бы, чтобы такие зрелищные, запоминающиеся праздники, совмещенные с научными собраниями, устраивались не только в Старой Ладоге, но в других памятных местах нашего Отечества.

Литература

Бутин 2014 — Бутин Д.А. Конференция: ученые и любители // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». Старая Ладога, 12-13 июля 2013 г. СПб. 2014.

Рис. 1. «Лагерь викингов» в урочище Победище близ Старой Ладоги. В верхнем правом углу «трехглавая палатка» — зал заседаний конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории»

Рис. 2. В реконструкторском лагере. Клуб «Варяжская дружина»

Рис. 3. «Трехглавая палатка» — зал заседаний конференции

Рис. 4. Конференцию открывает А.Н. Кирличников

Рис. 5. Заседание конференции ведет С.В. Белецкий

Рис. 6. С докладом выступает В.А. Лапшин

Рис. 7. Докладчики. 1 — П.А. Милев, 2 — А.В. Курбатов, 3 — И.А. Хаустова, 4 — Е.Р. Михайлова, 5 — П.А. Васин

Рис. 8. Участники конференции.

Рис. 9. Индивидуальный турнир «Щит-Меч». Фотографы Алексей и Майя Смирновы

Рис. 10. Индивидуальный турнир «Щит-Меч». Фотографы Алексей и Майя Смирновы

Рис. 11. Турнир пятерок. Фотографы Алексей и Майя Смирновы

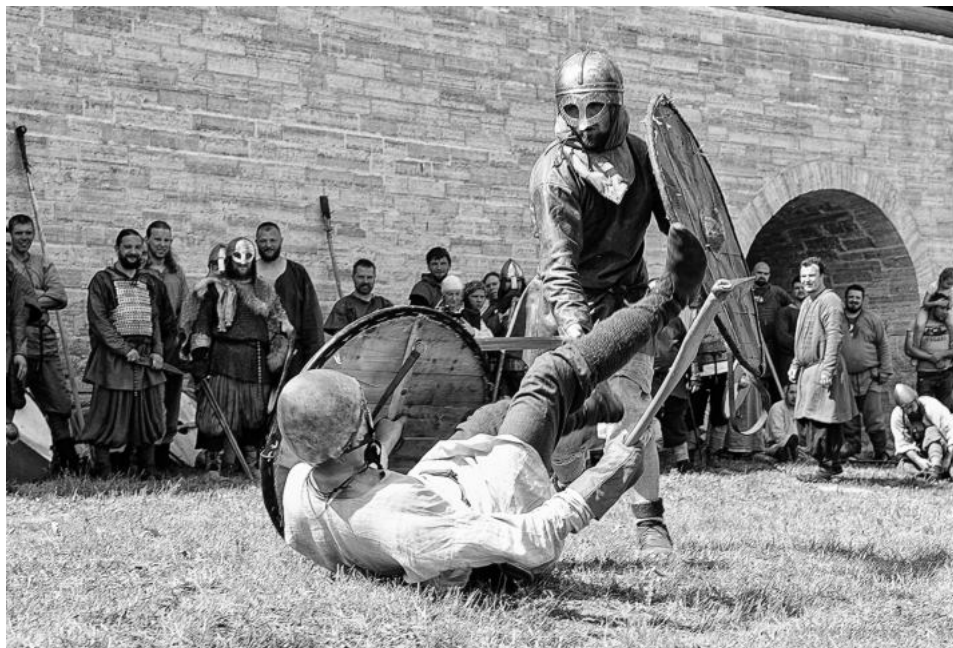

Рис. 12. Боевой строй викингов. Фотографы Алексей и Майя Смирновы

Рис. 13. Общее сражение. Фотографы Алексей и Майя Смирновы

Рис. 14. Индивидуальный турнир «Щит-Меч». Фотографы Алексей и Майя Смирновы

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СТАРОЙ ЛАДОГИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В последние годы историческое и общественное значение с. Старая Ладога (до 1704 г. – город Ладога) в Ленинградской области как важнейшего города Древнерусского государства и перспективного современного культурно-музейного центра резко усилилось. Историческое и познавательное-туристское значение этого старейшего в России населенного пункта получило новую научную и общественную оценку в основном благодаря деятельности Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН (с 1972 г. по настоящее время)¹.

За время своей работы экспедиция сделала важные открытия и выдвинула ряд новых научных гипотез, связанных с изучением ладожских и – шире – древнерусских, скандинаво-финских и прибалтийских древностей. Экспедиция не ограничивалась рамками чисто академических заданий. По ее инициативе (совместно с Ленинградским областным отделением Общества охраны памятников истории и культуры) после почти десятилетних усилий в 1984 г. был создан по правительственному решению Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Это в значительной мере предотвратило разрушение ряда исторических объектов, включая культурный слой древнего города. Под особую охрану взята территория поселка (190 га) с находящимися на ней памятниками архитектуры, природы, застройкой XIX – начала XX в., с культурным слоем эпохи средневековья. Ныне музей имеет статус федерального учреждения.

Историко-культурное наследие Старой Ладого принадлежит к фундаментальным ценностям русской и международной истории и культуры. Оно представлено более чем 160 памятниками археологии, истории, архитектуры, природы, а также разнообразными письменными и графическими источниками. Здесь сохранились исторический природный ландшафт, а также редчайшие произведения архитектуры и древняя поселенческая планировка, восходящая к X-XII вв. Наличие культурного слоя с хорошо сохранившимися остатками построек и разноэтничными по происхождению находками VII-XVII вв. ставит Ладогу на одно из первых мест среди средневековых восточноевропейских городов.

Ладога за восемь веков до основания Санкт-Петербурга обеспечила выход на арену международной истории славян и русских, стала для них первым «окном в Европу», ключевым городом-портом на Великом Волжском пути и «Пути из варяг в греки» – великих трансконтинентальных евразийских торговых дорогах.

В истории России этому городу, особенно в первые века его развития, принадлежит основополагающая роль в создании объединительной русской

---

¹ Деятельность экспедиции была бы невозможной без помощи сотрудников ИИМК РАН, Староладожского музея-заповедника, Ленинградского Государственного областного университета им. А.С. Пушкина, Суворовского военного училища МВД России и других вузов. Финансовую помощь экспедиции, кроме государственных учреждений, оказали патриотически настроенные предприниматели. Всем им наша глубокая благодарность.

государственности, русской городской цивилизации, в налаживании торговых, транспортных, межэтнических связей народов Европы и Азии, в защите северных границ Руси.

Археологические и почвоведческие изыскания недавних лет позволили отнести возникновение Ладоги в ее первоначальном виде к VII в., если не к более раннему времени. Тем самым поселок в устье Волхова вошел в число древнейших средневековых центров Балтийской Европы.

В первые века русской истории Ладога коренным образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства. Обмен товарами, техническими и другими достижениями поднялся до мировой необходимости, что оказало стимулирующее влияние на развитие всей европейской цивилизации.

В переломный момент создания европейских государств и городов Ладога оказалась своеобразным «серебряным банком» Европы: через нее на Запад поступала основная масса международной валюты того времени – серебряных исламских монет-дирхемов. Восточное монетное серебро достигло Ладоги не позднее 50-60-х гг. VIII в. Именно город в низовьях Волхова стал одним из первых центров русской равнины, где арабские дирхемы появились сразу же, как только началось их распространение в Восточной и Северной Европе.

В эпоху раннего средневековья Ладога представляла собой многоязычный Вавилон, породивший небывалые достижения в области материальной и духовной культуры и поражающий гармоничной уживаемостью славян с финнами, скандинавами, фризами, арабами, булгарами и представителями других народов Запада и Востока. В среде этих людей установился прочный межэтнический и межконфессиональный мир, основанный на межобщинной терпимости, свободе предпринимательства, открытости региональной и международной торговли.

На примере Ладоги мы видим, как более тысячи лет назад усилиями ее жителей и пришельцев создавалась единая Европа без охраняемых границ и национальных предрассудков, во многом, с интернациональной техникой и культурой, общими путями передвижения и единой валютой. Эта модель формирования общества поучительна и в наши дни.

Согласно наиболее достоверной версии летописного «Сказания о призвании варягов», федерация славянских и финских племен в составе словен, кривичей, мери, веси и чуди (в некоторых списках Руси) в 862 г. пригласила к себе в качестве правителя знатного скандинава (или полускандинава, или полуславянина, или ободрита) Рюрика с братьями. «Придоша к словенам первое и срубиша город Ладогу, и седе старейший в Ладозе Рюрик». Именно Ладога, а к тому времени она в организованном виде существовала уже не менее 100 лет, стала резиденцией правителя, стольным княжеским городом, то есть – столицей складывающейся в Восточной Европе державы Рюриковичей. В дальнейшем столица была перенесена в Предновгород (Рюриково городище), а затем в Киев. В этом ряду Ладога, следовательно, оказалась первой. Начался новый период русской истории, ознаменованный сложением крупнейшего в Европе многонационального государства.

Таким образом, именно в Ладоге, скорее всего, было задумано и началось успешное строительство нового русского государства. Инициатива такого преобразования была выдвинута Северной Русью под руководством князей Рюрика и его продолжателя Олега Вещего – дальновидных собирателей земель восточных славян. Новым руководителям государства удалось осуществить основополагающие задачи: расширить территорию ядра страны, развивать торговлю, начать строительство и укрепление городов, объединить север и юг страны.

Ладоге принадлежит важная роль в защите Отечества. Убеждают в этом ее новооткрытые фортификации. Первоначальное укрепление, как обычно в средневековое время, располагалось на мысу, образованном реками Волховом и Ладожкой. Первое деревянное ограждение связывается с приходом Рюрика. Не исключено, что еще до него на мысу существовало некое укрепление. В конце IX – начале X в., что было впервые открыто экспедицией, на этом же мысу отстраивается одна из первых, если не первая каменная твердыня с башней (может быть, башен было больше). В конце X – XI в. мыс ограничивают от напольной стороны мощным каменно-земляным валом.

В 1114-1116 гг. по инициативе князя Мстислава Великого и приближенного к нему посадника Павла здесь строится одна из редких для своей эпохи новая каменная фортификация. Части этого сооружения, сложенные из плитняка на известковом растворе, местами сохранились почти на полную высоту (8,5 м, включая бруствер и площадку боевого хода). В стене со стороны Волхова была также открыта торговая арка для подъема воды и корабельных грузов. Ладожская крепость Мстислава Великого предвосхитила распространение каменных укреплений на Руси, начавшегося, в основном, столетием позже, и вплоть до XV в. обеспечивала безопасность города и его округа в Нижнем Поволжье.

Во второй четверти и середине XII в. в Ладоге впервые были воздвигнуты шесть богато украшенных фресками каменных храмов, располагавшихся во главе своих районов-концов по определенной градообразующей системе. Для тогдашних древнерусских городов такое «залповое» строительство было беспрецедентным. К сожалению, не известны точные даты возведения церквей Ладоги, за исключением храма св. Климента, построенного епископом Нифонтом. Теперь накапливается все больше данных о том, что строились они по единому градостроительному плану, очевидно, предложенному правительством князя Мстислава Великого (†1132). Начало городского преобразования открылось сооружением в 1114-1116 гг. каменной крепости, а завершилось, очевидно, возведением церкви св. Климента в 1153 г. Эти даты, может быть, и намечают время возведения церковных зданий. Несомненно, что Ладогу рассматривали как форпост, крупный поселенческий центр и узел обороны на северных рубежах страны.

В конце XV в., в связи с распространением пороха и пушек, на ладожском мысу строят новую мощную твердыню с башнями пушечно-ружейного боя. Ее техническая модернизация продолжалась вплоть до 80-х годов XVI в. Это мощное сооружение частично сохранилось и ныне находится в стадии реставрации. Наконец, в те же 80-е годы XVI в. к каменной цитадели пристраивается новаторский для своего времени дерево-земляной «город» с

несколькими бастионами. Это сооружение, его план, устройство и датировку удалось установить археологическими и источниковедческими методами.

Ни один древнерусский город или поселение VIII-X вв. не может сравниться с Ладогой по степени сохранности остатков деревянной жилой застройки. Благодаря этому благоприятному обстоятельству ученые могут детально воссоздать планы и конструктивные детали домов, начавших строиться в Ладоге уже на начальном этапе ее существования. Речь идет о частях бревенчатых срубов-изб, обычно ориентированных по сторонам света. В Ладоге VIII-X вв. были также распространены относительно крупные дома общей площадью 60-80 кв. м. Они состояли из основного отапливаемого помещения с прямоугольным в плане очагом в центре и холодной пристройки – сеней. Некоторые ладожские двухкамерные дома можно рассматривать как жилища владельцев городских дворов. Таких археологически открытых сооружений насчитывается не менее одиннадцати. Их можно рассматривать в качестве предшественников изб-пятистенков русского средневековья и Нового времени.

Оригинальной особенностью Ладоги является обнаружение в слоях IX-X вв. частей больших домов, размерами в плане 10 x 16-17,5 м. Они состояли из основного отапливаемого покоя и обходной наружной галереи. Две такие постройки были открыты при археологических раскопках. Мощные столбы, поддерживавшие крышу, свидетельствуют в пользу значительной высоты самих стен.

Такого рода дома, судя по находкам, могли предназначаться для проживания купцов-корабелов, служить гостиницами для путешественников, обиталищами состоятельных семей, казармами воинов и ремесленников. «Зальные» дома описанного типа, очевидно, строились и в других частях восточной Европы вдоль торговых путей, но пока оказались открытыми только в Ладоге. Они – показатель торгового предпринимательства и, судя по вторичному использованию в их устройстве корабельных досок, могли возводиться судовыми командами. Письменные источники X в. это подтверждают.

Домостроительная техника описанных построек срубная, что связано со славянским миром, и каркасно-столбовая скандинавского происхождения.

Культурный слой Земляного городища Старой Ладоги содержит поразительное количество древностей многих народов, постоянно живших или приезжавших в этот город. За время работ экспедиции ИИМК РАН было обнаружено свыше 40 тысяч находок, изготовленных из золота, серебра, бронзы, латуни, железа, олова, свинца, стекла, кости, глины, камня, дерева, кожи и ткани. Ни один год будет научно обрабатываться это материальное и, надо подчеркнуть, международное по происхождению богатство (рисунки находок неоднократно публиковались). При раскопках найдены среднеазиатские бусы, фризские гребни, скандинавские бронзовые фибулы-застежки, железные гривны с молоточками скандинавского бога-громовержца Тора, бляшки с северными мифологическими сюжетами и другие изделия. С востока привозились весовые гири, стекловидные подвески-лунницы, перстни, бусы из сердолика и горного хрусталя, наконец массовые серебряные монеты. С южного побережья Балтийского моря поступал янтарь, частью обрабатывавшийся на месте. Встречаются здесь финские украшения (гребни, кресала, копоушки, булавки,

подвески). Базовый славянский мир представлен глиняной и деревянной посудой, не менее чем 300 оловянными подвесками и бляшками, женскими проволочными височными кольцами со спиральным завитком и некоторыми другими украшениями. Здесь угадываются глубокие традиции убранства славянского костюма.

Ряд обнаруженных вещей обладают выдающимся художественным, производственным и сфрагистическим значением. Таковы, к примеру, 28 инструментов кузнечно-слесарной мастерской, работавшей в 750-е годы (раскопки Е. А. Рябинина). Не имеющий себе равных по представительности комплекс этой мастерской свидетельствует о начале ладожского ремесла, как только кристаллизовалась городская организация. Отметим далее и примечательное костяное навершие с рисунками христианского и языческого характера (раскопки В. П. Петренко). Это один из наиболее ранних памятников своеобразного «двоеверия»: его дата – вторая половина IX в.

Незурядным произведением ювелирного ремесла оказался византийский золотой перстень X – начала XI в., выполненный в технике скани и перегородчатой эмали. Эмалевая вставка цвета морской волны «на просвет» удивительным образом как бы переливается. Будет ли раскрыт секрет древних эмальеров?

В слое второй четверти X в. на Земляном городище в 2008 г. была обнаружена форма для отливки пластины с изображением сокола в геральдической позе. Можно предполагать, что это прикладная государственная печать с эмблемой рода Рюриковичей. По неожиданному совпадению в декабре 2007 г., то есть – за полгода до находки упомянутой формы был официально утвержден герб Старой Ладogi в виде сокола, летящего вниз в атакующей позе. Таким образом, археологические материалы подтвердили обоснованность герба, предложенного геральдистами древнему городу.

Тему о печатях продолжает коллекция из 101 памятника сфрагистики, найденных на Земляном городище в раскопах 2006-2007 и 2011 гг. Коллекция включает 52 свинцовые печати, 24 заготовки для печатей, 20 свинцовых пломб и 5 заготовок для пломб. Подавляющее большинство печатей (50 из 52) – датируются в интервале от рубежа XI-XII вв. до середины XIII в. По своему объему и представительности эта находка не имеет аналогов среди сфрагистических находок в древнерусских городах, кроме комплекса находок с Рюрикова городища, однако этот последний составляют находки, происходящие из подъемного материала по берегам Сиверсова канала, в то время как ладожская находка зафиксирована *in situ*. Найденный комплекс находок, возможно, является следами делопроизводства некоей (возможно, княжеской) управленческой структуры Ладogi домонгольского времени. Отметим также найденную в 1998 г. печать 70-х годов XI в. с изображением Богородицы, окруженную греческой надписью, составляющей вместе с четырехстрочной надписью на обороте печати единый текст «Мать Божия, Богородица, помоги рабу твоему Леонтию, Митрополиту Лаодикии» (перевод Н. Н. Казанского). В Лаодикии, городе Малой Азии, находился церковный центр.

Н.В. Григорьева и Н.А. Плавинский обратили внимание на изображение человека в длиннополой рубахе с мечом в руке, процарапанное на костяной

проколке второй половины X в.. Предположительно здесь узнается мечник – придворный чин княжеской администрации.

Можно продолжить описание ладожских редкостей, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, какие неожиданные раритеты содержит подземная Ладога.

Особо следует остановиться на общественном, туристическом и музейном значении поселения в устье Волхова и на планах его преобразования. В 2003 г. на государственном уровне было отмечено 1250-летие основания древней Ладоги. Не случайно сюда, в Старую Ладогу в 2003 и 2004 гг. приезжал Президент Российской Федерации. В 2012 г. Старая Ладога вошла в список русских городов, в которых было отмечено 1150-летие создания Русского государства. В связи с этим поселение в устье Волхова посетили руководители страны и ее северо-западного региона во главе с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Ему 5 сентября 2012 г. было представлено письмо руководителя Администрации Президента РФ С.Б. Иванова. В этом письме отмечалось, что на базе Старой Ладоги может быть разработан общенациональный проект, способный объединить важнейшие туристические и историко-культурные центры российского Северо-запада, обеспечить приток инвестиций, в том числе – зарубежных, а развитие туристической отрасли будет способствовать социально-экономическому развитию региона. Президент поддержал идею проекта (см. Письмо советника Президента РФ В.И. Толстого А.Н. Кирпичникову от 22 мая 2015 г., публикуемое в настоящей статье).

* * *

Все эти обстоятельства побуждают предложить предварительную программу обновления Старой Ладоги и как музея-заповедника, и как туристического объекта, и как населенного пункта Волховского района Ленинградской области в расчете на то, что эта программа обратит на себя внимание как областной, так и центральной власти Российской Федерации. Данная программа базируется на том, что Староладожский музей-заповедник, занимающий центральную часть села площадью 190 га, находится в нерасторжимой связи с жилой частью населенного пункта.

Ныне все настойчивее поступают предложения о возведении в Старой Ладоге разных построек и восстановлении некоторых старых зданий. Этот процесс, чтобы он не стал стихийным и не принес ущерба структуре и облику музея-заповедника, нуждается в строгом контроле и упорядочении. Необходимо провести недопустимо затянувшееся переутверждение охранной зоны музея-заповедника. Следует привести в порядок центральную часть Староладожского музея-заповедника – каменную крепость IX-XVII вв. Для этого следует более активно проводить реставрацию крепости, в первую очередь ее северо-западной части, а также Стрелочной и Раскатной башен. Следует накрыть кровлей уникальную в архитектуре России торговую арку, продолжить консервацию стены XII в. и лестницу Тайничной башни XVI в., восходящую также к XII в. Необходимо полностью отремонтировать и открыть для осмотра церковь Дмитрия Солунского XVII в, открыть новые экспозиции в некоторых башнях

крепости. Необходимо также благоустроить территорию каменной крепости, частично восстановить дерево-земляные укрепления Земляного городища и благоустроить его территорию.

По поводу затрат на реставрацию крепости IX-XVII вв. можно воспользоваться предложением Европейского банка реконструкции и развития, включившего Ладожскую крепость в число фортификаций восстанавливаемых банком частично за его счет.

Давно назрела необходимость наземной демонстрации в музейных целях разрушенных церковей XII в. (Св. Спаса, Св. Воскресения и Св. Климента), с помощью выступающих на поверхность консервирующих кладок их нижних подлинных частей. Музей получит три важнейших опорных архитектурно-археологических объекта.

Никольский мужской монастырь и Успенский женский (оба XII-XX вв.) обратились к руководству страны с просьбой помочь им в восстановлении некоторых разрушенных зданий. Им стала оказываться определенная финансовая и строительная поддержка.

В целях сбережения редкого памятника и действенности исторического пейзажа необходимо воссоздать так называемую «могилу Олега», нарастив ее вверх на 5 м и засыпав мусорную воронку на ее вершине. «Могилу Олега» и соседние сопки (их также следует подсыпать и задерновать) необходимо огородить. Подъем на «могилу Олега» можно сделать в виде деревянной лестницы со стороны р. Волхов.

На Земляном городище в центре села, на его раскопанной ранее части, целесообразно воссоздать дом купцов русов с организацией внутри него имитационного производства на выбор: по стеклу, кости, латуни. Достоверные данные для возведения такого дома имеются. На берегу Волхова у Земляного городища и каменной крепости возможен причал для катания посетителей музея-заповедника на воссозданных ладьях эпохи викингов.

На территории бывшей усадьбы Томиловых-Шварцев было бы важно воссоздать одноэтажный господский дом с мемориально-художественным назначением (его чертежи удалось отыскать в архиве), а в каменном здании риги устроить, как вариант, торговые ряды или ремесленную слободу по производству изделий народных промыслов. Практически все громадные художественные ценности усадьбы, накопленные в XIX – начале XX вв. переданы последним владельцем в Русский музей. В восстановленном господском доме возможно устройство выставки из собраний Русского музея «Храм искусств в русском селе», а также библиотеки и экспозиции новых археологических находок.

Старая Ладога остро нуждается в гостинице на 60-70 мест. Ее можно устроить в заброшенном двухэтажном доме (бывшей женской семинарии) на Малышевой горе или на одном из пустующих участков на Варяжской улице.

За годы раскопок археологической экспедицией ИИМК РАН в Староладожский музей-заповедник было передано свыше 40 тысяч находок VII-XVIII вв. Следует расширить демонстрацию этих международных по происхождению изделий, только небольшой частью представленных на экспозиции в музейном здании, открытом в 2003 году. Это можно сделать путем пристройки к существующему дому нового помещения по Варяжской улице.

Актуален вопрос о строительстве фондохранилища для не экспонируемых вещей музея. Место для такого сооружения уже подобрано.

В отреставрированном ныне Информационно-досуговом центре в дополнение к его собственной деятельности целесообразно организовать выставки по истории, культуре, археологии, искусству, хозяйству, промышленности и жизнедеятельности Волховского края, с тем, чтобы некоторые из них демонстрировались в Санкт-Петербурге и других городах Северо-Запада России. Здесь же можно проводить специальные фольклорно-обрядовые костюмированные праздники, пиры, свадьбы и юбилеи.

Очень важно соорудить объездную дорогу для проезда вокруг Старой Ладogi автотранспорта, а особенно транзитного, большегрузного. От проезда машин содрогаются архитектурные памятники, что, в конечном счете, ведет к их разрушению. Центральную улицу села можно превратить в пешеходную зону.

Для сезонного месторасположения Староладогской археологической экспедиции ИИМК РАН и расквартирования сотрудников экспедиции необходимо отреставрировать пустующий деревянный дом в центре села, принадлежавший купцу Смоленкову, оснастив его канализацией и водопроводом. Музей-заповедник, владелец дома, большую часть года сможет использовать его в качестве гостевого дома. Необходимо построить дом для студентов—участников экспедиции. Ныне они живут в разных часто дорогостоящих помещениях.

В 2004 г. в Староладогской археологической экспедицией была организована школа-экспедиция, в которой приняли участие русскоязычные молодые люди из Польши, Литвы, Эстонии, Германии, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Австрии, Бельгии, США. Работа школы проходила под руководством М.Н. Толстого и автора этих строк. Проект оказался очень эффективным. Его следовало бы продолжить при условии государственной финансовой поддержки. Трудно переоценить патриотическую миссию приобщения русских людей, живущих за рубежом, к русской истории, ее корням.

В селе на Варяжской улице в 2012 г. был заложен памятник великим основателям государства Российского, князьям Рюрику и Олегу. В настоящее время завершается работа над скульптурой, которая будет отлита в бронзе. Такого рода монумент станет первым в России. Также целесообразно установить памятный знак с надписью о 1150-летию создания Русского государства и первом упоминании Ладogi в летописи в 862 г.

Следует обратить внимание на полностью разрушенную и брошенную базу бывшего Ленинградского отделения Союза художников в с. Горка вблизи с. Старая Ладoga. В прошлом это было имение князей Шаховских. В этом месте расположено городище Любша (с находками IV-XIII вв.). Вся эта территория, включая парк, входит в охранную зону музея-заповедника, однако никем не оберегается. Здесь ныне развернуто новое строительство по проектам, которые не обсуждались. Важно, чтобы городище Любша сохранялось.

Руководству музея-заповедника во избежание самозахвата земли, разрушения памятников и культурного слоя нужно принять новый устав, учитывающий интересы жителей села, и добиться утверждения границ охранных зон, принятых еще в 1984 г. Необходимо постепенно выселить незаконно проживающих на Земляном городище домовладельцев. В музее важно создать отдел археологии,

лабораторию реставрации деревянных и металлических изделий, а также мебели и произведений искусства. На исторических объектах следует установить охранные доски.

Периодически в Старой Ладоге на базе музея-заповедника с помощью Правительства Ленинградской области и Российской академии наук проводятся международные конференции по истории, археологии и культуре древней Ладоги и культуре евразийского мира. Это начинание надо расширять.

Правительством Ленинградской области узаконен ежегодный день Старой Ладоги – 15 августа. Этот же день отмечается и в Санкт-Петербурге.

Для более эффективного обустройства Старой Ладоги необходим международный Клуб друзей Старой Ладоги, состоящий из деловых людей, ученых, музейщиков и представителей власти. Назрела потребность в создании Попечительского совета и Фонда развития Старой Ладоги. Их участниками могут быть представители Законодательного собрания и Правительства Ленинградской области, Волховского муниципального района, Муниципального районного образования Староладожское сельское поселение, Староладожского музея-заповедника, Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН, Информационно-досугового центра в Старой Ладоге, а также деловые люди Волхова, Санкт-Петербурга и Москвы. Попечительский совет может работать под патронажем представительства Президента РФ по Северо-Западному федеральному округу.

Историко-археологические памятники Старой Ладоги вследствие их выдающегося международного и отечественного значения, справедливо номинированы в 2015 г. в качестве исторических объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

С учетом федерального статуса музея-заповедника его следует точно именовать «Староладожской историко-архитектурный и археологический музей-заповедник», а не музей-заповедник «Старая Ладога» как его называют сейчас.

В 2005 г. директором информационно-досугового центра Старой Ладоги Н.А. Мальшевой и автором этих строк выдвинуто предложение о проведении в Старой Ладоге в соответствии с исторической традицией торговой и художественно-промышленной ярмарки-фестиваля искусств. Первая состоялась в 2007 г. Эту традицию следует продолжить.

В целом, в отношении культурно-исторических богатств Старой Ладоги необходима правительственная программа развития музея-заповедника и всего поселка. Целесообразно образовать рабочую группу по вопросам развития Старой Ладоги² под руководством, например, губернатора Ленинградской области А.Ю. Дрозденко.

---

² В 2013 г. Научно-проектный Институт пространственного планирования представил серьезную текстовую и графическую разработку «Генеральный план Муниципального образования Староладожского сельского поселения». Мыслится, что этот план, включающий обустройство поселка, будет выполняться до 2025 г. Заказанная Правительством Ленинградской области в 2014 г. концепция развития Старой Ладоги по своему недостаточному качеству была отклонена.

АДМИНИСТРАЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва

« 22 » мая 2015 г.
№ А4-25-921

Заведующему отделом Института
истории материальной культуры
Российской Академии наук

А.Н.КИРПИЧНИКОВУ

Дворцовая наб., д.18, Санкт-Петербург,
191186

Уважаемый Анатолий Николаевич!

Ваше обращение в адрес Администрации Президента Российской Федерации о превращении Старой Ладogi в культурно-исторический и туристический центр международного значения с использованием механизмов поддержки Российского фонда культурного развития рассмотрено.

На совместном заседании Государственного Совета Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству 24 декабря 2014 г. Глава государства предложил создать Российский фонд культурного развития. Правительство Российской Федерации совместно с Администрацией Президента Российской Федерации планирует представить предложения о создании Российского фонда культурного развития и источниках финансирования его деятельности в третьем квартале 2015 года.

Необходимо отметить, что Президент Российской Федерации в своем указании от 09 сентября 2012 г. № Пр-2426 поддержал предложение по формированию на базе села Старая Ладога общенационального проекта, способного объединить наиболее интересные и привлекательные историко-культурные центры Северо-Западного федерального округа (далее – проекта). В 2012 году Правительство Ленинградской области приступило к реализации указанного проекта.

Деятельность Правительства Ленинградской области по сохранению и защите культурно-исторического наследия и природного ландшафта Старой Ладogi заслуживает положительной оценки. Активно осуществляется информационная компания в

научных и научно-популярных изданиях, а также на сайте «Культура.рф» по тематике проекта возрождения села Старая Ладога. Проведены работы по благоустройству территории поселения и ремонту дома культуры. На территории села Старая Ладога организуются культурно-массовые мероприятия.

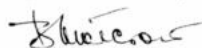
При этом следует отметить, что ряд вопросов, поставленных в указаниях Президента Российской Федерации от 2012 года по формированию на базе села Старая Ладога общенационального проекта, до настоящего времени не реализованы.

Правительством Ленинградской области не утверждена концепция туристско-рекреационного кластера «Село Старая Ладога». Мероприятия проекта не включены в федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)», а также в соответствующие федеральные целевые программы и государственные программы Российской Федерации, необходимые для реализации проекта. Не решены вопросы участия бизнес-структур в разработке и реализации указанного проекта. Не используются механизмы института государственно-частного партнерства, а также не создана рабочая группа при Правительстве Российской Федерации, основной задачей которой должна была стать координация работы по реализации проекта, в том числе организация работы по привлечению средств из внебюджетных источников.

В настоящее время Правительству Ленинградской области рекомендовано активизировать работы по исполнению указаний Президента Российской Федерации по формированию на базе села Старая Ладога общенационального проекта. Администрация Президента Российской Федерации готова оказать Правительству Ленинградской области необходимое содействие. Уважаемый Анатолий Николаевич, надеемся на активное участие экспертов, деятелей культуры, научной общественности, некоммерческих и общественных организаций в продвижении указанного проекта.

Советник Президента
Российской Федерации

С глубоким уважением,

В.Толстой

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Ладога — уникальный комплекс археологических памятников, включающий объекты от неолита до позднего средневековья. Здесь 300 лет назад были проведены первые на Северо-Западе раскопки. Интенсивные археологические исследования ведутся, с перерывами на революции и войны, последние 100 лет. Каждый полевой сезон дает не только интересные находки, но и ставит перед исследователями новые вопросы, решение которых далеко выходит за пределы собственно ладожской проблематики и имеет значение для Древней Руси в целом. Эти вопросы диктуют направление дальнейших исследований. Вот два главных.

Хронология раннесредневековой Ладоги. Земляное городище — ключевой памятник Староладожского археологического комплекса. Благодаря наличию влажного культурного слоя, сохраняющего органику и позволяющего использовать метод дендродатирования, а также тому, что на городище сохранились отложения второй половины VIII — первой половины X в., которых нет в Новгороде и других древнерусских городах, памятник имеет значение эталонного для Северной Руси в целом. В Ладоге метод дендродатирования был впервые применен к материалам из раскопок Е.А. Рябина в западной части площадки городища (1973-1975, 1981-1984 гг.) и использовался для датирования культурных отложений в раскопах А.Н. Кирпичникова в северной и южной частях памятника (1984-2013 гг.). Вместе с тем наиболее значительная центральная часть городища раскопанная Н.И. Репниковым (1909-1913 гг.) и В.И. Равдоникасом (1938-1940, 1945, 1947-1950, 1957-1959 гг.) дендродат не имеет.

В свое время нижнюю часть культурного слоя сохранившую органику В.И. Равдоникас разделил на слои Д, Е1, Е2 и Е3 (сверху вниз), которые отождествлялись со строительными горизонтами, а постройки каждого горизонта считались одновременными (Равдоникас 1949: 9-12). О.И. Давидан по материалам раскопок В.И. Равдоникаса выделила в слое Е3 три самостоятельных горизонта — Е3/1, Е3/2, Е3/3 и установила нижнюю дату культурного слоя — середина VIII в. (Давидан 1976). Такое членение слоя было подтверждено (с некоторыми уточнениями) раскопками Е.А. Рябина, при которых впервые были взяты спилы для дендродатирования, давшего абсолютные привязки слоев:

Е3/3 — 750—760-е, Е3/2 — 770—790-е, Е3/1 — 800—830-е, Е2 — 840—860-е, Е1 — 860—920-е, Д — 930—960-е (? — верхняя граница неясна) гг. (Рябинин 1985; Черных 1985а; Рябинин, Черных 1988).

В 1972—1975 гг. В.П. Петренко в раскопе на Варяжской улице (на левом берегу р. Ладожка, севернее Земляного городища) вскрыл слои от середины IX до начала XI в., которые разделил на 11 строительных горизонтов. Нижний горизонт синхронен слою Е3/1 Земляного городища. Горизонты синхронизируются со слоями Земляного городища, но позволяют детализировать хронологию: слоям Е1 и Д соответствуют по четыре строительных горизонта (Петренко 1985; Черных 1985б).

С.Л. Кузьмин предложил более дробное членение на строительные горизонты постройк из раскопа Е.А. Рябинина (Ез делится не на три, а на четыре горизонта, Е1 на два и Д — на четыре горизонта) и соотнес их с постройками из раскопа В.И. Равдоникаса и, частично, с постройками из раскопа Н.И. Репникова. Это позволяет «привязать» всю раскопанную площадь и большую часть находок к абсолютным дендродатам (Кузьмин 1997, 2000). Горизонты С.Л. Кузьмина почти полностью совпадают с горизонтами В.П. Петренко, в частности синхронизируются слои больших пожаров, что говорит в пользу объективности выделенных периодов. В то же время раскоп Е.А. Рябинина является небольшой восточной периферией вскрытой площади, поэтому предложенная реконструкция горизонтов на раскопах Н.И. Репникова и В.И. Равдоникаса не может не быть гипотетичной.

Из изложенного вытекают две основные задачи. Во-первых, кабинетная обработка серии дендродат из трёх раскопов А.Н. Кирпичникова в южной части городища (Кирпичников и др. 2001, 2002, 2003; Кирпичников 2004, 2006, 2007, 2008, 2012) и выделение на этой основе локальных строительных горизонтов, а также синхронизация их с горизонтами раскопа Е.А. Рябинина. Во-вторых, продолжение полевых исследований с целью увязки раскопов А.Н. Кирпичникова с раскопами Н.И. Репникова и В.И. Равдоникаса. Решением проблемы хронологии явилось бы получение серии дендродат с участков, примыкающих к раскопу В.И. Равдоникаса с севера и востока. Итогом станет значительное расширение базы узко датированных вещей VIII-X вв. за счет материалов раскопов, не имеющих дендродат, что укрепит значение Ладоги как хронологического эталона. Выполнение этой задачи подготовлено тем, что материалы раскопок В.И. Равдоникаса уже разрабатывались целой плеядой ученых (Равдоникас 1945, 1949, 1950, 1951; Равдоникас, Лаушкин 1959; Орлов 1954а, 1954б; Гроздилов 1950; Станкевич 1950, 1951; Лаушкин 1960; Корзухина 1961, 1966а, 1966б, 1973; Оятева 1965; Львова 1968, 1970 и др.). В исследовании и публикации материалов раскопок Земляного городища особенно велика роль О.И. Давидан (Давидан 1962а, 1962б, 1966, 1968, 1970, 1971, 1973, 1974, 1976, 1977, 1980, 1981а, 1981б, 1984, 1986, 1987, 1988, 1991, 1994а, 1994б, 1998).

Ладога «до Ладоги». Дата возникновения Ладожского поселения — середина VIII в. — хорошо обоснована и является общепринятой (Давидан 1976; Рябинин, Черных 1988). Вместе с тем на территории Ладоги и в её окрестностях встречено несколько более ранних находок (Волковицкий 1995, 2001), что ставит вопрос о предыстории поселения VIII—X вв. В ходе исследований А.Н. Кирпичникова на территории Земляного городища под влажным слоем были выявлены фрагменты погребенной почвы со следами распашки и материковые ямы, которые по результатам радиоуглеродового датирования можно предварительно отнести к третьей четверти I тыс. н. э. (Александровский и др. 2010, 2012а, 2012б). Слой распашки был зафиксирован и в раскопе 2014 г. на Варяжской улице, на противоположном от городища левом берегу реки Ладожки (неопубликованные материалы). Эти находки, пока еще немногочисленные и разрозненные, свидетельствуют об аккумуляции пространства на берегу Волхова до возникновения Ладожского поселения.

На обоих берегах Ладожки распашкой затронута верхняя часть отложений, связанных с последней трансгрессией Ладожского озера. Она завершилась

образованием Невы, которое произошло по разным оценкам от 3900—3600 до 2800—2900 л. н. (Кошечкин, Экман 1993; Malachovskij et al. 1996; Saarnisto, Grönlund 1996; Верзилин, Калмыкова 2000) Снижение уровня воды в низовьях Волхова от максимального (около +15 м БС) до современного (около +5 м БС) заняло продолжительное время. Считается, что территория Земляного городища стала пригодной для жизни к середине I тыс. н. э., при этом уровень воды в Волхове мог быть на 2,0—2,5 м выше современного (Шитов и др. 2004, 2005). В нижнем течении Волхова слой озерных отложений перекрывает неолитические местонахождения и подстилает средневековые отложения. Озерный аллювий насыщен фосфором и чрезвычайно плодороден, благодаря остаткам озерных микроорганизмов, оседавших на дно в течение нескольких тысячелетий. Очевидно, что после понижения уровня Ладожского озера обнажившиеся террасы оказались наиболее благоприятны для земледелия. Разведочные работы 2014 г. показали, что на более высоких террасах в урочищах Победище и Заклюка, которых не достигала ладожская трансгрессия, современный пахотный слой лежит непосредственно на мореных отложениях и раннесредневековые материалы здесь отсутствуют.

Эти наблюдения дают основание предполагать, что ранние островки освоения окрестностей Ладоги следует искать в пределах распространения ладожской трансгрессии в низовьях Волхова. Их выявление позволит выявить культурный и демографический фон, на котором возник феномен средневековой Ладоги.

Литература

Александровский и др. 2010 — Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефедов В.С. Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М. 2010.

Александровский и др. 2012а — Александровский А.А. Александровский А.Л. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 3. СПб. 2012.

Александровский и др. 2012б — Александровский А.Л., Долгих А.В. 2012. Почвенно-географические исследования в Старой Ладоге в 2010 г. // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб. 2012.

Верзилин, Калмыкова 2000 — Верзилин Н.Н., Калмыкова Н.А. Особенности и причины изменений уровня воды в Ладожском озере в голоцене // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7: Геология, география. Вып. 1 (№ 7). 2000.

Волковицкий 1995 — Волковицкий А.И. Еще раз о пояском наборе из сопки № 140 // Ладога и Северная Русь. Чтения посвященные памяти А. Мачинской. СПб. 1995.

Волковицкий 2001 — Волковицкий А.И. 2001. Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти А. Мачинской. СПб. 2001.

Гроздилов 1950 — Гроздилов Г.П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // Советская археология. Т. XIV. 1950.

Давидан 1962а — Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. 1962.

- Давидан 1962а — *Давидан О.И.* Резная кость Старой Ладogi // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 23. 1962.
- Давидан 1966 — *Давидан О.И.* Староладожские изделия из кости и рога // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 8. 1966.
- Давидан 1968 — *Давидан О.И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. 1968.
- Давидан 1970 — *Давидан О.И.* О времени появления токарного станка в Старой Ладoge // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 12. 1970.
- Давидан 1971 — *Давидан О.И.* К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией // Скандинавский сборник. Вып. XVI. 1971.
- Давидан 1973 — *Давидан О.И.* Антропоморфные и зооморфные изображения из Старой Ладogi // VI Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. Таллин. 1973.
- Давидан 1974 — *Давидан О.И.* Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник // Автореф. дис. ... канд. ист. Наук. Л., 1974.
- Давидан 1976 — *Давидан О.И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. 1976.
- Давидан 1977 — *Давидан О.И.* К вопросу об организации костерезного ремесла в древней Ладoge // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. 1977.
- Давидан 1980 — *Давидан О.И.* 1980. Бронзолитейное дело в Старой Ладoge // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. 1980.
- Давидан 1981а — *Давидан О.И.* Ткани Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 22. 1981.
- Давидан 1981б — *Давидан О.И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—XIII вв. (По материалам Земляного городища) // Контакты и взаимодействие древних культур. Л. 1981.
- Давидан 1982 — *Давидан О.И.* Скандинавское влияние на развитие ремесла в Ладoge // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов Ч. 1. Тарту. 1982.
- Давидан 1984 — *Давидан О.И.* Янтарь Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 25. 1984.
- Давидан 1986 — *Давидан О.И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII-IX веков // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 27. 1986.
- Давидан 1987 — *Давидан О.И.* Весовые гирьки Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 28. 1987.
- Давидан 1988 — *Давидан О.И.* Скарабей из Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. 1988.
- Давидан 1991 — *Давидан О.И.* Деревянная посуда Старой Ладogi VIII-IX вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 31. Л. 1991.
- Давидан 1994а — *Давидан О.И.* Еще раз об арабском дирхеме 699/700 г. из Старой Ладogi // Древности лесной зоны Восточной Европы. СПб. 1994.

- Давидан 1994б — *Давидан О.И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладого // Петербургский археологический вестник. 9. СПб. 1994.
- Давидан 1998 — *Давидан О.И.* Сердоликовые изделия из Старой Ладого // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 33. СПб. 1998.
- Давидан 1999 — *Давидан О.И.* Новые находки гребней в Старой Ладого // Российская археология. № 1. 1999.
- Кирпичников 2004 — *Кирпичников А.Н.* Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2003 г. // Старая Ладога: Международная археологическая экспедиция-школа. СПб. 2004.
- Кирпичников 2006 — *Кирпичников А.Н.* Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. СПб. 2006.
- Кирпичников 2007 — *Кирпичников А.Н.* Новые данные о позднесредневековой Ладого: (по материалам раскопок в 2006 г.) // Санкт-Петербургский международный культурно-исторический университет 2007. СПб. 2007.
- Кирпичников 2008 — *Кирпичников А.Н.* 2008. Археологические исследования в Старой Ладого в 2007 г. (Краткие итоги) // Ладого и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 2. 2008.
- Кирпичников 2012 — *Кирпичников А.Н.* Раскопки в Старой Ладого в 2008 г. // Ладого и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 3. СПб. 2012.
- Кирпичников и др. 2001 — *Кирпичников А.Н., Сорокин П.Е.* Археологические раскопки в Старой Ладого в 2000 г. // Миграция и оседлость от Дуная до Ладого в I тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти А. Мачинской. СПб. 2001.
- Кирпичников и др. 2002 — *Кирпичников А.Н., Сорокин П.Е.* Исследования староладожского Земляного городища в 2000 г. // Ладого и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.
- Кирпичников и др. 2003 — *Кирпичников А.Н., Богуславский О.И., Кильдюшевский В.И.* Археологические открытия в Старой Ладого: (по результатам раскопок 2002 г.) // Скандинавские чтения 2002 г. СПб. 2003.
- Кошечкин, Эрман 1993 — *Кошечкин Б.И., Эрман И.М.* Голоценовые трансгрессии Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера / Под ред. Н. Н. Давыдовой, Б. И. Кошечкина. СПб. 1993.
- Кузьмин 1997 — *Кузьмин С.Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб; Псков. 1997.
- Кузьмин 2000 — *Кузьмин С.Л.* Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII-X вв. // *Stratum plus.* № 5. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2000.
- Лаушкин 1960 — *Лаушкин К.Д.* Раскопки в Старой Ладого // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 81. 1960.
- Корзухина 1961 — *Корзухина Г.Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладого // Советская археология. № 3. 1961.
- Корзухина 1966а — *Корзухина Г.Ф.* К уточнению датировки древнейших слоев Ладого // Тез. докл. 3-й науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе сканд. стран и Финляндии. Тарту. 1966.

- Корзухина 1966б — *Корзухина Г.Ф.* 1966б. Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М. 1966.
- Корзухина 1973 — *Корзухина Г.Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладого // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 135. 1973.
- Лаушкин 1960 — *Лаушкин К.Д.* Раскопки в Старой Ладого // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 81. 1960
- Львова 1968 — *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладого. Ч. 1 // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. 1968.
- Львова 1970 — *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладого. Ч. 2 // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 12. 1970.
- Орлов 1954а — *Орлов С.Н.* Деревянные изделия Старой Ладого VII-X вв. (по материалам Староладожской археологической экспедиции) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 1954.
- Орлов 1954б — *Орлов С.Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря из Старой Ладого // Советская археология. Т. XXI. 1954.
- Оятева 1965 — *Оятева Е.Н.* Обувь и другие кожанные изделия Земляного городища Старой Ладого // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 7. 1965.
- Петренко 1985 — *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладого. Л. 1985.
- Равдоникас 1945 — *Равдоникас В.И.* Старая Ладого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 11. 1945.
- Равдоникас 1949 — *Равдоникас В.И.* Старая Ладого (Из итогов археологических исследований 1938 — 1947 гг.). Ч. 1 // Советская археология. Т. XI. 1949.
- Равдоникас 1950 — *Равдоникас В.И.* Старая Ладого (Из итогов археологических исследований 1938 — 1947 гг.). Ч. 2 // Советская археология. Т. XII. 1950
- Равдоникас 1951 — *Равдоникас В.И.* Древнейшая Ладого в свете археологических исследований 1938 — 1950 гг. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 41. 1951.
- Равдоникас, Лаушкин 1959 — *Равдоникас В.И., Лаушкин К.Д.* Об открытии в Старой Ладого рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сборник. № 4. 1959.
- Рябинин 1985 — *Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладого (Итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладого. Л. 1985.
- Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. № 1. 1988.
- Станкевич 1950 — *Станкевич Я.В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладого // Советская археология. Т. XIV. 1950.
- Станкевич 1951 — *Станкевич Я.В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладого // Советская археология. Т. XV. 1951.
- Черных 1985а — *Черных Н.Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладого (По материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладого. Л. 1985.
- Черных 1985б — *Черных Н.Б.* Дендрохронология Ладого (Раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладого. Л. 1985.

Шитов и др. 2004 — *Шитов М.В., Бискэ Ю.С., Носов Е.Н., Плешивецова Э.С.* Природная среда и человек нижнего Поволховья на финальной стадии Ладожской трансгрессии // Вестник. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7: Геология, география. Вып. 3. 2004.

Шитов и др. 2005 — *Шитов М.В., Бискэ Ю.С., Плешивецова Э.С., Мараков А.Я.* Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладogi // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7: Геология, география. Вып. 4. 2005.

Malachovskij et al. 1996 — *Malachovskij D.B., Delusin I.V. Gej N.A., Dginoridzse R.N.* Evidence from Neva valley, Russia, of the Holocene history of Lake Ladoga // Fennia. Vol. 174, № 1. 1996.

Saarnisto, Grönlund 1996 — *Saarnisto M., Grönlund T.* Shoreline displacement of Lake Ladoga — new data from Kilpolansaari // Hydrobiologia. Vol. 322. 1996.

О ЛАДОГЕ И ВИКИНГАХ

Дорогие коллеги! Я благодарю Вас за приглашение принять участие в сегодняшнем заседании. Мне всегда приятно посетить Вас и Вашу красивую страну.

Я буду говорить о Ладоге и викингах. Но прежде затрону другой вопрос, который требует от историков и археологов серьезного внимания. Это вопрос об употреблении слова *викинг*.

В современных научно-популярных и популярных статьях и книгах, но также и в более серьезной историографии, сложилось неправильное, излишне романтизированное отношение к викингам, не соответствующее сведениям дошедших до нас источников. Употребление или, точнее, злоупотребление этим термином в большей степени характерно для Западной Европы, США и Скандинавии, где популярная литература и киноиндустрия эксплуатируют образ викингов значительно больше, чем в России.

Несколько лет назад я написала статью в газете в Трондхейме о викингах, которых назвала террористами своего времени и нашим национальным норвежским позором. Надо иметь в виду, что такая оценка в Норвегии очень непопулярна. Несколько читателей газеты рассердились на меня и оскорбились за викингов, которых они считают нашими национальными героями. Один читатель газеты даже написал, обращая ко мне: «Не только Вы читали Snorre!».

Этот читатель, наверное, прав, но он и я читали Снорре Стурулсона по-разному. В наше время слово *викинг* часто употребляется как этноним, а самих скандинавов часто называют викингами. Однако в сагах Снорре термин *викинг* не был этнонимом. Этим словом Снорре называл людей, так сказать, «определенной активности» – морских грабителей и пиратов. Именно так вели себя вдоль атлантического побережья местные викинги, с которыми боролся юный Олав сын Харальда. Снорре упоминает викингов в Испании, против которых боролся Сигурд Крестоносец – очевидно, так он назвал арабских пиратов, поскольку именно арабы грабили в Средиземном море. Снорре пишет также о норвежских, шведских, и эстонских викингах, рассказывает о том, что норвежские викинги грабили в Норвегии, к недовольству норвежского короля, грабили в Дании, на Британских островах и в землях *Austrvegr'a* (Восточного пути), то есть – в Швеции и дальше на восток. Сvei грабили на Восточном пути, в Эстонии и Дании. В Швеции часто грабили датчане и люди из Аустрвегра. Викинги часто грабили Тенсберг в Норвегии. Норвежский король даже освободил Оркнейские острова от налога. Таким образом, называть викингами только скандинавов совершенно не исторично.

Слова с течением времени могут менять свое значение, и это нормально. Но в тех случаях, когда термины прошлого со временем очень сильно меняются и теряют свой первоначальный смысл, современные люди начинают проецировать (порой – неосознанно) современные представления на события, образы и слова прошлого. *Викинг* – одно из таких слов. Оно в наше время употребляется в самых разных, в том числе – совершенно невероятных, контекстах. Естественно, никто не имеет исключительного права на это слово. Но в работах историков-

профессионалов это слово должно употребляться в своем первоначальном значении.

Саги Снорре Стурлусона, являются надежным источником наших знаний о прошлом, в том числе, о значении термина *викинг*. Снорре родился в 1178/79 г., а саги писал около 1220-х гг. В его книге слово *викинг* упоминается 76 раз, *походы викингов* – 53 раза, а *корабли викингов* – 14 раз. Только в трех из 17 саг у Снорре нет слова *викинг*. Последнее же упоминание слова *викинг* связано с событиями 1164 г. в Норвегии. Таким образом, Снорре писал свой труд тогда, когда слово *викинг* еще было употребительным в живом языке. Следовательно, саги Снорре являются вполне релевантным источником для понимания значения и употребления этого слова.

В старонорвежском языке два слова викинг: *vikingr* (мужского рода) – викинг, человек, и *viking* (женского рода) – поход викингов. Таким образом, человека называли *vikingr/викинг* тогда, когда он принимал участие в *viking'e/походе викингов*.

Мне крайне досадно постоянно сталкиваться с неправильным употреблением слова *викинг* в наши дни, с романтизацией викингов, превращенных современными писателями и журналистами в торговцев, земледельцев, ремесленников, художников, открывателей Америки. Викингами называют даже скандинавские народы. Недавно я видела в журнале статью с характерным заглавием «Элитные солдаты викингов прошли 3 (или 4) года жестокого военного обучения». Конечно, я знаю только маленькую часть научно-популярной и художественной литературы о викингах, и видела всего несколько фильмов. Но, честно говоря, ничего нового для себя я не открыла, так что я не вижу смысла читать и смотреть все подряд. Кроме всего прочего, это просто скучно.

И исследователи, и непрофессионалы много знают о викингах и об эпохе викингов. Но как же трудно объяснить им действительный смысл термина, то есть непривычное для них знание о викингах.

Особенно труден и важен один вопрос: как отделаться от современного понимания слова *викинг*, и реабилитировать первоначальный смысл этого слова, то есть тот смысл, который вкладывается в это слово в релевантных источниках? Как реабилитировать историческое значение термина *викинги* – морские пираты, грабители, страх Европы? Как пересмотреть широко распространенное сейчас понимание термина *викинги* как название народа, как позитивное обозначение героев?

Но если мы, историки-профессионалы, не сделаем это, нас справедливо обвинят в том, что мы фальсифицируем источники.

После всего сказанного я возвращаюсь к теме, вынесенной в заглавие моего сообщения. Материалы археологических раскопок памятников на территориях, так сказать, «за Ладогой» – в Поволховье, Поднепровье, Поволжье – не содержат никаких свидетельств существования враждебных отношений между скандинавами и местными жителями. Поэтому, я не могу представить себе викингов – пиратов и разбойников – мирно проживавших на территории Руси бок о бок с местными жителями.

Снорре хорошо знал, что невозможно плавать дальше, чем в *Aldeigjuborg*. Когда норвежцы в 1034 г. отправились за Магнусом, сыном Олава, они приплыли в Ладогоу и оттуда послали известие Ярославу в Холмгард, с просьбой о свободе

передвижения, и получили на это разрешение. После рождества 1034 г., то есть – в 1035 г., Магнус, сын Олава пошел с востока вниз в Aldeigjuborg, и ремонтировал там свои корабли пока лед весной не растаял. Когда Харальд Жестокий Правитель возвращался домой из Царьграда, он весной 1045 г. ездил из Хольмгарда вниз в Aldeigjuborg, где достал корабли и оттуда поплыл в Швецию и в Норвегию. Таким образом, продвижение на кораблях было возможно только до Ладоги или от Ладоги.

Внутри Руси археологический материал показывает, что между скандинавами и местными жителями не было вражды. В могильниках у Ярославля, в Гнездово или в юго-восточном Приладожье известно в два раза больше находок, связанных с женщинами, чем с мужчинами (об этом я писала в своей магистерской диссертации, посвященной скандинавским находкам на Руси). Трудно представить себе переселение из Скандинавии на Русь амазонок.

Погребения, которые принято считать скандинавскими, расположены среди погребений других народов на одних и тех же кладбищах. Трудно представить себе, что в течение полутора веков люди, враждовавшие между собой, хоронили своих близких в одних и тех же святых для себя местах. Весы и гири тоже намекают на совсем не враждебные отношения между скандинавами и местными жителями. Известны даже скандинавские детские погребения.

Исследование датских иммигрантов в США дало интересные результаты. Выяснилось, что мужчины-датчане, работавшие вместе с представителями других национальностей, были одеты так же, как и другие мужчины, то есть – в обычную одежду, характерную для нового для них общества. В то же время женщины-датчанки, остававшиеся дома и ухаживавшие за домом, носили, как правило, национальную датскую одежду. То же самое я вижу и в Норвегии: женщины-иммигранты из арабских стран носят национальную одежду, в то время как их мужья одеты в городские костюмы, и только по бороде видно, откуда они.

Существенно, что среди открытых раскопками скандинавских погребений захоронений женщин выявлено в два раза больше, чем захоронений мужчин. Мне кажется, что мужья этих женщин не были похоронены на одних кладбищах со своими женами, потому что они были или наемными солдатами на службе у русского князя, и умерли на службе вдалеке от тех мест, где они жили, или же являлись торговцами и умерли во время торговых путешествий.

В богатых камерных погребениях в Киеве были погребены женщины, одетые в национальные скандинавские костюмы. Я думаю, что это жены князей, но их мужья могли носить не национальную, а, так сказать, международную, интернациональную одежду.

В любом случае у нас нет оснований усматривать в археологических находках свидетельства вражды между скандинавами и местным населением. А, если так, то совершенно невероятно представить, что эти скандинавы были викингами – разбойниками и пиратами. Скорее их можно принять за иммигрантов.

Таким образом, даже если Ладога и не была первой политической столицей Руси, она представляла собой ее северные ворота, эффективно защищавшие страну от врагов. В том числе, очевидно, и от викингов.

СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО И БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЛАДОГЕ В XI В. (по материалам раскопок в Ладожской крепости)

В 2014 г. силами Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции продолжились археологические исследования в юго-восточной части двора Ладожской крепости, около руинированной Раскатной башни. С севера, востока и юга исследованная площадь ограничивалась соответственно приямком у церкви Георгия, кладкой фундаментного основания Раскатной башни и южным валом крепости. Культурный слой в раскопе был сильно нарушен могильными ямами прицерковного кладбища¹.

В южной части раскопа, максимально приближенной к южному валу, фиксировалось значительное повышение уровня дневной поверхности, связанное с мощной (около 1 м) прослойкой коричневой глины. На основании найденных в глине фрагментов фресок и керамики, формирование связанного с ней повышенного участка рельефа можно отнести ко времени не ранее XV-XVI вв. Прослойка глины предохраняла нижележащие отложения от перекопов более позднего времени.

На перекрытом глиной участке, площадью 8 кв. м, на глубине 1,5 м от современной дневной поверхности, был открыт слой черного гумуса с включениями мелкодисперсного угля. Мощность слоя составила около 0,4 м. В нем встречено большое количество разнообразных по форме и размеру сильно окисленных фрагменты металла и металлического шлака. В гумусе найдены также крупные кости животных с поверхностным налетом зеленого цвета. В нижней части слоя открыты пятна сильно прокаленного грунта и известняковые плиты, окрашенные окислами до ярко красного цвета.

Все находки, связанные с металлообработкой, можно разделить на три группы:

1. Продукты производства: бесформенные капли и слипшиеся комки выплавленного металла, покрытые окислами зеленого цвета.

2. Отходы и не востребуемые полуфабрикаты металлообрабатывающего производства: побывавшие в огне, образования, зеленоватого или интенсивно зеленого цвета, с пористой структурой, без стекловатой поверхности, с налипшими углем и некрупными камешками, а также обычные производственные шлаки (рис. 1, 2).

3. Сырье (?): некрупные фрагменты горных пород, имеющих первичный налет меднозеленого цвета на поверхности и в естественных трещинах.

На этом же участке и разрозненно по всей площади раскопа были обнаружены фрагмент кузнечного сопла (рис. 1, 1), фрагменты тигель и целый тигель (рис. 2, 4), фрагменты глиняных литейных формочек. Здесь же найден фрагмент миниатюрной ювелирной наковаленки (рис. 2, 2). Помимо этого в слое черного гумуса, насыщенном производственными отходами, найден широкосрединный

---

¹ Позднейшее из обнаруженных погребений содержало монету 1922 г.

перстень с завязанными концами (рис. 3, 2), бубенчик (рис. 2, 3), весовая гирица (рис. 2, 1), кусочки янтаря (рис. 3, 1). В этом слое были обнаружены также две монеты: четвертинки дирхема X в.² и пфеннига герцога Ордульфа графа Германа второй половины XI в.³ Находки и морфологические особенности слоя, позволили уже в полевых условиях предположить наличие связи открытого комплекса с функционированием средневековой металлообрабатывающей мастерской.

Для получения более обоснованных данных несколько образцов в рамках развития междисциплинарного сотрудничества были переданы для исследований в лаборатории ФГУП «ВСЕГЕИ»⁴.

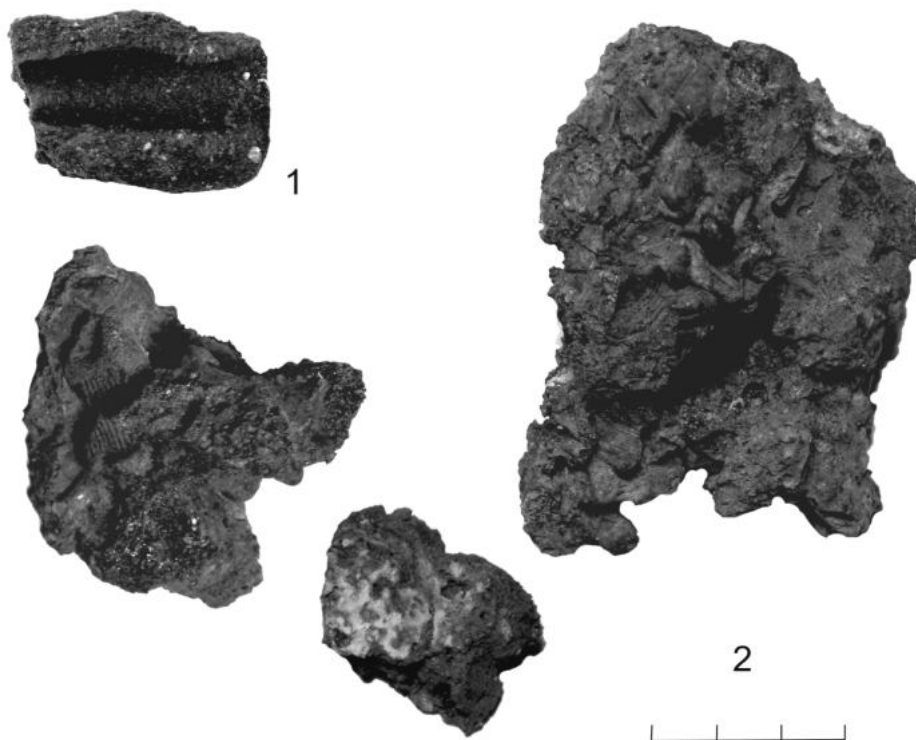

Рис. 1. Следы металлоперерабатывающего производства.
1 – сопло (керамика); 2 – шлаки

² Определение В.С. Кулешова (Эрмитаж).

³ Определение В.Н. Седых (СПбГУ).

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников ФГУП «ВСЕГЕИ» В.А. Крупеника, В.Ф. Сапегу, А.В. Терехова и Л.И. Лукьянову за помощь в определении материалов из раскопок.

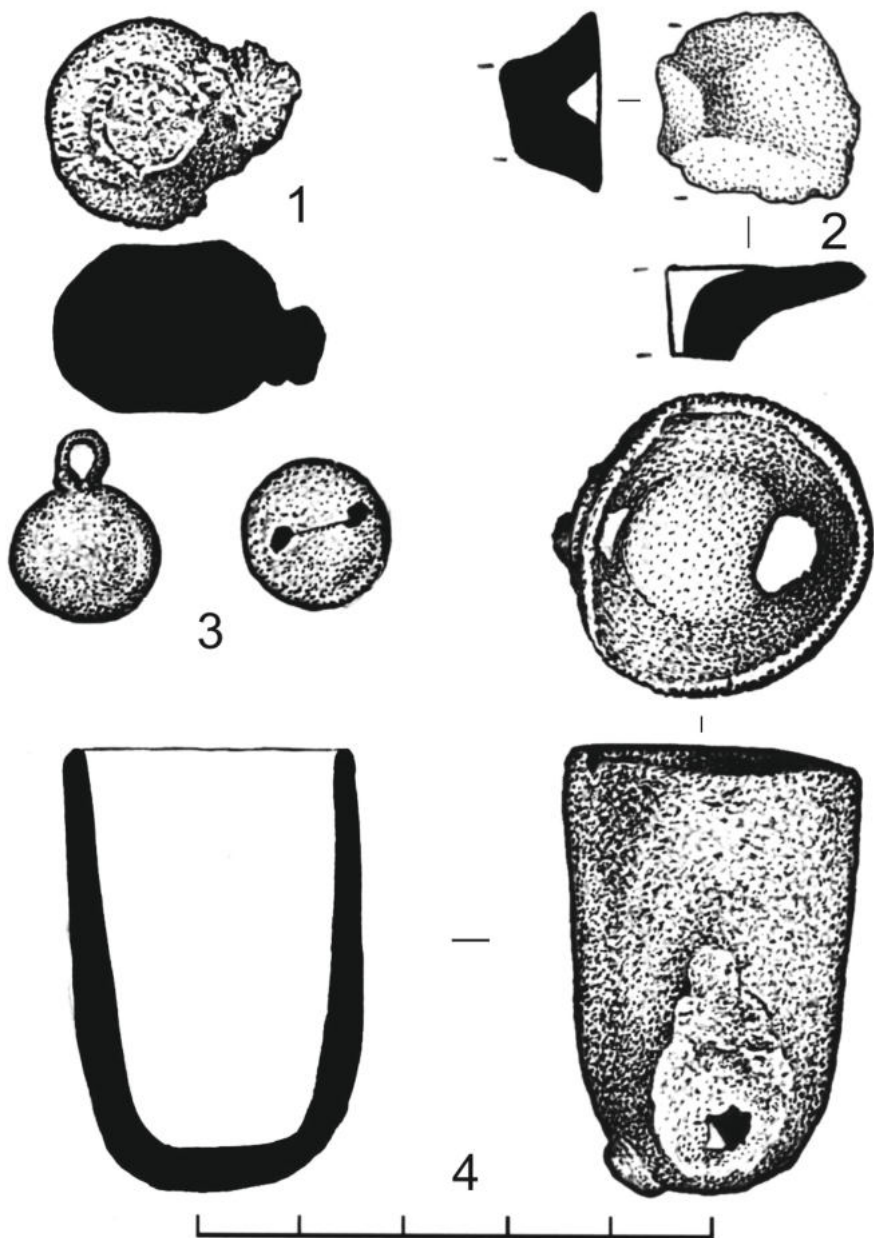

Рис. 2. Находки, связанные с производственным комплексом.
 1 – гирька весовая, бочковидная (медный сплав, железо); 2 – фрагмент наковаленки (железо); 3 – бубенчик (медный сплав); 4 – тигель (керамика).

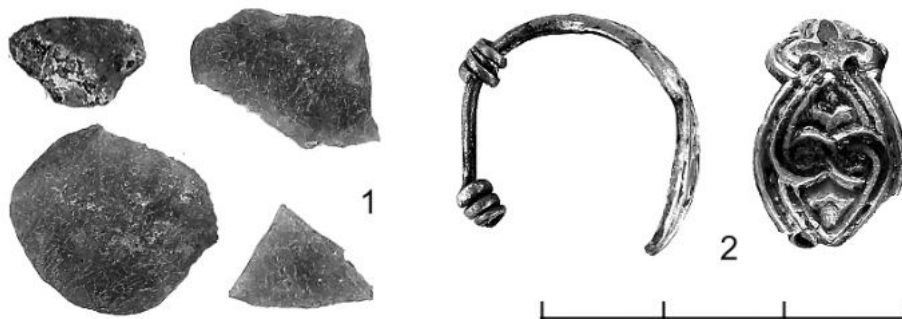

Рис. 3. Находки из слоя черного гумуса. 1 – кусочки янтаря; 2 – перстень. Серебро.

Для определения химического состава (методами ПКСА МАЭС) были выбраны два образца предположительных отходов производства (табл. 1-2). Из полученных результатов видно, что образцы содержат не только большое количество меди, но также олово, и другие металлы, что определяет стадию их образования в процессе получения бронзового сплава (Коновалов, Енисова, Митоян, Сарачева 2008: 125 и сл.; Минасян 2014: 48 и сл.).

Образец № 3, с поверхности которого были отобраны пробы для рентгеноструктурного анализа, также подвергался в древности температурному воздействию и представлял собой спекшиеся медные окислы, с включениями угля и небольших камешков. Из пробы медной зелени был изготовлен дезориентированный порошковый препарат на стеклянной подложке. Съемка проводилась рентгеновским дифрактометром ДРОН-6, оснащенный рентгеновской

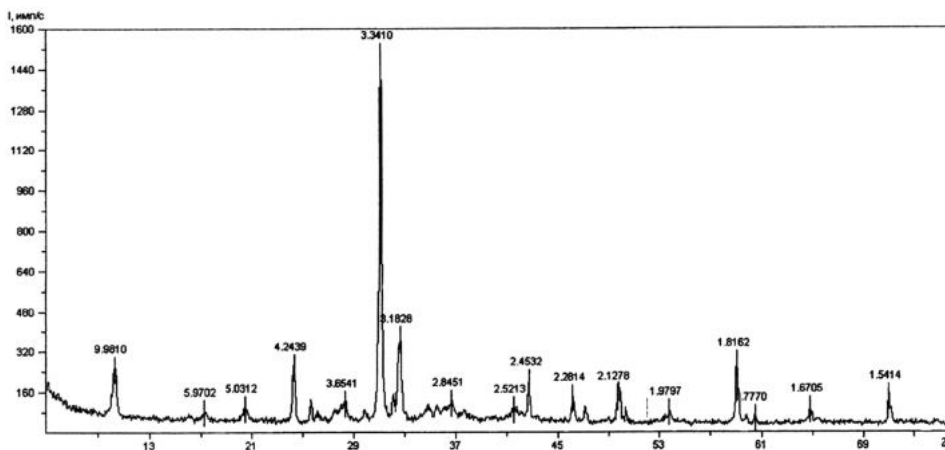

Рис. 4. Дифрактограмма порошкового препарата пробы медной зелени.

Таблица 1

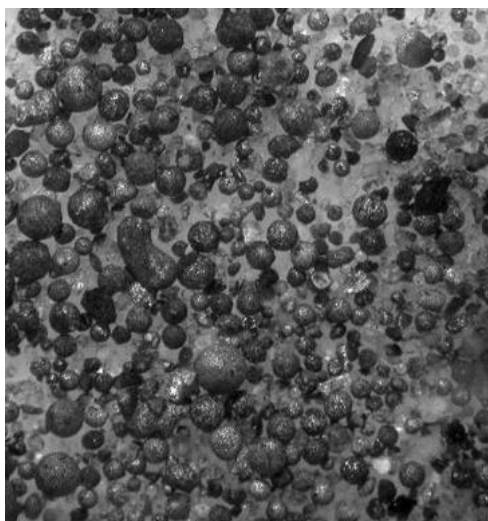
Результаты ПКСА МЛЭС

	SiO ₂ %	Al ₂ O ₃ %	MgO %	CaO %	Fe ₂ O ₃ 0% %	K ₂ O %	Na ₂ O %	P ₂ O ₅ %	Sr %	Ba %	TiO ₂ %	MnO %
Образец 1	39	22	2.95	5.235	7.12	3.245	.736	.4816	.0876	.2725	1.956	.0829
Образец 2	31	5.673	.834	4.06	1.775	1.41	.2275	.721	<.01	.125	.1776	.0812

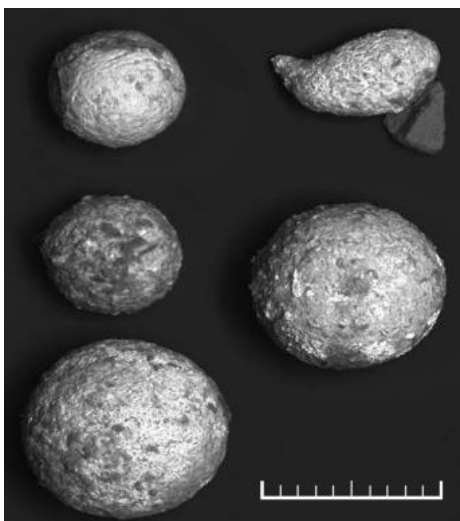
Таблица 2

Результаты ПКСА МЛЭС (окончание)

	V pp m	Cr pp m	Co pp m	Ni pp m	Zr pp m	Hf pp m	Nb pp m	Ta pp m	Sc ppm	Ce ppm	La ppm	Y ppm	Yb ppm	U ppm	Th ppm	Be ppm	Li ppm	W ppm	Mn ppm	Mo ppm	Cu ppm	Pb ppm	Zn ppm	Bi ppm	Sr ppm	Cd ppm	Te ppm	Ag ppm	Ce ppm	Ti ppm	Sb ppm	Ge ppm	Se ppm	B ppm			
Обр.1	83	18	15	16	1	<1	35	<10	6.905	407	179	28	2.1	<30	<100	4.49	<10	4.9	4.86	4.5	2140	244	92	<2	.728	0	<3	.218	25	<10	18	13	1.3	<30	11		
Обр.2	35	30	10	0	0	0	14	0	2.46	60	54	9.14	.71	<300	<100	1.20	80	299	5.1	>3000	0	5	46	283	<5	0	<3	96	6.4	<10	0	100	850	0	1.6	<30	30

Рис. 5. Структура медной зелени с поверхности образца 3 под бинокляром

Рис. 6. Металлические соединения образца 3, отобранные для микрозондового исследования

трубкой с кобальтовым анодом и вторичным графитовым монохроматором с длиной волны $\lambda \approx 1.79021\text{\AA}$ (рис. 4). Обработка дифрактограммы велась при помощи программного пакета PDWin – 4 и международной картотеки JCPDS. Результаты исследования показали в образце присутствие окислов меди (тенорит) и природных сульфидов (кубанита, халькоперита, тетраэдрита), наличие которых свидетельствует о переработке первичного рудного сырья (табл. 3).

Помимо рентгеноструктурного анализа, навеска (30 г) измельченной медной зелени данного образца была отмыта в чашке Петри. Легкие частицы шлака и древесного угля были смыты, а тяжелый шлик исследовался под биноклярной лупой (рис. 5). Шлик составляли минеральные зерна (очевидно кварцевый песок, выделенный и при рентгеноструктурном анализе), а также металлические в своей основе соединения в форме «шариков», диаметром 0,1-0,5 мм. Несколько таких соединений в свою очередь были исследованы методом микрозондового анализа (рис. 6, табл. 4-6).

В составе соединений были определены различные элементы, основными из которых являлись медь и олово (табл. 4-6). Исследовались два соединения, расположенные в верхней части рис. 6. В микропробах установлено, что основным металлическим элементом соединений является медь (табл. 5-6). На поверхности одного из соединений отмечается высокое содержание фосфора (более 5%, см.: табл. 4). Фосфор мог попадать в расплав с измельченными и обожженными костями животных, которые могли применяться при выплавке или купеляции металла в качестве флюса (Енисова, Митоян, 1999: 58).

Образец № 4 представляет собой горную породу (базальт?) с налетом медной зелени. Омеднение присутствует не только на поверхности образца, но и в

Таблица 3

Результаты качественного анализа медной зелени образца 3

Образец	Эталоны									
	1-842	2-1041	7-32	20-554	22-611	22-675	24-213	33-1161	39-246	41-1390
9.974387			10							
7.748854										
6.403897				6.376		6.481				
5.933768				5.912		5.893				5.97
5.032917			5.02							5.04
4.254339						4.225		4.257		
4.035729				4.027						
3.952744			3.973			3.949				
3.874387			3.889	3.854		3.856				
3.772742				3.777		3.792				
3.704752			3.735	3.684	3.7					3.69
3.662605				3.658						
3.47276			3.5	3.483		3.474	3.49			
3.344418			3.351	3.37		3.335		3.342		
3.237839						3.241	3.23			
3.190253			3.208	3.188			3.213			
3.039636	3.03									3.028
2.994099			2.999			3.005	3.001			2.985
2.93313				2.928	2.95	2.946				
2.891994					2.89	2.898				
2.843573				2.84			2.856		2.861	2.861
2.772984		2.76				2.774	2.777			2.781
2.651754				2.637						
2.60997	2.62					2.612			2.597	
2.519385		2.52	2.514		2.53	2.514	2.505		2.513	2.518
2.454513			2.458	2.442		2.463		2.457		2.461
2.426978				2.431		2.42				2.429
2.361941						2.366	2.361			
2.309054		2.3		2.319						2.315
2.281029				2.276		2.278		2.282		2.289
2.235991			2.236	2.244		2.225	2.237	2.237	2.2414	
2.157415			2.149			2.16				2.159
2.12631			2.132	2.125				2.127		2.128
2.103358										
2.0133			2.01			2.017				
1.991323										1.99
1.979758			1.975	1.979		1.98	1.9743	1.9792		
1.955827		1.95				1.964				
1.944092						1.947				1.947
1.855085	1.86	1.85		1.849	1.86	1.859	1.8615			1.855
1.816952				1.82	1.81			1.8179		1.821

Примечание: окно поиска $\Delta 2\Theta = 0,25$; число линий для поиска = 3 (из 5); подходящих карточек (после поиска) – 2843;Параметры сравнения: $g = 0,5$, $T = 0,3$.

Таблица 4

Результаты исследования микронзондом серой поверхности металлического соединения образца 3 (рис. 6, верхний справа)

Elmt	Spect. Type	Element%	Atomic %
O K	ED	33.94	71.15
Si K	ED	0.43	0.52
P K	ED	5.03	5.45
Fe K	ED	3.62	2.17
Cu K	ED	21.22	11.20
Sn L	ED	30.88	8.73
Pb L	ED	4.87	0.79
Total		100.00	100.00

Таблица 5

Результаты исследований микронзондом структуры металлического соединения образца 3 (рис. 6, верхний справа)

Elmt	Spect. Type	Element %	Atomic %
CuK	ED	72.19	82.90
SnL	ED	27.81	17.10
Total		100.00	100.00

Таблица № 6

Результаты исследований микронзондом структуры металлического соединения образца 3 (рис. 6, верхний слева)

Elmt	Spect. Type	Element %	Atomic %
SK	ED	6.13	12.16
CuK	ED	80.70	80.78
SnL	ED	13.18	7.06
Total		100.00	100.00

естественных трещинах породы, что позволило предварительно сделать заключение об их первичном характере⁵.

Совокупность результатов аналитической работы позволяет говорить, что при раскопках 2014 г. впервые на территории севера-запада были исследованы остатки местного бронзолитейного производства, а представленные материалы отражают определенные стадии выплавки бронзы из природных медных и оловянных руд.

Природные медные руды обычно в своем составе содержат сульфиды (медный колчедан или халькопирит CuFeS_2), оксиды (куприт Cu_2O , тенорит CuO) или гидрокарбонаты (малахит CuCO_3 , гидроксид меди CuOH_2). Их наличие было определено рентгеноструктурным анализом образца № 3 (рис. 4; табл. 3). Вероятно, исследованные образцы следует считать отходами одностадийной выплавки бронзы.

---

⁵ На время написания статьи результаты исследования образца № 4 еще не были получены, но предполагается, что он является образцом естественной рудоносной породы местного происхождения. При отборе проб было определено, что некрупные фрагменты подобных базальтов присутствуют в слое повсеместно, что может являться отражением первой фазы обработки руды – ее дроблением перед первичным обжигом

Несмотря на то, что в остатках содержится большое количество металла, они не были востребованы. Средневековый мастер не умел или не посчитал нужным проводить их вторичную переработку.

Согласно существующим современным способам обработки металла, при последующей температурной обработке, сера, являющаяся нежелательной примесью, удаляется из расплава при нагревании в газообразном состоянии. При ее окислении, в процессе горения древесного угля, медь и олово восстанавливаются и, сплавляясь, дают конечный продукт – бронзу. Присутствующий в плавильной шихте фосфор (определенный в одном из соединений, см.: табл. 4) должен способствовать удалению вредных примесей и улучшать жидкотекучесть расплава. Сульфиды меди и железа, сплавляясь между собой, образуют первичный медный штейн, а силикаты железа, забирая другие оксидные соединения, выпадают в стекловидный губчатый шлак. В дальнейшем медный штейн сплавляется с различными легирующими элементами для получения конечных сплавов с различными механическими, физическими и химическими свойствами.

Комплекс, представленный в раскопе 2014 г., не исследован до конца, и на данный момент не выявлено никаких следов плавильного сооружения. Однако подобные сооружения на территории крепости уже известны. При раскопках 1957 г. в юго-западной части крепостного двора был частично вскрыт комплекс, связанный с обработкой железа и бронзы, в составе которого было обнаружено более 3,3 кг кузнечного шлака, фрагменты тиглей со следами бронзы на внутренних стенках, фрагменты стенок разрушенного горна и слесарный инструмент – напильник, шило, резец и др. (Корзухина 1961). В целом, вскрытые напластования, лежащие непосредственно на материке, Г.Ф. Корзухина по аналогии с находками и керамикой Земляного городища отнесла к X в. (горизонт Д).

Таким образом, в ходе работ 2014 г. были исследованы следы металлоперерабатывающего комплекса, связанного с переработкой местного рудного сырья, который относится к середине – второй половине XI в. Вместе с результатами исследований середины XX в. эти данные свидетельствуют об устойчивости сохранения производственных традиций на территории мыса, по крайней мере в течение двух веков, предшествующих строительству церкви Георгия.

Литература

Ениосова, Митоян 1999 — *Ениосова Н.В., Митоян Р.А.* Тигли Гнёздовского поселения // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 111. М. 1999.

Коновалов, Ениосова, Митоян, Сарачева 2008 — *Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М. 2008.

Корзухина 1961 — *Корзухина Г.Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладого (по археологическим данным) // Советская археология. № 3. 1961.

Минасян 2014 — *Минасян Р.С.* Металлообработка в древности и средневековье. СПб. 2014.

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОВ 3 – 5 НА ЗЕМЛЯНОМ ГОРОДИЩЕ СТАРОЙ ЛАДОГИ (1999 – 2013 гг.)

В 1999 – 2013 гг. Староладожская экспедиция ИИМК РАН проводила раскопки в южной части Земляного городища Старой Ладogi. Три раскопа (№ 3 – 5) охватили площадь в 566 кв. м на южной стороне бастионных укреплений, частично прорезая насыпь куртины. Раскоп № 3 площадью 132 кв.м (11 x 12 м) изучен за 6 полевых сезонов (1999 – 2005 гг.), раскоп № 4 площадью 306 кв.м изучался 5 сезонов (2006 – 2010 гг.), а раскоп № 5 площадью 128 кв.м исследован в 2011 – 2013 гг. Мощность культурных отложений составила более 3 м у северного края раскопов и более 2 м – у их южного края. Нижние слои на всех раскопах сложены бурым гумусом с включением навоза и щепы, в которых хорошо сохраняются органические материалы. Эти слои перекрывали напластования древнерусского времени, сложенные сухим черным и серым гумусом. Выше них лежали сухие слои эпохи московского царства и оплывшая южная стенка земляной куртины.

Кожаные предметы на всех раскопах найдены только в самых нижних отложениях, в слоях насыщенных навозом и древесными остатками, а также в ямах, открытых с уровня нижних горизонтов (см.: Приложение)

Состав находок. На раскопе № 3 один предмет (кожаные ножны) найден в 2002 г. (рис. 1). Данные за 2003 г. отсутствуют. В 2004 г. найдены 42 предмета (рис. 2), из которых 29 определимы: 1 деталь кошелька, 10 деталей верха обуви, 4 завязки, 1 заплата, 2 подошвы, 4 обрезка (?). В 2005 г. на раскопе найдены 19 кожаных деталей и обрезков в слое и 3 предмета – в материковых ямах; большинство находок – это детали верха мягкой обуви типа туфель или низких (?) башмаков, принадлежащие конструкциям с отдельными верхом и подошвой (рис. 3). Крупные детали верха обуви сходны с определимыми моделями, найденными на Земляном городище в раскопах прежних лет. Кроме обуви в коллекции определены чехол для ножа, заготовка неопределимой детали, обрезки от первичного (3) и вторичного (1) края, в том числе – один обрезок с края кожаного листа. Кроме этого, имеется один комок кожи, заварившейся при попадании на горячий предмет и крупный (22 x 27 см) кусок шкуры с шерстью. Всего раскоп № 3 дал 62 кожаных предмета, краткая характеристика которых была предложена ранее (Григорьева, Курбатов 2006: 109 – 117; Курбатов 2006: 63 – 69).

В раскопе № 4 обнаружено 149 кожаных предметов. В 2008 г. найдено 19 предметов, в том числе 11 фрагментированных деталей обуви, 1 прокладка в шов, 1 деталь сумки (?) и 6 обрезков от раскроя (рис. 4). Большая часть предметов найдена в слое, а три предмета – в заполнении постройки № 1. В 2009 г. найдено 68 предметов из кожи и меха, среди них 22 детали обуви (19 деталей верха и 3 – подошв). Кроме обуви имеется также 9 неопределенных деталей, 14 ремешков-завязок, 16 обрезков от раскроя, 3 обрезка шкур, а также чехол для ложки, чехол для ножа, мешочек из меха бобра и мошонка животного (рис. 5 – 7). На плане находки лежат преимущественно по линиям квадратов XII и XIII, с концентрацией по линиям кв.кв. Ж-К и М-О. Также скопление находок отмечено в кв.кв. М, Н – XIX, XX. В 2010 г. собрано 62 предмета из кожи и меха (рис. 8 – 10), в том числе

12 завязок, 16 деталей обуви, 3 обрывка шкуры с мехом, 15 обрезков от раскроя, 6 обрезков с края кожного листа, 3 чехла для ножей и 7 неясных деталей.

На раскопе № 5 в 2012 и 2013 гг. было найдено 85 предметов из кожи, меха и войлока. В 2012 г. отмечены 11 предметов, сконцентрированные в 3-х зонах: кв. П–XVIII-XIX и кв. Р-XIX; кв. С-XVII; кв.кв. П–XIV-XV. Большая часть предметов найдена на глубинах -26 – -45 от условного репера, но в кв. С-XVII две детали верха мягких туфель найдены значительно выше. Четыре находки являются определенно обрезками от раскроя, одна – это кусок недубленной шкуры, на котором сохранилась шерсть, а 7 являются деталями мягкой обуви – 6 деталей верха и 1 подошва (рис. 11).

В 2013 г. найдены 74 предмета из кожи и войлока, большинство в слое на разной глубине, а 3 – в заполнении ям и канавок (рис. 12 – 14). И здесь заметно, что находки тяготеют к определенным квадратам. Меньше всего предметов встречено по линии квадратов «Т», ближних к берегу реки Волхов.

Таблица № 1

Планиграфия предметов из кожи и войлока

Нумерация квадратов	П	Р	С	Т
XII	6	4 (3 в наборе)	1	
XIII	1	1	4	1
XIV	5	2		
XV		9 (2 в наборе)	4 (2 в наборе)	2
XVI	1	2		
XVII	3	2	6	
XVIII	2	1		
XIX	8 (3 в наборе)	4	5 (4 в наборе)	
XX				
Всего:	26	25	20	3

В коллекции выделена 31 деталь обуви, 9 неопределимых деталей, 3 завязки (с узлами и без них), 18 обрезков от раскроя, а также 5 обрезков с края шкуры и 1 кусок меха. Кроме того, имеется одна находка спрессованного животного волоса и два фрагмента войлока. Последние являются накладками одной лопаточки для смоления лодок. Кусок полсти толщиной 1 – 1,3 см был сложен вдвое и, вероятно, набивался на деревянную лопатку. Размеры в сложенном состоянии 11,3 x 9,5 см. На обоих кусках войлока, снаружи, хорошо сохранился деготь, со специфичным запахом и цветом. При очистке находки деготь плохо вымывался из войлока даже при использовании щелочей (хозяйственное мыло). Надо отметить, что на Земляном городище это не первая находка такого рода: в 2012 г. кроме войлока был найден также обрывок ткани, обмазанной дегтем. Такие находки встречены и в раскопе № 4.

В диалектах северо-западных областей России в XX в. сохранилось название инструмента в форме кисти для смоления – *квоч* или *квач* (СРНГ: 162). Название появляется уже в документах XVIII в. в форме *квачь* в значении «кисть, помазок»: «Для покрывания сего (дерева – А.К.) употребляется большая кисть или квачь из самой тонкой щетины, таковая какою конопатят водоходные суда» (СлРЯ XVIII: 28).

Впервые возможное использование деревянных лопаточек для смоления отметил Б.А. Колчин, описывая технику уплотнения стыков между досками обшивки лодок, остатки которых найдены в средневековом Новгороде (Колчин 1968: 62). Позднее, изучая остатки деревянной обшивки судов на Троицком XII раскопе в Новгороде, Г.Е. Дубровин написал, что следы смоления не найдены ни на одной доске обшивки (Дубровин 1999: 130). В дальнейшем он изменил свое мнение, определив в 2004 г. на Никитинском раскопе кисть для смоления лодки (Дубровин, Козлова, Федорук 2005: 26). Подводя итог своей многолетней работе по изучению сухопутного и водного транспорта средневекового Новгорода, Г.Е. Дубровин специально отмечал, что большинство корпусных деталей новгородских судов имеет следы смоления, и поэтому находимые в культурном слое кисти для смоления, иногда называемые факелами, следует связывать с водным транспортом. На всех раскопах в Новгороде он определил 77 деревянных кистей разной формы, в т. ч. в виде лопатки с расширенным рабочим концом, вокруг которого могли оборачивать войлок, ткань или мех, и обвязывать веревкой. В других случаях в лопатке делались отверстия, куда продевалась веревка, крепившая материал, накрученный на лопатку (Дубровин 2000, 1: 91–92). В последние годы такие лопатки найдены в Новгороде, Старой Руссе и Твери (Колосницын 2009: 403; Шуреев 2010: 253; Лапшин 2009: 133).

Сырье. На всех раскопах отмечено сходное кожевенное сырье. Среди определяемых предметов подавляющее большинство составляют кожи мелкого рогатого скота (МРС), тогда как шкуры крупного рогатого скота (КРС) малочисленны. В целом, определение породы животных выполнено более чем для 70% предметов. Как правило, неопределимы только подошвы, тонкие обрезки кожи со следами эксплуатации и уникальные кожевенные детали. Так, в 2008 г. видовой принадлежность не установлена для узкой прокладки в шов, двух обрезков от раскроя и мешочки животного. В то же время последняя находка, а также мешочек из меха бобра из раскопа 2009 г. (рис. 15), расширяют круг археологических аналогов для кожаных предметов.

Отдельные находки кусков выделанной шкуры с шерстью могли быть отходами от раскроя меховой одежды, подобно находке меховой рукавицы из овчины в коллекции из раскопок В.И. Равдоникаса (Оятева 1965, рис. 3, 1; Русь и Балтика 2006: № 55).

Вся кожа достаточно тонкая, не более 1,5 мм, но основная часть предметов имеет толщину 0,8 – 1,0 мм. При этом, даже при малой толщине кожи заметно невысокое качество её *продуба*, поскольку кожа на большинстве находок расслаивается, что можно объяснить слабым продубом внутренних слоев. Большинство находок кож имеют черный цвет *мереи* (внешней стороны) и коричневый цвет *бахтармы* (внутренней стороны), а также глубинных слоев, что может предполагать специальную химическую обработку мереи – тонирование. Черный цвет могли получать *дымлением* кожи над костром – в случае зачернения только лицевой поверхности, или помещением кож в настой ольховой коры – при зачернении и мереи и бахтармы. Дополнительная механическая отделка лицевой поверхности кожи – тиснение «сеточка», встречено только на одном вторичном обрезке кожи.

Коллекции кожи из раскопок разных лет позволяют сделать частные наблюдения. Так, в 2005 г. отмечены визуальные различия в состоянии предметов, найденных в сходных условиях. В сочетании с разной видовой принадлежностью и толщиной кожевенного сырья, это может означать различие в методах выделки кож. Например, кожа чехла для ножа, а также обрезков и деталей верха обуви из шкур МРС – относительно тонкая (0,8 – 1,3 мм), в разной степени расслоившаяся, имеет черный цвет обеих поверхностей и глубинных слоев кожи. От них выгодно отличаются две детали верха обуви, кроеные из более толстой (1,2–1,5 мм) шкуры МРС. Они почти не имеют отслаивания *бахтармы*, сохраняя черный цвет внешних и глубинных слоев кожи

Единственный экземпляр кожи имеет коричневый цвет внутренних слоев, сохраняя черный цвет *мереи* – но только в местах не подверженных стиранию. Кожа сохранила особую эластичность даже после высушивания. В этом случае можно предполагать жировое дубление и последующее дымление кожи. А коричневый цвет внутренних слоев мог получиться из-за связывания танинов с коллагенами шкуры при её длительном нахождении в грунте.

В работе Е.И. Оятевой о древнейших находках кожаных изделий из Старой Ладogi также отмечено расслоение большинства кожаных предметов, однако это наблюдение не соотнесено с микростратиграфией раскопа или с отдельными изделиями. Тем не менее, Е.И. Оятева считает, что слои, более насыщенные щепой и навозом, стали благоприятной средой для сохранения кожаных предметов (Оятева 1965: 43). Многолетние наблюдения за характером находок в разных грунтах, составом предметов и качеством кожевенного сырья позволяют предполагать, что сохранность материала, в большей степени, зависит от методов и качества выделки сырья. Также можно полагать, что в коллекциях с Земляного городища в Старой Ладogi представлены изделия и обрезки, обработанные в разных традициях выделки кож.

Обрезки. В археологических собраниях выделены две группы обрезков: 1) от раскроя новых кож и 2) от деталей использованных предметов. В первой группе выделены обрезки с края кожного листа, а во второй – от разных видов изделий, принадлежность которым устанавливается точно. Результаты оценки крупных собраний обрезков рассмотрены автором на материалах Твери и Пскова (Курбатов 2004: 60–62; 2008а: 212–216).

Ладожская коллекция обрезков кожи из раннесредневековых слоев является «знаковой» для оценки этой группы предметов материальной культуры. Прежде всего, в отличие от других памятников, здесь удивляет очень малое число таких находок в слоях с хорошей сохранностью органических материалов. Например, в раскопе № 3 в 2004 г. найдено всего 8 обрезков кожи, в т. ч. 1 экз. с края кожного листа, 4 – от первичного раскроя деталей и 3 – от вторичного раскроя использованных изделий.

В материалах раскопа № 4 прослежены и другие особенности обрезков. Так, в 2008 г. встречены обрезки с края кожного листа, с остатками неснятого волоса. На них сохраняются прорезы длиной до 2–3 см или мелкие отверстия, отражающие технический прием в процессе обработки шкур (Курбатов 2007: 96). Длинные прорезы вдоль края шкуры уже встречались в ладожской коллекции в раскопках прошлых лет (Курбатов 2008б: 123). Они отмечены и в материалах

раскопа № 5. Такие прорезы свидетельствуют о натягивании шкур на деревянные рамы посредством забивания деревянных шпеньков или подвязывания краев шкуры ремешками. Данный технический прием средневековой выделки кож отмечался западными исследователями в материалах датского Виборга (Koch 1998: fig. 46) и финского Турку (Harjula 2008: 136–137; Курбатов 2014: 357). В первом случае это были обрезки кожи с длинными прорезами вдоль края, а во втором – и остатки деревянных рам.

На одном обрезке из раскопок 2008 г., рядом со сквозным прорезом длиной 2,6 см, сделанным под прямым углом к краю листа, находилась линия утолщения на шкуре от глубокой царапины, заросшей при жизни. В 2013 г. в раскопе № 5 был найден крупный обрезок в форме треугольника с сильно вытянутым углом в виде тонкого ремня. В середине его имелся треугольный вырез, по-видимому, оставленный при удалении прижизненного нароста на шкуре (рис. 14, 31). Такие наросты, находимые в других коллекциях, были результатом откладывания оводом личинок внутри шкуры. Развиваясь в коже, личинки питаются подкожным жиром животного, вызывая постоянный и болезненный зуд. После того, как личинка превратится в насекомое и вылетит, шкура зарастает, но на ней остается крупный нарост – характерный брак кожевенного сырья.

В археологических материалах, на отходах от раскроя кож, в последние годы часто находили прижизненные пороки шкуры, такие как *свищи* – отверстия, проделанные в кожном покрове животного личинкой овода и *болячки-близны* – открытые или зарубцевавшиеся места накожных болезней или механических повреждений кожи. Они зафиксированы в Твери, Свендборге и других городах (Курбатов 2004: 37; Groenman van Waateringe 1988: 73, fig. 6.4.1.).

Изделия. Детали кожаных изделий, и их обрезки, составляют значительную часть ладожской коллекции раннесредневековой кожи. Большинство деталей принадлежит обуви.

В коллекциях из раскопов № 3–5 выделены два вида мягкой обуви – многочастные туфли различных фасонов, которые в работе Е.И. Ояевой названы «башмаками» и обувь одночастного кроя, сопоставимая с позднейшими *поршнями*, которую для раннего средневековья уместнее называть поршневидной обувью.

В коллекции 2004 г. найдены фрагменты 14 туфель, в том числе две подошвы из тонкой кожи, с выворотным основным швом (сшивное соединение деталей подошвы с верхом). От одной сохранился фрагмент носка, а у другой отсутствует пятка. Эта подошва асимметричная, с округлым носком и, возможно, пяткой, предназначена для левой ноги с длиной стопы не менее 24 см. Встречена также одна подметка, из относительно жесткой кожи толщиной 1,5 мм, овальная, с редкими крупными отверстиями вдоль неровного края.

Одиннадцать находок представляют детали верха обуви разных фасонов. Большинство их сохранилось фрагментарно, что затрудняет определение первоначальной формы раскроя. Наиболее полно сохранилась головка мягкой туфли с декоративным швом по продольной оси носка, кроеная из эластичной кожи МРС толщиной до 1,0 мм. На левой стороне головки имелся разрез со швом. Эта деталь указывает на то, что головка была частью туфли на левую стопу, т.к. полуотрезной разрез должен быть на наружной стороне стопы. Этот разрез служил вариантом декора – в него могли вшивать цветную ткань или иной

отделочный материал. Аналогией такому декору может быть разрезной завиток на ладожской туфле, описанной Е.И. Оятевой (Оятева 1965: рис. 1, III). Очевидно, что обувь с декоративными разрезными завитками можно назвать характерной чертой старолadoжской коллекции, в которой выделены завитки трех вариантов – в половину, один и полтора оборота (Курбатов 2008б: 124–126). В 2008 г. были найдены ещё две такие детали (рис. 4, 8).

В 2009 г. встречен набор деталей мягкой туфли с симметричной подошвой, имевшей вытянутую заостренную пятку и несущей выраженные следы износа и эксплуатационного растяжения (рис. 5, 1.1–1.3). На детали верха имелся биспиралевидный декоративный вырез и «глухой» декоративный шов по оси носка. Завиток относится к группе завитков в один оборот. По конструкции и «стилю» деталь почти идентична находке 1947 г. (Курбатов 2008б: 81, рис. 4, 2). Более того, эти два изделия могли быть единой парой обуви, так как верх туфли из раскопа 1947 г. предназначен для правой стопы, а находка 2009 г. скроена для левой стопы. Близкими оказываются и размеры деталей, примерно соответствующие мужской стопе 41 размера по штихмассовой обувной шкале.

Как уже отмечалось, аналогии ладожским разрезным завиткам найдены на ограниченном круге одновременных памятников с побережья южной Балтики – поселениях в Елисенхофе (Hald 1972: fig. 116), Хедебю (Groenman van Waateringe 1984: taf. 6, 5) и Кёльне (Swann 2001: 40). Можно добавить, что головка с разрезным завитком из Елисенхофа, как и ладожская деталь 2004 г. (рис. 2, 1), имеет декоративный шов по оси головки. Подобный шов, захватывающий кожу на внешней поверхности и не выходящий на внутреннюю сторону, кроме серии изделий в Старой Ладого (Курбатов 1997: рис. 1), известен на обуви из разных памятников рубежа I–II тыс. н. э. Балтийского и Северного морей – в Миддельбурге (Hald 1972: fig. 128–134), Рибе (Nielsen 1991: fig. 9), в погребении из Осеберга (Blindheim 1959: fig. 1–2). Дата совершения последнего была уточнена после изучения древесины – 834 г. (Bonde 1994: 138–140). Можно считать, что ложный декоративный шов был характерен в IX–X вв. для всей известной раннесредневековой обуви, в том числе и в Скандинавии (Swann 2001: 48).

Интересный образец верха мягкой туфли найден в 2005 г. (рис. 3, 1). Это высокая боковина, без «головки», закрывавшая лодыжку и низ голени, кроеная из относительно толстой кожи МРС. В средней части её сделаны два длинных горизонтальных прореза, со швами по обеим сторонам. В прорезы могли вшиваться полосы цветной ткани или кожи. Такой декор служит отличием ладожских «башмаков 2-го вида» (Оятева 1965: 46, рис. 1, II). Всего, на раскопах 3–5, отмечено 6 полных деталей башмаков, имевших по 2 или 3 горизонтальных декоративных прореза. Подобные находки встречались и ранее (Курбатов 2008б: 127). Один образец такого башмака найден в 2010 г. (рис. 8, 1). Ещё одна деталь верха с двумя декоративными прорезами найдена в 2012 г. (рис. 11, 1, 4). Данный вид декора обуви находит современное ему изобразительное соответствие на бронзовой панели ворот X в. кафедрального собора в Гнезино, где изображен герцог Богемии, обутый в мягкие туфли с двумя такими прорезами (Slama 2000: Bd. 1, Afb. 301).

У отмеченной выше раскройке верха туфли из раскопа 2005 г. (рис. 3, 1), кроме горизонтальных прорезов есть и другие конструктивные детали: 1) вдоль

первоначального края верха шел ряд сквозных отверстий шва, выполненного в две нити; 2) имеются также три прореза для оборы шириной не более 3 мм; 3) оттянутый верхний угол с отверстием для завязки. Конструктивные детали такого рода встречены на многих старолadoжских изделиях. Подобная же по конструкции обувь широко представлена на европейских поселениях IX–X вв., в том числе в Польше – в Щецине (Kowalska 2003), Гнезно (Rajewski 1939: Rys. 2) и на поселении на озере близ Мястко (Matuszewska-Kola, Kola 1985).

На раскопе № 4 также встречены характерные детали обуви. В 2008 г. найдены два фрагмента подошв, одна из них – с вытянутой и заостренной пяткой. А все 9 деталей верха, несмотря на сильную фрагментарность, можно соотносить с известными видами ладожской обуви. Например, две детали носка мягкой туфли (рис. 4, 4) надо относить обуви симметричного края верха типов IV–VI по Е.И. Оятевой (Оятева 1965: рис. 1). У этих фрагментов заметно различие в ширине, что связано со своеобразным оформлением подъема стопы в симметричных раскройках верха (Курбатов 2008б: 109, 111). В этих видах обуви сшивание двух половин носка предполагает нахождение шва в продольной оси. Однако, полный верх башмака из раскопа 1991 г. (рис. 16) показывает иное (Курбатов 1997: 119, рис. 3). Различным было и оформление верхнего края на подъеме стопы. После сшивания половин носка этот шов на подъеме оказывался заметно смещенным к внешней (?) стороне стопы, что объясняет непонятную ранее асимметрию верхнего края, где на одной половине носка оказывается язычок, а под ним два симметричных ему прореза для ремня-завязки. И язычок, и прорезы, надо полагать, должны находиться на продольной оси пошитой обуви, у подъема стопы, но на раскройке оказываются на одной стороне. Необъяснимость такой асимметрии в раскрое исчезает при реконструкции модели. Шов действительно смещен вбок, а язычок и прорезы оказывались на продольной оси туфли. Фрагменты такой же раскройки найдены в 2009 г. (рис. 5, 6).

Туфля с завитками в раскопе 2009 г. имеет дополнительную треугольную деталь для закрытия передней стороны подъема стопы и голени (рис. 5, 1.3). На детали, по всем краям, нанесен декор из трех полос, в каждой – по три ряда мелких и частых сквозных прорезов, сквозь которые могла продергиваться цветная нить или вальцованная проволока. Аналогичный декор к ладожской коллекции впервые встречен на раскопе 1947 г., также на детали треугольной формы, со следами такой же техники пришивания и варианта шнуровки – через ряд относительно крупных отверстий, несущих следы сминания краев (Курбатов 2008б: 73, рис. 2, 7). Отличием находки из раскопок 1947 г. является использование рядов мелких, частых прорезов вдоль двух сторон детали и отсутствие диагонального ряда прорезов. Детали с таким декором (рис. 2, 6; 11, 5) найдены в 1959, 2004 и 2012 гг. (Курбатов 2008б: 98, 117, рис. 11, 7.2; 22, 6). Другого вида деталь с описанным декором – это полоса обшивки какого-то изделия (обуви?) из раскопок 1950 г. (Курбатов 2008б: 92, рис. 9, 6).

В 2009 г. найдена отдельная головка мягкой обуви с дополнительной нашивной деталью на подъеме (рис. 5, 7), подобная находкам 1949 г. и 1959 г. (Курбатов 2008б, рис. 2, 12; 11, 7).

Одна из деталей верха из раскопок 2009 г. показывает особую конструкцию, ранее условно выделенную в самостоятельный IX вид¹ ладожской обуви. Это туфля с высокими берцами или «воротником», закрывавшая нижнюю часть голени примерно на 12–15 см. Крепление краев «воротника» на голени обеспечивали три язычка с прорезями для кожаных(?) пуговиц (рис. 5, 2.2). Конструктивно близкой к ней деталью среди ладожских находок можно назвать фрагмент верха из коллекции 1959 г., где сохранился один язычок для крепления на пуговице и 3 кожаные пуговицы *in situ* (Курбатов 2008б, рис. 11, 1). Полную реконструкцию обуви можно видеть по находкам в Хедебю и Дорестаде (Groenman van Waateringe 1976: Abb. 3). Эта ладожская находка показывает ещё один тип обуви, ранее известный в Хедебю, и позволяет делать вывод о полном соответствии видов обуви древней Ладogi и Хедебю (Groenman van Waateringe 1984: Abb. 10, 3; Taf. 3, 1; 9, 2). Такое сходство в формах кроя и декора обуви на поселениях в Ладoge и Хедебю позволяет более уверенно говорить о хронологическом и морфологическом единстве в изготовлении обуви.

Интересные детали обуви найдены в раскопе № 5. В 2012 г. найден уникальный для ладожской коллекции верх асимметричного кроя, с разрезом по оси носка и двумя полуотрезными полосами сбоку. Его можно условно выделить в X вид ладожской обуви. Отметим, что все полуотрезные элементы составляют часть единого листа раскройки (рис. 11, 1). Такая манера кроя создавала неудобство при сшивании, но показывает индивидуальность пошива каждой пары обуви в раннем средневековье. Если по общей схеме кроя модель можно относить к виду I, по Е. И. Оятевой, то декоративное оформление в виде полуотрезов сбоку и по оси головки ранее в Ладoge не встречалось. Такой декор является редким и на раннесредневековых памятниках Европы в ареалах Балтийского и Северного морей. Близкими по стилю можно считать находки на норвежских поселениях – в Боргунде (Larsen 1970) и Осло (Swann 2001: 43–44). Хотя в последнем случае остается сомнение о наличии сквозной прорезки в носке, а не «ложного» декоративного шва.

Среди детальнокроеной обуви в 2013 г. встречена модель симметричного кроя верха из одной основной детали (виды IV–V, по Е.И. Оятевой). К ней относятся две части для правого и левого края, фрагмент подошвы и дополнительно пришиваемая деталь на подъеме с левой стороны (рис. 12, 4.1-4). На правой половине сохранилась и завязка – кожаный ремешок шириной 2,5–3 мм и длиной не менее 18 см, продетый сквозь три специальных отверстия на детали. Можно отметить, что края основных деталей верха были частично «заварены» – брошены на горячую поверхность, видимо, уже после расшивки изношенной обуви. Также имеется отдельная деталь верха туфли названных видов (рис. 12, 5). Это левая сторона носка с сохранившимся фрагментом ремня – завязки шириной 0,8 см. Деталь имеет три прорези для ремней размером 7–12 мм и прорез длиной 2,9 см вдоль верхнего края.

Две детали (подошва и верх) представляют набор мягкой низкой туфли иного – асимметричного кроя, соответствующего видам I–III по Е.И. Оятевой. Обувь под

---

¹ Здесь и далее: номера видам обуви присвоены в продолжение нумерации Е.И. Оятевой.

стопу длиной примерно 18,5–19 см (31–32 размеры) использовалась для ношения на правой ноге (рис. 12, 2). Здесь имеется потайной шов вдоль подъема стопы на бахтарме, а также сквозные прорезы неправильной формы для кожаного ремешка-оборы. Ещё две детали представляют части мягкой туфли асимметричного кроя – носок и часть пяточной зоны (рис. 12, 1).

В 2004 г. найдены два фрагмента одночастной раскройки типа поршня, с треугольными вырезами по противоположащим сторонам (условно – носок и пятка), где в углах вырезов сделаны относительно широкие прорезы для кожаной оборы (рис. 2, 7). Подобный крой обуви уже встречался в раскопе 1998 г. (Курбатов 2008б: 126). Впоследствии, в 2010 г. были найдены 8 фрагментов поршневидной обуви с регулярными частыми вертикальными прорезами по длинным боковым сторонам и горизонтальными прорезами на переднем и заднем (?) краях (рис. 8, 6). Последние 4 находки такого рода сделаны на раскопе 2013 г., причем все фрагменты, вероятно, принадлежат к одной паре обуви, разрезанной и выброшенной после использования за пределы дома, на свободный участок двора (рис. 13, 3, 6, 11, 12). Её особенности хорошо видны на сохранившейся части носка. Передние края его сшиты одной толстой нитью через край. Вдоль всего верхнего края носка через каждые 5–6 мм сделаны вертикальные прорезы длиной 12 мм, в которые продевалась *обора* из растительной нити. На одном обрезке сохранился участок края с тачным швом, который может быть методом соединения краев детали регулярным швом (рис. 13, 11). Поршневидная обувь соотносится с выделенными Е. И. Оятевой видами VII и VIII (Оятева 1965: рис. 1).

Бытовые кожаные изделия на раскопах № 3–5 немногочисленны и отражают достаточно небогатый ассортимент. На каждом раскопе найдены серии завязок, отличающиеся от тонких обрезков кожи тем, что имеют одинаковую ширину по всей длине (3–5 мм), скругленные обрезы, затертую поверхность и выраженное продольное растяжение. На некоторых завязках сохраняются узлы разного вида, классифицируемые в терминологии морских узлов (Скрягин 1994). Кроме того, на завязках есть следы перетяжки, остающиеся от длительного сохранения узла, а иногда и следы отверстий на конце завязки, показывающие крепление конца на изделии, который в морской терминологии именуется *коренным концом* (рис. 9, 10).

В 2004 г. найдены 4 отдельных детали. Ещё одна завязка сохранилась на обрезке изделия (?). Но эти предметы могли быть и завязками для обуви (рис. 2, 15, 21, 22, 24, 25). В 2009 г. найдены 14 ремешков-завязок от разных изделий, в том числе – с узлами (рис. 6, 9 12; 7, 1–4, 9–11, 14, 20). Они условно разделяются на две группы: первая имеет относительно аккуратно нарезанные ремешки одинаковой ширины, а вторая – завязки, ширина которых может заметно изменяться на разных участках. Такое различие, видимо, следует отнести на счет квалификации изготовителя. Крепление концов на двух завязках является специфичным для кожаных предметов. В одном случае на расстоянии 3 см от конца в завязке сделан продольный прорез длиной 1,2 см, в который продернут второй конец (рис. 6, 9). Во втором – концы двух завязок скреплялись между собой следующим образом: на концах сделаны продольные прорезы длиной 1–1,2 см, образующие своего рода петли. Сквозь каждый прорез продевается конец другого ремешка (рис. 7, 1). Иного рода узлы соединяют концы других завязок: выделены двойной прямой узел (рис. 6, 10) и неправильный прямой узел (рис. 7, 2). Другие узлы служили для утолщения конца

завязки – с одним простым узлом (рис. 6, 11) и с несколькими простыми узлами – одинарным, двойным и тройным (рис. 6, 12). В 2010 г. также выделено необычно много завязок относительно небольшого общего числа кожаных предметов. Одна завязка с узлом найдена на детали верха обуви (рис. 8, 1), одна на неопределенном обрезке кожи (рис. 9, 6) и 10 – отдельно (рис. 9, 4, 5, 7, 8, 10, 12–16; 10, 2, 13, 23). На раскопе 2013 г. встречены три завязки с узлами и петлями (рис. 13, 15, 20, 21) и две – на деталях обуви (рис. 12, 4, 5).

В 2004 г. найдена подпрямоугольная деталь кошелька размерами 9,5 x 7,5 см, со швами по длинным сторонам (рис. 2, 10). Сшивные отверстия овальные, вытянуты перпендикулярно краям детали, сгруппированы парами, что предполагает сшивание в одну нить сквозным швом «змейка». Нить могла быть растительной или из тонкой полоски кожи. При сшивании деталь складывалась вдвое.

Необычным в коллекции выглядит меховой мешочек с завязкой, размерами в сложенном виде 12,5 x 6 см (рис. 6, 8). Он шит из меха бобра, с жестким и длинным остевым волосом бурого цвета. Концы завязки шириной 2,5 мм, выступающие на 5 см, затянуты неправильным прямым узлом. В соответствии со средневековой терминологией цвет меха «чернокарий»: «[1674] И бобры, и кошлоки черные и чернокарие и карие и рыжие, и лисицы черные и чернобурые и черночеревые» (СлРЯ XI–XVII: 67). Небольшим мешком могла быть и отдельная деталь из раскопа 2008 г. (рис. 4, 5).

В 2005 г. встречен чехол для ножа с оборванными концами (рис. 3, 14). Он кроен из тонкой кожи МРС, сильно расслоившейся, имеющей черный цвет поверхности и глубинных слоев кожи. Боковой шов характерен для использования тонкого кожаного ремешка. Подобные по манере сшивания чехлы находили и ранее (Оятева 1965: 51, рис. 3, 5).

В 2009 г. найден почти целый чехол асимметричного кроя, с боковым швом, длиной 13,4 см и шириной устья 3,1 см. На расстоянии 2,7 см от устья сбоку выступает ушко шириной 1,5 см. Смятость на боковом шве показывает, что строчка выполнена вальцованной металлической проволокой. На сшитом крае заметны два слабо выраженных уступа (рис. 6, 7). Чехлы для ножей, сшиваемые вальцованной металлической нитью, уже встречались в Старой Ладге в 1947 г. (Курбатов 2008б: 71, рис. 3, 7) и описаны Е. И. Оятевой, как имевшие боковой шов с «крупными четырехугольной формы проколами (или вырезами), расположенными на равном расстоянии друг от друга» (Оятева 1965: 51). Подобный чехол для ножа, с широкими поперечными прорезами для металлической (?) ленты, найден в Хедебю, где были и чехлы с небольшими ушками, отступающими от верхнего края (Groenman van Waateringe 1984: taf. 20, 2, 5, 8; 21, 4, 6). Подобные чехлы встречены и на поселении Елисенхоф (Grenander-Nyberg 1985: taf. 63, 2, 4).

Все три чехла из раскопа 2010 г. кроены из одного куска кожи, сложенного вдвое и прошитого сбоку. Один имел на расстоянии 3,0 см от устья выступ, в середине которого сделан V-образный прорез для закрепления ремешка, на котором чехол подвешивался на пояс. Само устье имеет фигурный обрез. От этого чехла сохранилась только верхняя половина, а боковой сквозной шов выполнен относительно толстой нитью (рис. 9, 3). В целом, выступ и фигурный обрез устья, а также качественная прошивка выдают профессиональное изделие.

Второй чехол, сохранившийся почти на всю длину (14,1 см), имел небольшое, слабо выраженное ушко длиной 1,5 см, с прорезом для ремешка. Края раскройки сшиты достаточно небрежно обметочным швом (рис. 9, 2). Третий чехол не имеет бокового выступа или ушка и сшит также «через край» (рис. 9, 1). Чехлы показывают разную манеру пошива, что можно назвать отсутствием устойчивой традиции профессионального изготовления.

В 2009 г. найден чехол для ложки, сохранившийся фрагментарно: оборвана верхняя часть с местом для подвешивания. Из конструктивных особенностей назовем центрально-осевой обметочный шов «через край» и такой же шов на торце (рис. 6, б).

В коллекции имеются также неопределенные изделия. В 2004 г. найдены две идентичные детали, складываемые друг с другом бахтармой и прошитые по краю растительной нитью обметочным швом «через край» (рис. 2, 14). На лицевой детали внешняя сторона (мерея) несколько стерта и несет тонкие неглубокие надрезы, оставленные очень тонким острым предметом. Эти надрезы видны на бахтарме тыльной детали. Форма деталей неправильная каплевидная, с «перехватом» вверху. Тыльная деталь вторично обрезана. Размеры полной «лицевой» детали 10,0 x 4,3 см. Еще один неопределенный предмет – крупный кусок обрезанной кожи, четырехугольной формы размером 14,7 x 14,3 см, с завязкой, найден в 2010 г. (рис. 9, б). В 2010 г. найден небольшой узкий обрезок и тремя тонкими полутрезными полосками (рис. 9, 9), близкий по форме находке в Хедебю (Groenman van Waateringe 1984: Abb. 23).

Заключение. Коллекция кожаных предметов из раскопов № 3–5 на Земляном городище Старой Ладogi расширяет и уточняет наши представления о кожевенном ремесле Северной Руси в эпоху сложения Древнерусского государства. Очевиднее становится связь ремесленной техники и состава продукции поселения на Волхове с широким кругом памятников эпохи викингов в ареалах Балтийского и Северного морей. Наиболее отчетливые связи можно отметить с крупными раннегородскими центрами этого времени, такими как Хедебю, Дорестад, Елисенхоф, Рибе, Миддельбург. Для кожевенной продукции и самого ремесла единство названных центров видно в преобладании тонких кож МРС, в сходных формах низкой обуви и вариантах декора.

Находки последних лет в Старой Ладогe еще более подчеркивают однотипность обувных конструкций и стилей обуви древнейших слоев Старой Ладogi и изделий определенного региона Европы – Ютландии и сопредельных районов в Германии и Польше. По имеющимся археологическим находкам, кожаная обувь Ладogi лучше всего сопоставима с находками на одновременном поселении Хедебю (Ullemeyer 1970; Groenman van Waateringe 1984). Более того, находки последних лет позволяют говорить почти о полном соответствии староладожской раннесредневековой обуви по видам конструкций с обувью из Хедебю.

Малое число находок на раскопах в южной части городища, в целом, соответствует небольшому числу предметов (всего 182), которые были найдены в раскопах 1940-х и 1950-х гг. (Оятева 1965: табл. 1). Это соответствие, видимо, не случайное, а отражает специфику жизнедеятельности на раннем ладожском поселении. Малое количество кожаных предметов вообще, а также их малая

концентрация на единицу площади, показывает слабую, или эпизодическую, интенсивность жизни на поселении. Можно предполагать определенную сезонность жизнедеятельности, усиление которой связано с временным проживанием здесь, в течение какого-то срока, купцов и торговцев.

Вывод о почти полном соответствии ладожской обувной серии конструкциям и фасонам обуви в Хедебю означает, что ладожская обувь была принесена сюда мобильными группами купцов, совершавших регулярные поездки в разные концы Балтики. Именно поэтому ладожская обувь находит многообразные соответствия в формах, стиле и декоре на большом числе раннесредневековых памятников Европы. Но это подводит нас к вопросу о возможности выделения форм местной обуви, не связанной с традициями торговых приморских центров Балтики и Северного моря. Такими, на сегодня, можно считать только однодетальные поршневидные модели обуви, но не все, а только самые простейшие, такие как 8 фрагментов поршневидной обуви с регулярными частыми вертикальными прорезами из раскопок 2010 г. (рис. 8, 6), или носок в раскопе 2013 г., края которого сшиты одной толстой нитью (рис. 13, 11). В то же время другая манера раскроя поршней – с треугольными вырезами по противоположным сторонам – зафиксированная на предметах из раскопок 2004 (рис. 2, 7) и 1998 г., находит себе параллели в материалах из древнейших слоев Волина и в Хедебю (Groenman van Waateringe 1984: Taf. 6, 4; Kowalska 2003: 162, гус. 3, 1).

Очевидно отсутствие на ладожском поселении в VIII–X вв. развитого ремесленного производства кожевенных изделий. Хотя их изготовление на месте подтверждают малочисленные обрезки кожи от первичного и вторичного раскроя, в том числе и обрезки с края кожного листа (напр.: рис. 2, 23), эта деятельность носила характер «домашнего производства» и ограничивалась, преимущественно, ремонтом и перешивом изношенных или порванных изделий, прежде всего – обуви. Данное наблюдение подтверждает вывод В.И. Равдоникаса о домашнем характере кожевенного ремесла Ладоги в ранний период (Равдоникас 1950: 39). При этом раскопки последних лет не отрицают мнение Г.С. Лебедева, видевшего в ладожском поселении аналог североевропейских вигов или, по Г. Янкуну, центров социальной фильтрации, концентрации и перераспределения ценностей в процессе оборота и развития «северной торговли» (Лебедев 2005: 229).

Материалы раскопок последних лет дают некоторое основание для «сужения» хронологического интервала, к которому следует относить кожаные изделия. Это подтверждают полученные для сооружений дендродаты, и комплексы сходных наборов вещей на других поселениях Северной Европы, также датированные естественно-научными методами. Находки деталей обуви и других вещей из раскопок № 3–5, идентичные по конструкции и декору изделиям из раскопок В. И. Равдоникаса, позволяют видеть в них конструкции и моду достаточно ограниченного временного интервала в 40–50 лет, то есть – в пределах двух поколений. В абсолютном значении, вся кожевенная коллекция из древнейших слоев Земляного городища, по нашему мнению, относится ко второй половине IX – началу X вв.

Материалы из раскопок В.П. Петренко на Варяжской улице в 1975–1977 гг. (Петренко 1985: 81 и сл.), относящиеся к первой половине X в. (Черных 1985: 76–79; 1996: 116–118), по нашему мнению, уже имеют черты складывающегося

самостоятельного ремесленного производства того вида, который был характерен для позднейшего древнерусского городского ремесла (Курбатов 2008б: 130).

Материалы раскопок 2009 г. на Земляном городище позволили поставить и методический вопрос, ранее не обсуждаемый. На сегодня остается необъяснимой причина, по которой в ранних слоях сохраняются только кожаные предметы узкого хронологического диапазона, тогда как вещи более раннего и более позднего времени отсутствуют. На первый взгляд, такое положение не поддается объяснению, что ставит под сомнение выводы автора о времени бытования найденных кожаных изделий. Но объективные причины для него можно найти после анализа конкретных историко-культурных ситуаций в средневековых русских городах, раскрываемых по археологическим остаткам.

В археологической литературе существует разделение культурных слоев русских средневековых городов на «влажные», хорошо сохраняющие различные органические материалы и «сухие», где органические материалы сохраняются преимущественно в виде тлена, за исключением кости. В целом, такое разделение правомерно, хотя следует учитывать, что степень сохранности органики и в «сухих», и во «влажных» слоях сильно зависит от конкретного места в топографии древнего города, интенсивности и формы его использования в отдельные исторические отрезки.

В городах, культурный слой которых традиционно считается «сухим», часто встречаются участки пониженного древнего рельефа, где органические материалы сохраняются очень хорошо. Классическим памятником с «сухим» средневековым культурным слоем Ю.Э. Жарнов называл Владимир-на-Клязьме (Жарнов 2003: 49–50). Но в последние годы здесь были открыты обширные площади «влажного» культурного слоя, относящегося и к XIII–XIV вв., и к XVIII–XIX вв. В них часто находят кожаные изделия и следы деятельности кожевенных мастерских (Курбатов 2008в).

Такие наблюдения, отчасти, позволяют представить условия накопления и сохранения органосодержащих слоев в городах с «мокрым» культурным слоем. В первую очередь, надо считать процесс накопления органосодержащих слоев не стабильно постоянным, а соотносимым с короткими временными периодами. Разрывы между такими периодами, в археологическом плане, могут выражаться в узких прослойках песка и глины. Тем не менее, априорно многие археологи предполагают, что плотно лежащие последовательные слои представляют не расчленяемые «узкие» периоды времени, следующие без каких-либо перерывов. Такое положение, как будто, подтверждают материалы раскопок в Новгороде и Пскове. Однако многолетнее комплексное изучение строительной древесины в Новгороде и Пскове, привело исследователей к противоположным результатам.

Диссертационная работа О.А. Тарабардиной 2007 г. была посвящена дендрохронологии средневекового Новгорода по материалам раскопок 1991 – 2005 гг. В ней рассмотрены материалы раскопок, расположенных в различных концах средневекового города. Интересные наблюдения были сделаны на материалы Троицких раскопок в Людином конце. Так, на Троицком XI раскопе отмечены пики строительной активности, определяемые по группировке порубочных дат образцов древесины и показывающие точные даты заготовки древесины и даты строительства (Тарабардина 2007: 10). Выделенные пики

строительной активности имеют и промежуточные периоды различной длительности, связанные со стагнацией жилой и хозяйственной деятельности на исследуемых участках города. Сходные явления отмечены на Троицком XII и на других раскопах (Тарабардина 2007: 11, 20).

Таким образом, изучение средневековой древесины на классическом памятнике со стабильно «влажным» культурным слоем позволяет выделять периоды активизации и стагнации жизнедеятельности на отдельных участках средневекового города. Но в стратиграфии культурного слоя не отмечается прерывистость жизни. Тем не менее, надо понимать, что вещевой комплекс из смежных слоев на таком памятнике может быть разделен по времени бытования на несколько десятилетий. На других памятниках, с более сухим слоем или с большей нестабильностью жизни, хронологические различия вещевых наборов в стратиграфически смыкающихся слоях, могут быть более значительны.

На Земляном городище, в плане этих размышлений, интересным стал 2010 год. Здесь было зафиксировано отчетливое сосредоточение кожаных предметов в заполнении материковых канавок, охватывающих по периметру открытые деревянные постройки. Из общего числа 62-х находок кожи и меха, в канавках определенно находились 49 предметов, включая все 8 фрагментов поршневидной обуви (рис. 8, б). Анализ планиграфии находок показывает такое же распределение кожаных предметов на этом раскопе и в 2009 г. Стратиграфия раскопа показывает, что обводные канавки неоднократно возобновлялись (не менее 3 раз), вместе с перестройкой домов. Данное наблюдение подтвердило высказанное мнение об отнесении всех кожаных предметов на раскопе к сравнительно узкому промежутку времени. Привязку к хронологической шкале дает полученная серия дендродат с построек – это середина – третья четверть IX в. С другой стороны, отнесение к этому же небольшому промежутку времени подтверждается полным сходством моделей обуви с коллекциями предшествующих раскопок (Курбатов 2008б: 130 – 132). Это не только общий вид раскопок и отнесение их к типам ладожской обуви, выделенным Е. И. Оятевой, но и уникальные в своем роде варианты декора в виде горизонтальных прорезов на берцах в районе задника, декоративные разрезы–завитки, декор из вальцованной проволоки. Вместе с общим сходством в видах сырья, качестве его выделки, с общим признаком количественного состава находок хронологический индикатор становится более доказательным.

Еще одним интересным наблюдением является возможность считать все 8 фрагментов поршневидной обуви частями одной пары или даже одного изделия, поскольку все они найдены в верхней части заполнения канавки в кв. Ж-ХII. Это усиливает представление о минимальном числе обуви в слоях, и о выбрасывании рваной или изношенной обуви, вместо её вторичного использования.

Литература

Григорьева, Курбатов 2006 — *Григорьева Н.В., Курбатов А.В.* Кожевенное ремесло в ранней Ладоге по раскопкам 1997 – 2005 гг. // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб. 2006.

Дубровин 1999 — *Дубровин Г.Е.* Судовые детали XIV–XV вв. с Троицкого XII раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород. 1999.

Дубровин 2000 — *Дубровин Г.Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М. 2000.

Дубровин, Козлова, Федорук 2005 — *Дубровин Г.Е., Козлова А.В., Федорук Н.С.* Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Новгород Великий. 2005.

Жарнов 2003 — *Жарнов Ю.Э.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М. 2003.

Колосницын 2009 — *Колосницын П.П.* Деревянные детали сухопутных и водных транспортных средств XI–XII вв. в материалах Борисоглебского раскопа в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Новгород Великий. 2009.

Колчин 1968 — *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. E1-55. М. 1968.

Курбатов 1997 — *Курбатов А.В.* Раннесредневековая обувь Поволховья и вопросы сложения городского ремесла // Древности Поволховья. СПб. 1997.

Курбатов 2004 — *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993 – 1997 гг.). СПб. 2004.

Курбатов 2006 — *Курбатов А.В.* Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VIII – XI вв. по материалам кожевенного ремесла // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. СПб. 2006.

Курбатов 2007 — *Курбатов А.В.* Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб. 2007.

Курбатов 2008а — *Курбатов А.В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. № 3. СПб. 2008.

Курбатов 2008б — *Курбатов А.В.* Начальный период сложения средневекового кожевенного ремесла на Руси // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб. 2008.

Курбатов 2008в — *Курбатов А.В.* 2008в Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2008.

Курбатов 2014 — *Курбатов А.В.* Культура Северной Европы: традиции и приобретения. Рец.: Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeol. Seura, 2008. (AMAF, XV) // Археологические вести. № 20. 2014.

Лапшин 2009 — *Лапшин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993 – 1997 гг.). Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб. 2009.

Лебедев 2005 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. 2005.

Оятева 1965 — *Оятева Е.И.* Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 7. Л. 1965.

Петренко 1985 — *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.

Равдоникас 1950 — *Равдоникас В.И.* Старая Ладога, ч. II // Советская археология. Т. XII. М.; Л. 1950.

Русь и Балтика 2006 — Русь и Балтика в эпоху викингов. Археологические коллекции Государственного Эрмитажа. Каталог выставки Государственного Эрмитажа. СПб. 2006.

Скрягин 1994 — *Скрягин Л.Н.* Морские узлы. 3-е издание. М. 1994

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л. 1977.

СлРЯ XI – XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М. 1980.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10. СПб. 1998.

Тарабардина 2007 — *Тарабардина О.А.* Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991 – 2005 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 2007.

Черных 1985 — *Черных Н.Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука. 1985.

Черных 1996 — *Черных Н.Б.* Дендрохронология и археология. М. 1996.

Шуреев 2010 — *Шуреев А.В.* Новые материалы к классификации судовых деталей из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Новгород Великий. 2010.

Blindheim 1959 — *Blindheim Ch.* Osebergskoene på ny // Viking. XXIII. Oslo. 1959.

Bonde N. — *Bonde N.* 1994 De norske vikingeskibgraves alder // Nationalmuseets Arbejdsmark. 1994. Kobenhavn. 1994.

Grenander-Nyberg 1985 — *Grenander-Nyberg G.* Die Lederfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Studien zur Kustenarchaologie Schliswig-Holsteins, Serie A, Elisenhof. Bd.5. Frankfurt-am-Main. 1985.

Groenman, van Waateringe 1976 — *Groenman, van Waateringe W.* Schuhe aus Wijk bij Duurstede // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. Jaar. 26, Amsterdam. 1976.

Groenman, van Waateringe 1984 — *Groenman, van Waateringe W.* Die Lederfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 21. Neumünster. 1984

Groenman, van Waateringe 1988 — *Groenman, van Waateringe W.* Leather from medieval Svendborg // The archaeology of Svendborg, Denmark. Vol. 5. Odense. 1988

Hald 1972 — *Hald M.* Primitive Shoes. An Archaeological-Ethnological Study Based upon Shoe Finds from the Jutland Peninsula. Publications of the National museum. Archaeological-Historical Series I. Vol. XIII. Kopenhagen. 1972.

Harjula 2008 — *Harjula J.* Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeol. Seura, 2008.

Koch 1998 — *Koch H.D.* Laeder // J.Hjermind, M.Iversen & H.K.Kristensen (eds.) Viborg Søndersø. 1000–1300. Byarkaeologiske undersøgelser 1981 og 1984–85. Jysk Arkaeologisk Selskabs Skrifter, 34. Højbjerg. 1998.

Kowalska 2003 — *Kowalska A.B.* 2003 Początki rzemiosła szewskiego we wczesnośredniowiecznym Wolinie // Res et Fontes. Szczecin 2003.

Larsen 1970 — *Larsen A. J.* Skomaterialet fra utgravningene i Borgund på Sunnmøre 1954–1962 // Årbok for Universitetet i Bergen. Humanistisk serie. N. 1. Oslo. 1970.

Matuszewska-Kola, Kola 1985 — *Matuszewska-Kola W., Kola A.* 1985 Ruchome materiały źródłowe z archeologicznych badań podwodnych reliktyw mostu wczesnośredniowiecznego w Bobocinie koło Miastka, woj. Słupskie, z lat 1977–1983 // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Archeologia XI. Archeologia podwodna* 2. z. 165. 1985.

Nielsen 1991 — *Nielsen I.* The leather finds. Ribe excavations 1970–1976. T. 3. Red. M.Bencard, L.B.Jørgensen, H.B.Madsen. Esbjerg. 1991.

Rajewski 1939 — *Rajewski Z. A.* Gnieźnieńskie wyroby skórzane z okresu wczesnodziejowego // *Gniezno w zaraniu dziejów (od VIII do XIII wieku) w świetle wykopalisk.* Poznan. 1939.

Slama 2000 — *Slama J.* Boleslav I, Boleslav II Und Boleslav III. Europas mitte um 1000. Beitrage zur Geschichte, Kunst und Archaologie, 1. / Hrsg. von A.Wiczorek, H-M. Hinz. Stuttgart. 2000.

Swann 2001 — *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm. 2001.

Ullemeyer 1970 — *Ullemeyer R.* von. Textil- und Lederfunde aus Haithabu // *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu.* B. 4 (1963–1964). Neumünster. 1970.

Приложение

КАТАЛОГ

Рис. 1. Предметы из кожи в раскопах 1997 (2–7), 1998 (8, 9) и 2002 (1)

1 – верх мягкой туфли; отдельная часть, подшитая при ремонте (?), размеры 16,0 x 9,3 см, сложной формы с треугольным вырезом на одной стороне; одна из сторон вторично обрезана, по остальным – точной шов; возле края – разрез длиной 1,7 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0–1,2 мм, черного цвета;

2 – верх мягкой туфли; сохранилась часть носка и боковины, размеры 18,0 x 12,7 см; основной шов – выворотный, с мелкими (0,8 мм) сквозными отверстиями, длина стежков 4–4,5 мм; декор – часть спирального декоративного выреза со швом по краям; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8 мм;

3 – обрезок от раскроя: узкий, вытянутый с заостренными концами, длина 27,7 см, ширина в средней части 1,7 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,1 мм;

4 – обрезок от раскроя: узкий, вытянутый с заостренными концами, длина 13,8 см, ширина максимальная 1,0 см; кожа КРС, плотная, толщина 0,8 мм;

5 – обрезок от раскроя: в форме прямоугольного треугольника, размеры 8,1 x 4,6 см; параллельно короткой стороне – прорез длиной 0,9 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм;

6 – часть верха мягкой туфли; незначительный фрагмент носка (?), размеры 8,0 x 7,5 см; частично сохранился основной шов выворотный, с мелкими сквозными отверстиями, длина стежков 6,5–7,0 мм; кожа КРС, плотная, толщина 0,8 мм, тиснение по мере;

7 – часть верха мягкой туфли для левой ноги; сохранился фрагмент «головки», оборваны два боковых участка с основным швом, длина «головки» 10,8 см, ширина сохранившегося фрагмента 11,5 см; швы основной и на подъеме выворотные, со сквозными отверстиями, длина стежков 3,5–4 мм; декор – один

ряд стежков ложного шва по оси носка, а также спиральный вырез у внешней стороны стопы, края выреза со швами; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8 мм;

8 – поршень:

8.1 – фрагмент пятки и боковины: длина 16,0 см, ширина 6,5 см; на пятке крупные сквозные отверстия для кожаного ремешка, стягивающего край; боковые прорезы для кожаной оборы (шириной 3–3,5 мм) частые – через 2,5–3 мм, ровные, шириной 5 мм; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0–1,2 мм, сильно стерта;

8.2 – часть носка и боковины: длина 29,0 см, ширина 14,1 см; носок овальный, обрезы края выполнены несколькими участками с прямыми краями, на переднем крае серия небольших треугольных вырезов, в образованных полуотрезных язычках прорезы длиной 5 мм для оборы, по бокам переднего края сквозные отверстия шва; кожа аналогична детали 8,1;

9 – чехол для ножа, с центральным швом, длина 14,2 см, ширина устья 3,1 см; шов обметочный «через край» со сквозными отверстиями, длина стежков 3,5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 0,7–0,8 мм.

Рис. 2. Кожаные предметы из раскопок 2004 г.

1 – верх мягкой туфли для левой ноги: сохранилась «головка» с небольшим фрагментом оборванного угла, длина 13,3 см, ширина 15,6 см; основной шов выворотный, длина стежков 7–7,5 мм; декор – линия ложного шва по оси носка, а также овальный разрез на наружной стороне детали; кожа МРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм; № полевой описи (п/о) 798;

2 – верх мягкой туфли: обрезок с остатками основного шва, размеры 20,0 x 11,9 см; основной шов выворотный, длина стежков 10–13 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,1–1,3 мм, меряя черного, внутренняя сторона темно-коричневого цвета; № п/о 650;

3 – верх мягкой туфли: край оборван, размеры 14,8 x 6,3 см; по длинным сторонам тачной и сквозной швы, тачной шов неровный, отверстия заходят на лицевую сторону, сквозной шов – отверстия овальные, 1,2 мм, развернуты перпендикулярно краю (металл. нить?); кожа МРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм; № п/о 661;

4 – неопределенная деталь: сложной формы, размеры 10,3 x 7,7 см, по краям редкие отверстия неправильной формы и прорез длиной 1,4 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм, коричневого цвета; № п/о 644;

5 – два фрагмента верха мягкой туфли, № п/о 783:

5.1 – обрезок с сохранившимся первоначальным краем, размеры 15,3 x 5,8 см, узкий край со сквозными отверстиями выворотного шва, длина стежков 5 мм, по длинной стороне шов частично обрезан; в средней части детали прорез длиной 4,3 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм, меряя черного, а внутренняя сторона коричневого цвета;

5.2 – обрезок со швами, размеры 7,8 x 6,3 см; сохранились швы по двум сторонам, в некоторых отверстиях найдены фрагменты кожаного ремешка шириной 1–1,5 мм; кожа аналогична детали 5.1;

6 – мелкий фрагмент верха мягкой туфли, вид III по Е.И. Ояевой: размеры 4,2 x 1,7 см; сохранился заостренный край детали со швом, отверстия сквозные,

овальные, длина 1,2 мм, длина стежков 5 мм; декор – три ряда мелких частых прорезов для «продёржки»; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм; № п/о 165;

7 – поршень (два фрагмента), № п/о 467:

7.1 – обрезок размером 12,0 x 3,6 см; сохранился первоначальный край с прорезами для оборо; ширина прорезей 3 мм, расстояние между ними 2,5–3 мм; по другим краям отдельные прорезы; кожа МРС, плотная, толщина 0,8 мм, поверхность стерта и потрескалась;

7.2 – половина детали, длина 19,0 см, ширина 6,3 см; на носке и пятке по краю детали – ряд треугольных вырезов, в каждом из оставшихся полуотрезных язычков – по одному прорезу, размеры прорезов под оборо, а также материал аналогичны детали 7,1;

8 – подошва асимметричного края, для левой ноги: носок округлый, пятка оборвана, длина 23,0 см, ширина в пальцах 9,1 см, в задней части 8,0 см; крупные сквозные отверстия (2,5–3 мм) выворотного основного шва, длина стежков 10–11 мм; по продольной оси два круглых отверстия диаметром 2–2,5 мм; кожа расслоилась, сильно стерта под пальцами и пяткой, полностью протерта под большим пальцем стопы; № п/о 452;

9 – заплата: овальной формы, размеры 12,2 x 8,2 см; редкие отверстия шва крупные, длиной 5–6 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм, меряя черного, а внутренняя сторона коричневого цвета, средняя часть детали стерта; № п/о 443;

10 – кошелек: половина детали оборвана, прямоугольной формы, размеры 9,7 x 7,4 см; по длинным сторонам шов «змейка», короткая сторона с первоначальным обрезок – без шва; на поверхности три случайных? мелких прореза; кожа расслоилась, толщина 0,8 мм, коричневого цвета; № п/о 162;

11 – обрезок от раскроя: подпрямоугольный с неровными краями, размеры 10,6 x 6,7 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0–1,1 мм, черного цвета; № п/о 331;

12 – фрагмент пяточной части подошвы: длина 10,0 см, ширина 8,8 см, пятка округлая (?); основной шов выворотный, отверстия сквозные, овальные, 1,2 мм, длина стежков 6,0 мм; кожа стерта, толщина 1,1 мм; № п/о 813;

13 – часть верха мягкой туфли (?): размеры 5,7 x 3,7 см; сохранился первоначальный край со швом, сквозные отверстия шва округлые, 1,0 мм, длина стежков 2,0 мм; кожа КРС, расслоилась; № п/о 372;

14 – две детали неопределенного изделия, № п/о 554:

14.1 – деталь овальной формы, с обрезанным узким краем, размеры 6,5 x 4,0 см; шов вдоль всего края детали обметочный «через край, отверстия сквозные, овальные, длина 1,5–2,0 мм, с остатками растительной нити в них; в средней части детали серия параллельных коротких сквозных прорезов; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм, черного цвета;

14.2 – деталь овальной формы с сужением к одному концу и поперечным расширением у «перехвата», длина 9,8 см, ширина 4,3 см; шов по краю и особенности кожи аналогичны детали 14,1; составляет с ней одно изделие – детали накладывались мереей наружу и соединялись растительной нитью;

15 – завязка на обрезке детали: обрезок детали и кожи сложенной вдвое, размеры 1,9 x 1,2 см, со сквозным прорезом, в который продет конец завязки; завязка длиной 11,5 см и шириной 0,5–0,6 см, имеет расширенный конец с

прорезом, закрепленный на детали, второй конец оборван; кожа МРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, коричневого цвета; № п/о 359;

16 – обрезок от раскроя: подпрямоугольный с оборванной стороной, размеры 7,5 x 2,9 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,7 мм; № п/о 736;

17 – обрезок от раскроя: вытянутый, треугольной формы, размеры 18,1 x 3,7 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, меря затерта и потрескалась; № п/о 239;

18 – обрезок от раскроя: треугольной формы, размеры 10,2 x 2,8 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8 мм; № п/о 498;

19 – обрезок от раскроя: четырехугольный, размеры 9,8 x 4,7 см; кожа КРС, расслоилась, тиснение по мерею; № п/о 456;

20 – обрезок от раскроя: узкий вытянутый, один конец заострен, второй поперечно обрезан; длина 17,5 см, ширина 1,2 см; кожа МРС, плотная, толщина 0,8 мм, черного цвета; № п/о 749;

21 – завязка: длина фрагмента 11,1 см, ширина 0,45 см, один конец вторично обрезан; кожа расслоилась, толщина 0,8–0,9 мм; № п/о 687;

22 – завязка: длина 10,8 см, ширина 0,5 см, оба конца оборваны; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, поверхность и края затерты; № п/о 608;

23 – обрезок от раскроя: с края кожного листа, длина 26,4 см, ширина 4,2 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм; № п/о 309;

24 – завязка: длина 23,0 см, ширина 0,45 см, один конец оборван; кожа КРС, плотная, толщина 1,3 мм, поверхность и края затерты; № п/о 689;

25 – завязка: длина 26,8 см, ширина 0,4–0,45 см, один конец оборван; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, поверхность и края затерты; № п/о 312.

Рис. 3. Кожаные предметы из раскопок 2005 г.

1 – верх мягкой туфли симметричного (?) края: оборван основной шов, длина 35,3 см, ширина 13,4 см; один верхний угол боковины заостренный вытянутый с прорезью для кожаного ремешка, второй – диагонально срезанный; по верхней и частично боковым сторонам сквозные отверстия выворотного шва, на боковой стороне, частично, тачной обметочный шов; по краям детали три одиночных прореза длиной 1,3–1,6 см и парный прорез длиной 0,5 см; декор – два горизонтальных разреза длиной 20,0 и 22,3 см, со швами по всем краям; кожа МРС, плотная, толщина 1,5–2,2 мм, черного цвета; № п/о 117;

2 – верх мягкой туфли: обрезана часть верхнего и бокового краев и основной шов, длина 25,3 см, высота более 12,3 см; из первоначальных сохранились боковые и верхний края с тачным обметочным швом, по нижнему краю три отверстия вторичного шва (ремонт); кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм, черного цвета; № п/о 153;

3 – обрезок детали верха обуви (?): неправильной формы, размеры 15,0 x 9,6 см; три стороны вторично обрезаны, по первоначальному краю шва нет, только отдельная прорезь длиной 7 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм, меря черного, а внутренняя сторона коричневого цвета, эластичная; № п/о 217;

4 – фрагмент верха мягкой туфли: оборвана большая часть, обрезан основной шов, длина 22,0 см, высота детали более 10 см; вдоль верхнего края три парных и

одиночный прорезы для кожаного ремешка, длина прорезов 0,4 и 0,8 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,2–1,5 мм; № п/о 233;

5 – верх мягкой туфли симметричного кроя: длина 21,3 см, высота детали 7,6 см; основной шов оборван, шов по носку наружный выворотный, имеются три параллельных прореза длиной 4–5 мм для кожаного ремешка; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм, черного цвета; № п/о 69;

6 – обрезок верха мягкой туфли: размеры 10,8 x 3,8 см, сохранился участок основного и бокового – выворотных – швов; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм, черного цвета; № п/о 177;

7 – фрагмент верха мягкой туфли: подпрямоугольной формы, размеры 15,0 x 6,4 см; две стороны вторично обрезаны, по первоначальному краю одна сторона без шва, на другой – тачной обметочный шов; на поверхности серия мелких проколов; кожа КРС, расслоилась, толщина 0,8 мм; № п/о 133;

8 – обрезок верха обуви: узкая и вытянутая, размеры 21,5 x 3,0 см; на участке длиной 5 см сохранился тачной обметочный шов; кожа КРС (?), расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм; № п/о 270;

9 – обрывок детали (?): неправильной формы, размеры 11,0 x 7,5 см, часть края – вторично обрезана; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм, черного цвета; № п/о 220;

10 – два обрезка швов от детали верха мягкой туфли: длина 12,5 см, ширина 0,5 см; основной шов – выворотный, отверстия сквозные, квадратные, размер 0,8–1,0 мм, длина стежков 4 мм; № п/о 191;

11 – обрезок детали (?): узкая полоса, размеры 11,0 x 0,8 см, первоначальный край без шва; кожа МРС, плотная, толщина 1,0–1,1 мм; № п/о 47;

12 – обрезок верха обуви: узкий обрезок верхнего края боковины со швом, размеры 14,5 x 4,0 см; по двум сторонам тачной обметочный шов; кожа МРС (?), расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм; № п/о 212;

13 – обрезок от раскроя: узкий подтреугольный, размеры 10,7 x 1,1 см; кожа КРС (?), расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм; № п/о 224;

14 – Чехол для ножа, с боковым швом: оборваны устье и конец, длина 14,5 см, ширина 4,6 см; прорезы шва равномерные, ширина 3 мм, длина стежков 6 мм; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8 мм, черного цвета; № п/о 26;

15 – обрезок от раскроя (?) или заготовка для чехла ножа: трапецевидной формы, размеры 21,5 x 14,4 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, черного цвета; № п/о 30;

16 – обрезок от раскроя: вытянутой формы, размеры 23,8 x 5,6 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2–1,5 мм, черного цвета; № п/о 66;

17 – обрезок от раскроя, с края кожного листа: неправильной формы, размеры 20,5 x 10,0 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2–1,5 мм, черного цвета; № п/о 95.

Рис. 4. Кожаные предметы из раскопок 2008 г.

1 – кв. 3-ХIV, гл. -64, № п/о 1854: фрагмент подошвы с удлиненной заостренной пяткой; длина 20,4 см, ширина максимальная 10,4 см, в пятке – 8,5 см; основной шов – тачной; кожа КРС (?), расслоилась, толщина 1,5 мм, сильно стерта;

2 – кв. 3-ХІV, гл. -64, № п/о 1854: фрагмент подошвы, размеры 11,0 х 6,7 см; основной шов тачной; кожа МРС (?), расслоилась, толщина 1,5 мм, сильно стерта;

3 – кв. І-ХІІ, гл. -46, п/о № 869: фрагмент детали верха мягкой обуви, размеры 14,4 х 8,5 см; сохранился нижний край с выворотным швом, длина стежков 6,0–6,5 мм; вдоль верхнего края два выреза неправильной формы; кожа МРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, черного цвета; часть единой детали (верха) с №№ 6 и 7;

4 – кв. І-ХІІ, гл. -46, № п/о 869: два обрезка носка детали верха мягкой обуви;

4.1 – размеры 13,1 х 6,4 см; сохранился нижний край с выворотным швом, длина стежков 7,0 мм, а также верхний край с выворотным швом, длина стежков 4,0 мм; кожа МРС, расслаивается, толщина 1,2 мм, черного цвета;

4.2 – размеры 13,0 х 5,5 см; сохранился нижний край с выворотным швом, длина стежков 7,0 мм, а также верхний край с выворотным швом, длина стежков 4,0 мм; кожа МРС, расслаивается, толщина 1,2 мм, черного цвета;

5 – кв. К-ХІІ, гл. -69, № п/о 2007: деталь сумки (?), размеры 18,0 х 10,9 см, оборваны верхний угол и часть нижнего края; форма каплевидная, с поперечно срезанным верхом; по трем сторонам шов сквозной «змейка», мелкие ровные отверстия, длина стежков 3,0 мм, на поперечно срезанном крае – крупные сквозные отверстия и вертикальный прорез, в средней части детали сквозное отверстие чечевицеобразной формы; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, черная снаружи и темно-бурая на срезе;

6 – кв. І-ХІІ, гл. -46, № п/о 869: обрезок детали верха мягкой обуви, размеры 8,0 х 5,7 см; сохранился нижний край с выворотным швом, длина стежков 6,0–6,5 мм, у верхнего края – ряд сквозных параллельных прорезов через 4,5–5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, черного цвета; часть единой детали (верха) с № 3 и 7;

7 – кв. І-ХІІ, гл. -46, № п/о 869: обрезок детали верха мягкой обуви, размеры 7,5 х 5,6 см; сохранилось два края от первоначальной раскройки – без швов, на площади обрезка три сквозных прореза размерами 4–5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, черного цвета; часть единой детали (верха) с № 3 и 6;

8 – кв. 3-ХІV, гл. -64, № п/о 1854: два обрезка детали верха мягкой туфли;

8.1 – размеры 11,5 х 4,1 см; сохранился нижний край с основным швом – выворотным, длина стежков 6,5 мм, а также боковой тачной шов и спиралевидный декоративный разрез с выворотным швом; кожа МРС, плотная, толщина 1,0–1,1 мм;

8.2 – размеры 14,5 х 3,4 см; сохранился нижний край с основным швом – выворотным, длина стежков 6,5 мм, а также боковой тачной шов и спиралевидный декоративный разрез с выворотным швом; кожа МРС, плотная, толщина 1,0–1,1 мм;

9 – кв. І-ХІІІ, гл. -24, № п/о 446: прокладка в шов, оборвана, длина 9,0 см, ширина 0,3 см; по всей длине ряд сквозных отверстий шва «змейка», длина стежков 4,5–5,0 мм; кожа плотная, толщина 1,1 мм;

10 – кв. М-ХVІ, гл. -22, № п/о 1575: обрезок детали верха мягкой обуви, размеры 10,9 х 5,0 см; сохранился небольшой участок первоначального края детали со сквозными отверстиями выворотного шва; кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм, меряя стерта, коричневого цвета;

11 – кв. Е-ХІІІ, гл. -80, № п/о 2314: деталь верха мягкой обуви, верхний край вторично обрезан, половина детали оборвана, размеры 14,1 x 9,2 см; по боковому и нижнему краям мелкие регулярные сквозные отверстия выворотного шва, в средней части более крупные одиночные и парные сквозные прорезы; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0 мм, внутри и снаружи черного цвета;

12 – кв. З-ХІІІ, гл. -82, № п/о 2388: обрезок от раскроя, треугольный, размеры 17,4 x 7,1 см; кожа МРС, новая, плотная, толщина 1,0 мм, черного цвета;

13 – заполнение постройки № 1, кв. М-ХV, гл. -30, № п/о 2011: обрезок от раскроя, неправильной вытянутой формы, размеры 16,5 x 3,5 см; кожа расслоилась, толщина около 1,0 мм, темно-коричневого цвета;

14 – заполнение постройки № 1, кв. М-ХV, гл. -31, № п/о 2049: обрезок с края шкуры, неправильной формы с неровным краем, размеры 9,5 x 1,8 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,1 мм, черного цвета;

15 – заполнение постройки № 1, кв. М-ХV, № п/о 2027: негатив от раскроя, неправильной формы, размеры 14,0 x 2,4 см, торцы оборваны; кожа плотная, толщина 0,7–0,8 мм, меряя стерта, бурого цвета;

16 – кв. І-ХІV, гл. -84, № п/о 2408: обрезок с края шкуры, неправильной формы, размеры 12,2 x 8,5 см; у края полы шкуры поперечный сквозной прорез длиной 2,6 см, рядом – линия утолщения на шкуре от прижизненного заросшего повреждения (царапины?); кожа КРС, плотная, толщина 1,5–2,0 мм, меряя черного цвета;

17 – кв. Ж-ХІV, гл. ±0, разборка бровки, № п/о 1014: мошонка, размеры 5,4 x 4,4; обрезана по всем краям; кожа рыхлая, толщина 1,0 мм, расслаивается, черного цвета.

Рис. 5. Кожаные предметы из раскопок 2009 г.

1 – набор деталей мягкой туфли для левой ноги; кв. Н-ХІХ, гл. -103, № п/о 907:

1.1 – подошва, с заостренными носком и пяткой, длина полная 31,0 см, без язычка на пятке – 26,5 см, ширина в пальцах 10,4 см, в области свода – 8,3 см, в пятке – 7,5 см; основной шов тачной; кожа плотная, толщина 1,5 см, стерта средне;

1.2 – основа верха, асимметричного кроя, закрывала носок и внешнюю сторону стопы, верхняя часть боковины обрезана: длина полная 28,3 см, по оси носка – 13,8 см, ширина на подъеме 17,3 см; основной шов и на подъеме выворотные; декор – двухспиральный вырез, в один оборот, на внешней стороне стопы, по оси носка парные «слепые» отверстия стежков на мерее; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм, темно-коричневого цвета;

1.3 – дополнительная деталь верха: подтреугольной формы, со срезанным углом, размеры 11,0 x 9,2 см; по трем сторонам выворотные швы, на одной – тачной обметочный, здесь же равномерно расположенные крупные отверстия для шнуровки; декор – три полосы с тремя рядами мелких прорезов в каждой полосе, полосы расположены расходящимися лучами; кожа КРС, плотная, толщина 1,5 мм, темно-коричневого цвета;

2.1 – обрезок детали (?), № п/о 12 (отвал): неправильной формы, два края обрезаны, размеры 7,2 x 6,1 см; на сохранившихся краях выворотные швы; кожа МРС, расслоилась, толщина 1.1 мм;

2.2 – верх мягкой высокой туфли, кв. М-ХІХ, гл. -72, № п/о 336: сложной формы, размеры 32,2 x 17,1 см, одна из длинных сторон обрезана, на короткой стороне три вырезных язычка; на длинной стороне и на вырезных язычках, по краю, тачные обметочные швы, на других краях частично сохранились обметочный и выворотный швы, на концах язычков прорези длиной 2,2–2,5 см, на поверхности три прореза длиной 6–7 мм; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,1–1,2 мм;

3 – обрезок детали верха обуви, кв. К-ХХ, гл. -88, № п/о 558: подтреугольной формы, с обрезанной короткой стороной, размеры 9,0 x 4,2 см; на длинных сторонах тачные обметочные швы; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2 мм, следы смятости;

4 – обрезок подошвы, кв. Н-ХІХ, гл. -103, № п/о 907: размеры 9,4 x 3,2 см; основной шов тачной, на поверхности серия прорезов длиной 5 мм; кожа плотная, толщина 1,5 мм, стерта средне;

5 – обрезок подошвы, кв. Н-ХІХ, гл. -103, № п/о 907: размеры 6,0 x 4,4 см; основной шов тачной, поперечный – выворотный; кожа плотная, толщина 1,5–1,8 мм, стерта средне, коричневого цвета;

6 – набор деталей верха мягкой туфли, кв. К-ХІІ, гл. -124, № п/о 1383:

6.1 – основа: симметричная раскройка, сшиваемая концами в носке, обрезан верхний край, размеры 42,5 x 11,0 см; основной шов выворотный, на оси носка – выворотный и тачной обметочный, параллельно основному шву по всей длине сохраняются длинные прорезы – следы вторичного пришивания подошвы кожаными ремешками, на подъеме два крупных прореза для протягивания кожаных ремешков, возле одного с бахтармы следы крепления конца ремешка; кожа МРС, плотная, толщина 1,1–1,2 мм, поверхность темно-коричневого цвета, внутренние слои коричневого цвета;

6.2 – носок, для правой стороны основной детали, размеры 11,5 x 7,4 см; швы и кожа аналогичны основной детали;

7 – набор деталей мягкой обуви, кв. М-ХІІІ, гл. -66, № п/о 213:

7.1 – головка, обрезан и оборван передний край со швом, длина 11,7 см, ширина 13,8 см; передний и боковые швы выворотные, на подъеме – тачной обметочный, вдоль края подъема 5 крупных отверстий, расположенных через равные промежутки, на бахтарме обметочный потайной шов; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,0 – 1,1 мм, черного цвета;

7.2 – обрезок верха, подтреугольной формы, размеры 5,0 x 3,5 см; по одному краю выворотный шов; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0 мм, черного цвета;

7.3 – усилительная накладка, полоса кожи длиной 11,5 см и шириной 1,7 см; по трем краям шов обметочный через край, по четвертой – шов «змейка», вдоль одной стороны 5 крупных отверстий; кожа МРС, плотная, толщина 1,1 мм, темно-коричневого цвета;

8 – фрагменты верха мягкой обуви симметричного кроя, кв. О-ХІІІ, гл. -62, № п/о 746:

8.1 – носок левый, длина 17,0 см, ширина 7,6 см, короткая сторона оборвана; основной шов и на подъеме выворотные; кожа МРС, плотная, толщина 1,3 мм, стерта вдоль основного шва, поверхность черного цвета, внутренние слои коричневого цвета;

8.2 – носок правый, длина 12,3 см, ширина 9,7 см, короткая сторона оборвана; швы аналогичны левому носку, на подъеме широкая прорезь длиной более 6 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,3 мм.

Рис. 6. Кожаные предметы из раскопок 2009 г.

1 – верх мягкой туфли, кв. О-ХV, гл. -68, № п/о 1277: симметричного края, верхний край обрезан, нижний полностью оборван, размеры 27,0 x 7,4 см; на одном конце по верхнему краю сквозные регулярные отверстия сшивного соединения, в средней части у верхнего края, в двух местах парные вертикальные прорезы длиной 1.0 см – для оборы, вдоль нижнего края нерегулярные отверстия – следы ремонта; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,1–1,2 мм, темно-коричневого цвета;

2 – обрезок верха мягкой туфли, кв. К-ХIII, гл. -112, № п/о 1471: максимальные размеры 20,5 x 8,4 см, боковые стороны обрезаны; по нижнему краю основной шов выворотный, кожа вдоль края стерта, здесь же серия сквозных прорезов, параллельных нижнему краю – следы ремонта и подшивания подошвы кожаным ремешком, по верхнему краю ряд мелких отверстий выворотного шва, стежки длиной 3 мм; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм, поверхность черного цвета;

3 – деталь верха обуви, кв. Н-ХII, гл. -109, № п/о 1278: фрагмент геометрически неопределенной формы, два края оборваны, размеры 11,9 x 5,8 см; на двух краях точной обметочный шов; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм, поверхность черного цвета, внутри – коричневого цвета;

4 – деталь неопределенного изделия, кв. Н-ХV, гл. -73, № п/о 1320: фрагмент неправильной формы, три стороны оборваны и обрезаны, размеры 20,9 x 14,0 см; регулярных швов нет, на поверхности парный и одиночный прорезы длиной 0,8–1,1 см и 4 мелких отверстия от сшивного соединения; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм, коричневого цвета;

5 – деталь верха обуви, кв. Н-ХII, гл. -109, № п/о 1278: фрагмент геометрически неопределенной формы, два края оборваны, размеры 19,0 x 8,0 см; на двух краях точной обметочный шов; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм, поверхность черного цвета, внутри – коричневого цвета;

6 – чехол для ложки, фрагмент, кв. И-ХIII, гл. -106, № п/о 1057: оборвана верхняя часть с местом для подвешивания, длина 14,0 см, ширина сверху 3,6 см, внизу 2,4 см; шов центрально-осевой обметочный «через край», торец зашит таким же швом; кожа МРС (?) расслоилась, толщина 0,8 – 1,0 мм, внутренняя поверхность темно-коричневого цвета;

7 – чехол для ножа, кв. К-ХIII, гл. -133, № п/о 1451: оборван участок узкого конца, длина 13,4 см, ширина устья 3,1 см, на расстоянии 2,7 см от устья сбоку выступает ушко шириной 1,5 см; шов боковой, регулярный, сшивание вальцованной металлической нитью (проволокой); на сшитом крае два слабо выраженных уступа; кожа КРС, плотная, толщина 1,0 мм, черного цвета; декор – продольные и поперечные тисненные линии, тиснение слабое;

8 – мешочек меховой с завязкой, кв. М-ХVIII, гл. -86, № п/о 395: мех водяного млекопитающего (бобра), остевой волос жесткий, длинный, бурого цвета, размеры в сложенном виде 12,5 x 6,0 см, завязка шириной 2,5 мм выступает на 5 см, на завязке простой узел; кожа плотная, толщина 1,1 мм;

9 – обрезок детали (?) с завязкой, кв. Н-ХIII, гл. -95, № п/о 1197: подтреугольной формы размерами 7,5 x 2,4 см, в верхнем углу прорез длиной 1,0 см, сквозь который продернута завязка длиной 30,5 см и шириной 0,5 – 0,7 см, на расстоянии 3 см от конца в завязке сделан продольный прорез длиной 1,2 см, в который продернут конец; кожа обрезка и завязки идентичная – МРС, расслоилась, толщина 1,3 мм;

10 – два ремешка-завязки, скрепленные узлом, кв. К-ХVI, гл. -94, № п/о 818: узел двойной прямой, длина ремешков около 12–14 см, ширина 0,5–0,6 см; кожа МРС (?) плотная, толщина 1,3–1,5 мм;

11 – ремешок-завязка с узлом, кв. О-ХII, гл. -101, № п/о 1530: длина 13,3 см, ширина 0,7 см, на расстоянии 2 см от одного конца простой узел; кожа МРС, плотная, толщина 1,1–1,2 мм;

12 – ремешок-завязка с узлами, кв. Ж-ХII, гл. -124, № п/о 1332: длина 16,5 см, ширина ремешка 0,6 см, на ремешке в разных местах 6 узлов – простых, одинарных, двойных и тройных; кожа КРС (?) расслоилась, толщина 1,0 мм, черного цвета.

Рис. 7. Кожаные предметы из раскопок 2009 г.

1 – ремешок-завязка (обора ?) с узлом, кв. Н-ХIХ, гл. -122, № п/о 1573: два ремешка, их концы соединены узлом: на концах имеются продольные прорезы длиной 1,0–1,2 см, сквозь которые продеваются концы соединяемых ремешков; общая длина 40 см, ширина 0,5–0,7 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,1 мм;

2 – два ремешка, связанные узлом, кв. Л-ХХ, гл. -126, № п/о 1612: общая длина 34,5 см, ширина ремешков 0,3 см, выпуск концов из узла 1,2–1,5 см, узел неправильный прямой; кожа плотная, толщина 1,0 мм;

3 – ремешок (завязка ?), кв. Н-ХIХ, гл. -125, № п/о 1682: длина 19,3 см, ширина 3–7 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм;

4 – обрезок от раскроя, кв. Е-ХIУ, гл. -102, № п/о 704: тонкий, длина 14,5 см, ширина 0,3–0,7 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,3–1,5 мм, поверхность черного цвета;

5 – обрезок от раскроя, кв. М-ХХ, гл. -97, № п/о 788: обрезанный край заготовки, длина 27,5 см, ширина 0,3–1,3 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0 мм, поверхность темно-коричневого цвета, внутренние слои коричневого цвета;

6 – обрезок от раскроя, кв. О-ХVIII, гл. -131, № п/о 1701: тонкий, нитевидный, длина 12,5 см, ширина 0,1–0,5 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0 мм;

7 – обрезок от раскроя, кв. Ж-ХII, гл. -113, № п/о 999: вытянутый узкий, длина 14,5 см, ширина 2,0 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, черного цвета;

8 – обрезок от раскроя, кв. М-ХХ, гл. -105, № п/о 935: тонкий, заостренный, длина 19,8 см, ширина 0,9 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм, темно-коричневого цвета;

9 – завязка, кв. Ж-ХII, гл. -129, № п/о 1422: один конец оборван, другой обрезан, длина 15,5 см, ширина 4–5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм;

10 – обрезок от раскроя (завязка ?), кв. Н-ХII, гл. -107, № п/о 1420: тонкий, длина 20,5 см, ширина 0,3–0,7 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, темно-коричневого цвета;

11 – обрезок от раскроя, кв. Ж-ХП, гл. -129, № п/о 1422: тонкий, нитевидный, свернут в кольцо, длина 26,5 см, ширина 2–6 мм; кожа плотная, толщина 1,2 мм;

12 – обрезок от раскроя, кв. З-ХП, гл. -110, № п/о 1142: тонкий, нитевидный, длина 7,6 см, ширина 0,3–0,8 см; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,2–1,3 мм, темно-коричневого цвета;

13 – обрезок от раскроя, кв. Ж-ХП, гл. -140, № п/о 1619: треугольной формы с длинным тонким «хвостиком», размер треугольной части 5,7 x 5,1 см, длина «хвостика» 11,5 см, ширина 1–5 мм; кожа КРС, плотная, толщина 1,1 мм, черного цвета;

14 – обрезок от раскроя, со следами связывания концов, кв. Н-ХП, гл. -100, № п/о 1526: тонкий, длина 29,5 см, ширина 0,4–1,5 см, средняя часть расширена; на обеих половинах следы стягивания кожи при завязывании; кожа КРС, плотная, толщина 1,2 мм;

15 – обрезок от раскроя, кв. О-ХVI, гл. -72, № п/о 1282: четырехугольный с вогнутыми краями, размеры 21,5 x 10,0 см; вдоль одной из сторон легкие надрезы по мере; кожа КРС, расслоилась, толщина 1,3–1,5 мм, черного цвета, тиснение (?)

16 – обрезок детали (?), кв. И-ХП, гл. -124, № п/о 1510: заостренно-вытянутой формы, размеры 10,0 x 2,5 см; на поверхности бессистемно лежащие прорезы длиной 5–7 мм; кожа КРС (?) плотная, толщина 1,3 мм;

17 – обрезок подошвы со швом, кв. М-ХIХ, гл. -102, № п/о 727: четырехугольной формы, размеры 8,7 x 2,4 см; на короткой стороне точной шов; кожа плотная, меря стерта, толщина 1,5–1,7 мм, темно-коричневого цвета;

18 – обрезок от раскроя, кв. М-ХП, гл. -101, № п/о 1444: узкий, длина 8,1 см, ширина 0,9 см, вдоль края – короткие надрезы; кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм, черного цвета, поверхность имеет зеленоваго-желтый налет;

19 – обрезок от раскроя, кв. И-ХП, гл. -98, № п/о 744: неправильной формы, размеры 8,8 x 2,7 см; кожа МРС, расслоилась;

20 – фрагмент ремешка-завязки, кв. М-ХIХ, гл. -76, № п/о 461: длина 5,1 см, ширина 1,3 см; один конец обрезан, второй оборван: возле первого – одиночное отверстие в середине ремешка, возле второго 4 парных отверстия – след пришивания к неопределенной детали; кожа МРС, плотная, толщина 1,3 мм, черного цвета;

21 – обрезок от раскроя, кв. З-ХП, гл. -92, № п/о 797: тонкий, заостренно-вытянутый, длина 8,9 см, ширина 0,8 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм, темно-коричневого цвета;

22 – обрезок от раскроя, кв. Н-ХIХ, гл. -103, № п/о 853: нитевидный, длина 8,2 см, ширина 2,3–3,0 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,1 мм;

23 – обрезок с края кожного листа, кв. Е-ХП, гл. -110, № п/о 1003: пашина, размеры 5,3 x 5,0 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,1 мм, неполная сгонка волоса.

Рис. 8. Детали кожаной обуви из раскопок 2010 г.

1 – набор деталей мягкой обуви, для правой ноги с длиной стопы 24–25 см, кв. К-ХХ, гл. -135, № п/о 288:

1.1 – верх обуви: длина раскройки 47,6 см, ширина 13,5 см; шов по нижнему краю выворотный, со стежками длиной 8 мм, швы на носке, боковой и по верху отворота – выворотные, со стежками длиной 2,5–3 мм; на отвороте в районе задника стопы два горизонтальных декоративных разреза длиной 12,5 см с выворотными швами по краям, подобный декоративный разрез – вертикальный есть на задней части раскройки; завязка сохранилась на задней части раскройки в верхней половине, следы подобной же завязки на переднем углу отворота; на середине высоты раскройки в двух местах имеются парный и единичный вертикальные прорезы длиной 1,1 см – для кожаной оборы; у нижнего края имеется прорез с поддетым ремешком, завязанным узлом – следы ремонта обуви; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,3–1,5 мм;

1.2 – фрагмент подошвы: передняя часть, со скругленным носком, стерта и оборвана вся правая половина, размеры 18,3 x 7,5 см; основной шов тачной; кожа расслоилась, толщина 1,5–2,2 мм;

1.3 – фрагмент подошвы: пяточная часть, заостренная, стерта и оборвана правая половина, аналогичная передней части подошвы;

2 – обрезок детали верха мягкой туфли, кв. И-ХІХ, гл. -137, № п/о 258: сложной формы, с обрезанными вторично краями, сохранилась одна сторона первоначальной раскройки с мелкими сквозными отверстиями нитяного выворотного шва со стежками длиной 2,5–3 мм, в середине детали две пары прорезов длиной 1,4–1,6 см под кожаный ремешок; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,2 мм, меряя черного цвета, бахтарма – темно-коричневого цвета;

3 – деталь подошвы обуви – отдельно пришитая пятка, кв. И-ХІІІ, гл. -137, № п/о 87: полуовальной формы, размеры 10,3 x 6,3 см; по наружному краю сквозные отверстия нитяного выворотного шва со стежками длиной 3,5–4 мм, по внутреннему краю сквозные отверстия нитяного выворотного шва со стежками длиной 7–8 мм; кожа плотная, МРС, толщина 1,1 мм, меряя черного цвета, бахтарма темно-коричневого цвета;

4 – обрезок детали верха обуви, кв. К-ХІХ, гл. -152, № п/о 504: треугольной формы, размеры 5,2 x 3,9 см; по длинным сторонам тачные швы «через край», короткая сторона вторично обрезана; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,1 мм;

5 – два фрагмента верха мягкой туфли, кв. М-ХVІІІ, гл. -146, заполнение канавки № п/о 516:

5.1 – вытянутой прямоугольной формы, торец оборван, размеры 7,9 x 1,5 см; по длинным сторонам сквозные регулярные отверстия нитяного выворотного шва со стежками длиной 3–3,5 мм, по торцу – сквозные отверстия нитяного выворотного шва со стежками длиной 5 мм; кожа плотная, МРС, толщина 1,1 мм;

5.2 – носок детали верха, овальной формы с поперечно срезанным узким краем, размеры 11,4 x 7,5 см; по всем сторонам сквозные регулярные отверстия выворотных швов со стежками разной длины – от 3 до 6 мм; кожа аналогична первой детали;

6.1 – фрагмент поршневидной обуви, кв. Ж-ХІІ, гл. -154, № п/о 213: четырехугольной формы, размеры 8,0 x 6,8 см; сохранились две стороны первоначальной раскройки, вдоль них – регулярные поперечные прорезы длиной 1,0–1,5 см с частотой 0,6–0,9 см, неровные, дополнительно по краю одной

стороны раскройки мелкие сквозные отверстия нитяного шва; кожа расслоилась, КРС, толщина 1,2 мм, средняя часть детали истерта;

6.2 - 6.4 – три фрагмента поршневидной обуви, кв. Ж-ХІІ, гл. -154, № п/о 212:

6.2 – сложной формы, боковая и носочная зоны, размеры 22,0 x 7,3 см; вдоль боковой стороны поперечные прорезы длиной 1,2–1,5 см через 0,5–0,6 см, по переднему краю сквозные отверстия нитяного шва, со складками в носке; кожа расслоилась, КРС, толщина 1,2 мм, снаружи черного цвета, внутри – темно-коричневого цвета;

6.3 – фрагмент боковой стороны с прорезами для оборы, размеры 4,3 x 3,7 см, все характеристики аналогичны большей детали;

6.4 – фрагмент боковой стороны с прорезами для оборы, размеры 3,9 x 3,4 см, все характеристики аналогичны большей детали;

6.5 - 6.6 – два фрагмента поршневидной обуви, кв. Ж-ХІІ, гл. -147, № п/о 196:

6.5 – сложной формы, размеры 14.0x4.4 см; на сохранившемся крае регулярные поперечные прорезы длиной 1.3–1.7 см, через 0,5 см, а также участок со следами шва «через край»; кожа расслоилась, КРС, толщина 1,3 мм, черного цвета;

6.6 – подпрямоугольный, размеры 12,0 x 9,8 см, сохранилось два края, смыкающиеся под прямым углом, вдоль одного края поперечные регулярные прорезы длиной 1,3–1,8 см, через 0,8–1,0 см, вдоль второго края сквозные отверстия нитяного шва, а также ряд продольных прорезов длиной 0,5–0,8 см; кожа расслоилась, КРС, толщина 1,3–1,4 мм, стерта в средней части детали;

6.7 – расслоившийся фрагмент поршневидной обуви, кв. Ж-ХІІ, гл. -154, № п/о 233: сложной формы со вторично обрезанными и оборванными краями; по частично сохранившемуся краю первоначальной раскройки сквозные отверстия нитяного шва, оборван край с частыми поперечными прорезами длиной более 1,0 см, прорезы неровные, через 0,4–0,5 см; кожа расслоилась, черного цвета;

6.8 – фрагмент поршневидной обуви, кв. Ж-ХІІ, гл. -150, № п/о 205: подпрямоугольной формы с оборванными краями, размеры 9,5 x 5,4 см; вдоль одной стороны ряд поперечных прорезов длиной 1,2 см, через 0,4–0,5 см, выполнены неровно, другой край – с небольшими овальными надрезами, в каждом из которых овальное отверстие для нити; кожа расслоилась.

Рис. 9. Различные кожаные изделия из раскопок 2010 г.

1 – чехол для ножа, кв. О-ХХ, гл. -129, № п/о 232: конец оборван, длина 16,9 см, ширина в сложенном виде 3,5 см, ширина устья 2,5 см, максимальное расширение в верхней трети; вдоль длинных сторон регулярные сквозные отверстия обметочного шва «через край», в верхней трети прорез вдоль края длиной 2,2 см и парный прорез длиной 1,6 см на одной половине; кожа частично расслоилась, МРС, толщина 1,2 мм, поверхность черного цвета, внутри – темно-коричневого цвета;

2 – чехол для ножа, кв. И-ХVI, гл. -145, № п/о 486: оборван конец и участок устья, длина 14,3 см, ширина устья 4,3 см, в верхней трети небольшое расширение-ушко длиной 1,5 см выступает на 0,4 см; вдоль длинных сторон шов «через край», в середине ушка вырез размерами 0,7 x 0,3 см, вокруг ушка ряд мелких прорезов для нити; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,3 мм, меряя черного цвета, бахтарма – темно-коричневого цвета;

3 – чехол для ножа, кв. К-ХІХ, гл. -152, № п/о 297: оборван конец, длина 12,9 см, ширина устья 4,6 см, максимальная 5,8 см; чехол раскроен из одной детали, сложенной вдвое, устье фигурно обрезано, у края в верхней части выступ длиной 5,4 см и шириной 1,1 см, в центре выступа вырез в форме острого угла, длина выреза 1,8 см, вдоль края следы нитяного шва – ряд сквозных регулярных отверстий; одна сторона чехла стерта, на ней продольный вторичный разрез; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,0 мм;

4 – завязка с несколькими узлами, кв. К-ХІХ, гл. -145, № п/о 438: из двух ремешков шириной 0,4–0,5 см, соединенных вместе простым узлом, на каждом из концов обоих ремешков имеются узлы и петли – на двух по 1, на других двух – по 2; узлы простые, петли образованы путем продольного разрезания конца ремешка и заворачивания конца к середине детали, в образующиеся при этом две петли должна протягиваться кожаная, деревянная или металлическая палочка или корд, фиксируемый на другой детали; размеры 7,1 x 6,0 см; кожа плотная, МРС, толщина 1,1 мм;

5 – завязка с узлом и петлей, кв. К-ХІХ, гл. -153, № п/о 470: длина 9,2 см, длина петли 2,2 см, ширина ремешка 0,7 см; узел – двойная петля; кожа плотная, МРС, толщина 1,0 мм; 5.А – схема завязывания узла с петлей;

6 – обрезок детали (?) с завязкой, кв. Ж-ХІІ, зачистка стенки раскопа, № п/о 759: четырехугольной формы, размеры 14,7 x 14,3 см, все края вторично обрезаны, на одном крае два разреза в которые продет и закреплен конец завязки; кожа плотная, МРС, толщина 0,8–1,0 мм, в средней части локальная стертость и вторичный разрез;

7 – завязка с узлом и петлей, кв. Л-ХІІ, гл. -146, № п/о 77: ремешок шириной 0,4–0,6 см, общая длина предмета 10,9 см, длина петли 5,4 см, узел простой; кожа плотная, толщина 1,1 мм;

8 – завязка с узлом, кв. О-ХVІІ, гл. -162, № п/о 506: ремешок шириной 0,4–0,5 см с простым узлом на одном конце, второй конец оборван; кожа расслоилась, толщина 1,0 мм;

9 – неопределенная деталь (?), кв. К-ХVІІ, гл. -175, № п/о 661: узкая полоса кожи с тремя продольными разрезами, делящими основную часть детали на четыре тонкие ремешка кожи, скрепленные на концах, общие размеры предмета 7,0 x 1,1 см; кожа плотная, толщина 0,8–1,0 мм;

10 – кожаная рукоять с обрывом места крепления, кв. Н-ХVІІІ, гл. -130, № п/о 382: длина 20,1 см ширина у концов 2,1 см, оба конца имеют следы пришивания на предмете и признаки обрыва при растяжении; кожа плотная, МРС, толщина 1,2–1,3 мм;

11 – фрагмент расслоившейся детали (?), кв. М-ХІХ, гл. -130, № п/о 236: вытянутая, с оборванным краем длинной стороны, размеры 12,0 x 3,1 см; вдоль длинного края мелкие сквозные отверстия нитяного шва, параллельно краю более крупные сквозные сшивные отверстия, также есть единичные отверстия и прорез длиной 1,1 см; кожа расслоилась, толщина 1,0–1,1 мм, меря стерта;

12 – завязка, кв. И-ХІХ, гл. -164, № п/о 574: длина 7,8 см, ширина 0,7 см; первоначальный конец со стреловидным обрезом, второй конец обрезан вторично; кожа плотная, МРС, толщина 0,8–1,0 мм;

13 – завязка, кв. Е-ХІІ, гл. -162, № п/о 343: узкая, длина 19,7 см, ширина 0,5–0,6 см, один конец поперечно срезан, второй оборван; кожа плотная, КРС, толщина 1,3–1,5 мм;

14 – завязка, кв. Н-ХІV, гл. -112, № п/о 392: узкая, длина 24,5 см, ширина 0,7 см, один конец заужен при раскрое, второй оборван; кожа расслоилась, толщина 1,3–1,5 мм, истерт при эксплуатации;

15 – завязка, кв. Л-ХІХ, гл. -139, № п/о 409: узкая, длина 24,7 см, ширина 0,6 см, один конец заужен, второй – поперечно срезан; кожа плотная, толщина 1,1–1,2 мм, заметна стертость от употребления;

16 – завязка, кв. Ж-ХІІ, гл. -140, навоз со щепой, № п/о 125: длина 16,8 см, ширина 0,4 см, концы обрезаны; кожа плотная, МРС, толщина 1,1 мм, края скруглены.

Рис. 10. Кожаные завязки и обрезки из раскопок 2010 г.

1 – обрезок от раскроя, кв. М-ХІХ, гл. -155, заполнение ямы, № п/о 639: узкий, длина 24 см, ширина 0,5–0,6 см; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,1 мм;

2 – завязка, кв. Н-ХІХ, гл. -170, заполнение ямы, № п/о 634: узкая, длина 15,5 см, ширина 0,5–0,6 см, оба конца первичного раскроя – поперечно срезанные; кожа расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм;

3 – обрывок с края кожного листа, кв. К-ХІІІ, гл. 153, № п/о 170: сложной формы, размеры 7,7 x 4,8 см; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,0 мм, черного цвета;

4 – обрезок с края кожного листа, кв. Н-ХІІІ, гл. -122, № п/о 510: подтреугольной формы, размеры 8,5 x 2,5 см; вдоль края продольный разрез длиной 1,1 см; кожа плотная, МРС, толщина 1,1–1,2 мм;

5 – обрезок от раскроя узкий, кв. Л-ХVІІІ, гл. -142, при зачистке камней, № п/о 395: узкий, длина 6,1 см, ширина 0,2–1,0 см; кожа плотная, КРС, толщина 1,1 мм;

6 – обрезок от раскроя узкий, кв. Л-ХVІІІ, гл. -150, № п/о 491: длина 9,1 см, ширина 1,0 см, один конец заострен, другой – поперечно срезан; кожа расслоилась, МРС, толщина 0,8–1,0 мм, темно-коричневого или бурого цвета;

7 – обрезок от раскроя расслоившийся, отвал, № п/о 437: треугольной формы, размеры 9,5 x 6,3 см; кожа расслоилась;

8 – обрезок детали (?), кв. О-ХVІ, гл. -106, № п/о 485: подпрямоугольная форма, две стороны оборваны, две – вторично обрезаны, размеры 11,0 x 5,0 см; кожа расслоилась, МРС (?) признаки воздействия горячей среды;

9 – обрезок с края кожного листа, кв. К-ХІІІ, гл. -151, № п/о 166: сложной формы, размеры 6,6 x 3,4 см; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,0 мм, черного цвета;

10 – обрезок от раскроя, кв. К-ХІІІ, гл. -148, № п/о 141: узкий, длина 25,0 см, ширина 0,5–3,7 см; кожа плотная, МРС, толщина 0,8 мм, черного цвета;

11 – обрезок с края кожного листа, кв. Л-ХVІІІ, гл. -147, № п/о 512: сложной формы, размеры 10,8 x 5,5 см; кожа плотная, МРС, толщина 1,2 мм, черного цвета;

12 – обрезок от раскроя узкий, кв. М-ХХ, зачистка предматерика, № п/о 724: узкий, волнообразной формы, размеры 8,0 x 2,1 см; кожа плотная, МРС, толщина 1,0–1,1 мм;

13 – обрезок от раскроя узкий, кв. М-ХV, гл. -130, навоз на погребенной почве, № п/о 588: узкий, длина 10,1 см, ширина 0,6 см; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,0 мм;

14 – обрезок от раскроя, кв. Л-ХIХ, гл. -142, № п/о 462: сложной формы, размеры 11,6 x 3,8 см; кожа плотная, МРС, толщина 1,2 мм, черного цвета;

15 – обрезок изделия (?), кв. М-ХIИ, гл. -124, № п/о 500: сложной формы, размеры 13,9 x 9,7 см, две стороны вторично обрезаны, третья оборвана; кожа расслоилась, МРС, толщина 0,8–1,0 мм, поверхность не стерта;

16 – обрезок от раскроя, кв. И-ХХ, зачистка стенки, яма 13, № п/о 685: овальной формы с поперечно обрезанным торцом, размеры 6,5 x 4,0 см; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,3 мм;

17 – обрезок от раскроя, расслоился, кв. О-ХV, гл. -101, № п/о 238: в форме прямоугольного треугольника, размеры 9,9 x 7,2 см; кожа расслоилась, толщина 1,2 мм;

18 – обрезок от раскроя, кв. М-ХIХ, гл. -134, № п/о 309: узкий, длина 18,1 см, ширина 0,7–0,8 см, оба конца заострены; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,1 мм;

19 – обрезок с края кожного листа, кв. Н-ХIИ, гл. -123, № п/о 513: подтреугольной формы, размеры 12,9 x 2,3 см, у края продольный разрез длиной 1,1 см; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,2–1,3 мм;

20 – обрезок с края кожного листа, кв. М-ХVИИ, гл. -130, № п/о 296: сложной формы, размеры 25,1 x 9,0 см, края показывают выкраивание деталей, у наружного края два продольных выреза длиной 1,0–1,3 см – следы закрепления расправленной шкуры на жесткой поверхности; кожа плотная, МРС, толщина 1,2–1,3 мм, поверхность черная с мери и темно-коричневая с бахтармы;

21 – обрезок детали (?), кв. О-ХХ, гл. -127, № п/о 279: форма сложная, подпрямоугольная, размеры 5,5 x 4,0 см; в средней части два поперечных выреза длиной 1,5 и 2,0 см; кожа расслоилась, МРС, толщина 1,0 мм, черного цвета;

22 – обрезок от раскроя, кв. К-ХVИ, гл. -152, № п/о 461: длина 17,2 см, ширина 0,5–0,6 см, один конец приострен, второй оборван; кожа расслоилась, КРС (?) толщина 1,1 мм;

23 – завязка узкая, кв. Л-ХIХ, гл. -133, № п/о 311: длина 13,8 см, ширина 2,5 мм, один конец заострен, второй поперечно срезан; кожа плотная, МРС (?) толщина 1,1 мм.

Рис. 11. Кожаные предметы из раскопок 2012 г.

1 – набор деталей мягкой туфли, кв. П-ХV, гл. -45, № п/о 1554:

1.1 – основная деталь верха: асимметричного края, с раздвоенным носком и полуотрезной боковой полосой (такая полуотрезная полоса есть на противоположном конце раскройки); длина детали 42,1 см, ширина наибольшая 15,5 см; основной шов выворотный; шов по оси носка соединяет две половины, выкроенные в одну деталь со всем верхом (надо считать, что он имеет декоративную функцию); швы на носке и переднем отвороте боковины выворотные, отверстия округлые или овальные 0,8–1,0 мм, длина стежков 3–3,5 мм; на противоположном конце раскройки участок с тачным швом – место пришивания дополнительного куска кожи; в средней части ближе к концам

одиночные прорезы: у носка один, на противоположном краю два; ширина прорезов соответственно 1,4 и 0,7 см (это прорезы для ремня-оборы); в верхней половине в середине детали два горизонтальных прореза длиной 10,1 см, на расстоянии 1,8 см друг от друга; по краям прорезов мелкие швы; кожа МРС, толщина 1,2 мм, снаружи черного, изнутри – темно-коричневого цвета; частичное расслоение;

1.2 – дополнительная деталь верха треугольной формы, размеры 7,3 x 2,2 см; по двум сторонам сквозные отверстия выворотного шва, на третьей – тачного; кожа соответствует основной детали верха;

1.3 – подошва. Овальной формы, расширенная в области пальцев (в мышелках), с вытянутым в носке язычком, без сужения в области свода стопы. Общая длина 26,8 см, без язычка 25,0 см, ширина в пальцах 11,5 см, в пятке 7,8 см; широко протерта под пяткой и пальцами. Основной шов – тачной. Кожа истерта, толщина 1,2–1,3 мм, частично расслоена;

2 – деталь верха мягкой туфли, кв. П-XIV, гл. -33, № п/о 1397: раскройка симметричная, ось проходит по пятке; оборваны носок и средняя часть раскройки: длина детали 31,5 см, наибольшая ширина 14,0 см; основной шов выворотный, зигзагообразный, т.е. выполнен одной нитью, отверстия округлые, 0,8–1,0 мм, длина стежков 4 мм; по другим сторонам сквозные отверстия выворотных швов, также сделанных одной нитью; на верхнем углу «боковины» три относительно крупных отверстия – след от протягивания и крепления кожаных ремней, оборачиваемых вокруг щиколотки; кожа МРС, толщина 1,0 мм, частичное расслоение и воздействие горячего воздуха (костер, пожар ?);

3 – деталь верха мягкой туфли, кв. С-XVII, гл. -9, № п/о 772 (2): раскройка симметричная, ось проходит по пятке; длина детали 29,5 см, максимальная ширина 10,0 см; основной шов выворотный, сохранился на концах детали, отверстия 1,5 мм, длина стежков 5,0–5,5 мм; по другим сторонам сквозные отверстия выворотных швов, отверстия 0,8–1,0 мм, длина стежков 3–4 мм; кожа МРС, толщина 1,1 мм, расслоение;

4 – деталь верха мягкой туфли, кв. С-XVII, гл. -9. № п/о 772 (1): асимметричного кроя, ось по пятке, оборваны или обрезаны оба конца; верхняя часть боковин асимметричная; длина раскройки 32,0 см, ширина 13,5 см, основной шов выворотный, сохранился частично; боковые и верхний шов – со сквозными регулярными отверстиями диаметром 0,8 мм, длина стежков 4,0–4,5 мм, в средней части боковин два горизонтальных декоративных разреза длиной 9 см, со швами по краям, отверстия швов диаметром 0,8 мм, длина стежков 3,0–3,5 мм; линии швов накрывает узкая полоса нестертой поверхности кожи; кожа МРС, толщина 1,0 мм, частичное расслоение;

5 – деталь верха мягкой туфли, кв. П-XVIII, гл. -38, № п/о 1566: сложной формы, размеры 11,5 x 8,4 см; кожа МРС, толщина 1,3–1,5 мм, частично расслоилась. По всем сторонам швы: регулярные сквозные отверстия длиной 1,1 мм, длина стежка 4 мм, при сшивании край заворачивался внутрь изделия. По одной стороне шов тачной обметочный, вдоль этого края дополнительный шов – регулярные сквозные отверстия длиной 3 мм, длина стежка 1,5–1,7 см. Декор: три линии коротких и частых прорезов, идущие в трех направлениях – вдоль, поперек

и по диагонали; ширина прорезов 2,5 мм, расстояние между линиями 1 мм, общая ширина «дорожки» 1,1–1,3 см;

6 – обрезок кожи от раскроя; кв. С-ХVII, гл. -37, № п/о 1532: форма – длинный вытянутый обрезок, сужающийся к одному концу; широкий конец скруглен; длина 29,5 см, наибольшая ширина 2,5 см, наименьшая ширина 0,5 см; кожа МРС, толщина 1,0 мм, слабое расслоение;

7 – шкура коровья (?), кв. П-ХIХ, гл. -36, № п/о 1478: шкура с шерстью, толщина 1,5–2,0 мм, бахтарма светло-серого цвета, волос коричневый и темно-коричневый;

8 – три обрезка кожи от раскроя, кв. С-ХVII, гл. -39, № п/о 1543: обрезки тонкие, ширина 3–4 мм, длина 15,7 см, 22,1 см и 7 см; дубленая, из коровьей (?) шкуры, толщина 1,1 мм.

9 – войлочная основа инструмента (лопатки) для смоления лодок, кв. Р-ХIХ, гл. -41, № п/о 1420: обрезок войлочной полсти толщиной 1,0–1,3 см, сложенный вдвое. Размеры в сложенном состоянии 11,3 x 9,5 см. На обеих сторонах наружной поверхности хорошо сохранился продукт перегонки березовой смолы – деготь, имеющий специфический запах и цвет. Плохо вымывается из войлока при использовании щелочных веществ (мыло).

Рис. 12. Детали кожаной обуви из раскопок 2013 г.

1 – набор деталей мягкой туфли:

1.1 – передняя деталь верха мягкой туфли асимметричного кроя, для левой стопы, кв. С-ХV, гл. -75, № п/о 267: головка и часть боковины, длина 26,5 см, ширина 12,8 см, длина головки 12,4 см; основной шов выворотный, длина стежков 7–8 мм; диагональный и верхний шов на боковине – точной обметочный, длина стежков 5–8 мм; боковой шов на головке – точной, длина стежков 4 мм; кожа МРС (?), расслоилась;

1.2 – фрагмент боковины верха мягкой туфли асимметричного кроя, для левой стопы, кв. С-ХV, гл. -75, № п/о 267: верхний и боковой края оборваны, размеры сохранившейся части 13,0 x 5,2 см; основной шов – выворотный, длина стежков 7–8 мм; боковой шов выворотный, длина стежков 4 мм; кожа МРС (?), расслоилась;

2 – набор деталей мягкой туфли:

2.1 – подошва мягкой туфли для правой (?) стопы, кв. П-ХIХ, гл. -72, № п/о 296: оборваны носок и пятка, длина сохранившейся части 17,4 см, ширина в пальцах 6,6 см, в области свода 4,7 см, в пятке 4,2 см; основной шов выворотный, длина стежков 7,0–7,5 мм, в середине детали сквозное круглое отверстие диаметром 1,5 мм; кожа расслоилась;

2.2 – головка верха мягкой туфли для левой стопы, кв. П-ХIХ, гл. -72, № п/о 296: обрезана левая сторона, длина максимальная 9,5 см, по оси подъема 8,4 см, ширина сохранившейся части 12,5 см; основной шов выворотный, длина стежков 8 мм, боковой шов выворотный, сквозные отверстия стежков, длина стежков 4,5–5,0 мм, шов по верхнему краю точной обметочный, длина стежков 4 мм; вдоль верхнего края со стороны бахтармы шов «в подтай», также по верхнему краю крупные сквозные отверстия длиной 4 – 6 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,3 мм, поверхность черная, внутри – темно-коричневого цвета;

3 – передняя часть верха мягкой туфли, для правой стопы, кв. П-ХІХ, гл. -72, № п/о 296: боковина обрезана, общая длина сохранившейся части 23,5 см, длина головки по оси 11,0 см, ширина головки 14,5 см, часть основного шва оборвана; основной шов выворотный, длина стежков 8 мм, шов на подъеме выворотный, длина стежков 5,0 мм; дополнительно вдоль основного шва проходит ряд регулярных сквозных прорезов длиной 5–6 мм, расстояние между ними 2 см; кожа МРС, толщина 1,5 мм, частично расслоилась, вдоль основного шва полоса сильной стертости;

4 – набор деталей мягкой туфли:

4.1 – левая половина верха мягкой туфли симметричного кроя, кв. С-ХІХ, гл. -95, № п/о 451: длина 23,3 см, ширина 11,0 см, правый край детали заварен (А), в носке следы пришивания дополнительной детали; соединение деталей по оси носка – детали соединены «в наклад», шов сквозной вертикальный, длина стежков 2,0 мм; на подъеме – продольный тачной шов, длина стежков 4 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм, снаружи черного, внутри – коричневого цвета;

4.2 – правая половина верха мягкой туфли симметричного кроя, кв. С-ХІХ, гл. -95, № п/о 451: длина 24,2 см, ширина 16,5 см, левый край детали заварен (А), на носке следы пришивания дополнительной детали тачным швом; основной шов и шов по оси носка идентичные левой основной детали верха, на верхнем крае – 4 сквозные прореза для завязки, в три из них продернута сохранившаяся завязка шириной 2–3 мм; имеется откидной клапан верха, вдоль основного шва кожа протерта; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм, снаружи черного, внутри – коричневого цвета;

4.3 – фрагмент подошвы мягкой туфли, кв. С-ХІХ, гл. -95, № п/о 451: основной шов выворотный, длина стежков 8 мм, сохранилась только средняя часть, длина 11,1 см, ширина 7,5 см, в середине сквозное овальное отверстие длиной 2 мм; кожа расслоилась;

4.4 – дополнительная деталь верха для левой половины, кв. С-ХІХ, гл. -95, № п/о 451: подтреугольной формы, размеры 7,8 x 3,3 см, верхний край обрезан; по двум сторонам тачные швы, длина стежков 4 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм;

5 – деталь низкой мягкой обуви, кв. Р-ХІХ, гл. -86, № п/о 415: передняя часть левой половины симметричной раскройки, носок и участок основного шва оборван, длина 24,1 см, 10,7 см; основной шов выворотный, длина стежков 8 мм, передний шов сквозной вертикальный, длина стежков 4–4,5 мм, на заднем крае тачной шов; вдоль верхнего края 4 прореза для оборы, в одном сохранился фрагмент завязки шириной 8 мм; кожа МРС, частично расслоена, толщина 1,5–1,6 мм, темно-коричневого цвета, А – отпечаток кожи на бахтарме;

6 – подошва, найденная в сложенном положении, кв. Р-ХV, гл. -90, № п/о 422: в развороте подошва имеет вытянутую заостренную пятку и оборванный носок, длина не менее 43,6 см, максимальная ширина 10,9 см, ширина в средней части 9,1 см; основной шов выворотный, длина стежков 4,5 мм; кожа МРС, расслоилась;

7 – фрагментарно сохранившаяся подошва, кв. Р-ХV, гл. -90, № п/о 422: оборваны носок и пятка, длина сохранившейся части 17,5 см, ширина максимальная не менее 9,0 см, ширина в средней части 7,4 см; основной шов выворотный, длина стежков 4,5 мм; кожа сильно стерта, расслоилась;

8 – обрезок подошвы, кв. П-ХП, гл. -71, № п/о 183: носок, размеры 13,3 x 5,7 см; основной шов тачной, длина стежков 4–5 мм; кожа плотная, толщина 1,5 мм, стерта под большим пальцем и первыми фалангами пальцев.

Рис. 13. Кожаные изделия из раскопок 2013 г.

1 – подошва для левой стопы, кв. Р-ХП, гл. -76, № п/о 355: с зауженным носком и заостренной пяткой, конец носка оборван; длина полная 28,3 см, без язычка пятки – 26,0 см, ширина в пальцах 8,9 см, в области свода стопы 6,5 см, в пятке 6,3 см; основной шов – выворотный, длина стежков 5–6 мм; кожа плотная, толщина 2,0 мм, локально стерта под большим пальцем, под первыми фалангами пальцев и под пяткой;

2 – подошва, кв. П-ХП, гл. -80, № п/о 414: оборвана пятка и часть боковой стороны, стерта под пальцами, носок приострен, небольшое сужение под сводом стопы; длина 21,7 см, ширина в пальцах 8,8 см; основной шов выворотный, длина стежков 6 мм; кожа стерта и расслоена, толщина 1,1–1,3 мм;

3 – передняя половина поршневидной низкой обуви, кв. Р-ХVII, гл. -76, № п/о 351: найдена в сложенном виде; задняя половина оборвана, длина сохранившейся части 13,1 см, ширина 12,8 см; передний край зашнурован кожаным ремешком обметочным способом; по верхнему краю равномерно расположены перпендикулярные прорезы для оборы, длина 1,0 см, расстояние между ними – 0,4 см; кожа МРС, толщина 1,0 мм, расслоение, черного цвета;

4 – Деталь неопределенного изделия, кв. Р-ХV, гл. -93, № п/о 431: удлиненной формы, с оборванными концами, размеры 16,1 x 5,2 см; на длинных сторонах сквозные отверстия выворотных швов, длина стежков 2,5–3,0 мм; кожа МРС, толщина 1,0 мм, расслоение, снаружи черная, внутри коричневого цвета;

5 – Две части неопределенного изделия:

5.1 – неопределенная деталь, кв. П-ХIV, гл. -50, № п/о 22: полоса длиной 11,0 см и шириной 2,3 см, концы оборваны; по длинным сторонам сквозные отверстия выворотного шва, длина стежков 4,0–4,5 мм; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2 мм;

5.2 – фрагмент неопределенной детали, кв. П-ХIV, гл. -50, № п/о 22: размеры 13,9 см, ширина 2,3 см; по длинной стороне сквозные отверстия выворотного шва, длина стежков 4 мм; кожа МРС, расслоилась, толщина 1,2 мм;

6 – обрезок поршневидной обуви, кв. С-ХVII, гл. -70, № п/о 288: неправильной формы, сохранился внешний край с прорезами для оборы, размеры 12,0 x 7,6 см; передний (?) край обрезан углом, вдоль него перпендикулярно лежат равномерно прорезы для оборы, длина прорезей 1,1–1,5 см, расстояние между ними 4–5 мм; вдоль длинной стороны прорезы редкие; кожа МРС, расслоена, толщина 1,0 мм;

7 – фрагмент неопределенной детали, кв. П-ХIV, гл. -50, № п/о 22: неправильной формы, без швов, с вырезом, размеры 10,8 x 5,7 см; кожа МРС, расслоена, толщина 1,0–1,1 мм;

8 – Деталь верха обуви (?), кв. П-ХIX, гл. -95, № п/о 465: четырехугольной формы, размеры 5,5 x 2,9 см; по двум сторонам – тачные швы, длина стежков 2,5 мм; вдоль третьей длинной стороны – сквозные прорезы и мелкие сшивные отверстия; кожа МРС, толщина 1,0 мм, темно-коричневого цвета;

9 – Набор деталей мягкой туфли:

9.1 – подошва детской обуви для правой стопы, кв. Р-ХII, гл. -71, № п/о 191: оборваны носок и пятка, длина 10,4 см, ширина в пальцах 6,4 см, в пятке 5,9 см; основной шов выворотный, длина стежков 4 мм; кожа плотная, стерта, толщина 1,1 мм, стерта по всей поверхности в анатомическом порядке, протерта под пяткой; А – деревянный шпенек;

9.2 – обрезок детали верха обуви с основным швом, кв. Р-ХII, гл. -71, № п/о 191: размер 6,0 x 2,0 см; основной шов выворотный, длина стежков 4 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм;

9.3 – обрезок детали верха обуви с основным швом, кв. Р-ХII, гл. -71, № п/о 191: размер 5,7 x 1,2 см; основной шов выворотный, длина стежков 4 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм;

10 – фрагмент подошвы, кв. Р-ХV, гл. -87, № п/о 425: носок, длина 10,0, ширина 8,1 см, конец носка оборван; основной шов потайной, очень близко к краю подошвы; кожа толщиной 1,2–1,3 мм, плантарная сторона сильно стерта;

11 – обрезок поршневидной обуви (?), кв. С-ХVII, гл. -70, № п/о 288: один край оборван, неправильной формы, размеры 7,5 x 7,2 см; вдоль длинной стороны ряд перпендикулярных прорезей, длина 0,8–1,4 см, расстояние между ними 5–6 мм; на другой стороне небольшой участок (длина 1,3 см) с тачным швом; кожа МРС (?), расслоилась, толщина 0,8–1,2 мм, средний участок мереи стерт, поверхность черного цвета;

12 – обрезок детали (?), кв. Р-ХIХ, гл. -56, № п/о 57: неправильной овальной формы, размеры 5,6 x 4,4 см; в средней части ряд прорезов длиной 1,2–1,7 см; кожа МРС, плотная, толщина 0,8–1,0 мм;

13 – обрезок вторичного раскроя детали, кв. П-ХIV, гл. -54, № п/о 30: треугольной формы, размеры 10,3 x 7,9 см; по двум сторонам необрезанные участки тачных швов со стежками длиной 5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,0–1,1 мм, снаружи черного, внутри – темно-коричневого цвета;

14 – обрывок детали верха обуви (?), кв. Р-ХV, гл. -90, № п/о 423: два края со швами, размеры 6,5 x 2,4 см; швы выворотные, стежки сквозные, длина 3 мм и 5 мм; кожа МРС, толщина 1,1–1,2 мм, расслоение, черного цвета;

15 – деталь верха обуви, кв. П-ХIХ, гл. -93, № п/о 462: сильно вытянутая, треугольной формы, размеры 18,0 x 2,9 см; по длинным сторонам швы тачной и выворотный, длина стежков 3 мм, по короткой – выворотный с длиной стежков 5 мм; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм;

16 – завязка с тремя узлами, кв. Р-ХV, гл. -90, № п/о 423: длина 17,5 см, ширина 0,5 см; кожа МРС (?), толщина 1,1–1,2 мм, частичное расслоение, поверхность растянута и затерта;

17 – часть детали верха обуви, кв. Р-ХVIII, гл. -130, заполнение рва, № п/о 515: неправильной многоугольной формы, три стороны обрезаны, на двух – тачной обметочный шов; кожа МРС, плотная, толщина 1,0–1,2 мм, темно-коричневого цвета;

18 – деталь верха обуви, кв. Р-ХVI, гл. -88, № п/о 419: неправильной формы, один край оборван, размеры 12,8 x 5,0 см; по длинной стороне сквозные отверстия выворотного шва, длина стежков 8–9 мм, по двум сторонам – сквозные отверстия выворотных швов, стежки длиной 3–4 мм, вдоль оборванного края

мелкие сквозные отверстия сквозного шва, длина стежков 4 мм; кожа МРС (?), расслоение;

19 – дополнительная деталь верха обуви, кв. П-ХІХ, гл. -93, № п/о 462: размеры 13,0 x 2,4 см; по трем сторонам тачные швы, длина стежков 2,5 мм, на поверхности парные сквозные мелкие отверстия от вторичного пришивания; в средней линии три сквозных продольных прореза длиной около 1,3 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм;

20 – ремешок с петлей, кв. С-ХVІІ, гл. -53, № п/о 7: длина в сложенном виде 16,8 см, максимальная ширина ремешка 0,8 см, ширина на конце 0,4 см; кожа МРС, толщина 1,0 мм, расслоение, темно-коричневого цвета;

21 – Два ремешка, связанные неправильным прямым узлом, кв. Т-ХІІІ, гл. -55, № п/о 21: общая длина связки 34,5 см, ширина ремешков 0,4 см, концы заужены, один оборван; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм.

Рис. 14. Кожаные предметы и обрезки из раскопок 2013 г.

1 – обрезок от раскроя, кв. П-ХVІ, гл. -66, № п/о 580: узкая полоса с расширением, распался на три фрагмента, общая длина 24,5 см, максимальная ширина 2,6 см; кожа расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм, меряя стерта;

2 – обрезок от раскроя, кв. С-ХVІІ, гл. -71, № п/о 208: узкая полоса прямоугольной формы, размеры 12,5 x 1,5 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8 мм, снаружи черного, внутри – темно-коричневого цвета;

3 – обрезок от раскроя, кв. Р-ХІІ, гл. -90, № п/о 429: неправильной овально-вытянутой формы, размеры 15,8 x 5,2 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,2–1,3 мм, снаружи черная, внутри – коричневого цвета;

4 – обрезок от раскроя, кв. С-ХІІІ, гл. -74, № п/о 277: узкая полоса, размеры 14,2 x 1,4 см; кожа МРС, толщина 1,0–1,1 мм, расслоение;

5 – обрезок от раскроя, с края шкуры, кв. С-ХVІІ, гл. -72, № п/о 205: размеры 16,2 x 5,1 см; вдоль края 4 прореза разной длины; кожа МРС, толщина 1,2–1,3 мм, расслоение;

6 – обрезок от раскроя, с края шкуры, кв. Р-ХІХ, гл. -92, № п/о 385: размеры 21,3 x 11,3 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,5–1,6 мм, снаружи черного, внутри – темно-коричневого цвета;

7 – обрезок от раскроя, с края шкуры, кв. Р-ХІХ, гл. -93, № п/о 421: неправильной формы, размеры 8,2 x 6,8 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,3 – 1,5 мм, снаружи черная, внутри – темно-коричневого цвета;

8 – обрезок от раскроя, кв. П-ХVІІІ, гл. -81, № п/о 361: четырехгранный, вытянутый, размеры 7,2 x 2,3 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм;

9 – обрезок от раскроя, кв. П-ХІХ, гл. -76, № п/о 329: тонкий, размеры 8,5 x 1,1 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,5 мм, снаружи черного, а внутри – темно-коричневого цвета;

10 – обрезок от раскроя, кв. Р-ХІІІ, гл. -88, № п/о 386: треугольной формы, один край вогнутый, размеры 3,9 x 3,0 см; кожа КРС, плотная, толщина 1,0–1,1 мм, черного цвета;

11 – обрывок уплотненного животного волоса, сложенного вдвое, кв. Р-ХІV, гл. -68, № п/о 137: в развернутом виде размеры 15,2 x 13,0 см, толщина 0,3–0,4 см; поверхность покрыта дегтем; волос светло-коричневый длинный;

12 – обрезок от раскроя, кв. Т-ХV, гл. -72, № п/о 227: неправильной формы, размеры 11,1 x 5,6 см; кожа МРС, расслоилась;

13 – обрезок от раскроя, кв. Т-ХV, гл. -72, № п/о 227: неправильной формы, размеры 7,1 x 5,2 см; кожа МРС, расслоилась;

14.1–14.2 – два обрезка детали (?), кв. С-ХIII, № п/о 28: без швов, половина краев оборвана, размеры 7,0 x 5,5 см и 7,3 x 5,6 см; кожа МРС, расслоилась, толщина 0,8–1,0 мм, меряя стерта;

15 – обрезок от раскроя, кв. С-ХVII, гл. -78, № п/о 343: узкий ремешок размерами 15,5 x 1,7 см; кожа МРС, толщина 1,0 мм, расслоилась;

16 – обрезок от раскроя, кв. Р-ХVII, гл. -86, № п/о 364: вытянутый подтреугольный, размеры 21,3 x 5,3 см; кожа КРС, плотная, толщина 3,0 мм, снаружи черная, внутри – темно-коричневого цвета;

17 – обрезок от вторичного раскроя, кв. С-ХII, гл. -76, № п/о 588: один край оборван, размеры 10,9 x 7,3 см; кожа КРС (?), толщина 1,4–1,5 мм, черного цвета снаружи и внутри;

18 – обрезок от раскроя, с края шкуры, кв. С-ХV, гл. -67, № п/о 173: размеры 20,3 x 5,2 см; параллельно краю шкуры не менее 6 прорезов длиной 0,8–1,1 см; кожа МРС, толщина 1,2 мм;

19 – обрезок от раскроя, кв. С-ХIII, гл. -74, № п/о 274: четырехугольный, неправильной формы, размер 10,4 x 7,9 см; возле угла и в середине по одному отверстию длиной 0,6 см; кожа МРС, толщина 1,1–1,2 мм, частичное расслоение;

20 – обрезок края меховой шкуры, кв. П-ХVII, гл. -97, № п/о 518: неправильной формы, размеры 8,5 x 5,0 см; кожа толщиной 0,5 мм, темно-коричневого цвета; мех с подпушком, волос темно-коричневый, короткий, тонкий;

21.1–21.2 – два куса войлока, кв. П-ХVII, гл. -97, № п/о 518: неправильной формы, размеры 8,5 x 5,0 см и 8,0 x 3,9 см; толщина 3 мм, остатки дегтя на обоих кусках;

22 – Обрезок от раскроя подошвы (?), кв. Р-ХV, гл. -94, № п/о 436;

23 – Обрезок от раскроя, кв. П-ХIII, гл. -98, № п/о 494: узкая полоса, размеры 13,4 x 1,9 см; кожа МРС, толщина 1,0 мм, расслоение;

24 – обрезок от раскроя с края шкуры, кв. П-ХIV, гл. -90, № п/о 434: размеры 15,4 x 3,2 см; кожа МРС, черного цвета, толщина 1,1 мм, расслоение; у внешнего края шкуры 4 перпендикулярных ему прореза длиной 0,8 см, 1,5 см, 3,3 см и один – с неопределимой изначальной длиной;

25 – обрезок от вторичного раскроя с оборванными краями, кв. П-ХVIII, гл. -93, № п/о 511: размеры 19,0 x 10,5 см; кожа МРС, толщина 1,2 мм, меряя стерта;

26 – обрезок от раскроя, с края шкуры, кв. С-ХV, гл. -67, № п/о 173: размеры 10,0 x 4,6 см; параллельно краю шкуры сквозной прорез длиной 1,2 см; кожа МРС, толщина 0,8–1,0 мм, расслоение;

27 – обрезок от раскроя, кв. П-ХIX, гл. -69, № п/о 218: узкая полоса, размеры 6,5 x 1,0 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,3–1,5 мм;

28 – обрезок от раскроя, кв. Р-ХV, гл. -105, № п/о 457: узкая полоса, размеры 6,6 x 0,6 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,0 мм, коричневого цвета;

29 – обрезок неопределенной детали (?), кв. С-ХIX, гл. -94, № п/о 482: неправильной вытянутой формы, размеры 5,6 x 1,8 см, на поверхности

несистемные мелкие сквозные отверстия; кожа МРС, толщина 0,8 – 1,0 мм, частичное расслоение, снаружи – черного, внутри – темно-коричневого цвета;

30 – обрезок от раскроя, кв. П-ХП, гл. -83, № п/о 398: тонкий ремешок длиной 11,5 см при ширине 0,5 см, один конец оборван, другой обрезан углом к середине; кожа МРС, толщина 1,2 мм, снаружи черная, внутри – темно-коричневая;

31 – обрезок от раскроя, кв. Р-ХIV, гл. -69, № п/о 161: треугольной формы с сильно оттянутым углом, размеры 23 x 16 см; в середине – треугольный вырез размером 2,5 x 3,2 см; кожа КРС, толщина 1,5–1,6 мм, частичное расслоение, снаружи черного цвета, внутри – темно-коричневого; в нескольких местах надрез мерей (А);

32 – обрезок от раскроя, кв. П-ХП, гл. -71, № п/о 189: тонкая полоса, размеры 9,2 x 0,8 см, один конец оборван; кожа МРС, толщина 1,0 мм, расслоение;

33 – край детали верха (?) обуви со швом, кв. П-ХП, гл. -71, № п/о 189: размеры 8,3 x 0,6 см, стежки сквозные, длина 5–6 мм; кожа МРС (?), толщина 1,1–1,2 мм;

34 – фрагмент подошвы, кв. Р-ХIV, гл. -88, № п/о 367: размеры 10,0 x 1,7 см, толщина 0,8–0,9 мм; сохранился край с основным швом, шов выворотный, длина стежков 6 мм; плантарная сторона – меряя, стертость средняя;

35 – фрагмент детали верха обуви (?), кв. Р-ХVI, гл. -69, № п/о 256: размеры 6,4 x 5,0 см; сохранился край с основным швом, длина стежков 5 мм; кожа МРС, толщина 1,1 мм, черного цвета.

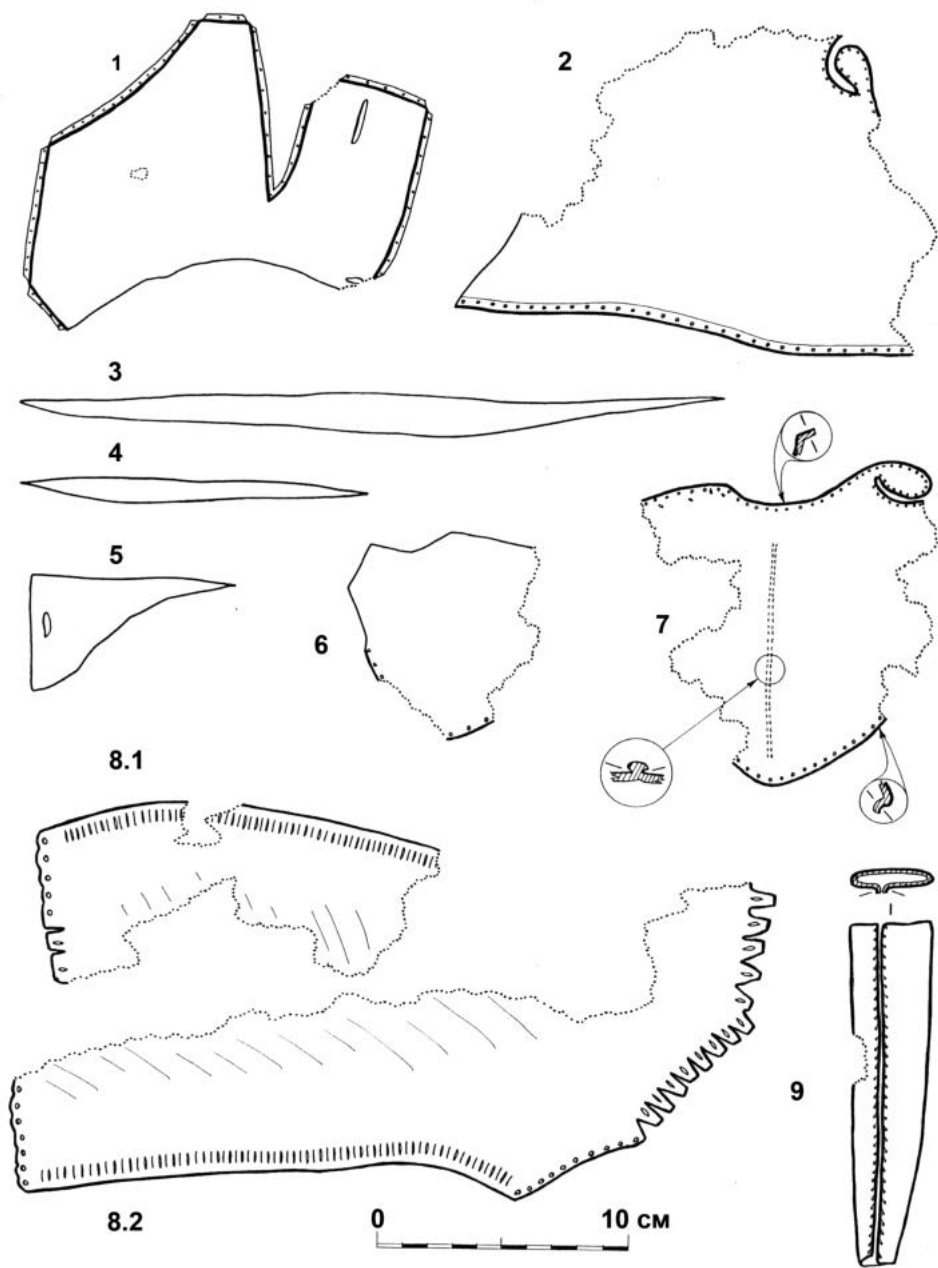

Рис. 1. Предметы из кожи в раскопах Земляного Городища 1997 (2–7), 1998 (8, 9) и 2002 (1) гг.

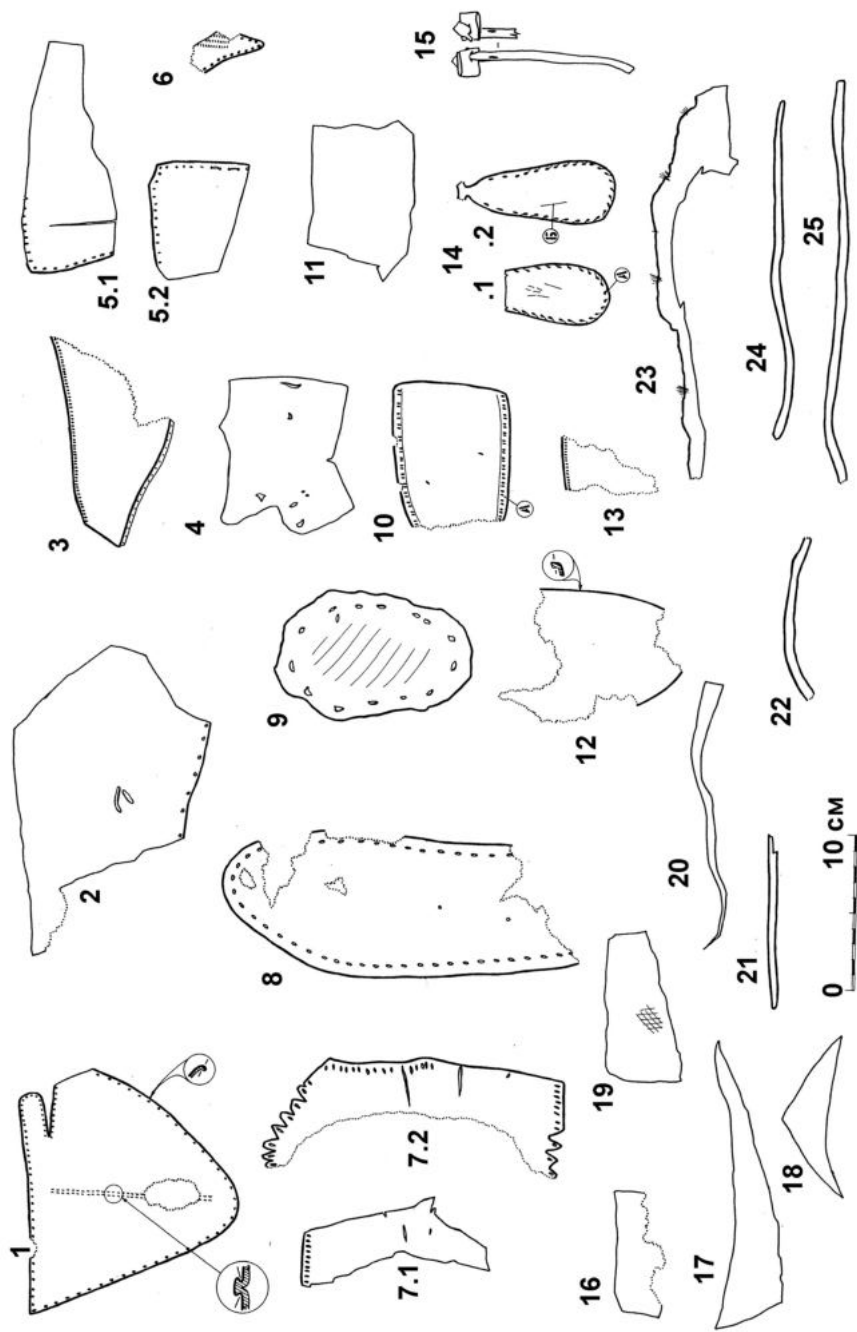

Рис. 2. Кожаные предметы из раскопок Земляного Городища в 2004 г.

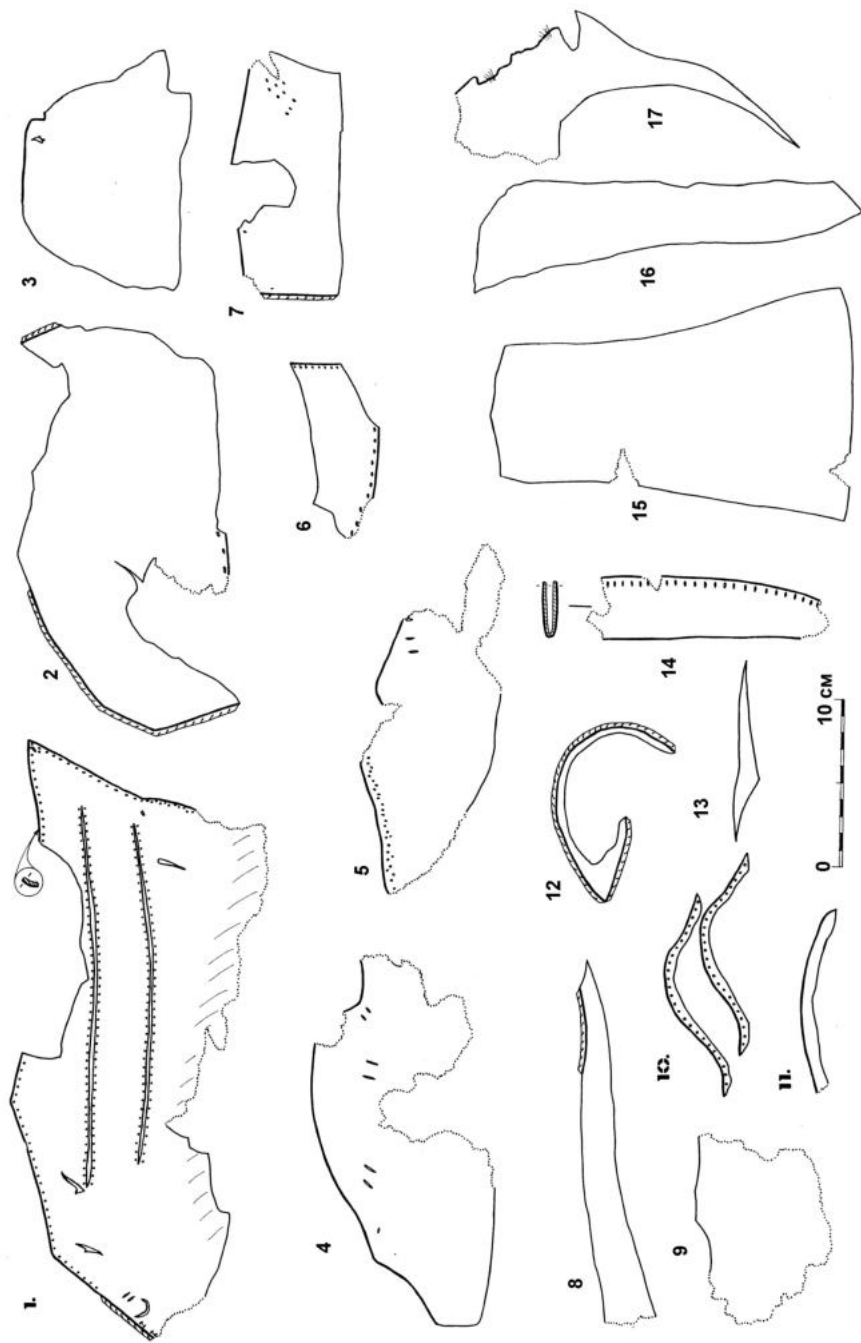

Рис. 3. Кожаные предметы из раскопок Земляного Городища в 2005 г.

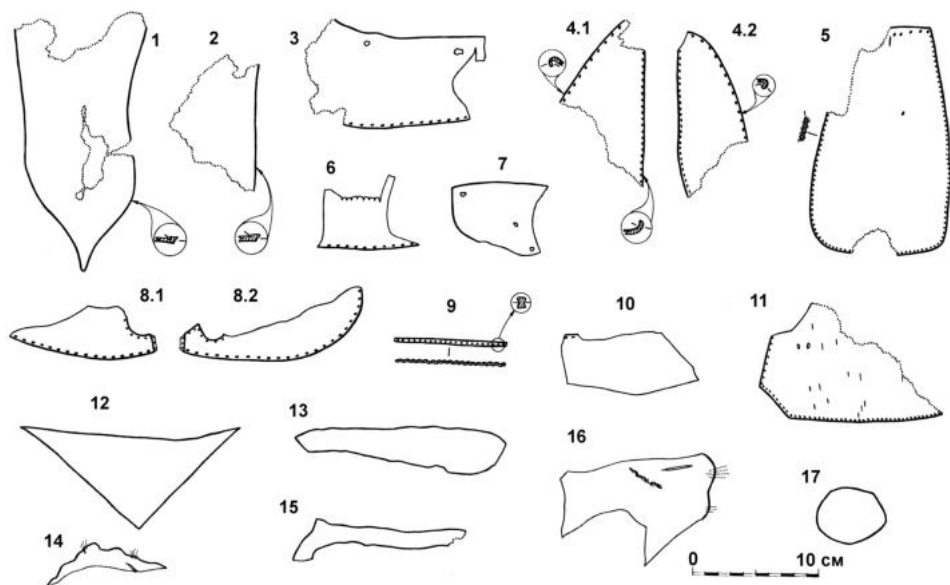

Рис. 4. Кожаные предметы из раскопок Земляного Городища в 2008 г.

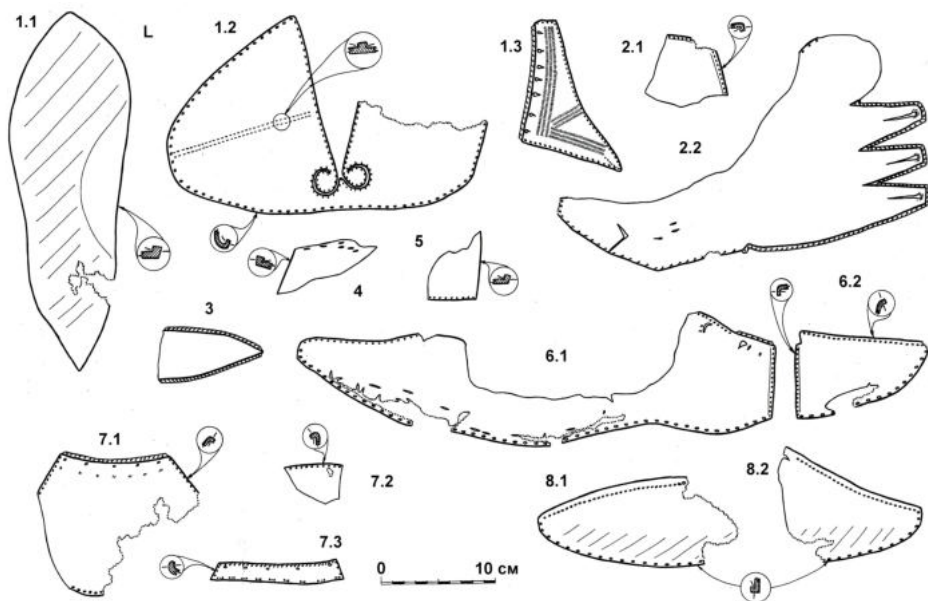

Рис. 5. Кожаные предметы из раскопок Земляного Городища в 2009 г.

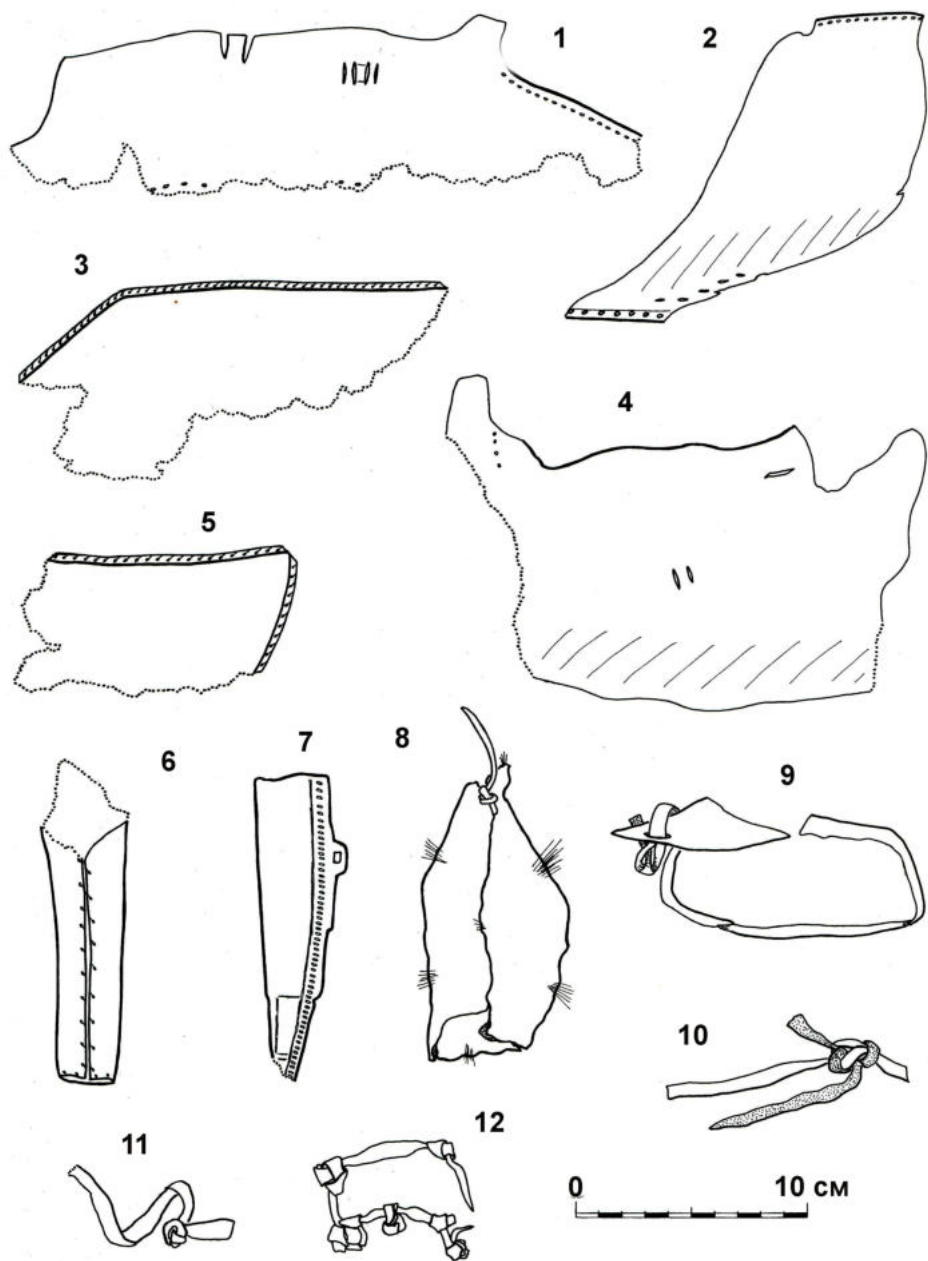

Рис. 6. Кожаные предметы из раскопок Земляного Городища в 2009 г.

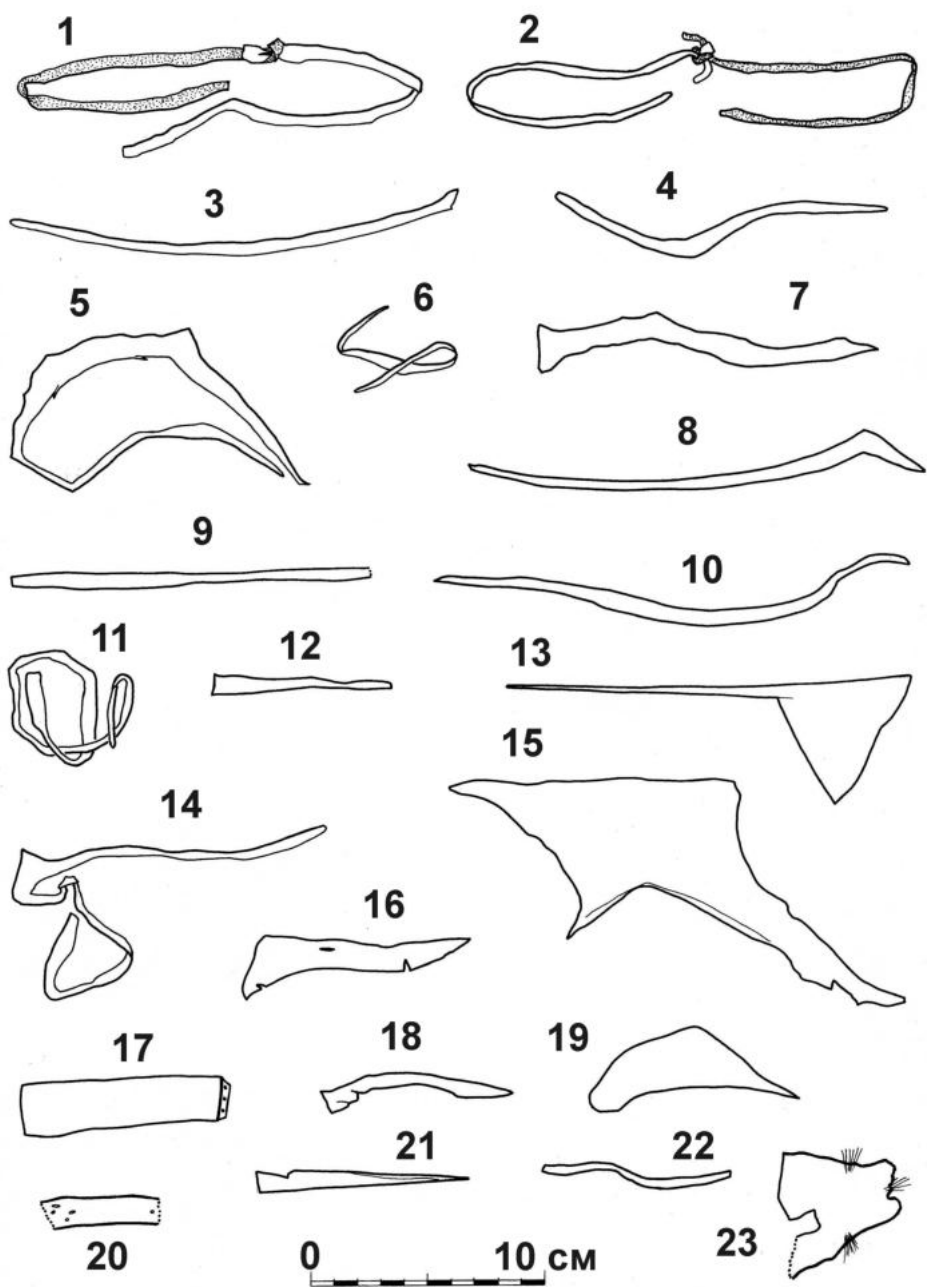

Рис. 7. Кожаные предметы из раскопок Земляного Городища в 2009 г.

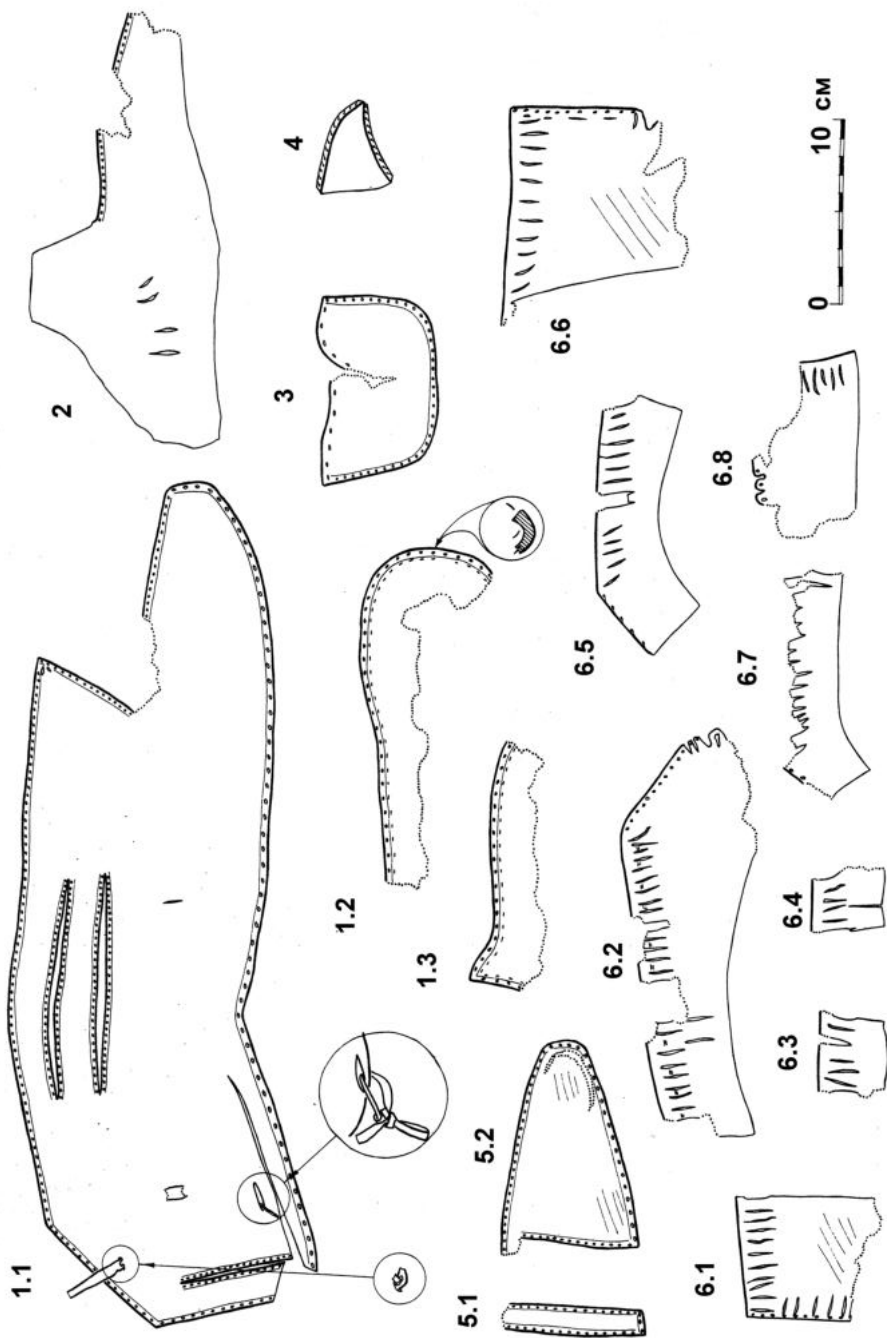

Рис. 8. Детали кожаной обуви. 2010 г.

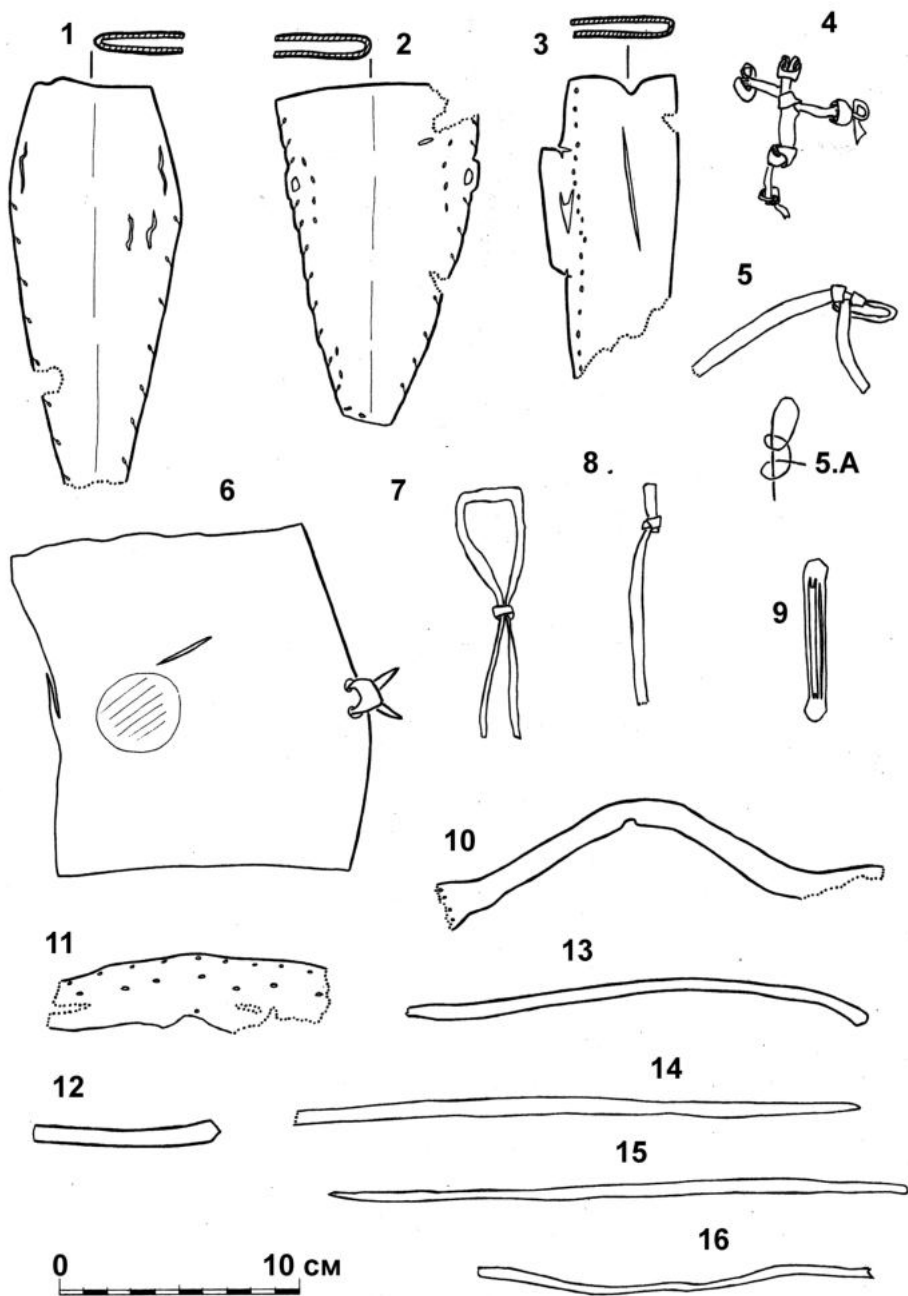

Рис. 9. Различные кожаные изделия. 2010 г.

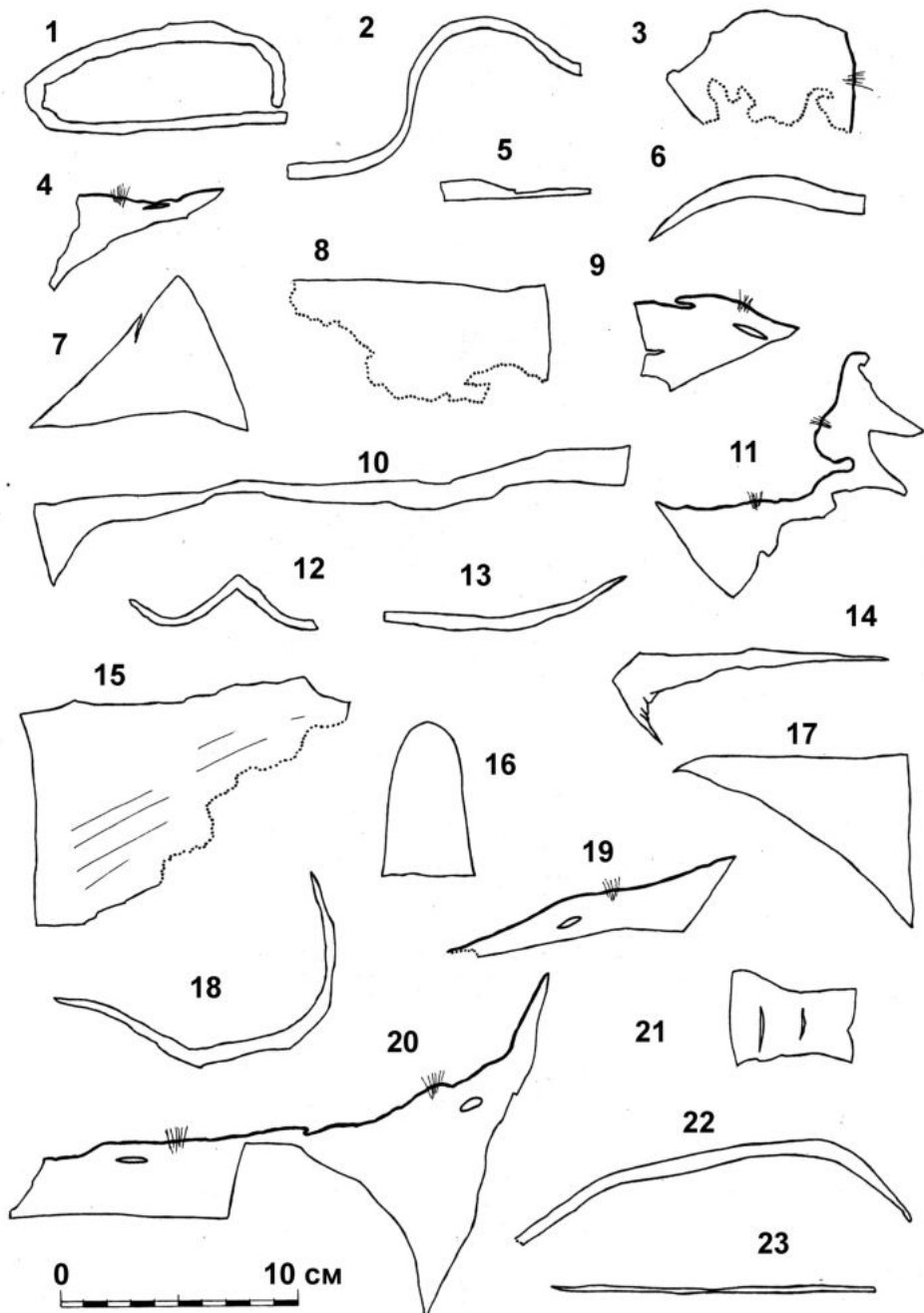

Рис. 10. Кожаные завязки и обрезки. 2010 г.

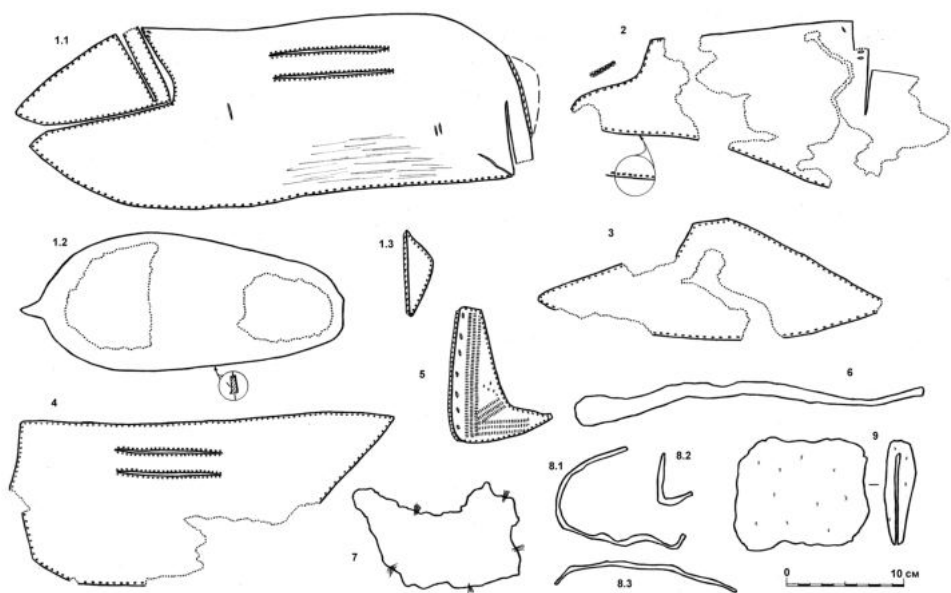

Рис. 11. Кожаные предметы из раскопа 2012 г.

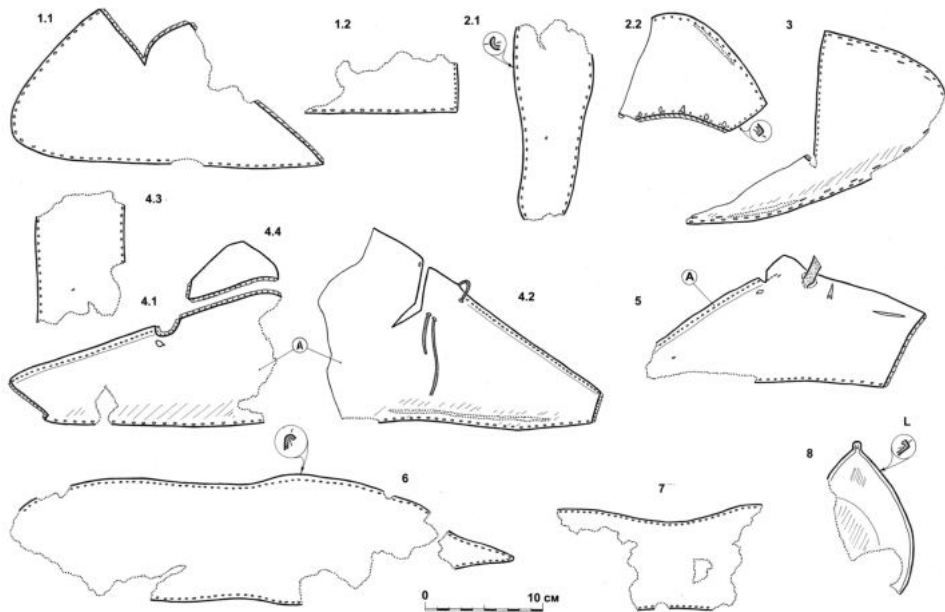

Рис. 12. Кожаные предметы. Обувь. 2013 г.

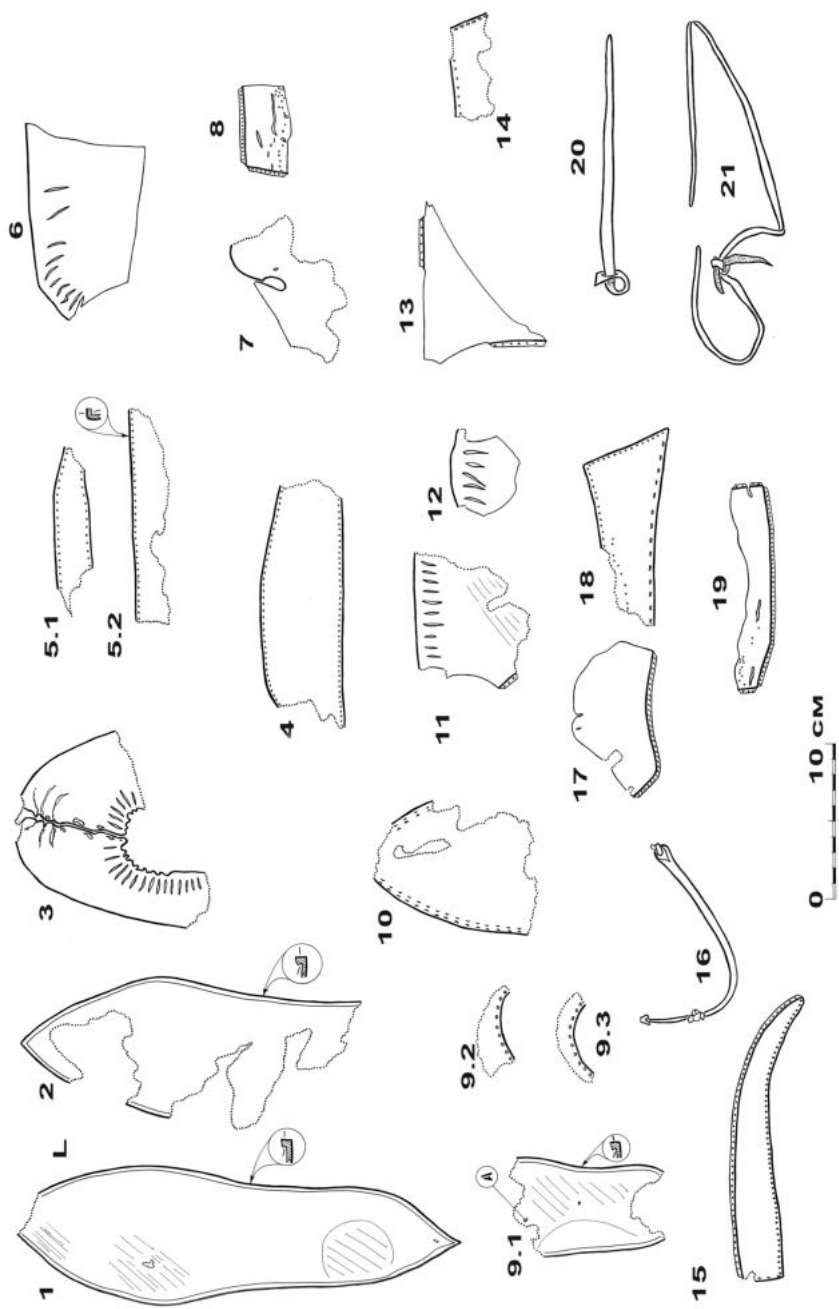

Рис. 13. Разные кожаные изделия. 2013 г.

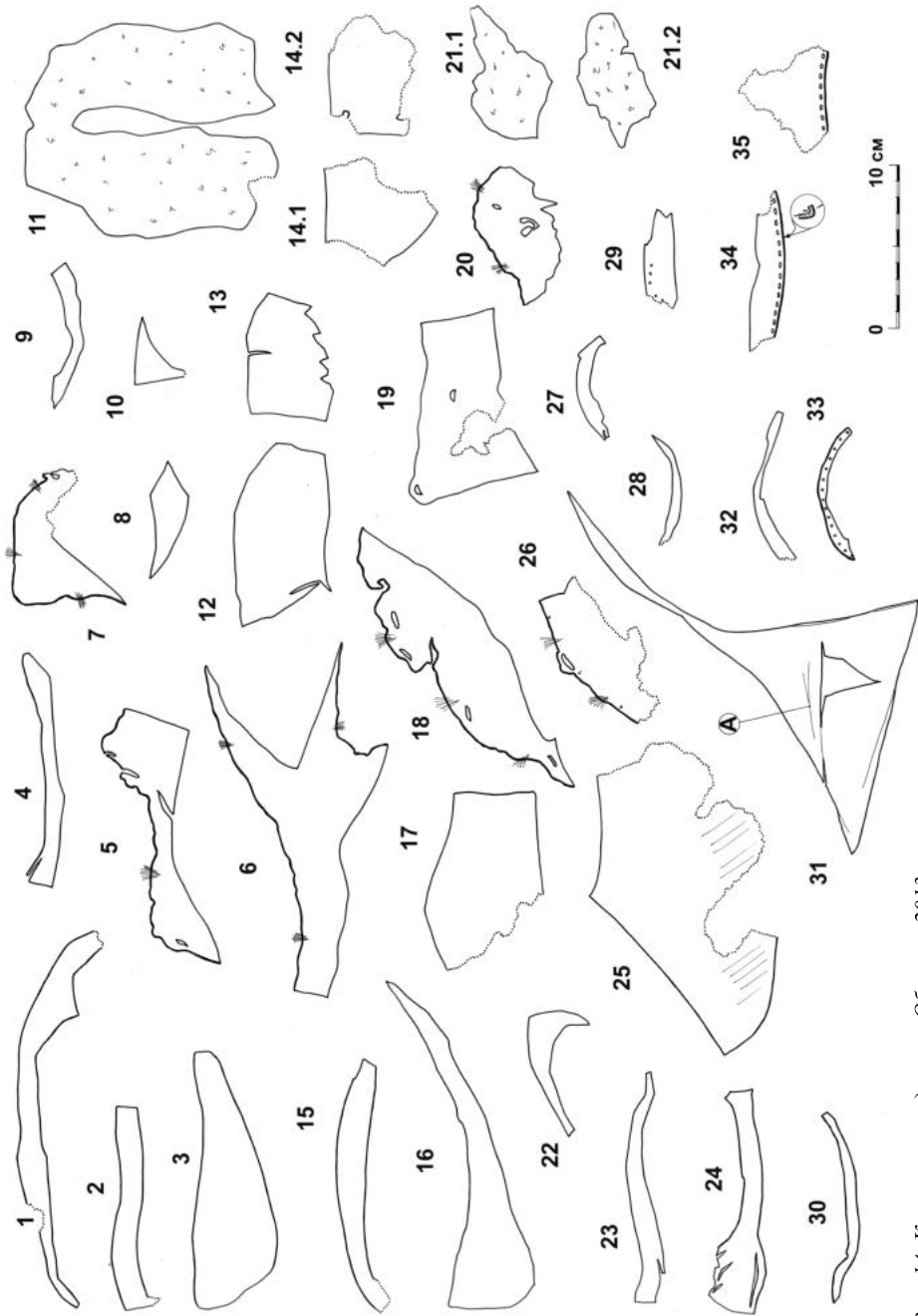

Рис. 14. Кожаные предметы. Обрезки. 2013 г.

Рис. 15. Мешочек из меха бобра. 2009 г.

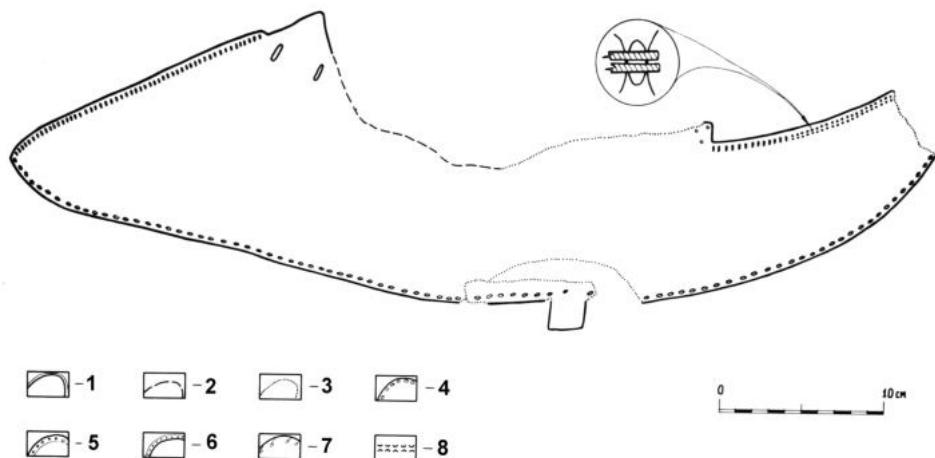

Рис. 16. Верх кожаного башмака из раскопа 1991 г.

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК Н.Е. БРАНДЕНБУРГА 1886-1887 ГГ.

Продолжающиеся на протяжении более чем ста лет археологические исследования Старой Ладogi дали богатейший материал для осмысления и реконструкции культурно-исторических процессов и событий средневековой истории. Традиционно наибольшее внимание уделяется древнейшим напластованиям Земляного Городища, проливающим свет на ранний этап существования поселения и служащий основанием для воссоздания важнейших моментов образования древнерусского государства и построения глобальных исторических реконструкций. Однако, начиная с середины X в., Ладога все более утрачивает свое значение, уступая место более крупному и динамично развивающемуся Новгороду. Традиционно внимание исследователей обращено именно на ранний период жизни поселения, то есть на VIII – первую половину X вв. Именно этому временному отрезку посвящено значительно число работ, а интерес исследователей к нему не падает на всем протяжении истории изучения культурных напластований Ладogi. Жизнь ладожского населения в средневековье и позднем средневековье прослежены значительно хуже, материальная культура XII–XV вв. остается слабоизученной, за исключением, пожалуй, храмового строительства. В настоящей статье хотелось бы вновь привлечь внимание к сравнительно поздним находкам, сделанным Н.Е. Бранденбургом во время раскопок 1886–1887 гг.

В течение двух лет Н.Е. Бранденбург вскрывал развалины двух каменных храмов, в руинах одного из которых, находившегося на берегу Волхова, близ устья Ладожки, помимо архитектурных деталей и предметов церковного интерьера «на церковном полу, под обрушившимися сводами ... были найдены: 5 больших серег, каждая в виде проволочного кольца с нанизанными на нем вызолоченными шариками; такая же серьга меньших размеров; 6 пирамидальных золоченых бляшек от набора; 2 стекловидных вставки, относящихся, по видимому, к этим же бляшкам; небольшой кумофаренный венчик от образа и шейная гривна в виде проволочного кольца, спирально обвитого серебряной вызолоченной лентой» (Бранденбург 1886: 81об.–82). Кроме перечисленных артефактов найдены серебряный перстень и две мелкие серебряные монеты, одна внутри храма, а вторая при исследовании фундамента с наружной стороны церкви (Бранденбург 1886: 72, 82). Вещи вместе с отчетом о работах были переданы в Императорскую Археологическую комиссию.

В своем докладе, посвященном результатам исследований, Н.Е. Бранденбург привел очень краткий анализ найденных вещей, а в юбилейном издании Русского Археологического общества исследованным церквям посвящено лишь несколько абзацев (Бранденбург 1897: 319–320), все внимание уделено архитектуре исследованных храмов и остаткам фресковой живописи, на полевое обследование которых выезжал В.В. Суслов. Накопленный за прошедшие со времени раскопок 130 лет материал, дает возможность существенно расширить круг аналогий найденным предметам, уточнить их датировку и по-иному представить культурно-исторический контекст их бытования и археологизации.

Кумофаренный венчик. «Небольшой кумофаренный венчик от образа», как Н.Е. Бранденбург назвал серебряный венец, украшен тремя рядами «жемчужин». Современный словарь определяет значение слова «кумофаренный» как насечка точками (Плеханова 2013), однако на рисунке (Бранденбург 1887: 103, 6) отчетливо видно, что венец-нимб в виде полосы длиной в $\frac{3}{4}$ круга украшен рядами чеканных полушарых выпуклостей.

Хронология и типология церковных древностей в археологии остается не разработанной. Исследования, проводимые историками искусства, затрагивают в первую очередь высокохудожественные произведения, сохранившиеся в музейных собраниях. Считается, что оклады на русских иконах, восходящие к византийской традиции, появляются уже в домонгольское время, наиболее ранние из сохранившихся относятся к XIII–XIV вв. Они закреплялись на доске небольшими гвоздиками, пробивавшими красочный слой. Предполагается, что первоначально оклады представляли собой узкие нимбы и чеканные оклады, например, мафория Богоматери (Стерлигова 1999: 180, 182), постепенно увеличиваясь в размерах. Староладожский венец не имеет отверстий для крепления, что довольно необычно, возможно, отверстия не были изображены рисовавшим предмет¹ как несущественные повреждения, нанесенные временем.

По всей вероятности, археологизация венца может быть отнесена ко времени прекращения служб в храме. Можно предположить, что он был утрачен в процессе переноса церковной утвари из обветшавшего храма. На это указывает малое число находок деталей интерьера: ветхое, со следами починки, паникадило и «два грубых железных подсвечника» (Бранденбург 1887: 81об.), очевидно, умышленно оставленные в разрушающейся церкви.

Монеты. Обе найденные монеты определены как новгородский чекан XV в. (Бранденбург 1887: 72).

Височные кольца. Найденные украшения конструктивно одинаковы и различаются лишь диаметром стержня, а также числом и способом изготовления надетых на него бусин. Сам стержень основы переменного сечения: примерно на $\frac{2}{3}$ длины подквадратного, оставшаяся часть круглого, части одна от другой отделены расширением-ограничителем. Концы стержня раскованы, один завернут крючком, второй оформлен в виде ромба с отверстием посередине. Одно из колец отличается от остальных поочерёдным расположением сплошных полых гладких позолоченных и изготовленных из проволоки ажурных бусин. Данный тип многобусинных височных колец более редок, чем кольца с полыми тисненными бусинами, пара аналогичных колец хранится в Музее исторических драгоценностей Украины (Панченко. 2002).

Многобусинные височные кольца привлекали внимание исследователей, в них предлагалось видеть этноопределяющие украшения (Седов 1953: 190–229). Исследования последних лет показали, что они встречаются на широкой территории от Восточной Эстонии до Подмосковья и от Восточной Карелии (Бельский 2012: 133–135) до южнорусских земель (Мельник 1901; Панченко 2002; Михайлина, Пивоваров, Ільків 2014: рис. 3, 18).

---

¹ Автор рисунка не известен. В правом нижнем углу рисунка стоят инициалы «И.С.».

Находки многобусинных височных колец в культурном слое Великого Новгорода позволяют синхронизировать их появление со временем строительства 12 яруса мостовых Неревского раскопа (Лесман 1990а: 70; 1990б: 99–100), сооружение которых произошло не ранее 1281 г., верхняя дата их бытования не установима. Экземпляры, найденные Н.Е. Бранденбургом в Старой Ладогe, могут быть датированы еще более поздним временем: такая деталь как ограничитель в виде литого валика появляется на изделиях лишь после 1299 г. (позднее 11 яруса).

Важно отметить, что часть находок многобусинных височных колец в Южной Руси связана с материалами кладов, в ряде случаев хорошо датированных монетами XV в. (Панченко 2002). По мнению исследователя, места находок и сопутствующий нумизматический материал позволяют связывать их появление с северными торговыми путями литовского княжества (Панченко 2002).

Многобусинные височные кольца с бусинами, спаянными из проволочных завитков, значительно более редкий тип украшения по сравнению с аналогичными кольцами, бусины которых изготовлены в технике тиснения. Этот, более редкий тип височных колец, как кажется, никогда не становился объектом специального исследования; можно лишь высказать осторожное предположение, что кольца с чередующимися проволочными и тисненными бусами относятся к позднему этапу существования украшений данного типа.

Косвенным подтверждением могут служить находки серег в виде знака вопроса, бусины которых также изготовлены из спаянных проволочек, в одном из захоронений у дер. Грызово на Ижорском плато (Спицын 1896: 72–73, табл. XII, 7) и в нескольких погребениях в Литве (Svetikas 2009: 271, 318, 321). Е. Светикас считает, что данный тип украшений может быть датирован XV или XV–XVI вв. (Svetikas 2009: 61–65).

Золоченые бляшки и стеклянные вставки. Головные венчики, расшитые цельными и прорезными бляшками со вставками из цветного стекла – одна из наиболее ярких находок в погребениях XIII–XV вв. Несмотря на различия в форме, декоре, наличии отверстия для стеклянной или иной вставки, все бляшки изготовлены в единой технике: они оттиснуты из тонкого серебряного листа, почти фольги, и позолочены с наружной стороны, для их крепления на основу близко к краю шилом или каким-то аналогичным орудием проделывались отверстия круглой или слегка удлинённой формы. На большинстве экземпляров бляшек, которые были осмотрены автором, крепежные отверстия были пробиты неаккуратно, с внутренней стороны они не обработаны, заусеницы не убраны. Острые с заусеницами края бляшек перетирала державшие их нитки, которые, в свою очередь, рвали край тонкого металла. Некоторые бляшки имеют следы ремонта в виде повторно проделанных отверстий взамен поврежденных при ношении. Толщина металла и необработанность краев отверстий приводили к частым потерям отдельных бляшек, нередко находимых в культурных напластованиях многих древнерусских городов – Новгорода, Твери, Ярополча Залесского, Димитрова, Рязани, Друцка, Булгара.

Украшенные нашивными позолоченными бляшками головные венчики известны как в погребениях на городских кладбищах (Старая Русса, Торонец, Новогрудок и Ростиславль Рязанский), так и из захоронений в сельских

некрополях. В пределах Новгородской земли известно не менее полутора десятков курганно-жальничных и жальничных могильников, где были найдены головные венчики, расшитые тиснеными бляшками, захоронения с аналогичными украшениями исследованы в Восточной Карелии, Белоруссии (Бирули, Перевоз, Малявичи, Лучно, Селява) и на Западной Украине (Калиновщина), наиболее многочисленны они в Литве.

А.А. Спицын, одним из первых обративший внимание на данные украшения при анализе материалов раскопок Л.К. Ивановского (Спицын 1896: 42) и В.Н. Глазова, считал их характерными для каменных могил и территории Великого Княжества Литовского в целом: «Такие венчики встречаются в значительном количестве в кривичских виленских могилах XIV–XV вв. ... и вообще исключительно в пределах Литовского государства этого времени, напр., в Минской и Киевской губ.» (Спицын 1903: 18). Действительно, в Литве, привнесенные с востока тисненные бляшки, заняли важное место в средневековом и позднесредневековом женском уборе (напр., могильник на оз. Обяляй, см.: Urbanavičius, Urbanavičiènė 1988: Taf. 65, 2–3, 12, 13, 66, 7, 104 и могильник Sariai, мог 4, см.: Volkaite-Kulikauskiene 1997: 89), эволюционировав до вычурных, почти барочных форм (см., напр.: Kernave 2002: 41, 83, 185, 188–192). Однако, следует подчеркнуть, что традиция украшения женских головных уборов позолоченными тиснеными бляшками была принесена в Великое княжество с востока.

Анализируя находки бляшек, тисненых из тонкого металлического листа (почти фольги), в культурных слоях Неревского раскопа, М.В. Седова указывала, что находки изделий треугольной, овальной и лунообразной формы в Новгороде численно незначительны, и к XIV в. мода на украшения одежды нашивными бляшками, видимо, проходит (Седова 1981: 153, 155).

Ю.М. Лесман, выделяя датируемые типы ювелирных изделий Великого Новгорода, отметил, что нашивные тисненные бляшки, найденные в количестве 29 экз., могут быть датированы интервалом между 1025 и 1382 гг. (Лесман 1990: 80). Наиболее поздняя накладка происходит из слоев 1422–1429 годов, но она оторвана от основной серии (Лесман 1990: 80).

Наиболее ранние вненовгородские городские находки наборов бляшек от головных венчиков встречены вкладах ювелирных украшений, укрытых в первой трети XIII в. и связываемых с татаро-монгольским нашествием; наиболее поздние (например, из погр. 5 на кладбище у церкви Параскевы Пятницы в Торопце, где у виска была найдена серьга в виде знака вопроса), могут быть датированы XIV–XV вв. (10 ярус мостовых Неревского раскопа – после 1313 г. – и выше, верхняя дата не установима см.: Лесман 1984: 134).

Датировка многих захоронений из числа тех, в которых найдены украшенные аналогичными бляшками головные уборы, затруднена, так как разно- или однотипные нашивные бляшки оказались в них единственными находками. В нескольких погребениях рассматриваемые головные украшения найдены вместе с многобусинными височными кольцами (Каменное 2) и серьгами в виде знака вопроса (Малявичи), что позволяет определить время их совершения концом XIII–IV и началом XIV–XV вв. соответственно.

Шейная гривна. Изображенное на рисунке (Бранденбург 1887: 103, 8) украшение представляет собой незамкнутый обруч, состоящий из основы,

спирально обвитой металлической, возможно, позолоченной лентой переменного сечения – узкой по краям и более широкой в средней части. Оба конца оформлены в виде петель, в одной из которых сохранился обрывок нити или петля из кусочка проволоки. На цветном изображении находок, сохранившемся в архивном деле (Бранденбург 1887: 103, 8), отчетливо видно, что основой изделия служит металлический дрот квадратного или прямоугольного сечения, перекованный в круг лишь по краям. Диаметр основы составляет около 28 см. Важно отметить, что дрот имеет одинаковую ширину на всем протяжении. Позолоченная же лента обмотки не обвивает основу вплотную, на всем своем протяжении – она отстоит от нее, по краям на 0,5 см, а в центре на 3-3,5 см. По всей вероятности, между дротом основы и металлической лентой существовал еще один слой органического материала, не дошедший до современности.

Гривны как тип украшения были проанализированы в работе М.В. Фехнер. Исследовательница пришла к выводу, что в X в. они еще мало распространены, а в конце XII – начале XIII в. постепенно исчезают (Фехнер 1967: 56). Староладожскую находку М.В. Фехнер отнесла к группе тонкопроволочных, немногочисленные аналогии которым встречены в курганных древностях Московской и Псковской областей (Фехнер 1967: 70).

Приведенные аналогии, на мой взгляд, не всегда точны. На опубликованных изображениях основы гривен (в одном из курганов Остенецкой группы и вовсе деревянная, см.: Подвигина 1965: 296, рис. 8; АРАН: 2) обмотаны не лентой, а тонкой проволокой. Также необходимо отметить, что комплексы находок из указанных подкурганных захоронений датируются значительно более ранним временем, так что их датировка противоречит общей хронологии рассматриваемого комплекса.

Подводя итоги, хотелось бы привести некоторые соображения о времени разрушения храма и об источнике сформировавшегося комплекса находок.

Н.Е. Бранденбург относил строительство храма к XII–XIII вв., а разрушение – ко времени не позднее конца XVI – начала XVII в. (Бранденбург 1886: 80). Если возведение церкви в столь ранний период им практически никак не аргументировано, то время разрушения основывается на письменных источниках: в 1500 г. храм упоминается в Новгородской Писцовой книге, но отсутствует в документах и актах половины XVII в. (Бранденбург 1886: 80). Комплекс ювелирных украшений датирован Н.Е. Бранденбургом XII в. по аналогии с курганными древностями (Бранденбург 1886: 81об.-82).

Основанная на порубочных датах мостовых Неревского раскопа хронологическая шкала ювелирных украшений Новгорода позволяет отнести время сложения комплекса женских украшений к 1299–1382 гг. Можно предположить тяготение датировки к верхней границе приведенного интервала. Предлагаемой дате не противоречат монетные находки и данные выявленных Н.Е. Бранденбургом письменных источников. Очевидно, на протяжении столетия артефакты хранились в церкви в качестве реликвий и были археологизированы в результате разрушения храма.

Литература

АРАН — Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1А. Д. 31. Л. 2. Виртуальная выставка к 175-летию со дня рождения А.П. Богданова (http://arran.ru/?q=ru/exposition7_0 дата обращения 01.04.2015)

Бранденбург 1887 — Об археологических раскопках генерал-майора Бранденбурга близ Старой Ладого, на левом берегу р. Волхов. Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 1. оп. 1. 1886. Д. № 17.

Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н.Е.* Старая Ладога. Юбилейное издание Императорского Русского Археологического общества. СПб. 1896.

Лесман 1982 — *Лесман Ю.М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. 1982.

Лесман 1984 — *Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л. 1984.

Лесман 1989 — *Лесман Ю.М.* К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 2. Новгород. 1989.

Лесман 1990а — *Лесман Ю.М.* Многобусинные височные кольца // Новгород и Новгородская земля. Вып. 3. Новгород. 1990.

Лесман 1990б — *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М. 1990.

Малевская, Фоянков 2000 — *Малевская М.В.*, *Фоянков Д.И.* Древний Торопец. Т. 2. Иллюстрации и приложения. Торопец. 2000.

Мельник 1901 — *Мельник Е.Н.* Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897–1898 гг. Труды XI АС в Киеве. Т. I. М. 1901.

Михайлина, Пивоваров, Ільків 2014 — *Михайлина Л.П.*, *Пивоваров С.В.*, *Ільків М.В.* Даньоруський Василів (підсумки і перспективи досліджень) // Міста Давньої Русі. Київ. 2014.

Панченко 2002 — *Панченко М.В.* Многобусинные височные кольца на землях Южной Руси // Восточноевропейский археологический журнал, 5 (18) сентябрь–октябрь 2002 (<http://archaeology.kiev.ua/journal/050902/panchenko.htm>)

Плеханова 2013 — *Плеханова Е.О.* Словарь костюма, текстильного и ювелирного искусства. Ижевск. 2013.

Подвигина. 1965 — *Подвигина Н.Л.* Раскопки курганов в Псковской области // Советская археология. № 1. 1965.

Седов 1953 — *Седов В.В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. Вып. XVIII. 1953.

Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М. 1982.

Соболев 2006 — *Соболев В.Ю.* Материалы раскопок у дер. Логовеще и Селище в собрании фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. СПб. 2006.

Соболев 2007 — *Соболев В.Ю.* Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фонда археологии МАЭ им. Петра Великого // Археология Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы LIII заседания, М.; Псков. 2007.

Стерлигова. 1999 — *Стерлигова И.А.* Древнерусские украшенные иконы XII–XIII веков. Опыт реконструкции // Византийский временник. Т. 58 (83). М. 1999.

Фехнер 1967 — *Фехнер М.В.* Шейные гривны // Труды ГИМ. Вып. 43. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. 1967.

Kernave 2002 — *Kernave* – litewska Troja. Katalog wystawy ze zbirów Panstwowego Museum-Rezerwatu Archeologii i Historii w Kernave, Litwa. Warszawa. 2002.

Svetikas 2009 — *Svetikas E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija XIV a. - XV a. Archeologiniai radiniai su krikščioniškais simbolais. T.1. Vilnius. 2009.

Urbanavičius, Urbanavičiėnė 1988 — *Urbanavičius V., Urbanavičiėnė S.* Kapinyno vieta tyrimu apzvalga // Lietuvos Archeologija. Vilnius. 1988.

Volkaite-Kulikauskiene 1997 — *Volkaite-Kulikauskiene R.* Senoves Lietuviu Drabuziai ir ju Papuosalai. Vilnius. 1997.

ГОРОДИЩЕ ЛЮБША В НИЖНЕМ ПОВОЛХОВЬЕ: (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН)

Введение. 18 декабря 2015 года исполнится пять лет со дня смерти Е.А. Рябинина (1948-2010) — крупнейшего специалиста в области финно-угорской и древнерусской археологии, всю жизнь проработавшего в отделе славяно-финской археологии ЛОИА/ИИМК РАН. Евгений Александрович оставил богатое научное наследие. В первую очередь, его работы были связаны с изучением финно-угорских племен в составе Древней Руси и их взаимодействия со славянами. По этой теме Е.А. Рябинин защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Многие годы он посвятил археологическим исследованиям погребальных памятников и поселений Ижорского плато, Костромского Поволжья, Терского берега Кольского полуострова, Нижнего Поволжья. В разные годы им было издано 5 монографий и более 150 статей.

Неоценимым вкладом в археологию Северо-запада Руси и всего Балтийского региона являются раскопки, проведенные Е.А. Рябининым на ключевых для Нижнего Поволжья поселениях — Староладожском Земляном городище (1973-1985) и городище Любша (1997-2001). В ходе работ на Земляном городище, исследователь сумел уточнить и детализировать стратиграфическую схему памятника, предложенную ранее В.И. Равдоникасом и его учениками, в первую очередь О.И. Давидан (Давидан 1976: 101–118), а анализ микростратиграфии самого древнего горизонта Е Земляного городища и обоснование нижней даты поселения (753 год) стали новым этапом в исследовании памятника (Рябинин 1994: 26; 1988: 72–100). Важным результатом раскопок Е.А. Рябинина стало открытие комплекса кузнечно-ювелирной мастерской на Земляном городище (Рябинин 1994: 26). Уникальным для раннесредневековой археологической науки является и найденный там клад инструментов ремесленника-универсала (Рябинин 1994: 29–34), а также обнаруженная неподалеку стеклодельная мастерская 780-830 гг. (Рябинин 1997: 43–49). Е.А. Рябинин в 1980-х разработал схему развития и хронология ладожского домостроительства (Рябинин 1983: 39–43), которая стала основой для дальнейших исследований в этом направлении (Кузьмин 1989: 34–35, Кузьмин, Петров 1990).

Отдельным сюжетом в жизни и трудах Е.А. Рябинина является изучение городища Любша, расположенного в устье Волхова. Эти работы также ознаменовались замечательным открытием, но финал их был трагичным. В те годы Е.А. Рябинина настигла тяжелейшая болезнь — непрерывная амнезия, от которой не помогла сложнейшая нейрохирургическая операция. 18 декабря 2010 года Е.А. Рябинина не стало.

Настоящая статья призвана дать описание и общую характеристику комплекса материалов раскопок городища Любша. Последний включает полевую документацию, отчеты, рукописное наследие Е.А. Рябинина и его сотрудников, предварительные обобщения археологических материалов по категориям (сделанные уже в период болезни исследователя) и их публикации, а также сведения о коллекциях находок и месте их хранения. Трагические события

последних лет жизни Е.А. Рябина сыграла роковую роль в судьбе памятника. Из-за болезни исследователя результаты работ не могли быть полностью обработаны и опубликованы, а архив не был приведен в соответствующий порядок. Материалы были разрознены и лишь в небольшой степени введены в научный оборот, а многие документы считались утраченными. При этом, несмотря на отсутствие подробных научных публикаций и точной информации об открытиях на Любшанском городище, в сети Интернет с конца 1990-х гг. стали одна за другой появляться заметки о раскопках с различными вариантами интерпретации выявленных конструкций и находок. Так стали рождаться мифы о Любше¹.

Справедливости ради стоит отметить, что не только любители, но и большинство специалистов ощущают недостаток информации об этом памятнике. Поэтому в археологической литературе на него почти не ссылаются. С одной стороны, Любшанское городище не забыто, проблемы, связанные с ним актуальны и обсуждаются. С другой стороны, в научный оборот введено слишком мало достоверных сведений об этих раскопках, так что характер поселения на Любшанском городище доподлинно не известен. Необходим сбор всех источников, способных дать информацию о памятнике, их тщательный анализ и полная публикация.

После смерти Е.А. Рябина, его рукописный архив был передан на хранение в отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН. С 2014 г. автором статьи ведется работа по разбору, систематизации и описи личных документов исследователя для передачи их на постоянное хранение в Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. В ходе этой работы был выявлен обширный корпус документов, связанный с изучением городища Любша. Были найдены и собраны ранее считавшиеся утерянными документы и получены новые сведения об этих исследованиях. Стало возможным полностью собрать документацию о раскопках городища, подготовить материалы для дальнейшей работы и последующей публикации. Для воссоздания истории открытия и исследования городища привлечены также отчеты и полевая документация предшественников Е.А. Рябина — С.Н. Орлова и В.П. Петренко.

---

¹ На веб-страницах многочисленных сообществ любителей истории публиковали различные версии об этническом составе населения, характере крепостных сооружений, происхождении отдельных находок. В качестве примера можно привести интернет портал А.Ю. Чернова (участника экспедиции Е.А. Рябина) «Несториана» (<https://nestoriana.wordpress.com>) или личный сайт того же автора (<http://chernov-trezin.narod.ru/Index.htm>), публикации о Любше доступны в архиве Интернет-версии журнала «Огонек» (<http://www.ogoniok.com/archive/1999/4595/08-24-27/>). Тема Любши ныне популярна на любительских исторических форумах и в живых журналах их активных участников (<http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?t=962>, <http://smelding.livejournal.com/663196.html>). Одни авторы и посетители этих ресурсов связывали городище с местными финно-уграми, другие со скандинавами, третьи со славянами, вокруг него велись и ведутся яростные споры о наличии или отсутствии в составе населения варяжского компонента. Многие видят в Любше крепость западнобалтийских славян. Какого либо серьезного научного обоснования указанные публикации и дискуссии не имеют.

История открытия. Городище Любша расположено в 1,5 км к северо-востоку от Земляного городища Старой Ладogi на правом высоком берегу р. Волхов. Оно занимает треугольный мыс при впадении р. Любша, с напольной части окружено подковообразным валом протяженностью около 70 м. Размеры городища 45x40 м, общая площадь памятника не более 1800 кв. м (Рябинин, Дубашинский 2002: 196). С севера его площадка круто обрывается в сторону р. Волхов, с востока полого опускается к р. Любше. С напольной части к городищу примыкает обширное селище. Сам мыс плотно зарос лесом и кустарником, но поле, на котором расположено селище, свободно от растительности. Памятник сильно поврежден в результате строительной-хозяйственной деятельности в XVIII – начале XIX в., когда его территория входила в состав имения князей Шаховских (Рябинин 1998: 2). В Великую Отечественную войну на городище находился госпиталь, от построек которого остались каменные фундаменты. Рядом располагались окопы гарнизона охраны объекта, что также нарушило первоначальный ландшафт местности.

В 1945 г. бывшее имение князей Шаховских, включавшее территорию городища Любша, было передано Ленинградскому областному союзу советских художников (ЛОССХ) для организации летней базы отдыха и творчества. Окончательно база была построена и стала постоянно функционировать в начале 1960-х гг. В 70–80-х гг. площадь дома творчества расширилась, были построены новые корпуса и здания. Само городище хозяйственные и строительные работы не затронули, но повредили часть территории селища примыкающей к валу. В начале 1990-х гг. творческая база перестала получать финансирование, однако в 2003 г. были начаты работы по ее восстановлению, которые в последнее время резко активизировались. Начался ремонт старых зданий, вокруг территории базы был возведен новый забор. Все это вызывает сильное опасение за судьбу Любшанского городища и за его сохранность.

Впервые городище упоминается в работе известного исследователя славянских древностей З. Доленго-Ходаковского (Доленго-Ходаковский 1838: 139), однако после этого о Любше надолго забывают. Только в 1968 г. небольшие разведочные работы на памятнике провел С.Н. Орлов (Орлов 1969). Его отряд из 7 человек проводил инвентаризацию памятников Волховского района Ленинградской области (Орлов 1969: 1). Экспедицией был снят глазомерный план городища Любша и сделаны зачистки в обрезах ям и траншей для определения характера и датировки культурного слоя. Было произведено три зачистки на площадке городища: на его северо-восточном склоне, в центре и в западной части. Обнаружен культурный слой мощностью от 0.4 до 0.7 м, найдены лепная и гончарная керамика, а также фрагменты глиняной обмазки (Орлов 1969: 21).

Зачистка № 4 была сделана на стенке входа в землянку военного времени и располагалась поперек вала (Орлов 1969: 21-22). Была разрезана центральная часть вала на протяжении 6 м от его вершины до материка. С.Н. Орлов установил, что насыпь была сооружена в два приема. Древнейший вал имел высоту 1,3 м, позднее, укрепление было досыпано темно-серым гумусом с песком и щебнем; по мнению Орлова, земля бралась с площадки поселения. В верхней части насыпи были найдены как лепная, так и гончарная керамика, железный пробой и бронзовый наконечник ремня без орнамента (Орлов 1969: 22). Важным открытием стали выявленные под валом нетронутые ранние слои, содержавшие фрагменты лепной керамики со

штриховкой и кусок железного шлака. При зачистке стенки и входа в землянку, никаких каменных конструкций в разрезе вала обнаружено не было. Это можно объяснить расположением исследованного участка на самой оконечности укрепления.

Зачистка № 5 была проведена на юго-восточном обрезе площадки городища, при этом была исследована яма в материке. Глубина ее составила 2,7 м, ширина в основании 1,5 м, в верхней части до 2.5 м. (Орлов 1969: 22) Заполнение состояло из темного гумуса с красным суглинком в нижней части и черного гумуса с колотыми камнями и углем в верхней. Здесь найдены 10 фрагментов гончарной и 30 фрагментов лепной керамики, бронзовая спиралька, цепочка с колокольчикообразной привеской и свинцовый кружок диаметром 1,5 см с двумя полукруглыми углублениями в центре (Орлов 1969: 22-23). Малочисленные фрагменты гончарной керамики скорее всего происходят из верхних перемешанных напластований, и отнесены к заполнению ямы ошибочно.

Основываясь на результатах своих работ, С.Н. Орлов определил дату первого освоения площадки городища рубежом эр. Следующий этап жизни на городище был датирован ранним средневековьем, а третий этап — с XIII в. по Новое время (Орлов 1969: 23). Материалы раскопок остались неизданными².

В 1970-1973 гг. новые работы на памятнике произвел В.П. Петренко, возглавлявший экспедицию Староладожского музея, а потом Княщинский отряд ЛОИА АН СССР. На памятнике было вскрыто около 120 кв. м, вал городища был прорезан траншеей (Петренко, Шитова 1985: 181). До сих пор это единственный участок укреплений Любши вскрытый на всю их ширину и разобранный до материка. В ходе последующих раскопок Е.А. Рябина разрезы доводились до материка лишь на отдельных небольших участках вала, из-за наличия в его насыпи сложных каменных конструкций. Однако, в траншее В.П. Петренко внутривальные конструкции из плитняка были выявлены локально, а не на всей площади раскопа. Была расчищена лишь небольшая стенка высотой 0,4 м и шириной 0,5 м, сложенная насухо (Петренко, Шитова 1985: 182-183). Был обнаружен также развал плит на внешнем склоне вала, и перекрывающий его слой пожара, а на гребне насыпи — ямы от столбов, которые могли относиться к деревянным укреплениям городища (Петренко, Шитова 1985: 183). В.П. Петренко подтвердил выводы своего предшественника о том, что вал насыпан в два этапа. Ранний вал сооружался из суглинка, более поздний — из суглинка с камнями, с применением укрепляющих конструкций из плит.

На площадке городища В.П. Петренко заложил раскоп, в котором была исследована прямоугольная углубленная в материк постройка с отопительным сооружением, также сложенным из известняковых плит (Петренко, Шитова 1985: 184). Котлован примыкал вплотную к внутреннему склону вала, в заполнении его была найдена разновременная керамика, что затруднило датировку комплекса. В культурном слое было собрано большое количество керамики, в том числе «эпохи раннего железа» и значительная коллекция индивидуальных находок. Краткое описание этих материалов дано в публикации, подготовленной по результатам работ (Петренко, Шитова 1985). Первое заселение Любши авторы датировали

---

² Керамика, найденная в шурфах, хранится в ИИМК РАН, и ныне готовится к передаче в СЛМЗ

эпохой «раннего железа», основной этап жизни поселения — второй половиной I тысячелетия. Гибель укреплений в огне исследователи отнесли ко времени не позднее X в, а новое появление населения датировали XIII-XIV вв., причем, по их мнению, городище снова укрепляют (Петренко, Шитова 1985: 185). Особенно отмечено отсутствие каких бы то ни было материалов XI-XII вв. К сожалению, рисунки находок в статье почти не представлены, а из полевой документации, было издано только три небольших чертежа и глазомерный план памятника.

Раскопки Е.А. Рябинина и рождение мифа о Любше. В 1997 г. на Любшанском городище начала работу Волховская археологическая экспедиция под руководством Е.А. Рябинина. 12 июня 1997 г. он выехал на рекогносцировку памятника вместе с Г.С. Лебедевым. Вместе с ними на Любшу отправились энтузиасты и любители ладожской старины поэт А.Ю. Чернов и фотограф А.В. Усов. В первый же год раскопок было сделано важнейшее открытие: в разрезе вала была выявлена мощная кладка из плит известняка, которая облицовывала большие участки насыпи. В это время болезнь Е.А. Рябинина уже давала о себе знать, поэтому многое в организации экспедиции взяли на себя помощники Е.А. Рябинина, в первую очередь А.Ю. Чернов и сотрудник Староладожского музея-заповедника А.В. Дубашинский³.

Бюджетного финансирования экспедиция не имела, но при активном участии А.Ю. Чернова удалось получить грант Фонда Михаила Горбачева. Кроме того, благодаря обширным связям в культурной среде, он объявил среди деятелей искусства и бизнеса сбор средств на проведение экспедиции. Исследования Е.А. Рябинина на городище Любша активно поддержали редакции журнала «Огонек» и «Новой газеты», а также телекомпания «Русское видео». Статьи А. Ю. Чернова об открытиях в Любше неоднократно печатались в «Огоньке» в 1998-1999 гг. (Чернов 1998; 1999а; 1999б). Благодаря такой активной популяризации археологических открытий на Любше удалось собрать необходимые средства на проведение раскопок. Но именно эти статьи, опубликованные не только в «Огоньке», но и в сети Интернет⁴, способствовали созданию своеобразного историко-археологического мифа о Любшанском городище задолго до проведения полноценного научного анализа материалов раскопок.

Результаты исследований на городище Любша при жизни Е.А. Рябинина получили отражение всего в двух статьях общего характера (Рябинин 2000б;

---

³ Фиксацию каменных конструкций вала осуществляла ведущий архитектор НИИ «Спецпроектреставрация» И.Л. Воинова. При ее консультации производилась характеристика и интерпретация выявленных объектов. А.В. Дубашинский снял инструментальный топографический план памятника. Он же проводил графическую фиксацию раскопов и стал соавтором Е.А. Рябинина при написании полевых отчетов за все годы раскопок. Камеральную обработку находок производили Н.А. Ефимова и Д.В. Ефимова, реставрацию части находок Т.В. Рябинина. В работе экспедиции принимали участие Т.Б. Сениченкова, О.А. Щеглова и М.А. Юшкова, внесшие впоследствии огромный вклад в дело изучения и сохранения для науки любшанских древностей. Состав отряда в разное время насчитывал от 6 до 10 человек, стационарной базы не было, приходилось жить в съемном доме в Старой Ладоге, и каждый день переправляться через Волхов на лодке.

⁴ <http://chernov-trezin.narod.ru/chudesa0.htm>; <https://nestoriana.wordpress.com>

Рябинин, Дубашинский 2002). Из индивидуальных находок были изданы только отдельные категории вещей без обобщения всего накопленного материала (Львова 2009; Сениченкова 2010; 2012; Щеглова 2002; 2003; 2004; Щеглова, Григорьева 2014). Но, несмотря на эти обстоятельства, А. Ю. Чернов стал самостоятельно развивать некоторые рабочие гипотезы Е.А. Рябинина. Им была создана общая картина смены народов и археологических культур в Нижнем Поволховье⁵. На основе нескольких радиоуглеродных дат А.Ю. Чернов составил таблицу хронологического соотношения городища Любша и Земляного городища Старой Ладogi и выделил девять этапов в жизни обоих поселений. Под III-IV вв. на Любше указывается поселение и, возможно, капище финнов-рыболовов, отмечено обилие в культурном слое рыбе́й чешуи. Первоначальное укрепление датировано VII — началом VIII в., а возведение каменно-земляной крепости отнесено к периоду до 750 г. Ярko описывается гибель в огне финского деревянного острога уничтоженного, по мнению А.Ю. Чернова, славянскими переселенцами с берегов Южной Балтики. Ими же была захвачена в 760 г. Ладога, где в это время зафиксирован слой пожара. Городище Любша трактуется как северный форпост славянских переселенцев в процессе их движения в Ильменское Поозерье. С VI этапа, по А.Ю. Чернову, Ладога и Любша существуют параллельно, но подчеркивается, что последняя не участвует в ладожской торговле бусами с племенами финнов. В начале VIII в. и Ладогу и Любшу захватывают варяги, а после их изгнания начинается смута, в которой и гибнет Любшанское городище (по предположению А.Ю. Чернова, около 850 г.). Завершается хронологическая таблица А.Ю. Чернова призыванием варяжских князей в 862 г. и становлением Ладogi как первой столицы Руси. А.Ю. Чернов сделал ряд ответственных выводов об этническом составе населения Любши, о его отношениях с насельниками древней Ладogi и со скандинавами, назвал вероятные причины гибели поселения и возможную дату этого события, соотнесенную с известиями древнерусских летописей.

Раскопки 1997-2001: состояние источников, методика и последовательность работ. В 1997 г. Волховская археологическая экспедиция под руководством Е.А. Рябинина начала исследование вала Любшанского городища: была зачищена его вершина и частично прорезана насыпь. Эти работы проводились на раскопе I в восточной оконечности вала (Рябинин 1998: 4). Неожиданностью стало открытие в теле насыпи хорошо сохранившихся каменных конструкций (Рябинин 1998: 5). Поэтому вал прорезали до материка с напольной и с внутренней части, оставляя каменные элементы целыми для их последующего изучения. В северной части вала был заложен раскоп II, где работы ограничились зачисткой каменных конструкций и прорезкой вала до материка с внутренней части (Рябинин 1998: 11-12).

Неожиданное обнаружение каменных конструкций вала, видимо, нарушило первоначальные планы исследователей, тем более, появилась необходимость включения в состав экспедиции архитектора-профессионала. Именно отсутствием четко продуманного плана работ можно объяснить несколько

---

⁵ <http://chernov-trezin.narod.ru/Ladoga3.htm>

странное расположение раскопов и наличие множества небольших шурфов. Все свидетельствует о том, что происходили поиски сохранившегося культурного слоя и границ каменных конструкций.

На памятнике так и не была разбита единая сетка квадратов, геометрия раскопов порой была причудлива, их параметры зависели от рельефа местности и наличия крупных деревьев. Вал и площадка городища сильно поросли лесом, культурный слой был пронизан корнями, мешавшими зачистке обреза стенок. Все это создало большие проблемы для последующего понимания планиграфии и стратиграфии памятника в целом. Людей и средств у экспедиции явно не хватало. Возможно, в этой ситуации надо было остановить раскопки, проанализировать первые результаты, составить план будущих исследований или же оставить памятник для нового поколения исследователей. Но этого сделано не было.

В 1998 г. работы были продолжены на тех же раскопах. Основной целью было соединение исследованных площадей и расчистка каменных кладок в основании вала городища (Рябинин 1999: 3). Для этого была завершена прорезка вала с внутренней стороны на раскопе I, с востока к нему был прирезан участок 2 для исследования каменных конструкций (Рябинин 1999: 5). На этом участке был обнаружен угол кладки — точнее ее поворот к северу почти под прямым углом. К северу на расстоянии 3,25 м был разбит участок 3, в котором также были выявлены остатки плитняковой кладки плохой сохранности. Наконец с востока был прирезан участок 4, соединивший раскоп I с траншеей В.П. Петренко 1970-1973 гг. (Рябинин 1999: 6-7).

В этом же году в северной части вала раскоп II был расширен, получил наименование участок 1, и с напольной части вала к нему прирезали участок 2. При раскопках на участке 1 было выявлено 4 объекта — видимо, очажных устройства, связанных с постройками на площадке городища, там же было расчищено несколько столбовых ям (Рябинин 1999: 7-10). Среди камней в конструкциях вала была найдена целая серия черешковых наконечников стрел VIII — начала X в. Этот факт был интерпретирован Е.А. Рябининым как свидетельство штурма укреплений.

Недостатки, методики раскопок, проявившиеся в 1997 г, повторяются и в следующем году (разбивка участков на значительном расстоянии от предыдущих, их неправильная форма и т. д.). Из-за того, что каменные конструкции не разбирали, нет ни одного полного разреза вала до материка. Из положительных изменений стоит отметить применение металлодетектора для поиска небольших находок, соединение раскопа I с траншеей В.П. Петренко и более упорядоченные прирезки к раскопу II, что позволило изучить и укрепления и объекты на жилой площадке городища.

В отчете за 1998 г. Е.А. Рябининым впервые намечена хронология и периодизация памятника на основе новых материалов. Самые ранние слои городища были датированы эпохой палеометалла — раннего железного века и соотнесены с местным финским населением. Ему же, по мнению Е. А. Рябининой принадлежит и первое укрепление на Любше. Каменно-земляную крепость исследователь датирует VIII — концом IX в. и связывает с проникновением в Нижнее Поволжье группы славянского населения из Подунавья (Рябинин 1999: 13).

В следующем 1999 г. разбивка новых участков и прирезок принимает более упорядоченный характер. Видимо на тот момент удалось решить проблему с валкой деревьев, которые раньше старались обходить. Границы раскопов стали четче, хотя некоторые участки (например, участок 3 раскопа II) имеют порой причудливую форму (Рябинин 2000а: рис. 6).

На раскопе I с востока к траншее В.П. Петренко был прирезан участок 5 правильной прямоугольной формы (Рябинин 2000а: 7-9). Он имеет большое значение: его наличие позволит в дальнейшем связать стратиграфию и планиграфию раскопов 1970-1973 с данными раскопок 1997-1999 гг. Результатами работ на участке 5 стали: полный разрез вала до материка (длина 5 м) и расчистка в его основании остатков конструкций из горелых бревен (Рябинин 2000а: 7). На участке 2 раскопа II проводились исследования культурных напластований городища (Рябинин 2000а: 11-12).

К раскопу II с севера был прирезан участок 3 неправильной формы (Рябинин 2000а: 8). Исследование его до материка не было завершено из-за мощных завалов известняковых плит. С юго-восточной стороны раскопа было прирезано несколько квадратов с целью исследования слоя на площадке городища. В центральной части вала с его напольной стороны был заложен новый раскоп III площадью 12,5 кв. м (Рябинин 2000а: 10). Целью, судя по тексту отчета, было исследование характера конструкции вала на центральном участке и стратиграфическая увязка его с остальными раскопами⁶. Как и в предыдущих прирезках, здесь была изучена невысокая плитняковая кладка и сама насыпь вала (Рябинин 2000а: 10).

В ходе раскопок 1999 г. было обнаружено особенно много остатков металлургического производства, получены дополнительные сведения о заселении поселения в раннем железном веке, пополнена керамическая коллекция, которая была обработана и подробно описана Т.Б. Сениченковой (Рябинин 2000а: 12-13).

В 2000 г. площадь раскопок из-за недостатка средств была ограниченной, исследование укреплений городища не производилось. Работы велись только на площадке поселения на раскопе II, к которому был прирезан ряд квадратов с восточной и юго-восточной стороны (Рябинин 2001а: 6). Большого труда стоило убрать с площади раскопа столб ЛЭП и деревья. Общая площадь вскрытия 59 кв. м. В площади раскопа выявлено и разобрано несколько ям, найдены разрозненные куски известняковых плит (Рябинин 2001а: 7-8). Интересны обнаруженные на материке следы древней распашки (Рябинин 2001а: 7).

В следующем году состоялся последний для Волховской археологической экспедиции полевой сезон. О работах этого сезона известно немного, отчет о них так и не был написан. По чертежам, сохранившимся среди бумаг Е.А. Рябинина, можно судить о том, что раскопки велись только на раскопе II, к которому было прирезано около восьми новых квадратов. На исследуемой площади найдены хаотично разбросанные плиты известняка, скопление камней-булыжников

---

⁶ Остается непонятно, каким образом предполагалось стратиграфически увязать новый участок с остальными, поскольку этот участок находился на значительном расстоянии от раскопов I и II, а сведения чертежей на тот момент было затруднительно.

(видимо, остатки отопительного устройства). На материке одного из квадратов были выявлены следы пахоты.

Нужно отметить, что сезон 2001 г. был особенно богат находками: опись включает 254 индивидуальных находки (Рябинин 2001б).

Общая площадь, вскрытая Волховской археологической экспедицией на городище Любша, составляет около 500 кв. м, найдено свыше 1000 индивидуальных находок (Рябинин, Дубашинский 2002: 197, 199-200). Выявлены уникальные для раннесредневековой Руси каменно-земляные укрепления, изучены культурные напластования от «эпохи раннего железа» до конца IX — начала X вв. Однако, детали стратиграфии и планиграфии памятника не вполне ясны: графическая документация разных лет воедино не сведена, раскопы и шурфы не привязаны к единой сетке квадратов, особенности залегания находок зачастую не устоявлены.

Открытым остался вопрос и об особенностях конструкции вала и каменных кладок внутри него, наличии в теле вала каких либо деревянных конструкций. О фортификации более ранней, чем каменно-земляная крепость, имеется крайне противоречивая информация, и само наличие таких укреплений ставится под сомнение. Датировка вала и отдельных элементов его конструкции представляет собой сложную проблему, не решенную до сих пор.

В процессе раскопок 1997-1999 гг. было отобрано 24 пробы угля из различных объектов на анализ С14. Была собрана коллекция из 250 костных останков животных и чешуя различных видов рыб. Для последующей обработки в НИИЗК СПбГУ было передано 20 геологических образцов, были взяты пробы почв для анализа на наличие соединений металлов.

Хронология памятника. Хронология городища Любша, предложенная Е.А. Рябининым строилась на основе результатов радиоуглеродного анализа, проведенного в лаборатории ИИМК РАН. Они были обнаружены А.Ю. Черновым⁷. Среди личных бумаг Е. А. Рябинина имеются выписки из журнала радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН с калиброванными датами образцов. К сожалению, материалы разрознены и нуждаются в дополнительном изучении. Однако на данный момент можно сделать некоторые предварительные самые общие выводы о хронологических диапазонах, которые образуют полученные даты.

В первую группу, определяющую ранний этап освоения Любши, попадают три образца. Самый ранний из них, Ле-5659 (Р. II, уч. 2, кв. 19-21), взятый из-под каменной вымостки, трассирующей насыпь первоначального вала, дал дату III-IV вв. Следующую хронологическую отметку дали два образца Ле-5658 (Р. II, уч. 2, кв. 19-21), взятый из перемешанного супесного слоя, и Ле-5661 (Р. II, уч. 2) из нижней части насыпи вала, под основанием первоначальных деревянных конструкций на предматерике. Они были датированы серединой V–VI вв. Этот период ярко характеризуется находками раннего железного века и римского времени: серповидными ножами, костяными наконечниками стрел, кремневыми орудиями, соответствующей керамикой.

Следующий этап жизни на поселении маркирован более представительной выборкой образцов: Ле-5656 (Р. II, уч. 1, кв. 21), Ле-5657 (Р. II, уч. 1, кв. 19-21,

---

⁷ <http://chernov-trezin.narod.ru/Ladoga3.htm>

нижний углистый слой), Ле-5660 (Р. II, уч. 2, кв. 10-12, углистый слой на предматерике), Ле-5662 (Р. II, уч. 3, под основанием кладки поверх слоя гумусированной супеси). Данный хронологический период может определяться в диапазоне от VI до VII вв. Надо отметить, что все ранние образцы происходят из раскопок 1999 г. из квадратов 10-12 и 19-21 раскопа II. Видимо именно на том участке следует искать наиболее ранние объекты на площадке городища Любша. Однако выделить пласт находок этого периода крайне сложно, и они немногочисленны. В эту группу следует включить некоторые элементы поясной гарнитуры, возможно, керамику слабопрофилированных форм, отдельные наконечники стрел и другие железные изделия.

Период VII–VIII вв. на поселении представлен тремя образцами Ле-5485 (Р. II, уч. 2 горелый слой эпохи раннего металла), Ле-5484 (Р. II, уч. 2, горелый слой эпохи раннего металла), Ле-5487 (Р. I, насыпь вала, напольная сторона под красной глиной над темно-желтым песком). Последующий хронологический этап VIII — начала IX в. подкреплен двумя образцами: Ле-5483 (Р. II, уч. 2, слой пожара с напольной стороны вала), Ле-5489 (Р. II, уч. 2, кв. 2, траншея с напольной стороны вала, горелые бревна в основании вала). Эти образцы были получены в 1997-1998 гг., когда велись активные раскопки укреплений городища. Ранний вал Е.А. Рябинин датировал VII — первой половиной VIII в., а каменно-земляную крепость относил к середине VIII — середине IX в. Этот период жизни на городище полно представлен комплексом находок эпохи викингов: железные изделия, украшения из цветных металлов, бусы, костяные поделки и керамика.

Археологические источники и их отражение в научных публикациях и выставочных проектах. Документация по раскопкам на Любше находилась у Е.А. Рябинина и А.В. Дубашинского. Коллекции индивидуальных находок и керамики хранились дома у Е.А. Рябинина. Сотрудником Волховской экспедиции Д.В. Ефимовой была проведена частичная шифровка керамического материала 2000-2001 гг. Его обработка и анализ позже были проведены Т.Б. Сениченковой.

В марте 2000 г. Е.А. Рябининым была организована выставка «Тысячелетие Северной Европы», которая разместилась в одном из залов Союза художников Санкт-Петербурга. Финансовую помощь при проведении мероприятия оказал Межрегиональный фонд делового сотрудничества «Развитие регионов». Всего на экспозиции было представлено 168 предметов из раскопок Любши: изделия из черных и цветных металлов, украшения, костяные поделки, бусы, керамика, каменные орудия. Состав экспонируемых предметов создавал полную картину материальной культуры населения Нижнего Поволжья от эпохи раннего железа до конца IX — начала X в. Можно было получить представление о хозяйстве древнего населения городища, ремеслах, торговле и военном деле. Выставка сыграла важную роль в просвещении и информировании жителей Санкт-Петербурга о новейших археологических открытиях. Городище Любша позиционировалась авторами экспозиции как самое раннее поселение в низовьях Волхова, и вообще на Северо-западе Руси, Петербург представлялся как его прямой наследник.

Впервые некоторые размышления об этнической истории городища Любша были высказаны Е.А. Рябининым в статье «Этнокультурная панорама северо-западной Руси в эпоху раннего средневековья» (Рябинин 2000: 111-120). Сюжет о

Любше включен в общую канву рассказа об этнокультурной истории дославянского населения Нижнего Поволжья. Отмечалось наличие хронологической лакуны между памятниками эпохи раннего металла и основанием в 753 г. Ладоги (Рябинин 2000б: 113). По мнению автора, эту лакуну закрыли раскопки на городище Любша, где были выявлены древности III-IV вв. н. э. Первые укрепления городища Е. А. Рябинин связывает с культовым центром местной чуди VII в, а каменно-земляную крепость со славянским населением, которое обосновалось на этой территории в VIII в. (Рябинин 2000б: 114). Процесс слияния славянских и чудских элементов культуры определялся как начало формирования древнерусской народности Северо-запада.

В 2002 г. Е.А. Рябинин совместно с А.В. Дубашинским опубликовал статью, в которой были кратко описаны результаты раскопок Любши 1997-2001 гг. (Рябинин, Дубашинский 2002: 196-203). В публикации приведено описание частичного разреза вала, произведенного на раскопе I (Рябинин, Дубашинский 2002: 198), дана характеристика стратиграфии участка, отмечено наличие конструкций из плитняка и следов древесного тлена в теле насыпи, выдвинуто предположение об их функциональном назначении. Кроме того, в статье кратко охарактеризован культурный слой на площадке городища и отмечено наличие очажных устройств (Рябинин, Дубашинский 2002: 199). В целом, статья скомпонована из фрагментов полевых отчетов разных лет. В финальной части статьи приведено краткое описание археологических находок по категориям вещей (Рябинин, Дубашинский 2002: 200-202). Начальное заселение площадки городища Е.А. Рябинин и А.В. Дубашинский связывают с эпохой раннего металла / раннего железного века. Следующий этап, по мнению авторов, связан с переселением в этот район в VII-VIII вв. группы славянского населения из Подунавья. В VIII в. строится любшанская каменно-земляная крепость, уничтоженная во второй половине IX в. (Рябинин, Дубашинский 2002: 202). Это событие авторы статьи связали с междоусобицей местных племен или с призванием варягов и высказали предположение, что крепость могла быть уничтожена во времена Олега Вещего (Рябинин, Дубашинский 2002: 203).

В последующей статье Е.А. Рябинина была представлена несколько иная концепция развития и хронологии памятника. Первыми обитателями Любши (с I-V вв. н. э.) названы финны (Рябинин 2002: 53-54). С VI в. они строят первые укрепления городища, ограждающие рыболовецкую стоянку и языческое святилище. Особо отмечено большое количество найденных в слое костей рыб и открытые раскопками примитивные очаги (Рябинин 2002: 54). Постройку каменно-земляной крепости Е.А. Рябинин относил к началу VIII в. (Рябинин 2002: 54), и связал со славянскими переселенцами из Подунавья, Великой Моравии или Польши. Кратко описав находки и уклад жизни обитателей крепости автор датировал разрушение Любши второй половиной IX в. (Рябинин 2002: 55-56).

Интересны альбомы фотографий с комментариями Е.А. Рябинина, посвященные Старой Ладоге и Любше: «У истоков Северной Руси. Новые открытия» (Рябинин, Коротенко 2003а) и «Русь изначальная» (Рябинин, Коротенко 2003б). Эти издания были подготовлены в целях популяризации археологического и культурного наследия Северной Руси. В альбомах были

опубликованы фотографии некоторых индивидуальных находок из раскопок городища Любша (Рябинин, Коротенко 2003а: 178-219; 2003б: 171-207) и была впервые представлена научная реконструкция каменно-земляных сооружений крепости, выполненная архитектором НИИ «Спецпроектреставрация» И.Л. Воиновой (Рябинин, Коротенко 2003а: 178; 2003б: 172). Эти альбомы долгое время были основным источником информации о результатах раскопок на городище Любша 1997-2001 гг.

В 2003 году Российский фонд фундаментальных исследований поддержал проект «Любшанское городище. Материалы и междисциплинарные исследования», руководителем которого был утвержден Е.А. Рябинин (№ 03-06-80431). В реализации проекта участвовали сотрудники Института истории материальной культуры РАН, Института археологии РАН, Государственного Эрмитажа, Геологического факультета СПбГУ, Института Земной Коры СПбГУ (Н.Д. Бурова, А.Н. Егорьков, Т.Б. Сениченкова, Э.С. Плешивцева, М.В. Шитов)⁸. В рамках гранта предполагалась всесторонняя характеристика и интерпретация материалов раскопок, реконструкция укреплений городища, подготовка и публикация результатов естественнонаучных анализов, издание отдельных статей по категориям вещей, исследование палеопочв Любши. Итогом проекта должна была стать коллективная монография «Городище Любша в Нижнем Поволжье. Материалы и междисциплинарные исследования».

В рамках работы над проектом М.А. Юшкова выделила и атрибутировала материал городища, относящийся к эпохам раннего металла и раннего железного века. Был подготовлен соответствующий отчет, но статья так и не была опубликована. А.Н. Егорьковым был сделан анализ состава металла сырьевых слитков, найденных на городище; Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой — металлографический анализ железных изделий. О.А. Щеглова опубликовала серию статей, посвященных ювелирному делу городища Любша. З.А. Львова подготовила статью по любшанским бусам. В лаборатории ИИМК РАН были получены радиоуглеродные даты и результаты палинологических исследований. Т.Б. Сениченкова исследовала керамику Любшанского городища. Н.В. Бурова провела обработку остеологического материала. Не все подготовленные работы исполнителей проекта были опубликованы: многие остались на стадии отчетов о выполненных темах. В рамках проекта в сентябре 2003 г. на городище Любша работала геологическая практика НИИЗК СПбГУ под руководством М.В. Шитова. В результате всех этих исследований в различных сборниках был опубликован ряд статей по археологии и геологии Любшанского городища и его окрестностей, которые составили комплекс научных знаний о памятнике.

В 2002-2004 гг. вышли из печати ряд статей О.А. Щегловой посвященных свинцово-оловянным украшениям на территории Северо-запада Руси VII–X вв. (Щеглова 2002: 134-150; 2003: 38-46; 2004: 263-271). Находки данной категории из раскопок городища Любша были введены в общую классификацию, изданы литейные формы для их изготовления. Любшанские формочки для отливки украшений нашли свои аналогии в материалах Старой Ладogi, городища Камно, Труворово городища в Изборске и Псковского городища. О.А. Щеглова выявила

---

⁸ В апреле 2004 г. в связи с болезнью Е. А. Рябинина обязанности руководителя проекта взяла на себя О.А. Щеглова.

генетическую связь этих вещей со славянскими памятниками VI–VII вв. в Румынии, Поднестровье, Побужье и Польше. Серия публикаций посвященных ювелирному делу Любши была продолжена в 2014 г. совместной статьей О.А. Щегловой и Н.В. Григорьевой (Щеглова, Григорьева 2014).

В 2008 г. вышла из печати совместная статья Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой, Е.А. Рябинина и О.А. Щегловой «Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища» (Розанова, Терехова, Рябинин, Щеглова 2008: 13-48), в которой были опубликованы результаты металлографического анализа 119 предметов быта и вооружения из раскопок 1997–2001 гг. Авторы отметили архаичность технологии изготовления железных предметов и почти полное отсутствие в материалах техники сварного пакета на клинках ножей. Любшанская коллекция, по мнению исследователей, находит себе соответствие в материалах восточнославянских памятников VI–VIII вв. (Розанова, Терехова, Рябинин, Щеглова 2008: 45-47). На этом основании был сделан вывод о более ранней датировке Любшанского городища по сравнению с Ладогой и Труворовым городищем, и об архаичности традиции изготовления железных изделий.

Отдельно стоит остановиться на работах на городище Любша научного коллектива геологов и почвоведов во главе с М.В. Шитовым. В рамках гранта РФФИ № № 03-06-80431 в 2003 г был проведен анализ почв с территории памятника на наличие в них осадков тяжелых металлов. Результаты были опубликованы в статье «Палеопочвы Любши — свидетельство ландшафтно-геохимических условий Нижнего Поволжья в раннем Средневековье» (Алещукин, Рябинин, Шитов 2003: 52-63). Погребенные почвы и культурный слой городища Любша были признаны пригодными к такому анализу, поскольку расположены на большом удалении от современных производственных центров, отходы которых загрязняют землю осадками различных металлов (Алещукин, Рябинин, Шитов 2003: 54). Одновременно был проведен анализ условий формирования стратиграфических слоев на территории памятника.

Было установлено, что в основании культурного слоя залегают погребенные дерново-подзолистые почвы мощностью 20-35 см, состоящие из двух горизонтов. В верхней их части (III–V вв.) встречена рыба чешуя, угли кострищ и керамика раннего железного века (Алещукин, Рябинин, Шитов 2003: 55-56). Содержание металлов в почве минимально. Данная прослойка соотносится авторами со стоянкой финнов-рыболовов. Возникновение первого укрепления датируется в работе VI–VII вв., при этом по найденным шлакам и некоторым металлическим изделиям местного производства фиксируется зарождение металлообработки. Возведение второго вала с каменными конструкциями авторы статьи относят к рубежу VII и VIII вв., и отмечают, что на Любшанском городище с этого времени располагался ремесленный комплекс, который включал гончарное, стекольное, металлургическое и металлообрабатывающее производства (Алещукин, Рябинин, Шитов 2003: 56-57). Об этом, по мнению исследователей, свидетельствуют многочисленные находки керамики, бус, шлаков и изделий из металла. Анализ почв из насыпи укрепления не производился, поскольку они были перемешанные. Гибель поселения относят к середине — концу IX в., после чего поверх древних напластований сформировались современные почвы с сильным антропогенным воздействием (Алещукин, Рябинин, Шитов 2003: 56-57).

По результатам анализов содержания металлов удалось выяснить, что концентрация цинка, меди и других металлов существенно возрастает в период с IV до IX вв, тогда, когда финское население рыболовов и охотников сменилось славянами, которые активно использовали металлургию (Алешукин, Рябинин, Шитов 2003: 59). Максимумы эти показатели достигают в VIII–IX вв, что свидетельствует о высокой интенсивности металлообработки в этот период.

Последней печатной работой, опубликованной накануне смерти Е.А. Рябиной, стала статья З.А. Львовой о стеклянных бусах Любши (Львова 2009: 467-478). На основе анализа соответствующего вещевого материала автор утверждала, что типов бус, характерных для Земляного городища VIII–IX вв, среди находок на Любшанском городище почти не встречено. Отмечалось полное отсутствие в любшанских слоях рубленого бисера VIII–X вв. и наличие большого количества бус из синего стекла VII–IX вв. в виде куба со срезанными углами (Львова 2009: 473-474). Бусы городища Любша нашли свои аналоги в Моравии, Восточной Германии, на Северном Кавказе, Польше, Чехословакии и Болгарии. В работе было высказано утверждение об архаичности всего комплекса стеклянных бус Любши и о его своеобразии по сравнению с материалами поселений эпохи викингов (Львова 2009: 468, 477).

Т.Б. Сениченкова обработала и издала керамическую коллекцию городища Любша (Сениченкова 2010: 68-94; 2012: 256-278). Были исследованы 2500 фрагментов керамики и разделены на три группы: первая группа — керамика эпохи раннего металла, вторая группа — лепная керамика второй половины — конца I тысячелетия н. э. и третья группа — керамика позднего средневековья и Нового времени XV–XVIII вв. (Сениченкова 2012: 273-275). Материал раннего железного века датирован суммарно от VIII–V вв. до н. э. до II–III вв. н. э. Аналогии им были отмечены в Поволховье, Прионежье, а также на территории Белоруссии (Сениченкова 2012: 260-261). Было выделено 9 типов керамики второй группы; особо следует отметить наличие среди них слабопрофилированных сосудов, которые могут относиться к третьей четверти I тыс. н. э. (Сениченкова 2012: 264-266). Более всего на памятнике представлена так называемая керамика «ладожского типа» с ребром, а также горшки с S-видным профилем. Подобные изделия имеют самое широкое распространение на памятниках эпохи викингов Северо-Западной Руси (Сениченкова 2012: 268-269). В целом отмечена общая архаичность керамического комплекса и способа изготовления керамики, а также определено стопроцентное соотношение по типам ладожской и любшанской керамики (Сениченкова 2012: 262, 272). На основании керамического материала было выделено четыре периода его существования. Первый — рубеж эпохи бронзы и раннего железа (вторая четверть I тыс. до н. э.), второй — ранний железный век (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.), третий — возможно третья четверть I тыс. н. э. — первая четверть X в. и четвертый период XV–XVIII вв. (Сениченкова 2012: 273-275). Основной период функционирования поселения отнесен к последней четверти I тыс. н. э.

Подводя итоги предпринятого обзора подчеркнем, что из более, чем 1000 находок с городища Любша в публикациях подробно освещены только отдельные категории предметов и керамика. Остается незавершенным изучение материалов

эпохи палеометалла и раннего железа. Материалы эпохи средневековья также нуждаются в продолжении исследований.

Перспективы исследования. В 2014 г. научный коллектив отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН получил грант Президиума РАН. В рамках этого проекта было решено полностью собрать все имеющиеся в нашем распоряжении материалы и документы о раскопках на городище Любша с 1968 по 2001 гг. Удалось обнаружить полевые чертежи самого проблемного сезона 2001 г, ранее считавшиеся утраченными, рисунки индивидуальных находок, данные естественнонаучных методов, в частности заключение по радиоуглеродным датировкам. В настоящее время в нашем распоряжении имеются чертежи 1997-2000 гг., инструментальные топографические планы городища а также черновые материалы полевых отчетов. В первую очередь планируется свести воедино все чертежи 1970-2001 гг., и привязать их к инструментальному плану памятника. Только после этого появится возможность реконструировать укрепления городища на разных этапах его существования, выделить и хронологически соотнести различные комплексы и объекты, выявленные по площадке поселения. Важной задачей является также комплексный анализ вещевой коллекции памятника. Необходимо в полной мере ввести материалы раскопок в научный оборот. Итогом этой работы должна стать коллективная монография, посвященная древностям городища Любша и памятникам округа Старой Ладogi.

Литература

- Алецукин, Рябинин, Шитов 2003 — *Алецукин Л.В., Рябинин Е.А., Шитов М.В.* Палеопочвы Любши — свидетельство ландшафтно-геохимических условий Нижнего Поволжья в раннем Средневековье // Вестник Санкт-Петербургского Университета, серия 7, выпуск 2, геология, география. СПб. 2003.
- Давидан 1976 — *Давидан О.И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник государственного Эрмитажа. Вып. 17. Л. 1976.
- Доленга-Ходаковский 1838 — *Доленга-Ходаковский З.* Отрывки из путешествия по России // Русский исторический сборник, Т. 3. М. 1838.
- Кузьмин 1989 — *Кузьмин С.Л.* Малые дома Старой Ладogi VIII-IX вв.//Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1989.
- Кузьмин, Петров 1990 — *Кузьмин С.Л., Петров Н.И.* «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII-XI вв.// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1990.
- Львова 2009 — *Львова З.А.* Стекланные бусы Любши //Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран Т. 1. М. 2009.
- Орлов 1969 — Отчет *Орлова С.Н.* о раскопках в долине реки Волхов в 1968 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 123, д. 124. 1969.
- Петренко, Шитова 1985 — *Петренко В.П., Шитова Т.Б.* Любшанское городище и средневековые поселения северного Поволжья // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.
- Розанова, Терехова, Рябинин, Щеглова 2008 — *Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Рябинин Е.А., Щеглова О.А.* Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища // Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья, выпуск 2. СПб. 2008.

Рябинин 1983 — *Рябинин Е.А.* Новые данные о раннем ладожском домостроительстве // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига. 1983.

Рябинин 1994 — *Рябинин Е.А.* У истоков ремесленного производства в Ладогe (к истории общепольских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. 1994.

Рябинин 1997 — *Рябинин Е.А.* Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе (по материалам исследований Ладогe VIII-IX вв) // Двинец старолдожский. СПб. 1997.

Рябинин 1998 — *Рябинин Е.А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища в 1997 г. Архив ИА РАН. Ф. 1, р. 1, № 21337. 1998.

Рябинин 1999 — *Рябинин Е.А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища (Волховский район Ленинградской области) в 1998 г. Архив ИА РАН. Ф. 1, р. 1, № 22062. 1999.

Рябинин 2000а — *Рябинин Е.А.* Отчет Волховского археологического отряда ИИМК РАН в 1999 г. Архив ИА РАН. Ф. 1, р. 1. № 22205. 2000.

Рябинин 2000б — *Рябинин Е.А.* Этнокультурная панорама Северо-западной Руси в эпоху раннего и развитого средневековья // Культурное наследие Российского государства. СПб. 2000.

Рябинин 2001а — *Рябинин Е.А.* Отчет Волховской экспедиции ИИМК РАН о полевых исследованиях Любшанского городища в Волховском районе Ленинградской области в 2000 г. Архив ИА РАН. Ф. 1, р. 1, № 22206. 2001.

Рябинин 2001б — *Рябинин Е.А.* Волховский отряд. Описание находок из раскопок городища Любша в 1997-2001 гг. Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1 д. 10.

Рябинин 2002 — *Рябинин Е.А.* Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволховье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, образование, история Ленинградской области. Тезисы научно-практической конференции. СПб. 2002.

Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е.А., Дубашинский А.В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.

Рябинин Е. А., Коротенко 2003а — *Рябинин Е.А., Коротенко И.А.* У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб. 2003.

Рябинин Е. А., Коротенко 2003б — *Рябинин Е.А., Коротенко И.А.* Русь изначальная. СПб. 2003.

Сениченкова 2010 — *Сениченкова Т.Б.* Керамика Любшанского городища. // Acta Archaeologica Albaruthenica, Vol. VI. Минск. 2010.

Сениченкова 2012 — *Сениченкова Т.Б.* Керамика Любшанского городища // Истоки славянства и Руси. X чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2012.

Чернов 1998 — *Чернов А.Ю.* Так вот, где таилась Россия моя // Огонек № 29 от 26.07.1998.

Чернов 1999а — *Чернов А.Ю.* Здесь была столица России // Огонек № 8 от 22.02.1999.

Чернов 1999б — *Чернов А.Ю.* Загадки озерных людей // Огонек № 9 от 1.03.1999.

Щеглова 2002 — *Щеглова О.А.* Свинцово-оловянистые украшения VIII-X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.

Щеглова 2003 — *Щеглова О.А.* Свинцово-оловянные украшения VIII-X вв. из Старой Ладogi и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // *Ладога и истоки российской государственности и культуры.* СПб. 2003.

Щеглова 2004 — *Щеглова О.А.* Тисненные изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске // *Восточная Европа в Средневековье.* М. 2004.

Щеглова, Григорьева 2014 — *Щеглова О.А., Григорьева Н.В.* Матрицы, отливки и тисненные «бляшки с крестом» в материалах Причудья и Нижнего Поволховья: техники разные, тип один // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья,* выпуск 4. СПб. 2014.

УКРАШЕНИЯ ИЗ ЛЕГКОПЛАВКИХ СПЛАВОВ В КУЛЬТУРЕ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И ПОИСК АНАЛОГИЙ

Мелкие украшения из оловянистых сплавов (преимущественно привески или нашивные бляшки), широко распространенные в Восточной Европе в раннем средневековье, уже не раз привлекали внимание исследователей (Дайга 1960; Моора 1963; Горюнова 1987; Шаблавина 1999; Щеглова 2002, 2009; и др.)¹.

Чрезвычайно важны для изучения этой категории предметов находки оловянистых украшений и формочек для их отливки на Староладожском Земляном городище, где они обнаружены преимущественно в толще слоя E, то есть – с середины VIII до середины X в. (Давидан 1980, 1994; Рябинин 1985; Мачинская 1988; Щеглова 2002; Григорьева, Щеглова 2012). Оловянистые украшения, происходящие из дендродатированных слоев Ладоги, многочисленны и разнообразны и представляют собой надежно датированные аналогии для материалов других памятников.

Среди прочих раннесредневековых культур Северо-Запада традицию изготовления и употребления мелких украшений из сплавов на основе олова восприняла и культура псковских длинных курганов (КДК).

Сами по себе оловянистые украшения, легко разрушающиеся со временем, в материалах КДК единичны. Можно назвать находку фрагмента пельтовидной привески-лунницы в могильнике Березно I (курган 15, погр. 1), мелких фрагментов неопределимого маленького украшения (возможно, бусины или полусферической бляшки) в том же могильнике (курган 14, погр. 1) и миниатюрную ширококорогую лунницу из могильника Которск XII (курган 1, погр. 7; см.: рис. 1, 1, 2). Оба памятника расположены в верхнем течении реки Плюссы на севере современной Псковской области (Михайлова 2010а: 16, 23, рис. 16, 4; Кузьмин 2003: рис. 3, 9).

Еще на нескольких памятниках КДК встречены части каменных разъемных форм для отливки таких украшений. Это три формы, найденные в кургане 6 могильника Лоози и обломки восьми форм из кургана 6 могильника Арнико III в Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 108, 123), а также находка на поселении Съезжее в бассейне реки Мсты (Носов 1981: 68). Формочка, предназначавшаяся для отливки очковидных привесок, найденная на селище Городок 1, также в Помостье, сделана из глины (Исланова 2006: рис. 117, 1).

Как составную часть того же производственного комплекса, надо рассматривать глиняные льячки с ручкой-втулкой. В Арнико III льячка найдена вместе с обломками формочек. Кроме того, льячки найдены в погребении в могильнике Подол I на озере Кафтино (Черных, Малыгин, Томашевич 1998: 405,

---

¹ Из авторов, обращавшихся к теме мелких украшений из легкоплавких сплавов, наиболее объемные и методически последовательные работы принадлежат О.А. Щегловой, рассмотревшей набор этих украшений в его типологическом разнообразии и выделившей отдельные локальные группы типов и форм оловянистых украшений. Следуя ее методике, написано и это сообщение. Пользуюсь случаем поблагодарить А.Г. Фурасьева и А.В. Плохова за помощь при работе с иллюстрациями.

рис. 7, 2), а также на селищах Колода на р. Сабе – притоке р. Луги (Михайлова 2010б: 88, рис. 9, 1) и Городок 1, Бологое и Овсище в верхнем течении Мсты (Исланова 2006: рис. 117, 2–9).

Несколько форм для литья оловянистых украшений, льячки и целый тигель встречены также в нижнем слое Изборского (Труворова) городища (Седов 2007: 98–100), культурно связанного с псковскими длинными курганами, но этот сложный памятник требует отдельного рассмотрения.

На формочках, найденных в памятниках КДК, вырезаны негативы следующих украшений:

- плоская округлая или овальная (возможно, пельтовидная) привеска с ушком (рис. 1, 9);

- небольшая розетка или колечко с зазубренным краем (рис. 1, 10);

- миниатюрные полусферические блюдки или накладки (бусинки ?; см.: рис. 1, 12, 14);

- параллельные узкие с раздвоенными окончаниями концы плоского украшения (рис. 1, 7);

- фрагмент прямоугольной накладки с поперечными линиями по узкому краю (изображение сильно стерто; см.: рис. 1, 11);

- квадратная блюдка с лопастями (блюдка-обоймица ?; см.: рис. 1, 16);

- негативы для петель крепления литых украшений (неглубокие углубления, расположенные вдоль канала для стержня; см.: рис. 1, 13, 15);

- пельтовидная лунница (рис. 1, 8);

- пельтовидная лунница с рубчатой полосой по краю (рис. 1, 3);

- две ажурные узкие высокие треугольные привески с рубчатой полосой по контуру (рис. 1, 4);

- треугольная привеска с треугольными выступами на основании (рис. 1, 5);

- квадратная накладка или привеска с орнаментом по всему полю (изображение сильно стерто; см.: рис. 1, 17);

- очковидная привеска (рис. 1, 18).

Большинство из них относится к широко распространенным формам, некоторые не имеют точных соответствий в известных материалах. Рассмотрим аналогии конкретным изображениям.

Пельтовидные привески (рис. 1, 3, 8) уже не раз обсуждались в археологической литературе, в том числе и в связи с находкой из Лоози (Каргапольцев, Бажан 1993; Исланова, Мирецкий 1997; Щеглова 2002: 140; Maćhuńska 2005; Михайлова 2014: 93–97). Пельтовидные привески-лунницы как таковые широко распространены в европейских древностях, однако среди оловянистых отливок они не часты.

Довольно точное соответствие привески из Лоози и Съезжего находят на памятниках типа Подол в Верхневолжье, проанализированных И. В. Ислановой (Исланова 2014).

На найденных на селище Подол III и городище Осечен литейных формах имеются негативы пельтовидных лунниц с аналогичным оформлением концов в виде закрученных вовнутрь спиралей и с округлыми выпуклостями в центре привески (Фурасев 1996: рис. 11, 11; Исланова, Мирецкий 1997: 16, рис. 2, 3). Негативы пельтовидных лунниц сочетаются на формочках с негативами

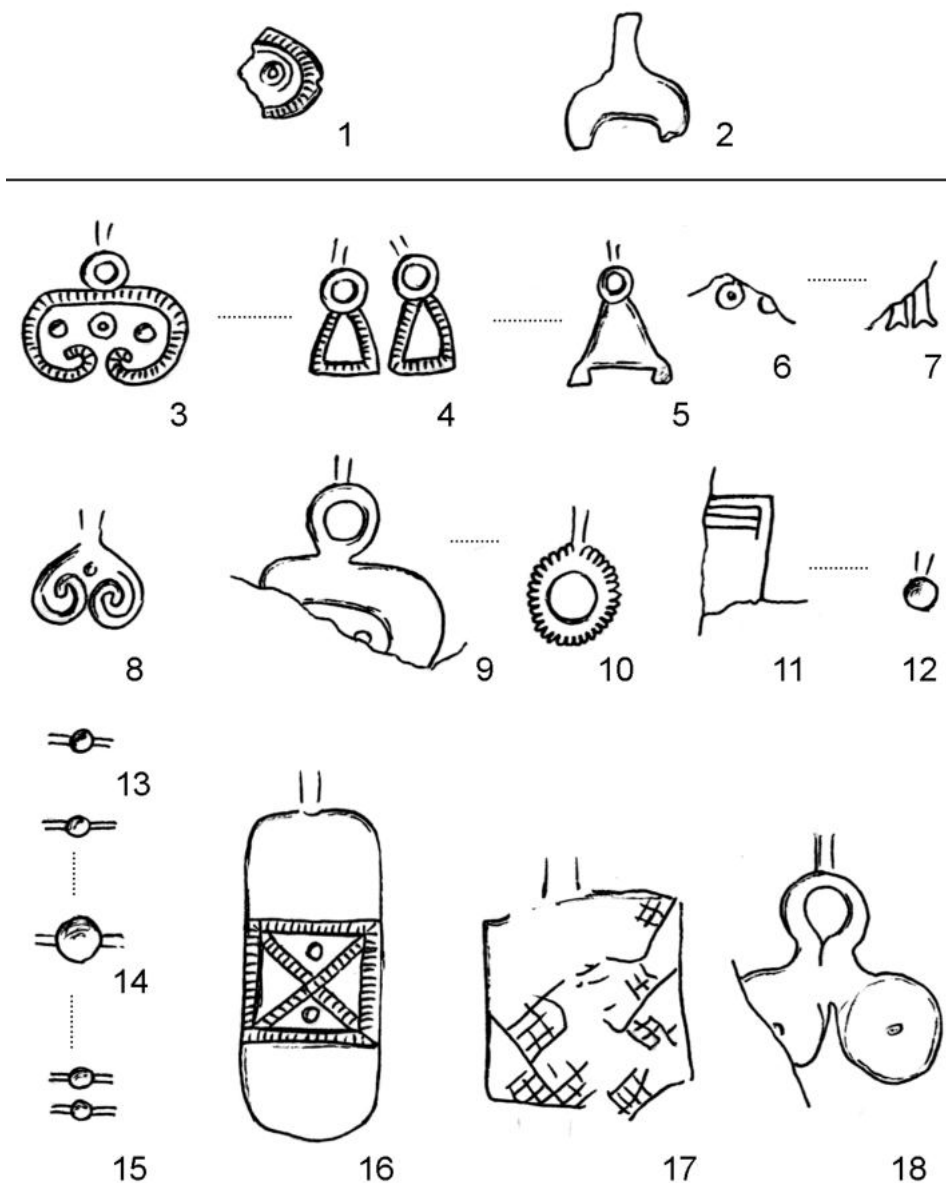

Рис. 1. Оловянистые украшения и их изображения на литейных формах из памятников культуры длинных курганов (1, 2 – отливки; 3–18 – негативные изображения, пунктирными линиями соединены изображения, вырезанные на одной форме). 1 – Березно I, курган 15, погр. 1; 2 – Которск XII, курган 1, погр.7; 3–5, 17 – Лоози, курган 6; 6, 7, 9–16 – Арнико III, курган 6, погр. 1; 8 – Съезжье; 18 – Городок 1.

трехрoгих лунниц, а также других украшений, тоже имеющих аналогий в находках из КДК.

Отдаленно напоминают интересующие нас украшения негативы на формочках, найденных на позднедьяковском городище Кикино (Вишнеvский 1998: 365, рис. 2, 26) и на пражском городище Зимно (Ауліх 1972: табл. XV, 5).

Ажурные узкие треугольные привески (рис. 1, 4) – одна из самых распространенных форм среди мелких украшений из оловянистых сплавов. Наиболее ранние из них, по-видимому, представлены на литейных формочках из Бернашевки (комплекс датируется временем после середины VI в.; см.: Винокур 1997: 39; Гавритухин 2005: 415). На южных территориях похожие, но не аналогичные привески встречены также в составе Великобудковского клада второй половины VII в. (Горюнова 1992: рис. 2, 4; Гавритухин, Щеглова 1996: 54–55).

На памятниках Северо-Запада аналогичные привески либо их негативы относятся к более позднему времени: они найдены в нижних слоях Староладожского Земляного городища (Рябинин 1985: 66, рис. 23, 3; Григорьева, Щеглова 2012: 251, 253, рис. 2, 1), в нижнем слое Изборского (Труворова) городища (VIII – первая половина X в., см.: Седов 2007: рис. 78, 1, 2), в нижнем слое городища Камно (VIII–IX вв., см.: Закурина 2013: рис. 6, 1), на селище Хачево (вторая половина VIII – IX в., см.: Еремеев, Дзюба 2010: 256, рис. 238, 1), на Лукомльском городище (Штыхов 1978: 49, рис. 18, 2).

Среди негативов изображений, вырезанных на формах с городища Осечен, имеется треугольная подвеска с рубчатым контуром, однако по ее нижнему краю идет ряд маленьких кружков (Исланова, Мирецкий 1997: рис. 2, 3).

Полусферические бляшки (рис. 1, 12, 14) – также очень простая и широко распространенная форма (Щеглова 2002: 143). В лесной зоне можно указать, в частности, формы для их отливки, найденные на дьяковских памятниках (Дьяково, Троицкое, Луковня, Боршева, Огубское, см.: Кренке, Тавлинцева 2011б: 102). Любопытна также форма из мелкозернистого песчаника, найденная на городище Воронич на Сороти: первоначально на ней был вырезан негатив миниатюрной полусферической бляшки, а гораздо позднее, уже в древнерусское время, та же форма была использована для отливки свинцовых заготовок для активных печатей (Белецкий 2004: 22–24 рис. 38).

Петли для крепления мелких бляшек (рис. 1, 13, 15), вырезанные на формочках, распространены повсеместно. Интересно, что среди бронзовых украшений КДК нашивные бляшки с петельками не известны, хотя формочки из Арнико и, возможно, Воронича позволяют предположить бытование оловянных бляшек с ушком-петелькой.

Небольшие *розетки с зубчатым краем* (рис. 1, 10) – еще одна широко распространенная форма, известная во всех районах распространения оловянистых бляшек. Они известны, в частности, в Ладоге, Пскове, Камно, на дьяковских городищах (Дьяково, Луковня, Успенское, Щербинское), на городище Осечен, городище Рыуге, городище Талси (Щеглова 2002: 143, рис. 5, 6–12; Кренке, Тавлинцева 2011б: 102; Исланова, Мирецкий, 1997: рис. 2, 1, 2; Аун 1992: табл. XIX, 9; Дайга 1960: рис. 2, 10).

Вытянутые *прямоугольные накладки с поперечными линиями* по краям (рис. 1, 11) встречены практически повсеместно (Щеглова 2002: 144). В том

числе, они найдены на севере на городищах Камно и Любша (Щеглова 2002: рис. 3, 19, 20), городище Осечен (Исланова, Мирецкий, 1997: 15, рис. 2, 2), на дьяковских городищах (Кренке, Тавлинцева 2011б: 103), на городищах Юго-Восточной Эстонии (Рыуге, Отепя, см.: Шмидехельм 1959: табл. V, 6а, 10; Аун 1992: табл. XIX, 8, 9), на селище Юрьевская Горка (Исланова 1997: рис. 83, 9).

В отличие от прямоугольных, *накладки подквадратной формы* известны на более узкой территории (Щеглова 2002: 144). Негатив крупной орнаментированной квадратной наклейки на формочке из Лоози (рис. 1, 17) сохранился плохо, но, по-видимому, с ним можно сопоставить негативы на формочках из Камно и Изборска с простым «клетчатым» орнаментом, а также квадратные наклейки из тех же памятников и Бернашевки с орнаментальной композицией, в основе которой лежит косой крест (Щеглова 2002: рис. 3, 1–8).

Четырехугольные бляшки с «лопастями» (рис. 1, 16) могли быть разновидностью квадратных бляшек-обоймиц (подробнее см.: Михайлова 2014: 68). Аналогичные бляшки найдены в верхнем слое Дьякова городища (Кренке, Тавлинцева 2011б: 103), на селище Подол III (Фурасев 1996: 18, рис. 11, 9, 11) и городище Осечен (в данном случае на негативе вырезаны не выделенные «лопасти», а скругленные края, см.: Исланова, Мирецкий, 1997: рис. 2, 3).

Очковые привески среди оловянистых украшений редки. Очень похожи на находку из Городка (рис. 1, 18) изображения на формах из Осечена и Изборска (Исланова 2014: рис. 11, 2; Седов 2007: рис. 78, 8). Еще одна находка происходит с территории Румынии (Щеглова 2002: 143, рис. 5, 22). «Очковые» привески из Камно и Ладоги имеют другие пропорции, их можно описать скорее как узкие высокие треугольники с ушком-петлей и большими круглыми выступами на нижних углах (Щеглова 2002: рис. 5, 24, 25).

Подводя итоги, можно указать несколько групп памятников, где полнее всего представлены отливки или литейные формы, аналогичные встреченным в КДК. Это городища Юго-Восточной Эстонии, географически близкие могильникам в Лоози и Арнико, а также памятники типа Подол в Верхневолжье и некоторые дьяковские памятники, в первую очередь эпонимное Дьяково городище. Именно с памятниками волжского бассейна сходство прослеживается наиболее отчетливо, особенно выразителен здесь крупный набор форм из могильника Арнико III.

О.А. Щеглова отметила как одну из особенностей «верхневолжских» формочек то, что большинство из них несет по несколько негативов каждая (Щеглова 2002: 137), то же можно сказать и о формочках из длинных курганов. Подчеркнув, что сходные варианты оказываются не только отдельные изображения, но и их сочетания, размещенные на конкретных формочках. Так, на формочках с городища Осечен представлены следующие сочетания изображений:

пельтовидная привеска-лунница – две разные трехрогие лунницы – вытянутая овальная пластина (обойма?) с глазковым орнаментом – узкая прямоугольная наклейка, покрытая перекрещивающимися косыми штрихами (Исланова 2014: рис. 11, 1);

очковая привеска с рубчатым краем – прямоугольная наклейка с группами полос вдоль коротких краев – прямоугольная наклейка, орнаментированная

мелкой косой сеткой – ажурная треугольная привеска с рубчатым контуром и мелкими шариками по нижнему краю – группа гладких треугольных привесок с кольцевидными ушками – розетка с зубчатым краем (Исланова 2014: рис. 11, 2).

На формах с селища Подол III изображения сочетаются следующим образом:

орнаментированная квадратная бляшка с отогнутыми лопастями – мелкие полусферические бляшки – край зубчатой розетки (Исланова 2014: рис. 10, 1);

бляшка-колодочка – две разные орнаментированные трехрогие лунницы – орнаментированная пельтовидная лунница – прямоугольная накладка с отогнутыми лопастями, с орнаментом из двух косых крестов – прямоугольная накладка, сплошь покрытая частыми параллельными косыми штрихами (Исланова 2014: рис. 10, 2).

Похожие сочетания украшений несут на себе каменные литейные формы из верхнего слоя Дьякова городища:

орнаментированная косым крестом квадратная накладка с лопастями – прямоугольная накладка с группами полос вдоль коротких краев – аналогичная прямоугольная накладка с группами полос вдоль коротких краев – орнаментированная косым крестом квадратная накладка с лопастями – третья прямоугольная накладка с группами полос вдоль коротких краев – ажурная привеска (Кренке 2011: рис. 128, 32-81);

две маленькие зубчатые розетки – шесть полусферических бляшек двух разных размеров (Кренке 2011: рис. 128, 1372-87).

Формы для отливки мелких украшений появляются в верхнем слое Дьякова городища одновременно с льячками нового типа – со втулкой для насаживания на деревянную рукоять. По мнению автора раскопок, это свидетельствует о появлении здесь традиции литья украшений из олова, носившего характер «домашнего» ремесла (Кренке 2011: 67).

Литейные формы с Дьякова городища и вырезанные на них негативы украшений были специально рассмотрены Н.А. Кренке и Е.Ю. Тавлинцевой, ориентировочно датировавшими этот набор форм в пределах V–VI вв., в том числе и на основании аналогий в псковских длинных курганах (Кренке, Тавлинцева 2011б: 105–106). На других перечисленных выше памятниках, где обнаружены литейные формы с интересующими нас украшениями, также хорошо представлены материалы финального периода дьяковской культуры (V–VII вв.) (Кренке 2011: 225, 227; Вишневский 1998: 365).

По-видимому, отмеченное сходство объясняется не только хронологической и территориальной близостью памятников культуры длинных курганов, памятников типа Подол и позднедьяковских, но и устойчивыми связями внутри лесной зоны.

Определенное сходство с культурой длинных курганов заметно в некоторых типах лепной керамики поселений типа Подол (Исланова 2014: 28).

Среди находок на памятниках культуры длинных курганов можно перечислить также целый ряд предметов, находящих свои близкие аналогии, в том числе, в позднедьяковских памятниках. Наиболее показательны квадратные тисненые бляшки-обоймицы, пока известные только в памятниках культуры длинных курганов и на двух дьяковских городищах. Сюда же можно добавить привески-колокольчики «латгальского типа» с S-видными петлями, детали

пластинчатых металлических гарнитур (трубочки-обоймицы с рифлеными концами, умбоновидные бляшки), пластинчатые кресала с петлей, немногочисленные находки роговых гребней с горбатой спинкой и литых браслетов с утолщенными концами с геометрическим орнаментом (подробнее см.: Михайлова 2014: 50–52, 61–63, 65, 67, 82–86, 97–99, 134–136).

Интересно, что сравнительно часты аналогии дьяковским предметам в Эстонии. Например, довольно многочисленны такие находки в тарандах Северо-Восточной Эстонии: накладки-«бантики» в Ябара Е и Кохтла-Ярве I (Шмидехельм 1955: рис. 25, 1, 32, 1, см. также Кренке, Тавлинцева 2011а), низкая треугольная бронзовая привеска с имитирующими зернь утолщениями на нижней грани из Ябара В (Шмидехельм 1955: рис. 19, 12), браслет с утолщенными концами, аналогичный найденному на Успенском городище, и обоймы с точечным орнаментом из Кохтла-Ярве I (Шмидехельм 1955: рис. 32, 8, 34, 5, 6) и др.

Можно указать и более поздние находки, иллюстрирующие связи в «треугольнике» Прибалтика – КДК – Верхневолжье. Например, массивные литые клювовидные язычки поясных пряжек представлены в нескольких погребениях в длинных курганах (в том числе в могильнике Рысна-Сааре II в Юго-Восточной Эстонии), а также на городище Иру в Северной Эстонии, дьяковском городище Луковня и поселении удомельского типа Юрьевская Горка. Основная же зона распространения таких пряжек расположена к юго-западу и югу от лесной зоны Восточной Европы и тянется широкой полосой от Центральной Европы до Причерноморья и Северного Кавказа (Михайлова 2014: 41–42).

Направления и характер связей между древностями Юго-Восточной Прибалтики, псковскими длинными курганами и синхронными им «волжскими» памятниками еще предстоит подробно проанализировать, однако длительное устойчивое существование взаимосвязей очевидно. Одним из проявлений их и является распространение однотипных привесок и бляшек из оловянистых сплавов, отливавшихся в разъемных литейных формах из мягкого камня или глины. Это дает нам повод вновь обратиться к вопросу об источнике распространения традиции этих украшений в Восточной Европе.

Накопленные к настоящему времени сведения позволяют датировать наиболее ранние находки оловянистых украшений серединой – второй половиной VI в., причем к этому времени можно отнести как узко датированные «южные» памятники (Бернашевка), так и расположенное гораздо севернее, в Молого-Мстинском междуречье селище Юрьевская Горка, где найдены фрагменты украшений из оловянистых сплавов (в т. ч. обломок гривны), льячки и каменные литейные формы (Исланова 1997: 45, 50, рис. 83). Вероятно, тем же временем должны датироваться и находки с Дьякова городища, однако узкая датировка формочек, собранных в слое вне комплексов, затруднительна (Кренке, Тавлинцева 2011б: 105).

Можно предположить, что распространение мелких литых оловянистых украшений в Восточную Европу относится ко времени не позднее VI в. и происходило одновременно на широкой территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

Давно и справедливо замечено, что изделия из оловянистых сплавов в большинстве случаев были простыми в изготовлении и недорогими вариациями

украшений, изготовлявшихся из более дорогих и даже драгоценных металлов (см., напр.: Шаблавина 1999). По всей вероятности, раннесредневековые украшения из оловянистых сплавов следует рассматривать в контексте мелких нашивных и накладных украшений из драгоценных металлов, распространенных в позднюю эпоху переселения народов и в гуннское время (см., напр.: Schmidt 1970: 32, 52; Засецкая 1994: табл. 1, 2, 33 и др.).

Литература

Ауліх 1972 — *Ауліх В.В.* Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI–VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ. 1972.

Аун 1992 — *Аун М.* Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн. 1992.

Белецкий 2004 — *Белецкий С.В.* Пушкиногорье до Пушкина. Историко-археологические очерки / Михайловская Пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы; М. 2004.

Винокур 1997 — *Винокур І.* Слов'янські ювеліри Подністров'я. За матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини 1 тис. н. е. Кам'янець-Подільський. 1997.

Вишневский 1998 — *Вишневский В.И.* Кикинское городище // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь. 1998.

Гавритухин 2005 — *Гавритухин И.О.* Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // *Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji.* Kraków. 2005.

Гавритухин, Щеглова 1996 — *Гавритухин И.О., Щеглова О.А.* Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. 1996.

Горюнова 1987 — *Горюнова В.М.* К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1987.

Горюнова 1992 — *Горюнова В.М.* Новый клад антского времени из среднего Поднепровья // Археологические вести. № 1. 1992.

Григорьева, Щеглова 2012 — *Григорьева Н.В., Щеглова О.А.* Украшения из свинцово-оловянистых сплавов в материалах раскопа 3 на Земляном городище в Старой Ладоге // Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X Чтений памяти Анны Мачинской. СПб. 2012.

Давидан 1980 — *Давидан О.И.* Бронзолитейное дело в Ладогe // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л. 1980.

Давидан 1994 — *Давидан О.И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (Из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб. 1994.

Дайга 1960 — *Дайга И.В.* К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // Советская археология. № 3. 1960.

Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб. 2010.

Закурина 2013 — *Закурина Т.Ю.* Предварительные итоги комплексного исследования поселения Камно // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 58-го заседания. М.; Псков. 2013.

Засецкая 1994 — *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб. 1994.

Исланова 1997 — *Исланова И.В.* Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М. 1997.

Исланова 2006 — *Исланова И.В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М. 2006.

Исланова 2014 — *Исланова И.В.* Памятники типа Подол (Культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тысячелетия н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М. 2014.

Исланова, Мирецкий 1997 — *Исланова И.В., Мирецкий А.В.* Находки с городища Осечен // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь. 1997.

Каргапольцев, Бажан 1993 — *Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А.* К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербургский археологический вестник. № 7. СПб. 1993.

Кренке 2011 — *Кренке Н.А.* Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. М. 2011.

Кренке, Тавлинцева 2011а — *Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю.* Бантиковидные нашивки // Кренке Н. А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. М. 2011.

Кренке, Тавлинцева 2011б — *Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю.* Литейные формы финального этапа существования Дьяково городища // Кренке Н. А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. М. 2011.

Кузьмин 2003 — *Кузьмин С.Л.* Некоторые итоги изучения культуры псковских длинных курганов (по материалам памятников в бассейнах рек Луги и Плюсьы) // Древности Подвinya: Исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А.М. Микляева (6–8 октября 1999 г.). СПб. 2003.

Мачинская 1988 — *Мачинская А.Д.* Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладого // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1988.

Михайлова 2010а — *Михайлова Е.Р.* Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. 2010.

Михайлова 2010б — *Михайлова Е.Р.* Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской области) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. 2010.

Михайлова 2014 — *Михайлова Е.Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken. 2014.

Моора 1963 — *Моора Х.А.* Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // *Munera archaeologica Josepho Kostrzewski.* Poznań. 1963.

Носов 1981 — *Носов Е.Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 166. 1981.

Рябинин 1985 — *Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985.

Седов 2007 — *Седов В.В.* Изборск в раннем средневековье. М. 2007.

Фурасьев 1996 — *Фурасьев А.Г.* Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области // *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году. (Археологические изыскания. Вып. 39). СПб. 1996.

Черных, Малыгин, Томашевич 1998 — *Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В.* Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь. 1998.

Шаблавина 1999 — *Шаблавина Е.А.* Формочки из Бернашевки : зачем и для чего ? // Історія очима молодих дослідників. Міжнародна студентська наукова конференція. Донецький державний університет. Збірник наукових праць. Т. I. Донецьк. 1999.

Шмидехельм 1955 — *Шмидехельм М.Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.). Таллин. 1955.

Шмидехельм 1959 — *Шмидехельм М.Х.* Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. М. 1959.

Штыхов 1978 — *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск. 1978.

Щеглова 2002 — *Щеглова О.А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.

Щеглова 2009 — *Щеглова О.А.* Волны распространения вещей из Подунавья: отражение славянской миграции или культурных инфильтраций? // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Материалы международной конференции. СПб. 2009.

Maçhynska 2005 — *Maçhynska M.* La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques (BAR. Suppl. 3). 2005.

Schmidt 1970 — *Schmidt B.* Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Katalog: Südteil. (Veröffentlichungen des Landesmuseums für Voreschichte in Halle. Bd. 29). Berlin. 1970.

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ К ВОСТОКУ ОТ ЧУДСКОГО ОЗЕРА

Восточное Причудье – своеобразная территория, включающая непосредственно прилегающие к побережью Чудского озера земли, и связанные с ними историко-географически бассейны р. Желча и среднего течения р. Плюсса. С северо-востока и востока основная часть региона ограничена протяженными болотами, а связующими нитями всегда являлись водные артерии.

В Восточном Причудье сложилась специфическая картина расселения. Регион фундаментально изучался в течение XIX – начала XXI вв. Первая археологическая карта Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии была составлена Г.Р. Шмидтом (Шмидт 1886), и базировалась в основном на опросных сведениях. Она была проверена и дополнена несколькими поколениями исследователей.

Надо сказать, что систематические поиски памятников эпох неолита-бронзы не проводились, и древности, предшествующие раннему железному веку, представлены лишь отдельными находками. Это немногочисленные кремневые орудия неолитического времени, найденные в слоях последующих эпох на городище Сторожинец и поселении Горка. С находками эпохи поздней бронзы в этом регионе можно соотнести лишь «пламевидный» втульчатый бронзовый наконечник копья¹, добытый кладоискателем на селище Сторожинец-I, а также отдельные орнаментированные фрагменты керамики из слоев более поздних поселений.

В Восточном Причудье плотность населения в раннем железном веке была совсем невелика по сравнению югом Псковщины и с западным побережьем Псково-Чудского водоема. Известны лишь отдельные городища и поселения этого времени к востоку от озера.

Ряд памятников, которые в той или иной степени можно связать с культурой эстонских каменных могильников, известен ныне на территориях к югу и к северо-востоку от Псково-Чудского водоема. В нижнем течении р. Великая это могильник и поселение Выбуты, селища у д. Усадище и Ключище, возможно, могильник Ключище (Белецкий 1996: 35-36). Могильники у д. Валговицы и Великокино на юго-западной окраине Ижорского плато, во многом схожие с «тарандами», исследованы Е.А. Рябининым (Рябинин 1987: 408-411). Древности II–III вв. н.э. и третьей четверти I тыс. н. э. (могильники с каменными обкладками Кёрстово 1-2 и Малли) в лужском Ополе исследует М.А. Юшкова (Юшкова 2010а: 46-52; 2010б: 316-329). Материалы кладоискательских раскопок из могильника у д. Удосолово опубликовал П.Н. Сорокин (Сорокин 2008: 312-323). В 2013 г. Е.Р. Михайлова провела на этом памятнике небольшие спасательные раскопки, позволившие предварительно датировать его I–III вв. н.э.

Восточное Причудье – абсолютно другая географическая зона, где отсутствуют погребальные древности докурганного периода. Лишь несколько городищ и поселений (возможно, также культовых мест) к востоку от Псково-Чудского водоема можно связать с памятниками раннего железного века.

---

¹ Сообщил сотрудник ИИМК РАН В.А. Трифонов.

Отдельные городища сочетают в себе внешние черты разных культурно-хронологических этапов, не связанных между собой.

Большинство городищ раннего железного века лишены культурного слоя и располагаются в труднодоступных местах. Как правило, они имеют укрепления из нескольких валов и рвов. Таковы городища Люботежь на р. Лочкина, Слудка на р. Черма, Большое Крюково на р. Толба, Мда. Очевидно, в раннем железном веке были основаны городища Крапивно, Горка, Сорокина Горка. К этой эпохе достоверно относятся поселение Мда, начальный этап городища Сторожинец, нижние напластования поселения Горка, вероятно, на одном из этапов также селище Сторожинец-I. Эти памятники были оставлены отдельными разрозненными группами населения, для которых важнейшими были условия безопасности, а уже на втором месте стояло удобство месторасположения.

Таким образом, расселение носителей культуры длинных курганов в Восточном Причудье, где проходит северо-западная граница ее ареала, началось на фактически пустующих местностях в середине I тысячелетия н.э.

Расположение памятников второй половины I тысячелетия н.э., как правило, подчинялось определенной системе, что особенно ярко проявляется на рассматриваемой территории. Здесь, на северо-западной границе ареала культуры, выявлено 94 могильника, 12 открытых поселений и ряд городищ второй половины I тысячелетия н.э. (рис. 1).

В 70-х гг. XX в. считалось, что места поселений культуры длинных курганов трудноуловимы, поскольку на них не накапливалось существенного культурного слоя. Это, якобы, было связано с тем, что носители культуры вынуждены были постоянно перемещаться, занимаясь подсечным земледелием и выжигая все новые и новые участки боров под посевы². Но земледелие занимало лишь определенную долю в структуре хозяйства. Основными направлениями деятельности, очевидно, были лесные сборы, охота, рыболовство и животноводство. Параллельно развивались также ремесла: бронзолитейное и железоделательное производство, ткачество и др. Само по себе развитие ремесел уже подразумевает определенную оседлость населения.

Ранее исследователи отмечали, что поселения располагались в тех же ландшафтных условиях, что и могильники, но большей частью с отрывом в 1-2 км от них (Долуханов, Носов 1985: 19-23). Нами выявлены основные критерии расположения поселений культуры: сухое место, прямой доступ к хорошей воде, к рыболовным и лесным угодьям. Это, безусловно, боровые (озерно-ледниковые) ландшафты. Для поселения выбиралось удобное место на первой, незатопляемой, песчаной террасе близ ручья, впадающего в реку, берег озера или реки. На более возвышенных террасах располагались боровые угодья. Речные магистрали, при проложенных уже тогда сухопутных дорогах, служили дополнительными путями. Практика показывает, что никаких заметных колебаний уровней вод внутренних водоемов и рек на рассматриваемой территории за последние 1500 – 2000 лет не происходило. В некоторых случаях одно-два поселения соседствовали с городищем. Рядом с поселением располагался могильник, а на некотором отдалении – еще один или несколько.

---

² Как известно по этнографическим данным, подсечный способ земледелия приносит хороший урожай на одном и том же месте лишь в течение 2-3 лет.

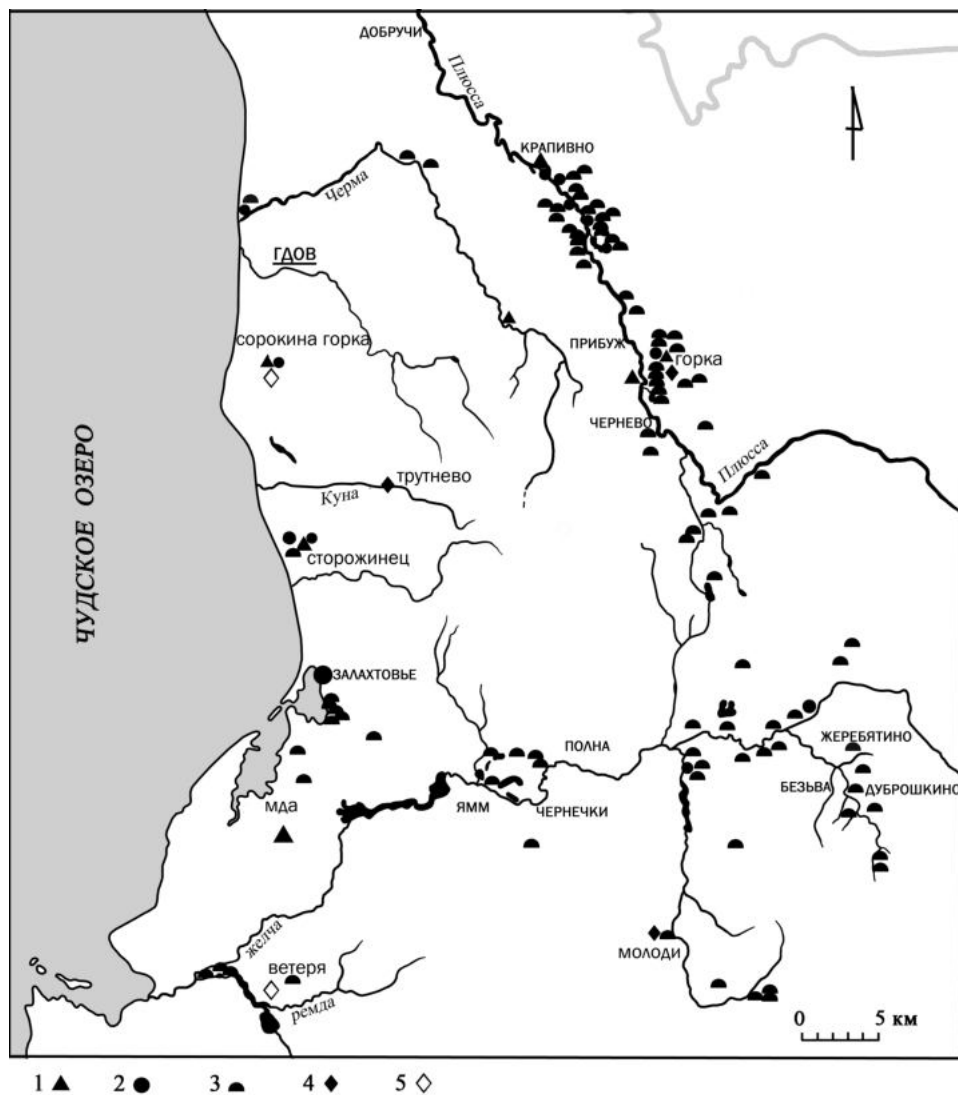

Рис.1. Карта археологических памятников второй половины I тыс.н.э. Годовского района Псковской области. 1 – городище; 2 – селище; 3 – курганный могильник; 4 – культовый камень, «святилище»; 5 – памятник не сохранился.

В среднем Поплюсье выявлена крупнейшая группировка памятников второй половины I тысячелетия н.э. (рис. 2). Она включала в себя древние центры с опорными пунктами (городищами), а также селища, могильники и сеть сухопутных дорог, соединяющих городища, поселения, и достаточно четко

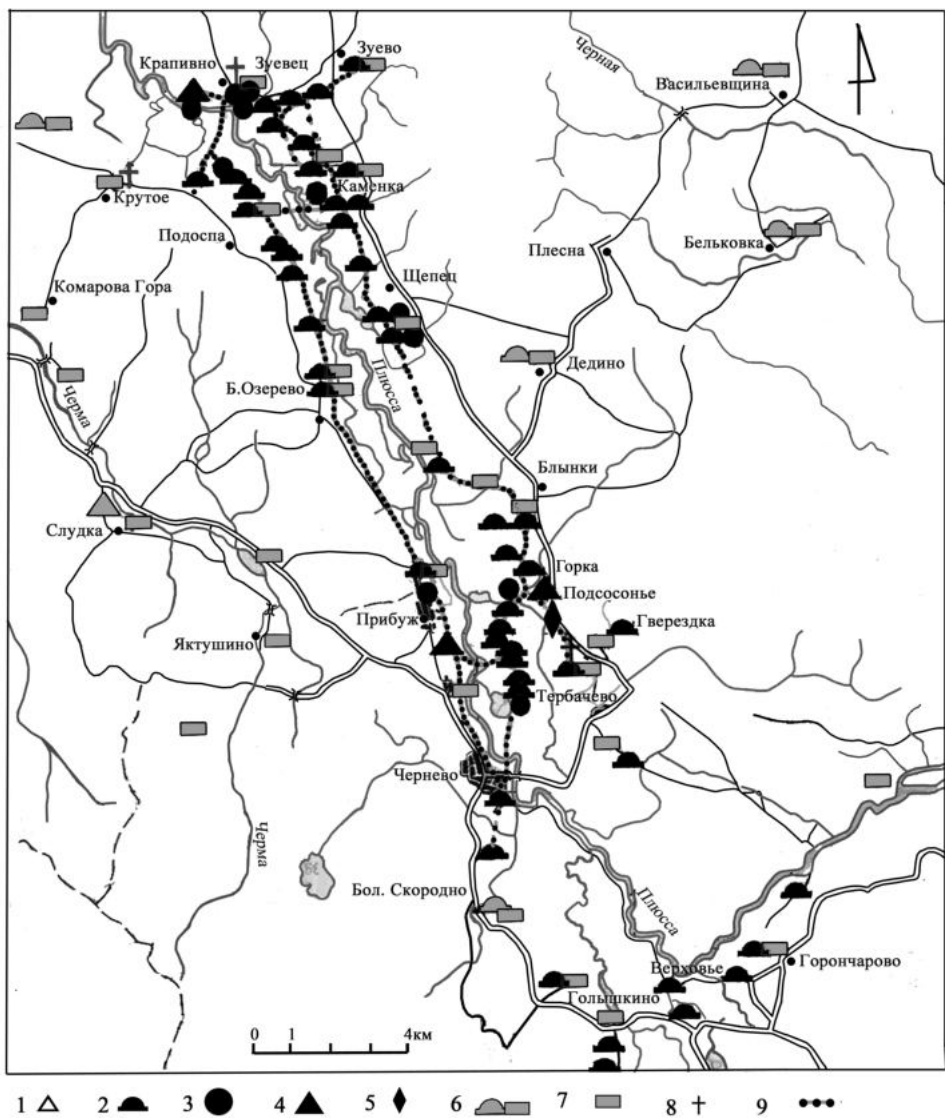

Рис.2. Карта археологических памятников среднего Поплюсья.

1 – городище раннего железного века; 2 – могильник второй половины I тысячелетия н. э.; 3 – селище второй половины I тысячелетия н. э.; 4 – городище раннего железного века и второй половины I тысячелетия н. э.; 5 – предполагаемое святилище; 6 – курганно-жальничный могильник древнерусского времени; 7 – жальничный могильник; 8 – каменный крест; 9 – древние дороги.

транссирующих расположенными вдоль них могильниками культуры длинных курганов, а также три переправы через реку Плюсса. Эти переправы используются и сейчас.

Городища, расположенные в ключевых местах, контролировали рубежи распространения культуры и важнейшую водную магистраль – р. Плюсса. Они также отмечают центры формирования древней округи, хотя часть их возникла и на более раннем этапе (Попов 1992: 33-41; 1995: 89-94; 2009: 218-233).

Одно из них, у д. Горка, расположено на мысу борового плато при впадении ручья в р. Стяглу. Площадка его ограничена с напольной стороны валом и рвом, высота площадки над поймой 30-35 м склоны к пойме очень крутые. На городище культурный слой не выявлен, но за ручьем, в непосредственной близости от него, находится большое селище (площадью около 8 тысяч кв. м) с комплексами раннего железного века и культуры длинных курганов. Всего в пределах двух раскопов в течение нескольких лет исследовано 488 кв. м культурного слоя. Выявлено четыре строительных горизонта, из которых три верхних связаны с интенсивной производственно-хозяйственной деятельностью носителей культуры длинных курганов. Формирование горизонтов IV–IVa на поселении, ряд углубленных в материк комплексов соотносятся с древностями раннего железного века – от середины I тысячелетия до н.э. до начала I тысячелетия н.э. (Попов 2009: 426-428). Разные этапы существования селища не связаны между собой.

Во второй половине I тысячелетия н.э. селище было значительным центром округи. От него расходятся дороги в три стороны. Одна из них ведет к городищу и далее к «святилищу» в д. Подсосонье. Вторая дорога уходит на верхнюю боровую террасу, где вдоль нее зафиксировано три могильника, ближайший из которых непосредственно связан с поселением. Третья дорога ведет через р. Стягла (приток р. Плюсса) к пойменному боровому острову «Княжий борок». Эта дорога соединяла упомянутое поселение Горка с островным поселением Горка-10 (площадью 360 кв.м) и с городищем Прибуж на левом берегу р. Плюсса. Между поселениями, на острове зафиксировано 9 могильников с сожжениями (всего 42 кургана разных форм).

Материалы, полученные при раскопках (80 кв. м) на селище Горка-10, позволили отнести его к ранней стадии формирования культуры длинных курганов – к V–VII вв. н. э. Важнейшим является то, что дорога, вдоль которой постепенно сформировались могильники, возникла уже после основания селища. Ее нижние колеи перекрывают ранний железодельательный комплекс поселения (Попов 2010: 365-378).

Переправа с «Княжего борка» вела к городищу с культурным слоем близ погоста Прибуж на левом берегу р. Плюсса. Облик городища, в значительной степени уничтоженного карьером, позволяет восстановить описание 1928 г. (Иванов 1928). Оно занимало холм, соединенный с северо-запада узкой перемычкой с общим надбереговым плато. По краю овальной площадки прослеживаются остатки невысокого вала. На 2/3 высоты холма на склоне еще видны следы эскарпа – терраса со рвом. Никаких материалов в культурном слое в обресе карьера (сильно гумусированный песок с гравием мощностью до 0,3 м) не найдено. Городище могло возникнуть в раннем железном веке, но, судя по

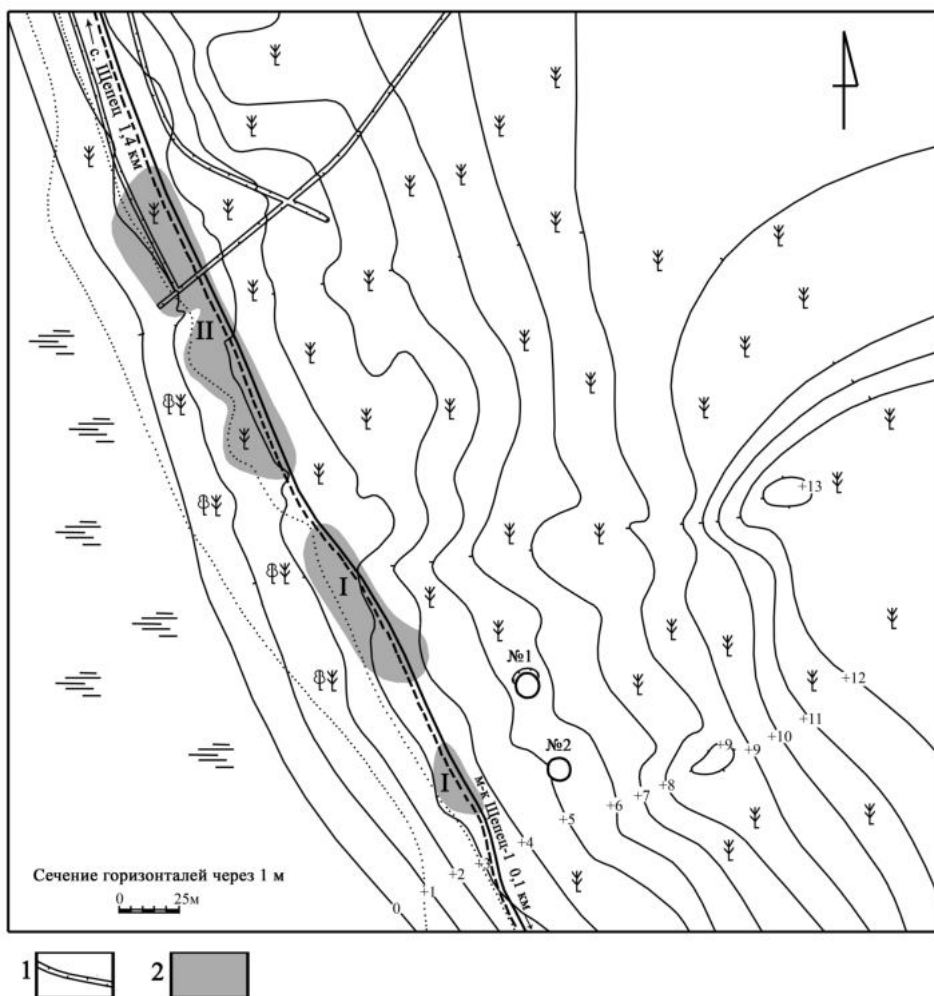

Рис. 3. План могильника и селища у д.Щепец.

1 – противопожарная канава; 2 – распространение культурного слоя селищ I, II.

остаткам оборонительных сооружений и наличиею слоя, с наибольшей вероятностью должно быть отнесено ко второй половине I тысячелетия н. э.

Два поселения Щепец 1 и 2, площадью, соответственно, 1960 кв. м и 3390 кв. м, на которых встречены материалы второй половины I тысячелетия н. э., выявлены у погоста Щепец на берегу пойменного озера (рис. 3). Рядом с ними находятся два круглых кургана (Щепец-2) этого времени и боровой жальник. На некотором отдалении, на этой же боровой террасе, зафиксирован значительный могильник Щепец-1 с длинными и полусферическими курганами (23 насыпи).

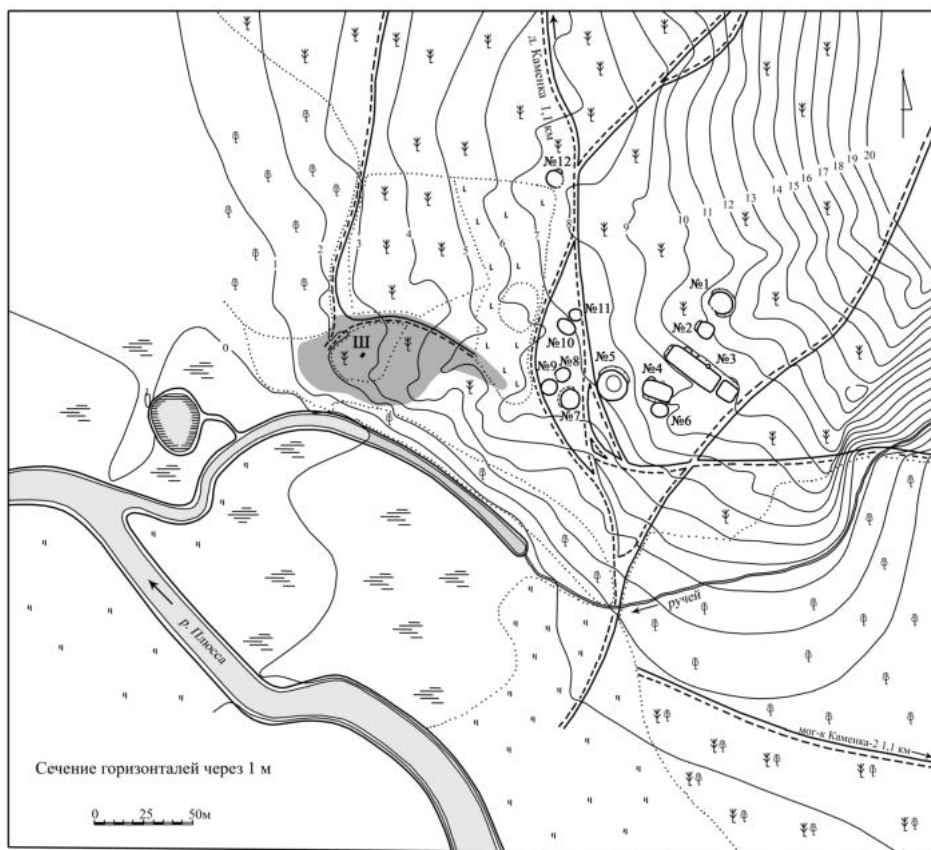

Рис.4. План могильника и селища у д. Каменка.

1 – старый шурф; 2 – распространение культурного слоя селища.

У д. Каменка близ берега р. Плюсса, при впадении в нее ручья, выявлен еще один погребально-поселенческий комплекс (рис. 4), обнаруженный впервые Н.В. Ивановым (Иванов 1928). Рядом с поселением (площадь 2950 кв. м) зафиксирован соответствующий ему могильник Каменка-3, насчитывающий 12 насыпей. На верхней боровой террасе, в 0,5 км располагались еще два могильника с длинными, полусферическими и круглыми насыпями, а также с курганами-платформами – Каменка-2 (9 курганов) и Каменка-4 (21 курган). У селища Каменка реконструируется древняя переправа через Плюсску. Признаками переправ является повышенная концентрация памятников на двух ее берегах, несколько дорог, сходящихся в этих местах, а также возможность посуху подобраться к воде с двух сторон, а на средней Плюссе таких мест не так много³.

³ Описываемое место еще после войны носило название «Щепецкий перевоз».

На левом берегу Плюссы, напротив археологического комплекса близ д. Каменка, также выявлено три могильника культуры длинных курганов и связанное с ними поселение Подоспа. Селище (площадь 2175 кв. м) располагалось на террасе, возвышающейся над Плюссой на 9 м. «Язык» культурного слоя спускался вдоль дороги почти к воде. Рядом с селищем располагался одиночный округлый курган (Подоспа-3), а в 0,2 км, в бору при развилках дорог – могильник Подоспа-1 из 21 кургана (2 длинных, 1 комбинированный, 6 подпрямоугольных, 5 круглых). Могильник Подоспа-2 расположен у перекрестка боровых дорог в 0,5 км от селища. Он состоял из 4 курганов (1 удлинённого, 1 овально-прямоугольного, 1 грушевидного, 1 округлого). Могильники, безусловно, связаны с селищем.

Близ погоста Крапивно, расположенного на самом рубеже распространения культуры длинных курганов, наблюдается высокая концентрация памятников, как второй половины I тысячелетия н. э., так и более поздних. Городище у с. Крапивно на высоком холме на берегу р. Плюсса ограничено с западной стороны двумя мощными валами и двумя рвами, а с мысовой – одним торцевым. Въезд на городище шел вдоль восточного склона и выходил к среднему рву.

Оборонительная система, отсутствие слоя на площадке (80 x 120 м) позволяют отнести городище к раннему железному веку. Но, вероятнее всего, оно использовалось как убежище и во второй половине I тысячелетия н. э., контролируя значительную водную магистраль – реку Плюсса⁴.

В 0,7 км к востоку от с. Крапивно, на левом берегу р. Крапивенки (приток Плюссы), на надпойменной террасе (рис. 5) выявлено селище культуры длинных курганов (сохранившаяся площадь 1150 кв. м) с соответствующим ему могильником из 9 курганов (5 круглых и 4 овально-прямоугольных). В 1989-1990 гг. на поселении нами было исследовано 62 кв. м. Сравнительная бедность и однородность материалов раскопок, небольшая площадь селища, наличие в связанном с селищем могильнике лишь двух форм насыпей, говорят, очевидно, о том, что этот погребально-поселенческий комплекс существовал в сравнительно узком хронологическом интервале – в последней четверти I тысячелетия н. э.

Еще одно селище (Крапивно-2), древнее ядро которого определяет керамика второй половины I тысячелетия н. э. и остатки раннего культурного слоя (темно-серый песок мощностью 0,3 м), выявлено на противоположном берегу р. Крапивенки. Но на селище преобладала керамика XII–XIV вв. с линейным и волнистым орнаментом. Слой сохранился лишь на трети селища, разрушенном карьером (реконструируемая площадь 9000 кв. м). С этими поселениями, вероятно, были связаны два крупных могильника, содержащих длинные насыпи. Они выявлены в 2 км у боровых дорог в д. Зуевец.

Нами рассмотрены лишь основные центры раннесредневековой системы расселения на средней Плюссе. Между ними зафиксирован еще целый ряд могильников с сожжениями по обоим берегам Плюссы вдоль древних боровых дорог. Группировки длиннокурганных могильников выявлены и вверх по течению реки относительно п. Чернево. Отдельные протяженные участки возвышенных боровых плато разделялись балками с родниковыми ручьями, впадающими в Плюссу. Очевидно, они соответствовали угодьям отдельных групп раннесредневекового населения, которые поддерживали определенные

---

⁴ Ныне под городищем существует лодочная переправа.

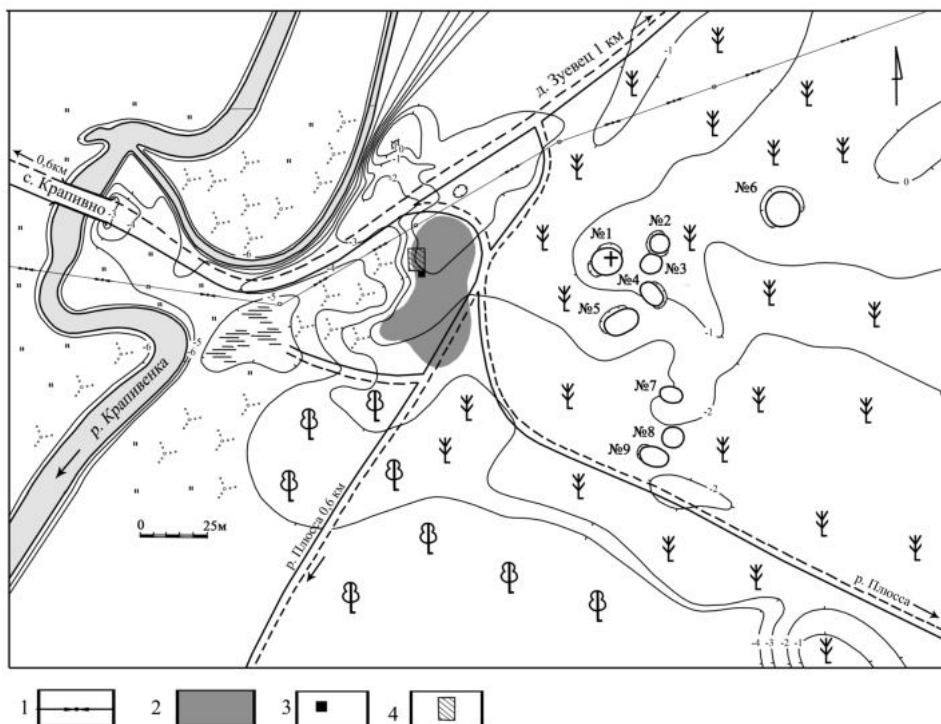
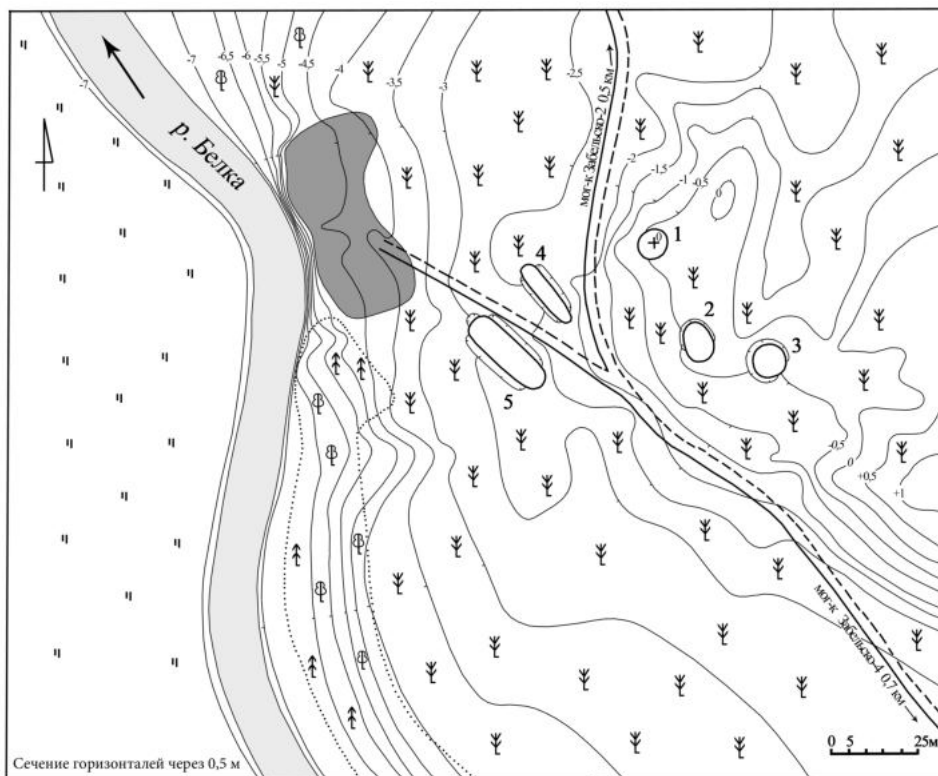

Рис. 5. План могильника и селища у д.Крапивно.
 1 – ЛЭП; 2 – распространение культурного слоя селища; 3 – шурф 1989 г.;
 4 – раскоп 1990 г.

отношения между собой. Мощная водная артерия Плюсса также являлась значительным связующим звеном.

Многочисленные могильники культуры длинных курганов известны и в бассейне р. Желча – близ д. Безьва, Горско-Рогово, Жеребятино, Светлые Вешки, Ново-Жуковская, Надозерье, Забельско, Елешно, Гвоздно, Лесная, Молоди, Желча, Полна, Аксово и др. Некоторые материалы, происходящие из раскопок погребальных комплексов этого микрорегиона, свидетельствуют о раннем его освоении. Но здесь могильники в большей степени разрознены и не составляют столь стройной единой системы расселения, как на Плюссе. Поселения пока почти неизвестны.

В контексте вышесказанного, особый интерес представляет комплекс памятников близ д. Забельско. Единый погребально-поселенческий комплекс представляют собой селище Забельско и могильник Забельско-3 (5 курганов) на правом берегу р. Белка, притока р. Желча (рис. 6). Селище (площадью 1290 кв. м) располагалось на первой боровой террасе непосредственно на берегу р. Белка. Два длинных кургана были расположены по обе стороны от въезда на него. Еще три круглых кургана зафиксированы на второй террасе за основной боровой

1 2

Рис. 6. План могильника и селища у д.Забельско.

1 – граница лиственного леса; 2 – распространение культурного слоя селища.

дорогой. В 0,5 км к северу от селища у этой дороги располагался могильник Забельско-2 из 13 курганов (1 комбинированный, 6 длинных и удлиненных, 6 круглых). У этой же дороги, в 0,7 км к югу от селища, зафиксирован могильник Забельско-4 из 2 круглых насыпей. Эти два могильника также, безусловно, связаны с селищем, расположенном в единственном месте, где боровая терраса подходит к воде. В бассейне Желчи необходимо провести целенаправленный поиск поселений.

Форпостами культуры длинных курганов близ побережья Чудского озера являются городище Сторожинец на берегу оз. Речицкое и городище Сорокина Горка в 5 км к югу от Гдова. Они располагаются за пределами основных массивов памятников культуры, но все же привязаны к локальным боровым ландшафтам

Сторожинское городище исследовалось в течение ряда лет (площадка – 2100 кв. м, общая площадь раскопов – 417 кв. м; см.: Попов 1989: 45-57; 2008: 316-336). Ко времени освоения городища в раннем железном веке (185-80 гг. до н. э. –

по серии радиоуглеродных датировок), относятся два яруса сгоревших оборонительных сооружений, немногочисленный керамический комплекс, фрагмент железного серпа.

Основная часть культурного слоя, верхний ярус оборонительных сооружений, жилая постройка и ряд комплексов, изученные на Сторожинецком городище, относятся ко второй половине I тысячелетия н. э. (Попов 1989: 45-56; 2008: 316-339). В это время наряду с городищем функционировали селища Сторожинец-I за северо-восточным валом (40 x 42 м) и Сторожинец-II в 0,5 км к запад-юго-западу (35 x 50 м). В сторожинецком могильнике исследовано 9 курганов с сожжениями и впускными труположениями (Попов 2012: 90-143).

Результаты раскопок этих памятников, совокупность радиоуглеродных датировок, находки предметов, типичных для V(VI)–X вв. позволяют говорить о непрерывности развития микрорегиона во второй половине I тысячелетия н. э. Материалы сожжений конца X – начала XI в. (типа залахтовских «домиков мертвых»), ранние ямные труположения древнерусского времени, устройство на городище «сторожницы», дают возможность судить о дальнейшем развитии этой территории.

Городище у д. Сорокина Горка (близ заброшенной д. Городище) – самый северный пункт культуры длинных курганов в Восточном Причудье. Судя по системе фортификаций, оно возникло в раннем железном веке. Городище расположено на моренной возвышенности в холмистой местности в прямой видимости Чудского озера (Раппопорт, Станкевич, Голунова, 1966: 33). В культурном слое на площадке найдены фрагменты керамики второй половины I тысячелетия н. э. А.А. Спицыным был разрезан в 4 местах внутренний вал городища высотой до 1,75 м, перекрывавший погребенный дерн. В основании вала были зафиксированы остатки деревянных конструкций («пропластки из дерева»), в средней его части - «угольные пропластки», а сверху вал был укреплен валунами. Кроме того, А.А. Спицын отметил у вала в трех местах каменные площадки из хорошо уложенных валунов. У д. Городище А.А. Спицын в 1911 г. раскопал также половину длинного кургана (Спицын «Корочки»: л. 4об.).

Близ городища открыт могильник из трех круглых насыпей культуры длинных курганов, и значительное по площади (13000 кв. м) и интенсивности слоя селище. На нем в бороздах лесопосадок собрано большое количество фрагментов грубой лепной керамики второй половины I тысячелетия н. э. Остатков гипотетического «мольбища» на «Городийских горах», зарисованного П.Н. Шульцем в 1928 г. (Шульц 1928а; 1928б), не обнаружено. Вероятно, эта мегалитическая конструкция разрушена старым карьером. Весь комплекс памятников весьма значим для понимания структуры расселения во второй половине I тысячелетия н. э.

Таким образом, наибольшая концентрация памятников второй половины I тысячелетия н. э. наблюдается в бассейнах рек Плюсса и Желча, в тех ландшафтах, где водные артерии пересекают озерно-ледниковые песчаные отложения. Севернее с. Крапивно и г. Гдова известны лишь отдельные памятники этой культуры. Именно эта приблизительная граница боровых ландшафтов и заболоченных местностей соответствует северо-западным рубежам распространения памятников культуры длинных курганов.

Выявленные погребально-поселенческие комплексы представляют особый интерес. Как правило, поселению сопутствовал один расположенный рядом могильник, но, несомненно, с ним были связаны еще один-два некрополя в нескольких сотнях метров от поселения. Мощность культурного слоя (обычно, средне гумусированного) составляла 0,3–0,6 м. Площадь поселений сравнительно невелика: 1300 – 3000 кв. м. Но встречаются и такие значительные по площади поселения, как Горка (7950 кв. м), Сорокина Горка (13000 кв. м). В то же время, совсем небольшое поселение Горка-10 (360 кв. м) в «Князем борке» дало важнейшие данные для реконструкции этапности возникновения древней дороги и могильников вдоль нее.

Результаты исследований на поселениях Горка-10 и Горка позволяют говорить о привнесенных навыках железоделательного и бронзолитейного производства, ткачества. Эти ремесла были развиты на рассматриваемой территории уже в конце V–VI вв. Об этом свидетельствуют ранние хронологические индикаторы – найденные на поселениях бритвы, шпоры и другие ранние предметы. На большинстве селищ в большом количестве встречены шлаки. Многочисленные биконические глиняные пряслица, находки крючков и блесен свидетельствуют о развитом ткачестве (Попов, Шаровская, Румянцева 2010: 155-161) и рыболовстве.

По своему облику, погребальной обрядности, находкам и хронологии памятники культуры длинных курганов Восточного Причудья не отличаются от большинства древностей этого круга в других регионах. Важно, что на этой территории у культуры длинных курганов нет заметной субстратной подосновы раннего железного века, и на ее развитии не сказалось влияние культуры сопков, в отличие от более восточных областей.

Нам представляется важным распознавание раннесредневековой системы расселения на средней Плюссе, рассмотрение погребальных и поселенческих памятников в их взаимосвязи. Дальнейшие исследования региона должны быть направлены на изучение городищ и селищ, поиск новых поселений второй половины I тысячелетия н. э.

Литература

- Белецкий 1996 — *Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб. 1996.
- Долуханов, Носов, 1985 — *Долуханов П.М., Носов Е.Н.* Палеоландшафты заселение территории Северо-Запада в VI-X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. 1985.
- Иванов 1928 — *Иванов Н.В.* Отчет о маршрутном палеоэтнологическом обследовании Гдовского р-на Лужского округа, произведенном членом Гдовского общества краеведов Ивановым Н.В. // Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 2. 1928. № 115.
- Попов 1989 — *Попов С.Г.* Городище Сторожинец // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 198. М. 1989.
- Попов 1992 — *Попов С.Г.* Работы Гдовского отряда в Восточном Причудье, бассейнах рек Плюсса и Желчи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1992.

Попов 1995 — *Попов С.Г.* Городища Восточного Причудья // Фортификация в древности и средневековье. СПб. 1995.

Попов 2008 — *Попов С.Г.* Городище Сторожинец в Восточном Причудье // *Setumaa kogumik* 4. Tallinn. 2008.

Попов 2009 — *Попов С.Г.* Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54-го заседания.. Псков. 2009.

Попов 2010 — *Попов С.Г.* К вопросу о ранней хронологии культуры длинных курганов (по материалам поселений Горка и Горка-10) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 55-го заседания. Псков. 2010.

Попов 2012 — *Попов С.Г.* Курганы второй половины I тыс. н.э. могильника Сторожинец (исследования 1988-1990 гг // *Setumaa kogumik* 5. Tallinn. 2012.

Попов, Шаровская, Румянцева 2010 — *Попов С.Г., Шаровская Т.А., Румянцева З.Р.* Биконические пряслица с поселений второй половины I тыс. н.э. среднего Пополосья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 55-го заседания. Псков. 2010.

Раппопорт, Станкевич, Голунова 1966 — *Раппопорт П.А., Станкевич Я.В., Голунова И.К.* Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера // Ледовое побоище 1242 г. М; Л. 1966.

Рябинин 1987 — *Рябинин Е.А.* Об обследовании средневековых могильников води в Ленинградской области // Известия Академии Наук Эстонской ССР. 36/4. Таллин. 1987.

Сорокин 2008 — *Сорокин П.Е.* Находки римского времени на Северо-Западе России // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 53-го заседания.. Псков. 2008.

Спицин «Корочки» — *Спицин А.А.* «Корочки» / Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. ф.5, д.61.

Юшкова 2010а — *Юшкова М.А.* Могильник Кёрстово-1 – уникальный памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Вестник СПбГУ. 2/3. СПб. 2010.

Юшкова 2010б — *Юшкова М.А.* Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräbercultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов Средневековой Европы. СПб. 2010.

Шмидт 1886 — *Шмидт Г.Р.* Археологическая карта с объяснительной запиской Гдовского уезда Петербургской губ. / Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 4. 1886. № 176.

Шульц 1928а — *Шульц П.Н.* Отчет о маршрутном палеоэтнологическом исследовании в Гдовском районе Гдовского округа, произведенном аспирантом ГАИМК П.Н. Шульцем в 1928 году. Чертежи, рисунки и карты / Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. ф.2. 1928а. № 114.

Шульц 1928б — *Шульц П.Н.* Отчет о маршрутном палеоэтнологическом исследовании в Гдовском р-не Лужского округа, произведенном П.Н. Шульцем в 1928 г. // Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 2. 1928б. № 114.

Popov 2009 — *Popov S.* Ida-Peipsimaa vanemal rauaaajal // *Setumaa* 2. Tartu. 2009.

РЮРИК И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ: НОВЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАРЫМ СПОРАМ

*Куда ни устремляешь очи —
Ни огонька по берегам.
Лишь кровенеют тут и там
Сорочьи ягоды да волчьи.*

*Клубится варево ночей
То серое, то смоляное,
И солнце вязкое, стальное —
Тусклей, чем даже блеск мечей.*

*Тебе давно за пятьдесят,
На почве датской в Дорестаде
Ты, что твой Гамлет, был некстати.
Не спятил?... Сам и виноват.*

*Сойди на берег. Оглянись.
Здесь крепостцу на зависть срубилшь,
Аборигенку приглубилшь
И сына сделаешь надысь.*

*Доспела ягода крушина —
И жжёт язык, и вязжет рот.
И остается наперед
Испить из фризского кувшина.*

Андрей Чернов

Дискуссия вокруг происхождения династии Рюриковичей продолжается уже три столетия (Войтович 2005: 25–35; 2006а: 111–121; 2009: 79–101; 2011а: 142–188; 2011б: 2–15; 2012: 3–11; 2014: 75–111), переживая вспышки и обострения споров, много раз возвращавшихся к их началу, много раз повторяющих уже сказанное предшественниками, но также часто дополняющих аргументацию новыми версиями и источниками (Крузе 1836а: 43–73; 1836б: 513–517; Thomsen 1877; Грушевський 1913: 382, 398–400, 416, 420–422, 602–624; Барац 1913; Тиандер 1915: 140–152; Браун 1925: 300–338; Беляев 1929: 215–270; Мошин 1931: 109–136, 343–379, 501–537; Stender-Petersen 1934; Vernadski 1943: 333–339; Thornquist 1949: 117–129; Ловмянский 1963: 221–249; Шаскольский 1965; Кузьмин 1967: 42–53; 1969: 81–105; Рыдзевская 1978: 166–168; Рыбаков 1982: 286; Лебедев 1985: 214; Толочко 1987: 20–21; Гринев 1989; 31–43; Мельникова, Петрухин 1989: 24–38; 1990: 54–65; 1994: 56–69; 1995: 44–57; Фроянов 1991: 3–15; Мельникова 1995: 39–44; Молчанов 1992: 44–47; Свердлов 1994: 31–42; Азбелев 1994: 41–59; 1999; Кирпичников 1996а: 28–29; 1996б: 131–136; 1997а: 161–163; 1997б: 7–18; 1998: 31–55; 2000: 24–27; Хлевов 1997а: 7–18; 1997б; Янсон 1998: 25–29; Петрухин 2000: 102–137; Пчелов 2000: 140–183;

2001: 43–98; 2010; Бобров, Николаев, Чернов и др. 2012: 241–253). Среди множества различных версий о происхождении князя Рюрика есть даже версия о его происхождении из рода каганов Тюркского объединения Ашина (Никон 1990: 52–53).

После более чем двадцати лет изучения проблемы мне кажется, что новую аргументацию кроме свежих археологических материалов могут усилить только материалы древнейших саг, в частности «саг о древних временах», содержащих информацию о событиях, имевших место до 875 г. (то есть, до исландской колонизации). Датский хронист Саксон Грамматик начал их обрабатывать с 1201 г. для своего огромного свода *Gesta Danorum* (Davidson 1980), но записывать их начали лишь ок. 1250 г. (Schier 1970: 81), а сохранившиеся древнейшие рукописи относятся только к XV в. Тем не менее именно эти саги сохранили едва ли не больше всего интересной информации из древнейших периодов, требующей тщательной проверки и освобождения от более поздних пластов (Schier 1970: 72–91). Однако эти саги менее всего исследованы и недоступны в славянских переводах, а отдельные из них — и в английском и немецком переводах. Проверка и согласование информации этих саг на фоне ранней истории скандинавских земель, полагаю, позволит более уверенно определиться в решении сложнейшей, но актуальной проблемы происхождения династии Рюриковичей.

Вечный спор. Кажется, что сомнений не было только у создателей Начальной летописи. В Повести временных лет (ПВЛ) под 862 г.: «И изгнаша варягы за море. и не даша имъ дани. и почаша сами в собѣ володѣти. и не бѣ в нихъ правды. и въста родъ на род. и бышы оусобицѣ в них. и воевати сами на ся почаша. и ркоша понищемъ сами в собѣ князѣ. иже бы володѣлъ нами и рѣдилъ. по радѣ по правѣ. идоша за море к варягом. к Р҃си. сѣце во звахуть. ты варягы Р҃сь. тако се друзни зовутса Свее. друзни же Оурмани. Аньглане. инѣи и Готе. тако и си ркоша. Р҃сь. Чюдь. Словенѣ. Кривичи. и всѣ земля наша велика. и обилна. а наряда въ неи нѣтъ. да поидете княжи и володѣть нами. и избрашасѣ трие брата. с роды своими. и погаша по собѣ всю Р҃сь. и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣѣ. и сручиша город Ладогѣ. и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикѣ. а друзни Синеоусѣ на Бѣлѣзерѣ. а третѣи Труворѣ въ Изборьцѣ. и ѿ тѣхъ Варяг прозвасѣ Р҃сская земля. по дѣвою же лѣтѣ оумре Синеоусѣ. и брат его Труворѣ. и приа Рюрикѣ власть всю вдинѣ. и пришеде къ Ильмерю. и сручи город надъ Волховом. и прозвасѣ и Новъгород» (Ипат: 14).

Исследователи древнейших летописей пришли к выводу, что в этом тексте фрагмент «к Р҃си. сѣце во звахуть. ты варягы Р҃сь. тако се друзни зовутса Свее. друзни же Оурмани. Аньглане. инѣи и Готе. тако и си ркоша. Р҃сь. Чюдь. Словенѣ. Кривичи» является более поздней вставкой (Шахматов 2001: 11), не меняющей сути информации. Таким образом, по ПВЛ в 862 г., после того как, изгнав варягов-русь, местная верхушка зашла в тупик в борьбе за власть, в Ладогу, Белоозеро и Изборск были приглашены трое братьев из другой группы варягов-руси, старший из которых Рюрик с 864 г. стал править сам. Начальная летопись прямо сообщает о норманнском (скандинавском) происхождении правящей династии на Руси и прямо связывает происхождение названия Русь с варягами-норманнами.

Имя Рюрик (Рёрик/Рорик, староскандинавское Hrorekr–Hrerekr, старошведское Rorik–Rjurik; Hrorekr от *hrodr* – победа и *rikr* – могущественный, славный, буквально: *непобедимый могущественный воин, правитель*) засвидетельствовано не только традицией, но и многочисленными памятниками, в том числе руническими надписями (Rorik, Rurik, Rerik, Horikh, Berik, Gottrik). Это имя было достаточно распространенным: его носили сын датского конунга Гротгара из «Беовульфа» (Беовульф: 196); датский конунг VII в., дед знаменитого Гамлета, чью трагическую историю поведал Саксон Грамматик, рассказ которого использовал Шекспир; норвежский конунг, ослепленный св. Олафом, и другие известные личности. До сих пор имя *Rurik* распространено в Швеции, Финляндии, Дании и Исландии.

Когда-то в полемике с антинорманнистами А.А. Куник обратил внимание, что будет сложно сделать имя Рюрик славянским (Куник 1903: 10). Умеренные советские антинорманисты (напр.: Шаскольский 1965; 1967: 129–167; 1976: 152–165; 1983: 35–51) были готовые с этим согласиться. Современные антинорманисты в полемическом угаре пишут, что в Скандинавии имя Рюрик еще более редкое чем Ярослав во Франции (!). Цепляясь за старую версию С.А. Гедеонова о происхождении Рюрика из славянского племени *ободритов* и считая имя Рюрик производным от *paroγ*, сокол (Гедеонов 1876а: 191–194), они традиционно критикуют своих оппонентов за отсутствие патриотизма и уверенно твердят (Фомин 1999; 2003а: 83–127; 2003б: 146–168), что скандинавское происхождение династии Рюриковичей придумали В. Татищев и Г.-З. Байер. Хватает и оригинальных версий в том же патриотическом духе, вроде версии о происхождении термина *варяг* от *варить* в значении *охранник* (Черных 1944; 1958) или *варяги* — солевары из Русы (Анохин 1994: 77–92; 2000: 51–61) и т. д. И постоянно звучат призывы к закрытию дискуссии, продолжение которой, якобы, лишено смысла, то есть происхождение династии Рюриковичей и роль викингов в ранней истории Руси дальше исследовать не стоит, оставив патриотов при их уверенности в особенном автохтонном развитии славян-русов без каких-либо внешних влияний. Все это похоже на скрытую капитуляцию антинорманистов, использующих последний из своих рычагов любимого административного влияния, дающий определенные шансы на успех, учитывая сложность подобных исследований, связанных в первую очередь с необходимостью ознакомления с огромным массивом научных трудов, написанных на разных языках, и отслеживания результатов археологических исследований, проводящихся в различных странах и регионах.

Ободритская (мекленбургская) версия. Современные антинорманнисты используют в основном старые версии Ю.И. Венелина (Венелин 2003: 21–83; 1842; 1848; 1870: 1–18), Д.И. Иловайского (Иловайский 2002; Кузьмин 1970; 1974; 1998; 2003а), С.А. Гедеонова (Гедеонов 1862; 1876а; 1876б), В.Б. Вилинбахова (Вилинбахов 1962: 253–277; 1963: 333–347; 1968; 1969; 1970; 1980: 79–84) и А.Г. Кузьмина (Кузьмин 1967: 42–53; 1970: 28–55; 1974: 54–83; 2003б: 214–256) в немного поновленной оправе (Фомин 1999; 2005; Меркулов 2003; 2005; 2006; Сахаров 2003: 9–17).

Одним из основных аргументов остается известная ода на свадьбу мекленбургского герцога Карла Леопольда и Екатерины Ивановны, дочери Ивана V,

племянницы Петра I (Thomas 1716). Мекленбургские историки Б. Латом, И.-Ф. Хемниц, Ф. Томас и М.-И. фон Бер создали или подправили старую мекленбургскую легенду. По их мнению, 28-й король вендов Венцлав (Witzan, Wilzan), живший, как будто бы, во времена Карла Великого, женился на дочери князя Руси и Литвы. От этого брака родился сын Готлейб (Godlaibum, Gutzloft), имевший трех сыновей с именами Rerich, Siwar и Truwar. Эту легенду повторили К. Мармье и Ф. Штадемунд (Войтович 2005: 28).

Мекленбургских историков справедливо критиковали еще В.Н. Татищев (Татищев 1962: 293) и Г.-З. Байер¹. Это не помешало С.А. Гедеонову выдвинуть версию происхождения Рюрика из племени поморских славян – ободритов. Имя Рюрик он считал производным от *рарог*, сокол (Гедеонов 1876а: 191–194). В качестве дополнительного аргумента ученый предложил свою интерпретацию «знака Рюриковичей» (трезубец) как изображение сокола-рерика². Версию С.А. Гедеонова сразу же раскритиковали М.П. Погодин (Погодин 1864; 1872) и О.О. Первольф (Первольф 1876; 1877: 37–97).

В последней четверти XX в. С.А. Гедеонова активно поддержал В.Б. Вилинбахов, уверенный в том, что варяги – это балтийские славяне (Вилинбахов 1972: 23). О.М. Рапов, увидевший в трезубце летящего вниз сокола, высказал догадку, что сокол мог быть родовым тотемом Рюрика, при этом указав, что эта птица не была божеством ни у славян, ни у скандинавов (Рапов 1968: 62–69).

Аргументы В. Б. Вилинбахова и О. М. Рапова убедили многих солидных исследователей (напр.: Толочко 1987: 20–21), хотя любые лингвистические доказательства этой гипотезы отсутствуют. В подтверждение «западного» происхождения ильменских славян тоже нет никаких убедительных археологических материалов. Трудно поверить, что ободритские поселенцы не оставили никаких следов на побережье, а сразу зашли далеко в глубину территории, заселенной финскими племенами, и победили их, что без массового притока из метрополии не было бы возможным. Что же касается языка новгородских берестяных грамот, в которых лингвисты находят близость к языкам западных славян, то это – проблема славянского этногенеза и происхождения *ильменских словен*, которые вместе с *радимичами* и *вятичами* действительно могли иметь западное происхождение.

Версию ободритского происхождения Рюрика подхватили С. Лесной и Стефан Ляшевский, приверженцы известного фальсификата — так называемой «Велесовой книги». Они полагали, что Гостомысл был старшим сыном Годлава, погибшего в 844 г. (Войтович 2006а: 114). Но происхождение этой легенды, которая не подтверждается другими источниками, могло быть связано с использованием известной версии происхождения династии Рюриковичей для привязки князей к своей стране (Пчелов 2000: 140–183; 2001: 65–67). Проблема же интерпретации трезубца (Толстой 1882: 165–183; Болсуновский, Чернев 1889;

---

¹ «И понеже у Витислава короля два сына были, один Тразик, которого дети ведомы были, другой Годлайб, чьи дети неизвестны, то оному Рурика, Трувера и Синава приписали (Б. Латом и И.-Ф. Хемниц – Л. В.)» (Байер 1767: 6–7).

² «... изображенная на Игровой гривне птица с поднятыми когтями может быть сокол-рерик» (Гедеонов 1876б: XXXIV), но какое изображение имел ввиду исследователь и какую «Игровую гривну», неизвестно.

Болсуновский 1908; Орешников 1894: 301–311; 1930: 87–112; Arne 1911: 47–48; Крип'якевич 1914: 126–131; Левшиновский 1915; Грушевський 1917; Лихачев 1928; 1930: 56; Таубе 1929: 117–135; 1939: 89–112; Рыбаков 1940: 227–257; Андрусак 1947; Янин 1955; 1956: 3–16; 1970; Ширинский 1968: 215–223; Молчанов 1976: 68–91; 1985: 66–83; 1997; Ершевский 1978: 47; Иоаннисян 1983: 109–112; Кулаков 1988: 106–117; Макаров, Чернецов 1988: 230–241; Якимович 1989: 44–48; Дашкевич 1993: 32–33; Белецкий 2000: 366–424; 2002: 134–151; 2004: 243–319; 2009: 222–226; 2012: 431–463; 2014: 12–54; Соболева 2005: 33–68) пока еще далека от своего решения³.

И хотя последние находки в Ладогe экспедиции А.Н. Кирпичникова (Кирпичников 2008: 37–40), особенно находка 20 июня 2008 г. вблизи строения 930 г. литейной формочки для отливки бляшки с изображением сокола с поднятыми крыльями, позволяют довольно убедительно связать сокола с трезубцем, это не дает никаких оснований для поддержания «ободритской» версии. Как показал А.Ю. Чернов, это изображение имеет массу аналогий в скандинавских материалах, в том числе ладожских, гнездовских и даже на монете датского конунга Олафа Гудредссона (939–941), найденной в графстве Кент (Чернов 2008). Проблема трактовки этого изображения и его генезиса не менее сложная (Кулаков 1997).

Таким образом, нет никаких убедительных фактов, которые могли бы конкурировать со скандинавской этимологией имени Рюрика (зафиксированного в источниках, включая рунические надписи), и свидетельствовать в пользу аутентичности ободритской (мекленбургской) легенды.

Последние «соломинки», за которые цепляются антинорманисты, – утверждение о практическом отсутствии языковых заимствований по сравнению с Англией и, вроде бы, на мизерную информацию саг о пребывании викингов на Руси. Опровержение подобных «тезисов» не требует больших усилий.

В V – середине VI вв. кельтское население Британии было покорено скандинавскими колонистами – племенами ютов, саксов и англов, которые сначала создали 15 своих «королевств», объединенных позже в семь (Мельникова 1987): Кент, Суссэкс, Уэссэкс, Эссэкс, Мерсия, Восточная Англия и Нортгумбия. Эти королевства были объединены Уэссэксом в Англию в 827 г. А в 835 г. началось вторжение датских викингов, которые в 856 г. создали в Восточной Англии целую область, преимущественно заселенную скандинавскими колонистами – Денло («область датского права»), опираясь на которую, в начале XI в. подчинили всю Англию. Одновременно с территории Ирландии, Шотландии и северных островов сюда вторгались норвежские викинги (последнее норвежское вторжение было отбито в 1066 г.)⁴. Масштабы их переселения были значительными, что засвидетельствовано как письменными источниками, так и

---

³ Недавно свою версию интерпретации тризубца в качестве изображения якоря, символа мученической смерти папы римского Климента (святого, особенно чтимого Западной и частью Восточных Церквей) выдвинул львовский исследователь И. Мыцко (Мыцко 2003: 4). Эти же идеи развернули в своем исследовании О. Белов и Г. Шаповалов (Белов, Шаповалов 2008).

⁴ Необходимо учитывать, что язык датчан и норвежцев тогда едва различался и был очень близок к языку англо-саксов.

археологическими памятниками (могильниками). Поэтому не приходится удивляться языковыми заимствованиями. В то же время в Нормандии и на Сицилии, где викинги создали свои государства, и где язык местного населения сильно отличался от староскандинавского, таких языковых заимствований, также как и на Руси, практически не сохранилось. В Нормандии, ставшей в 911 г. герцогством викингов, без притока свежих колонистов и под влиянием более развитого общества, викинги практически полностью ассимилировались, сохранив лишь воинские навыки, лучше развитые, чем у французов. В 1066 г. в Англии высадились уже норманны только по названию и по происхождению предков. Новые завоеватели принесли французские традиции и французский язык (Горский 2009: 18).

Что касается саг, то здесь следует обратить внимание, что сохранились и были записаны саги, составленные после возвращения их героев на родину. Поэтому сравнение количества саг, в которых упоминаются походы и поездки в Гардарики (Русь), Альдейгуборг (Ладогу), Хольмгард или Бярмио (Карелу) с количеством саг, где упоминаются походы и поездки на Сицилию или в земли франков, показывает, что первые заметно преобладают. И это при том, что викинги держали в страхе земли наследников Карла Великого на протяжении почти трех столетий.

«Саги о древних временах». Ряд скандинавских саг из цикла «саг о древних временах» («Пергамент с плоского острова», «Сага о Хальвдане, сыне Эстейна», «Сага о Стурлауге Работящем», «Сага о Хрольве Пешеходе», «Сага о Тидреке Бернском»), а также «Песня о Хюндле» из «Старшей Эдды» и «Младшая Эдда» Снорри Стурлуссона (Рыдзевская 1978: 69, 85–88), рассказывая о ранней истории Ладоги⁵, повествуют о центре одного из скандинавских королевств (в этот период таких «королевств» в скандинавских землях и на территориях, контролируемых викингами, было около сотни). В этих источниках, похоже, отражены реалии истории Ладожского королевства конца VIII – середины IX в., среди которых выделяются эпизоды борьбы шведских и датских викингов за владение этим королевством. Сначала в королевстве утвердились шведские викинги с Готланда. Позднее «морский конунг» Эйстейн и его сын Хальвдан захватили королевство, Хальвдан не сумел его удержать и туда вернулись наследники предыдущих правителей. Но потом королевство захватила другая группа шведских викингов. Этому последнему эпизоду посвящен целый цикл саг.

Сын Эйстейна Хальвдан Старый далеко не единственный герой древних саг с таким именем. Но никто другой не связан с Ладогой или иными восточными землями. Саги рассказывают о шведском конунге Хальвдане Старом (ок. 500–520), сыне Эрунда; конунге Хальвдане Храбром (ок. 650–690-е гг.), отце конунга Швеции, Дании и Восточной Англии Ивара Широкие Объятья; норвежском конунге Хальвдане Белая Кость (ок. 750); сыне Эйстейна Грима норвежском конунге Хальвдане Щедром на золото и Скупым на трапезу (790–800?), который был дедом конунга Хальвдана Черного (ок. 820 – ок. 860), отца первого конунга объединенной Норвегии Гаральда Харфарга (858–934).

---

⁵ Земляное городище Ладоги возникло как поселение викингов не позже 753 г., дата надежно установлена Е.А. Рябининым по данным дендрохронологии (Рябинин, Черных 1988: 72–100).

Обратимся к этим сложным источникам.

«Пергамент с плоского острова» (Flateyjarbók) – самый большой исландский манускрипт из 225 листов, составленный в 1387–1394 гг. двумя священниками из утраченных записей древних саг. Одна из них повествует, что конунг «Хальвдан Старый... взял себе в жены Альфию, дочь Эймунда, конунга из Хольмгарда» (Рыдзевская 1978: 69). Понятно, что Новгорода в IX в. еще не было, и в исходном тексте, скорее всего, речь шла о Ладоге.

«Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» (Hálfðanar saga Eysteinnssonar)⁶ окончательно сформирована ок. 1350 г. (Vries 1967: 496–497), но первоисточник ее, вне всякого сомнения, намного древнее. Согласно этой саге, род Эйстейна происходил от самого Одина – верховного бога скандинавского пантеона. Сага повествует, что Эйстейн был сыном Транда, даже не конунга, а только хевдинга Нидароса (Тронхейма) в Норвегии. Женившись на Асе, дочери одного из «морских конунгов» Сигурда Оленя, он получил за ней две небольшие области в Норвегии: почти незаселенный Финмарк на севере и Хагаланд в Упланде. После смерти Асы он потерял эти «королевства» и занялся пиратством на Балтике. Однажды он напал на Альдейгюборг (Ладогу – *Л. В.*), где «в это время правил... конунг, которого звали Хергейр, он был уже стар; Исгерд звалась жена его... У них была дочь, которую звали Ингигерд, она была прекрасней всех девушек» (Hálfð. 1917: 93–94; Рыдзевская 1978: 84). Воспользовавшись тем, что его дружина была более многочисленной («у Хергейра войска было мало»), Эйстейн взял Альдейгюборг и стал там конунгом, женившись на вдове Хергейра. Но викинги Хергейра спустя некоторое время отомстили за смерть своего конунга, убив Эйстейна. После него конунгом избрали его сына Хальвдана, который зайнявшись поисками убийц отца, воевал в Бьярмаланде (Кореле – *Л. В.*) и только через пять лет приключений на Austrvegr (Восточном пути) вернулся в Альдейгюборг (Hálfð. 1917: 106). Ингигерд⁷, дочь предыдущего ладожского конунга Хергейра, в это время воспитывалась у Скули, ярла Алаборга⁸. После смерти Эйстейна и отъезда Хальвдана Ингигерд с мужем вернулась в Ладогу. Через пять лет сюда вернулся и Хальвдан, но не задержался, бросившись снова в водоворот приключений, завершившихся его возвращением в материнские земли в Норвегии (Рыдзевская 1978: 85; Прицак 2003: 364–367).

«Сага о Хальвдане, приёмше Брани» (Hálfðanar saga Brønufostra), сохранившаяся в рукописях XV в., сформирована около 1300 г. В ней рассказывается, что Хальвдан был сыном датского конунга Гринга, а Ингигерд

---

⁶ Полный текст саги по древнейшей пергаменной рукописи (1450–1475 гг.) см.: (Hálfð. 1944: 283–319; Hálfð. 1985: 171–198; Hálfð. 1989: 55–99).

⁷ Образ Ингигерды этой саги имеет ряд параллелей с образом Ингигерд королевских саг (см.: Джаксон 2000: 108–110; Глазырина, Джаксон 1986: 108–115).

⁸ Вокруг локализации этого пункта продолжается дискуссия: на Белоозере (Kleiber 1957: 222; Schramm 1986: 280–282), на Онежском озере (Ellis-Davidson 1976: 41), вблизи Олонца на берегу Ладоги (Глазырина 1978: 203–204) или в Приладожье (Лебедев 1985: 187). Алаборг отождествляют, в частности, с городищем на р. Сясь в Приладожье (Богуславский, Мачинская: 1993: 117–122; Богуславский 2005: 171–243; 2006: 16–40; 2007: 90–122). Эта дискуссия создает некоторые основания для определения гипотетической территории Ладожского «королевства».

была его сестрой. Они оба были спасены ярлом Торвидом после гибели их отца и отправлены в Бьярмаланд, где правил его брат Оттар. Когда Хальвдану исполнилось 12 лет, Оттар дал ему четыре драккара (корабля) с которыми тот начал свою одиссею, бросающую его то к берегам легендарного Гелуланди (Лабрадор?), то к берегам Англии (Тиандер 1906: 287–292).

«Сага о Стурлауге Работящем» (*Sturlaugs saga starfsama*), окончательно сформирована на рубеже XIII–XIV вв. (Vries 1967: 499). В ней рассказывается о том, что в Альдейгюборге правил старый конунг Ингвар, имевший дочь Ингигерд («она была прекрасней всех женщин и очень мудрая»), которая отказала Фрамару, шведскому викингу, прибывшему в Альдейгюборг с 60 драккарами. Тогда Фрамар вернулся в Швецию, получил помощь от названного брата Стурлауга, который занял Альдейгюборг, поставил в нем конунгом Фрамара и выдал за него Ингигерд. И правил вначале Фрамар «советуясь с лучшими людьми в той стране» (Рыдзевская 1978: 85; Глазырина 1996: 158–159, 164–165, 170–171).

«Сага о Хрольве Пешеходе» (*Gaungu–Hrólf's saga*) сообщает (Göng. Hrólf.: 235–364): «Хреггвид звался конунг, он правил в Хольмгардарики (Новгороде на Руси – *Л. В.*), которое некоторые люди называют Гардарики... Единственное дитя у него с его княгиней – дочь, которую звали Ингигерд; она была прекраснее и обходительнее всех женщин во всей Гардарики (Руси – *Л. В.*)» (Göng. Hrólf.: 237–238; Рыдзевская 1978: 86).

Из «Саги о Тидрека Бернском» (*Tíðreks saga af Bern*), созданной ок. 1250 г. в Бергене (текст саги см.: *Tídr.*) на базе позднее потерянной немецкой баллады о Дитрихе Бернском (Vries 1967: 500–501, 514–520), узнаем, что в Хольмгарде правил конунг Хертнит (Рыдзевская 1978: 87; Веселовский 1906: 130–190).

«Песня о Хюндле» из Старшей Эдды и, наконец, Младшая Эдда Снорри Стурлуссона также содержат информацию о Хальвдане Старом: «Конунга звали Хальвдан Старый, он был славнейшим среди всех конунгов. Он был великим воином и далеко ходил на восток, там он убил на поединке того конунга, которого звали Сигтрюг, он вступил в брак с той женщиной, которую звали Альвиг Мудрая, дочерью конунга из Хольмгарда, у них было 18 сыновей» (Кирпичников 1988: 88).

Информацию, близкую рассказам саг, содержит так называемая Иоакимовая летопись (в пересказе В. Н. Татищева). Вокруг этой летописи продолжается дискуссия (Азбелев 2007: 6–34; Пчелов 2010: 37–67; Конча 2012: 98–111). Можно согласиться с одним из первых исследователей этого памятника П.А. Лавровским, полагавшим что невозможно доказать, что летопись действительно написана новгородским епископом Иоакимом Корсунянином и дошла к нам в изначальном виде, а считать ее информацию не более чем вероятной, было бы несправедливо (Лавровский 1856: 77–160). И все ж, похоже, что отдельные части этого памятника сохраняют древний пласт. Еще Б. Клейбер отметил, что один из источников, относящихся к кругу «Саг о древних временах», мог стать основанием Иоакимовой летописи (Kleiber 1960: 70). Эту версию поддержал Е.В. Пчелов, обративший внимание на то, что река Кумень, на которой был разбит князь Буриной (в сагах конунг Хергейр, Хреггвид или Хертнит), – это река Куммене в Финляндии, а имя «Адвинда» присутствует в новгородском ономастиконе – одного из посадников звали Отвине (Пчелов 2001: 62).

Понятно, что сведения разных саг переданы разными скальдами, делавших главными героями произведений своих заказчиков. Кроме того эти рассказы отображают разновременные эпизоды борьбы за Ладогу различных групп шведских и датских викингов (Войтович 2006б: 199).

Рядом с Ладогой и ее округой формировалась Славия – союз пришлых словен, части *кривичей* и *чуди* (угро-финнских племен) – на этом этапе попавшая под влияние королевства викингов, связанного с международным транзитным путем с Каспийского моря по Волге и ее бассейну к Балтийскому морю, проходившим в районе оз. Ильмень и р. Волхов через земли, колонизованные словенами (Носов 1990: 189). Все это способствовала расцвету Ладоги, вырастающей из центра межплеменного обмена в город – полиэтничный торговый центр, и повышало заинтересованность в этом пункте не только различных групп шведских и датских викингов, но и бродячих «морских конунгов» из Норвегии.

Хальвдан Старый известен не только из древних саг. Этот представитель династии ютландских конунгов, родичей датских Скъьльдунгов, остается загадочной фигурой. Ютландские конунги происходили из «морских конунгов», прославившихся в первую очередь как знаменитые пираты. Саги приписывают создание королевства в Ютландии Сигурду Ринге (Кольцо), отцу знаменитого Рагнара Лодброка (Кожаные Штаны) и относят это событие к концу VIII в., причем в роле его союзников выступают правители Острогарда в Дании и Кунигарда/Киева (Крузе 1836а: 49).

Ранняя генеалогия Скъьльдунгов и Инглингов очень сложна и противоречива (Francke 1834). Считают (Einh. Ann.: 162; Ann. Fuld: 349; Пчелов 2001: 78), что Хальвдан Старый был младшим братом датского конунга Горма и сыном Гаральда Хильдитена (Боевой зуб), а также был родичем Сигурда Ринге и его сына Рагнара Лодброка. Попробуем разобраться в этих родственных отношениях.

Кто действительно был отцом Хальвдана Старого? Из саг мы знаем, что он был сыном Эйстейна, сына хевдинга Транда. Потеряв после смерти жены, владения в Северной и Южной Норвегии, Эйстейн превратился в «морского конунга» и занялся пиратством на Балтике, грабя также и земли Бьярмии. Его брату Эйрику Путешественнику, тоже «морскому конунгу», саги приписывают открытие пути в Константинополь – в землю Одаинсак («Луга бессмертия»). Отдельная сага об Эйрике Путешественнике записана около 1300 г. (Simek, Pålsson 1987: 70).

Имя Эйстейн характерно для VIII в. Согласно «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна» (*Hálfðanar saga Eysteinnsonar*), конунг Эйстейн с сыном Хальвданом на 30 драккарах вышли в Аустрвег¹⁰. Именно во время этого похода был взят

---

⁹ Генеалогия Скъьльдунгов основана на «Родовом перечислении Скъьльдунгов» (*Landfeðgatal Skjöldunga*), составленным Семундом Мудрым (†1133), «Родословии датских конунгов» (*Ævi Danakonunga*) Ари Мудрого (1067/1068–1148) и «Саге о Скъьльдунгах» (*Skjöldunga saga*), записанной в 1180–1200 гг. и известной из пересказов и фрагментов в основном из латинских конспектов *Rerum Danicarum Fragmenta* Ангримура Энсона (1568–1648). Генеалогия шведской династии Инглингов основана на «Перечислении Инглингов» скальда Тьодольва Мудрого из Хвинира (конец IX в.) и «Саге о Инглингах» (*Ynglinga saga*), созданной Снорри Стурлуссоном между 1220 и 1230 гг.

¹⁰ *Austrvegr* («Восточный путь») – земли за Балтийским морем в глубине материка. До

Альдейгуборг (Ладога – Л. В.). Согласно этой же саге, Исгерд, жена ладожского конунга Хергейра, была дочерью Хледвера, конунга из Гаутланда (Гёталанда) в Швеции. Именно шведские викинги из Готланда, по мнению исследователей, были основателями ранней Ладоги, имевшей наиболее интенсивные контакты со шведскими землями (Потин 1970: 67; Давидан 1971: 112; Лебедев 1977: 164–193; Даркевич 1985: 389; Седых 2003: 84–96). После гибели Эйстейна Хальвдан передал Ладогу брату Исгерд.

Захват Ладоги «морским конунгом» Эйстейном можно отнести к последней четверти VIII в. (ок. 780 г. или немного ранее). Эйстейн поспешил укрепить свое положение браком с вдовой предыдущего конунга Хергейра. Это было вдвойне полезным как для придания законности узурпации, так и для сохранения мира и поддержки Готланда. Но часть ладожских викингов шведского происхождения не согласилась служить пришедшим норвежско-датским викингам Эйстейна, что привело к его гибели. Видимо из-за этого и Хальвдан не остался в Ладоге, а передал ее шведскому принцу. Дочь погибшего ладожского конунга Ингигерд по смерти Эйстейна также боролась за Ладогу и вернулась туда с мужем.

Первое датированное упоминание о Хальвдане относится к 782 г., когда он возглавил посольство от датского конунга Сигифрида (Sigifridus) к королю франков Карлу Великому (Ловмянский 1963: 224–226, 228–229). В целом миссия была успешной, и через некоторое время Хальвдан утвердился в западной части Ютландии и даже претендовал на старший датский престол, выступая в 810 г. соперником конунга Готфреда, сына Горма.

Из этих сведений следует, что Хальвдан должен был принадлежать к династии Скъельдунгов либо был связан с ней близкими родственными связями. Отец Горма – Гаральд Гильдетан был конунгом Ютландии. Исследователи начала XIX в. считали, что у конунга Гаральда было трое сыновей: Горм, Рюрик и Хальвдан (Крузе 1836а: 75). Гаральд Гильдетан, согласно «Песни Хюндле» из Старшей Эдды, был Скъельдунгом, сыном датского короля Рюрика Метателя Колец и Ауд, дочери Ивара Широкие Объятья. Его сводным братом был Рандвер, отец Сигурда Ринга и дед Рагнара Лодброка. Этот Рандвер, как будто бы, был сыном конунга Гардарики Радбарда (Radbardr – Рыжебородый). Не шла ли здесь речь еще об одном конунге Ладоги? (Милютенко 1998: 30–33).

Был ли Хальвдан Старый братом датского конунга Горма (Крузе 1836а: 51)? А если был, то каким братом – родным или двоюродным? Успешный «морский конунг» Эйстейн был сыном хевдинга, то есть не принадлежал к династии Инглингов или Скъельдунгов. Если Эйстейн был отцом Хальвдана, то братом Горма Хальвдан мог быть только по матери, которая в таком случае должна была быть сестрой Гаральда Гильдетана, отца конунга Горма.

Согласно сагам, Аса, жена Эйстейна и мать Хальвдана, была дочерью «морского конунга» Сигурда Херта (Олея). Но Хальвдан в 782 г. уже возглавлял

конца XI в. в сагах *Austrvegr* обычно означал земли Руси. Так Ярослав Мудрый (Ярицлейв) нередко именуется как *Austrvegr konunge* – конунг Восточного пути, а местное население как *Austrvegrsmenn* – жители Восточного пути. С XII в. название *Gardariki* вытесняет *Austrvegr*, последнее название остается исключительно для обозначения юго-восточного побережья Балтики: Виндланд (Vindland), Курланд (Kúrland), Естланд (Estland) и т. д. (см.: Глазырина, Джексон, Мельникова 2003а: 483).

датское посольство, а известный сагам Сигурд Херт женился на Ауслаг, дочери Сигурда Змеинный Глаз, ставшей матерью Асы. Сигурд Змеинный Глаз был одним из сыновей Рагнара Лодброка, погибшего ок. 865 г. Таким образом Хальвдан не мог быть сыном этой Асы и внуком Сигурда Херта. В окончательном варианте саги ее редакторы, видимо, сами запутались в родословии героев, что, учитывая наличие многих героев с одинаковыми или похожими именами, а также записи саг по прошествии длительного времени, было совсем не трудно сделать.

Отцом Асы вероятно был конунг Сигифрид, поддержавший в 777 и 782 гг. вождя саксов Видукинда в борьбе с королем франков Карлом Великим и поставивший внука Хальвдана во главе своего посольства в 782 г. Этот конунг, как будто бы, был братом Гаральда Гильгетана¹¹. Между 797–800 гг. после Сигифрида конунгом стал Гаральд Гильдетан. Горм и Рёрик (названный так в честь деда, что было традицией у скандинавов) были его сыновьями, а Хальвдан, вероятнее всего, племянником, сыном сестры и Эйстейна. Не исключено, впрочем, что Хальвдан был родным братом Горма и Рёрика и младшим сыном Гаральда Гильдетана, но я, все-таки, склоняюсь к первому варианту.

Конунг Гаральд Боевой Зуб умер около 800 г. Горм стал старшим датским конунгом, унаследовав отцовский престол после Гаральда Гильдетана, а Рёрик получил от Карла Великого Рустрингию в Фрисландии (Francke 1834: 406), на которую претендовал и Хальвдан. После этого Горм, вероятно, передал прежние владения Рёрика на ободритской границе своему старшему сыну Готфриду, а двоюродному брату Хальвдану – часть Ютландии, примыкающей к Рустрингии (восточной части Фризии от залива Зайдерзе до границ Ютландии), что давало возможность датским конунгам контролировать побережье Северного моря на довольно большом пространстве. Наличие в Ладоге значительных фризских материалов и известия саг позволяют допустить, что Хальвдан делал попытки вернуть себе Ладогу, и возможно, периодически это ему удавалось. Эта борьба отображена также в рассказах о военных экспедициях, которые конунг Горм посылал на Готланд, в Бьярмию и Герут.

Деятельность Готфрида, чьи владения граничили с имперскими и землями ободритов, значительно лучше отображена в источниках, чем деятельность его отца Горма или двух дядьев – Рёрика и Хальвдана. Готфрид пытался провадить активную политику, используя выгодное расположение своего королевства и контролируя торговые потоки между имперскими славянскими землями и королевствами викингов (Jones 1984: 102–104). Его беспокоило расширение империи франков и он укреплял свои границы, поддерживая дипломатические отношения с Карлом Великим (Мельникова 2004: 22–38).

Наконец, в 808 г. он взял и разрушил порт Рерик (вероятно основанный в конце VIII в. его дядей Рёриком) и перевез оттуда торговцев и ремесленников в свою столицу Хедебю (Ann. Reg. Franc.: 126, 127). Еще П. Шафарик связал Рерик с ободритами, допуская, что его название происходит от рарога – самого быстрого из соколиных, который мог быть тотемом или божеством ободритов

---

¹¹ Н.Т. Беляев отождествлял Сигифрида с Сигурдом Рингом (Беляев 1929: 223), с чем согласиться трудно. Кроме того, что эти имена совсем разные, имеются еще хронологические несоответствия: последнее упоминание о Сигифриде относится к 797 г., а сын Сигурда Ринга знаменитый Рагнар Лодброк погиб ок. 865 г. во время очередного морского похода.

(Szafarzyk 1848: 236–238; Šafařík 1937). Однако уже Л. Нидерле обратил внимание, что П. Шафарик не учел информацию источника, где четко сказано «lingua danorum Reric dicebatur» («датским языком в Рерике разговаривали», см.: Ann. Reg. Franc.: 126). Иными словами, город был с преимущественно датским населением.

П. Шафарику возражали многие авторы. Большинство отстаивало германскую этимологию названия поселения и его датский характер. Дискуссии на эту тему продолжается (Wigger 1860; Löffler 1919: 25–26; Vogel 1933: 85–92; Vasmer 1933: 128–130; Koczy 1933: 217; Beltz 1935: 107; 1938: 220; 1939: 175–177; Kroggmann 1939: 77–84; Vries 1962; Doberan 1964: 237–254; Herrmann 1968: 19; Leciejewicz 1968: 20), а сам эмпорий Рерик не локализован до сих пор. Существующий ныне мекленбургский городок Рерик (на который ссылаются антинорманнисты) получил свое название только в 1938 г., а с XIII в. он известен из источников как село Альт Гаарз (Alt Gaarz). Где находился Рерик, был ли он в земле ободритов как датская фактория или располагался на датско-ободритской границе, и ободриты только пробовали его захватить – этот вопрос остается дискуссионным. Наиболее обоснованной выглядит локализация Рерика в Мекленбурге в районе современного Висмара (Херрманн 1986: 338–346; Hack, Lubke (Hrsg.) 2001).

Название этого эмпория связано с Рёриком, младшим братом датского конунга Горма, который позже получил от Карла Великого владения в Фрисландии. Очевидно до этого он имел владения на ободритской границе, перешедшие после его ухода в Фрисландию к Готфриду. Эмпорий Рерик, видимо, был онован вначале последней четверти VIII в., когда датчане пытались захватить хотя бы часть территории ободритов (Boguslawski 1895: 28–35; Wachowski 1902: 84–112; Knorr 1936: 160–229; Jankuhn 1950: 8–16; Ślaski 1954: 227–234; Fritze 1960: 141–149; Labuda 1962: 65–69; Herrmann 1984).

Эмпорий Рерик превратился в конкурента Хедебю, ставшего после его разгрома главным балтийским центром, сквозь который пошли потоки международной торговли в обход опасных североморских путей, контролируемых «морскими конунгами» (Мельникова 2008: 14–15). И хотя само поселение не было уничтожено полностью (в 809 г. здесь был убит ободритский князь Дрожко, см.: Ann. Reg. Franc.: 129), оно уже не составляло угрозы для Хедебю. В новых условиях наступления франков, использующих ободритско-датские противоречия, Готфрид уже не видел возможности расширения территории за счет ободритов – встал вопрос обороны собственно датских земель. Поэтому он окружил свою столицу мощными укреплениями и начал сооружение оборонительной линии Dannevirke, тянувшейся от бухты Шпей, где находился Хедебю, до болот на западе полуострова. Другая часть укреплений – между бухтой Шпей и Эккер-фьордом – защищала полуостров Швансен. Остатки этих укреплений, основой которых был вал общей длиной около 30 км и высотой от 3,6 до 6 м, сохранились¹².

По смерти Горма в 810 г. Готфрид занял старший престол Дании в Лейдре. Но слабое равновесие было почти сразу нарушено: разгорелась борьба между Готфридом и его дядей Рёриком, поддержанным Хальвданом. Рёрик погиб (Крузе

---

¹² Эта линия обороны была завершена уже в XI в. (Künl, Hardt 1999).

1836а: 51), а Фрисландия перешла к Хальвдану. Готфрид собрал ледунг в 200 драккаров и трижды вторгнулся в Фрисландию. Борьба закончилась его победой, и Фрисландия была обложена данью (Сакс.: 47). Програвший Хальвдан, вероятно, вернулся в норвежский Хагаланд или Вестфальд, где и умер.

Таким образом, Хальвдан Старый был Скъельдунгом по матери. Он вел себя, подобно отцу и другим «морским конунгам», ища удачи и счастья, после неудач укрываясь во владениях деда Сигифрида, а получив наконец небольшое королевство – пытался удержать свое верховенство над важными торговыми центрами в различных регионах (Ладога, Южная Ютландия и какие-то земли в Южной Норвегии).

События, происходящие в Ладоге после 810 г., не нашли отображения в источниках. Саги рассказывают об удачном нападении на Ладогу около 852 г. (или несколько раньше), в котором приняли участие шведские викинги Фрамар, Стурлауг и Хрольв, сын Стурлауга. На основании информации Жития св. Ангария (написанного гамбургско-бременским епископом Римбертом до 865 г.) А.Н. Кирпичников связывает это событие с походом шведского конунга Анунда из Дании на Бирку в 852 г. (Кирпичников 1988: 47–48). Изгнанный из Швеции конунг Анунд нашел прибежище в Дании. Получив помощь от датских викингов, привлеченных богатой добычей, он присоединил к своим 11 драккарам еще 21 датский корабль и неожиданно появился возле Бирки. Тут ему стало жаль родного города и он предложил спросить волю богов путем метанья жребия, что было обычным для викингов в подобные моменты. Жребий направил их к другому городу *in finibus Sclavorum*, неожиданное нападение на который принесло им успех и богатую добычу (San. Ansk: 704).

Похоже, что после того, как Хальвдан перенес центр своей деятельности в Ютландию, в Ладоге остались потомки Ингигерды, дочери Хергейра, и ее мужа Ульвкеля. Старый конунг Ингвар мог быть как раз их сыном. После его гибели Фрамар стал ладожским конунгом, женившись на его дочери Ингигерд (названной так в честь бабушки), и сначала правил «советуясь с лучшими людьми в той стране». К тому времени в Ладоге и ее округе уже сформировалось славяно-финское общество с вкраплением старой местной варяжской *руси* (потомков готландцев), лидером которого был Гостомysl. В результате восстания, организованной этой элитой, в 860 г. (по ПВЛ) или 865 г. (исходя из времени тотального пожара Ладоги), Фрамар потерял Ладогу. И местные вожди после этого вполне логично обратились к Рёрику, сыну или внуку Хальвдана, чтобы с помощью датских (ютландских) викингов отбивать нападения шведских викингов (Войтович 2006б: 199–200). Кроме того, пришедшие из отдаленной Ютландии викинги нуждались в поддержке местной элиты и ее лидеров, тогда как соседние шведские конунги демонстрировали агрессивную политику относительно юго-восточных соседей. Приблизительно в то же время Эйрик Эмундарссон, конунг Упсалы, подчинил себе южнобалтийские земли (ок. 850–860 гг.), а Олаф, конунг Бирки, овладел укрепленными пунктами куршей Себорг (Гробини – Л. В.) и Ануоле (Глазырина, Джаксон, Мельникова 2003б: 483).

А.Ю. Чернов обратил внимание на то, что *русь*, призванная ладожанами (а среди них тоже была своя *русь* с преимущественно готландскими корнями), согласно ПВЛ, находилась на пути по Балтике и Атлантике в Средиземное море

между готами и англянами (Чернов 2008). То есть, это как раз Фризия с ее Рёриковым Рустрингером. Призыв Рюрика в Ладогу оправдан и тем, что арабское серебро, накопленное в Ладоге в результате двойного товарообмена, свозь Данию шло в Европу, а после взятия шведами Ладоги этот поток развернулся на Швецию. Кого ж тогда нужно было звать ладожанам для защиты морских путей, как не Рюрика с его флотом¹³.

Рюрик. Многие источники, в частности анналы Эйнхарда (Einh. Ann.: 135–218), Фульденские анналы (Ann. Fuld.: 337–415), Бертинские анналы в частях епископа из Труа Пруденция и реймского архиепископа Гинкмара (Ann. Bert.: 419–515), Ксантенские анналы (Ann. Xant. 1829: 217–235; Ксант.: 143–158), Норманнская хроника (Chr. de Norm.: 532–536), Житие св. Ангария, написанное его учеником Римбертом (San. Ansk.: 683–725), «История гамбургских епископов» Адама Бременского (Adam 1917; Adam 1959; Адам: 247–449), невзирая на определенные противоречия, достаточно надежно связывают Рюрика с Хальвданом Старым.

Можно утверждать, что сыновьями Хальвдана были Ануло, Гаральд Клак, Регинфрид и Хемминг. Ксантенские и Фульденские анналы под 850 г., а также Адам Бременский (Адам: 310) и Роскильская хроника, составленная ок. 1140 г. (Chr. Roskil.: 3), называют Рюрика младшим братом Гаральда Клака, другие источники – племянником.

Мнения исследователей также расходятся. К. де Кош считал Рюрика сыном Ануло (Koch 1818: Tabl.17), Е.А. Мельникова – сыном Хемминга (Мельникова, Сванидзе, Возгрин и др. 1996: 42). А.А. Куник, Ю. Стенструп, Э. Дюммлер и Г. Ловмянский – сыном одного из братьев и внуком Хальвдана Старого. Я больше склоняюсь к версии Ф. Крузе, В. Фогеля и Н.Т. Беляева, считавших Рюрика младшим сыном Хальвдана Старого (Пчелов 2001: 71). В таком случае Рюрик должен был бы родиться не позже 810 г. Ф. Крузе относил его рождение ко времени ок. 817 г. (Крузе 1836а: 71), но почти невероятно, чтобы Хальвдан Старый до этого времени оставался жив и не принимал участия в борьбе за датский престол, занимаемый его сыновьями. В таком случае Рюрик мог быть только внуком Хальвдана. В конечном счете, и проблема происхождения Рюрика, и проблема происхождения Хальвдана остаются дискуссионными и требуют дальнейших исследований. На данном же этапе можно считать, что Рюрик был младшим сыном либо внуком Хальвдана, и оба они были связаны с датской династией Скъёльдунгов.

Походы Готфрида вынудили императора Карла, считавшего Фрисландию частью империи, начать подготовку вторжения во владения датского конунга. Но в это время Готфрид пал жертвой заговора (Сакс.: 47).

Датским конунгом стал Хемминг, которого Саксон Анналист († после 1152), следом за Региномом Приюмским (ок. 840–915) считал племянником Готфрида (Сакс.: 48; Reg. Chr.: 582), вероятно, сыном Готрика, брата Готфрида. Хальвдан,

---

¹³ «Саймон Коупленд пишет, что в Дорестаде Рёрик чеканил монеты с именем императора Лотаря (например, с такой легендой: LOTARIVSIMPERAT), что доказывает, что Рёрик был вассалом императора франков (Coupland 1998: 96)» и при том чем-то вроде министра финансов, память об успешной деятельности которого, судя по документам, сохранялась довольно долго (Бобров, Николаев, Чернов и др. 2012: 251–252).

возможно, еще был жив. Его сыновья вступили в борьбу в 812 г. (после смерти конунга Хемминга) с другим племянником Готфрида – Зигфридом. Эта борьба закончилась жестокой битвой, в которой пали Зигфрид и Ануло, старший сын Хальвдана, и 10940 мужей с обеих сторон (цифра явно завышенная). Победа досталась сыновьям Хальвдана (тот умер между 810–812 гг., ближе к первой дате) и королевский трон разделили Регинфрид с братом Гаральдом Клаком (Сакс.: 53). Они отправили посольство к императору с просьбой отпустить их брата Хемминга, вероятно, заложника при императорском дворе еще со времен Хальвдана (Сакс.: 54)¹⁴.

Сыновья Хальвдана продержались в Дании до 815 г., когда погиб Регенфрид. Гаральд Клак и Хемминг пытались удержать владения в Фрисландии и Ютландии. Хемминг погиб в 837 г. (Пчелов 2001: 71–72).

После неудачных попыток удержаться в Ютландии в 819–823 гг. Гаральд Клак с женой, сыном Готфридом, племянником (или младшим братом?) и приверженцами прибыли в 826 г. в столицу империи франков Ингельгейм, где в присутствии императора Людовика Благочестивого приняли христианство. Император подтвердил Гаральду Клаку владения графством Рустинген в Фрисландии. Н.Т. Беляев допускал, что этим племянником или младшим братом, крестившимся в 826 г. вместе с Гаральдом Клаком, был Рюрик (Беляев 1929: 227–228). Роскильская хроника (ок. 1140) это прямо утверждает (Chr. Roskil.: 4).

Гаральд Клак умер в начале 840-х годов (Пчелов 2001: 72). После этого Рюрик потерял графство Рустинген в Фрисландии, поссорился с императором Лотарем и стал «морским конунгом», то есть пиратом, нападая на фризские берега. Интересно, что после неудачного нападения в 845 г., закончившего вспышкой эпидемии, он приказал отпустить всех пленных христиан и заставил всю свою дружину поститься¹⁵. Данный факт косвенно подтверждает, что он был христианином (с 826 г.?) или, по крайней мере, симпатизировал христианам (Пчелов 2001: 73). Кстати, эпизод, зафиксированный Ксантенскими и Бертинскими анналами, послужил основанием для предположения А. Ю. Чернова, будто бы Рюрик был в 846 г. королем ободритов (Николаев, Бобров, Чернов 2012: 467).

В 850 г. для нападения на Англию Рюрик собрал огромный флот в 350 драккаров. С этим флотом он силой захватил самый значительный порт в Фрисландии, Дорестада, находящийся на о. Валхерен при впадении р. Шельды в дельту Рейна. В Дорестаде сходились торговые пути вдоль Рейна, берегов Британии, Северного и Балтийского морей. Фризские купцы доминировали на Балтике (Wadstein 1925). Именно потому на этот город нападали «морские конунги»: в 834, 835, 837 гг. викинги грабили Дорестада, а в 846 г. Рюрик сжег город почти на глазах императора Лотаря, находившегося в Нимвегене

---

¹⁴ Хемминг, сын Хальвдана, был дядей конунга Хемминга, племянника конунга Готфрида и брата конунга Зигфрида.

¹⁵ «845 г. В то время, когда это произошло, король Людовик, собрав большое войско, отправился в поход против вендов. Когда язычники узнали об этом, они, со своей стороны, отправили в Саксонию послов, и поднесли ему дары, и передали ему заложников, и попросили о мире. И тот предоставил мир и вернулся в Саксонию. После же этого на разбойников нашла чудовищная смерть, при этом также и вожак нечестивцев, по имени Регинхери, который грабил христиан и святые места, умер, пораженный Господом. Тогда,

(Ксант.: 145–151). Франкская империя не могла позволить себе потерю такого центра северной торговли. Поэтому император Лотарь вернул Рюрику владения в Фрисландии в качестве имперского лена, который тот был обязан защищать (Беляев 1929: 230–231).

С этого времени близким соратником Рюрика стал сын Гаральда Клака – Готфрид. Это также свидетельствует в пользу той версии, согласно которой Рюрик был братом Гаральда Клака, а если племянником, то сыном Ануло или Регенфрида, то есть — старшим по родовому счету от Готфрида. Дорестада был значительным христианским центром («там много церквей, священников и клириков», см.: Ансг.: 44), откуда отправлялись миссионеры в скандинавские королевства (Ансг.: 51). Можно не сомневаться, что Рюрик не только поддерживал христиан, но и сам был христианином. Ведь не мог же быть язычник маркграфом Рустрингии. Поэтому не стоит придавать большого внимания эпитетам типа *fel christianitatis* (Ann. Xant.: 235) которыми награждали Рюрика современные ему хронисты в период, когда последний со своим пиратским флотом наводил ужас на атлантическое побережье империи, пытаясь заставить императора Лотара вернуть ему Рустрингию с Дорестадом (Vogel 1906: 129; Keary 1891: 271).

Император Лотарь (†855), воспользовавшись новым всплеском борьбы за датский престол после смерти конунга Хорика I (†854 г.), отнял фрисландские владения Рюрика и Готфрида. Новый конунг Дании Хорик II в 857 г. передал Рюрику часть своих земель между Северным морем и р. Эйдер.

Потом информация о Рюрике исчезает из источников и только под 863 г. и 867 г. сообщается, что его флотилия совершила два мощных нападения на прирейнские владения императора Людовика II (†875). При этом источники называют Рюрика христианином.

посоветовавшись, они бросили жребии, которыми их боги должны были указать им средства к спасению, но жребии упали без пользы. Когда же некий пленный христианин посоветовал им бросить жребий перед их христианским богом, они это сделали и их жребий выпал удачно. Тогда их король по имени Рюрик вместо со всем народом язычников в течение 40 дней (в тексте 14 дней, см.: Сведения 2012: 474, что, похоже, является опиской хрониста — Л. В.) воздерживался от мяса и медового напитка, и смерть отступила, и они отпустили в родные края всех пленных христиан, которых имели» (Ксант.: 146–147). От слов «После же этого на разбойников» в тексте рассказывается совершенно другой сюжет, связанный с «разбойниками», как называют тогдашние христианские хронисты исключительно викингов. Так же этот сюжет понимали практически все исследователи, начиная от Ф. Крузе и до Е. В. Пчелова. После разгрома и гибели их короля в 844 г., о чем сообщили почти все источники этого времени, ободриты уже не рисковали воевать с Людовиком, выслав посольство с дарами и выдав заложников только на известие о походе франков, как убедительно свидетельствует первый фрагмент текста. Кроме того о морских походах ободритов нет никаких известий, а проход через имперские земли в Фризию был невозможен. Датский король Хорик I не только не принимал участия в набегах, но и категорически отмежовывался от них, убеждая императора, что он даже казнил захваченных участников таких набегов. Хронисты также нигде не указывают на участие датских королей в подобных операциях (Мельникова 2008: 17). Набеги эти предпринимали разбойники — «морские конунги», контролировавшие выход из Балтийского моря и имевшие базы в Западной Ютландии и Южной Норвегии, недостижимые ни датским конунгам, ни императору.

В 870 и 872 гг. Рюрик дважды встречался с Карлом Лысым, причем на второй встрече он был с младшим сыном Гаральда Клака – Родульфом. В 873 г. Рюрику были возвращены владения во Фрисландии, за которые он дал вассальную присягу Карлу Лысому. Однако в том же 873 г. Рюрик присягнул Людовику Немецкому, под контроль которого перешли прибрежные земли. После этого западные источники о нем больше не упоминают.

В 882 г. владения Рюрика в Фрисландии от императора Карла III Толстого получил Готфрид, старший сын Гаральда Клака (Пчелов 2001: 73–74). Почти очевидно, что к 882 г. Рюрик уже умер. Г. Ловмянский считал, что он умер в 876 г., но так и не аргументировал свою гипотезу (Ловмянский 1963: 237).

Первым на биографию ютландского конунга Рюрика¹⁶ еще в 1816 г. обратил внимание бельгийский исследователь Г.-Ф. Хольманн, который отождествил этого конунга с летописным Рюриком (Hollmann 1816; Голлманн 1819). Хольманн был родом из Эвера, центра германской Фрисландии, со времен Екатерины II принадлежавшей России, а с 1818 г. – герцогству Ольденбургскому, чья династия была в родственных отношениях с Романовыми. Развернул эту гипотезу уроженец Ольденбурга Ф. Крузе бывший с 1836 г. профессором Дерптского университета (Крузе 1836б: 513–517). Его выводы получили признание среди европейских ученых (напр.: Bredsdorf 1840: 173–176; Depping 1843: 207), но в России были восприняты сдержанно и со временем забыты. Н. Т. Беляев, полковник артиллерии и профессор Михайловской артиллерийской академии, известный исследователь в области булатной стали, в эмиграции, владея большинством европейских языков, занимался исследованием саг и германских источников (Беляев 1929: 215–270). К сожалению его работы остались неизвестными советским историкам, так как были опубликованы в эмигрантских изданиях.

Идеи Беляева поддержали Г.В. Вернадский (Vernadsky 1959: 207–208; Вернадский 1999: 341–344, 380–382), большинство европейских историков, а также О.И. Прицак (Pritsak 1981: 155), Л.Н. Гумилев (Гумилев 1989: 160), Г.С. Лебедев (Лебедев 1985: 214), Б.А. Рыбаков (Рыбаков 1993: 299), А.А. Молчанов (Молчанов 1992: 44–47), М.Б. Свердлов (Свердлов 1994: 36–37), А.Н. Кирпичников (Кирпичников 1998: 40–50) и др. (Касиков, Касиков 1990: 98–109; Пчелов 2001: 74–76; Войтович 2006б: 196–203; 2005: 25–35; 2006а: 111–121; Чернов 2008), причем часть этих исследователей, будучи не знакомыми собственно с работами Беляева, пришли к тем же выводам самостоятельно либо через работы Крузе. С.Н. Азбелев, соглашаясь с отождествлением летописного Рюрика с Рёриком Ютландским, считает его внуком ободритско-ладожского князя Гостомысла (Азбелев 1994: 45–46; 1999: 7; 2007: 61–86). Среди современных российских историков немало противников тождества Рюрика ладожского с Рёриком ютландским (напр.: Яманов 2002: 127–137), при этом большинство из них не знакомо с работами Н.Т. Беляева, а о работах Г. Хольманна и Ф. Крузе знают только из пересказов.

Е.А. Рыздзевская, не соглашаясь с отождествлением летописного Рюрика с Рёриком Ютландским, не развернула свои сомнения в систему доказательств (Рыздзевская 1978: 132). Г. Ловмянский полагал, что одновременно существовали

---

¹⁶ Напомним, что имя Рёрик тождественно имени Рюрик: древнешведское Rørik, Rurik древнедатское Rørik и древнескандинавское Hrærek (Николаев 2012: 407).

два разных Рюрика; при этом исследователь прямо заявил, что задачей его работы являлось опровержение доводов Н.Т. Беляева (Ловмянский 1963: 224–230). И.П. Шаскольский повторил аргументы относительно отсутствия информации в западных источниках о владении Рюрика Ладогой и хронологических несоответствиях (Шаскольский 1965: 211).

Все замечания о хронологических несоответствиях (а были ли они в действительности?) и молчании латинских источников о Ладогe, на мой взгляд, достаточно корректно сняты Н.Т. Беляевым, Г.С. Лебедевым и Е.В. Пчеловым в цитированных работах. Рюрик в 867–879 годах был способен не только контролировать Ладогу, но и удерживать земли между Северным морем и р. Эйдер, а также вернуть себе Дорестад с фризскими территориями. А.Ю. Чернов обратил мое внимание, что Рюрик не мог прибыть в Ладогу в 862 г. и вообще ранее 867 г., что согласуется с открытием археологов слоя тотального пожара Ладогы в 865 г., и что 862 г. – может быть неверным пересчетом даты со старовизантийской хронологической матрицы на византийскую (Чернов 2008; 2012: 19). На мой взгляд, Чернов обоснованно считает, что Рюрик первый раз пробыл в Ладогe два года, затем пошел к Ильменю, где заложил Рюриково городище. Вернуться в Северную Европу на три года его вынудила потребность в своей базе в Фрисландии. Передача же фризландских владений его племяннику (или двоюродному брату?) Готфриду, как справедливо заметил Е.В. Пчелов, могла быть связана с перемещением наследника Рюрика Игоря вместе со своим опекуном-регентом Олегом в Приднепровье, в Киев (Пчелов 2001: 75).

Гостомысл. Начальная летопись в рассказе о призвании Рюрика явно отображает отношения на ранней стадии *дружинного государства*, когда основные решения еще принимались на тингах (вечах). Гостомысл подан как лидер местной знати, поэтому все попытки сделать из него князя выглядят спекулятивными. А.М. Микляев, проанализировав больше сотни топонимов с *гост* и *гощ* в Приладожье, пришел к выводу о присутствии этого имени здесь уже в VIII в. (Микляев 1984: 25–45). Ничего фантастического и неправдоподобного в фигуре Гостомысла нет. Понятно, что рассказ о князе руян, сбежавшем в 844 г. к берегам оз. Ильмень (Азбелев 2010: 598–618), целиком бездоказателен. Фульдские (Ann. Fuld.: 372), Ксантенские (Ann. Xant. 1909: 14; Ксант.: 151), Кведлинбургские (Кведл.: 37), Алтайхские (Алтайх.: 97) и Хильдесхаймские анналы (Хильд.: 229), информируя о походе императора Людовика Благочестивого, завершившегося завоеванием славянских земель, рассказывают о гибели князя по имени Gestumus, Gestimulus или Gostomuizli, при этом никаким образом не связывая этот поход с островом Рюген. Все попытки найти среди ободритов или других поморских и полабских славян князя Гостомысла, якобы убежавшего от франков на оз. Ильмень и начавшего здесь славянскую колонизацию, фиксируемую археологами на столетие раньше, просто очередная попытка согласовать патриотическую ностальгию антинорманнистов с реальной биографией Рюрика. Любые созвучия имен чисто случайны и не могут служить аргументом, особенно имена вроде Гестум или Годлав.

Такой неоднозначный источник, как Иоакимовская летопись, называет Гостомысла сыном князя Буривоя, а Рюрика – сыном Умилы, дочери Гостомысла. Исследователи уже давно обратили внимание на определенную близость князя Буривоя из Иоакимовой летописи к Борживою чешской хроники Козмы

Пражского (Лавровский 1856: 113), а Умилы к Людмиле, что указывает на чешский прототип этой генеалогии (Пчелов 2010: 62, 66). Кажется, стоит согласиться с Е. В. Пчеловым, что вся эта генеалогия Иоакимовой летописи сконструирована или подправлена самим В. Н. Татищевым (Пчелов 2010: 62–67). При этом мотивацией служили те же самые патриотические чувства: очень хотелось связать Рюрика со славянской династией.

Рюриковы «братья»? Традиция называет рядом с Рюриком двух братьев – Синеуса и Трувора. Трафаретность легенды о троих братьях и то обстоятельство, что имена Синеуса и Трувора нигде не повторяются среди массива потомков Рюрика, заставляет осторожно относиться к этой информации (Nerman 1929: 48). А.А. Куник (Kunik 1844: 131–134) считал их неверным переводом эпитетов Рюрика: «победами пользующийся» и «верный» («страж Тора»). С ним согласилась Н.Т. Беляев и Г.В. Вернадский. Б.А. Рыбаков предположил (Рыбаков 1993: 286), что летописец не понял шведского текста, сообщавшего, что Рюрик пришел со своим домом (сине-хус) и верной дружиной (тру-вор). Против этой версии возражал Г. Ловмянский: выходило, что переводчик дважды перевел фразу «с родом своим и верной дружиной»: один раз в соответствии с ее настоящим значением, а второй раз (непонятно как) – приняв ее за собственные имена. Кроме того, невозможно вывести имя *Трувор* из *thru varing* (Ловмянский 1985: 275). Это противоречие пытался снять Н.Н. Гринев, допустив, что текст соглашения с Рюриком был записан рунами, которые в XI в. редактор не мог разобрать, что и привело к ошибке (Гринев 1989: 31–43). Такое объяснение трудно признать убедительным.

Скандинавская этимология имен Синеуса (Signjótr) и Трувора (Þorvarǫr или Þorvarǫr) не вызывает сомнений (Томсен 1891: 65; Рыздзевская 1978: 168; Schramm 1980: 321–333). Эти шведские имена известны в рунических надписях из Упланда и Исландии. В Изборске при въезде на городище («Труворово городище») находится каменный крест XIV или XV в., который, по преданию, поставлен на могиле князя Трувора («Труворова могила»)¹⁷. Но это место никак не связано ни с местным фольклором, ни с псковскими летописями (Рыздзевская 1978: 168). Белоозерская легенда, зафиксированная в XVI в., связывает Синеуса не с Белоозером, а с Кистемою, что, по авторитетному мнению Е.А. Рыздзевской, повышает ее историчность (Рыздзевская 1978: 168). Всего этого явно мало, чтобы зачислить Трувора или Синеуса в число членов династии Рюриковичей (Мельникова 1995: 39–44; 2000: 142–159), тем более, что латинские источники и саги братьев Рюрика с такими именами не упоминают. Можно было бы согласиться с Е.А. Мельниковой в том, что загадка Трувора и Синеуса относится к проблемам, которые окончательно никогда не будут решены (Мельникова 2000: 158). Однако лингвист С.Л. Николаев показал, что, по всей видимости, мы имеем дело с фрагментом мемориальной надписи, который можно перевести так: «...Рюрику, их домов надежному защитнику» (Николаев 2012: 408–411).

Соотношение текстов Ипатьевского и Никоновского сводов в этой части

---

¹⁷ «Раскопки, установившие, что крест стоит не на месте погребения и не является намогильным, производились дважды — в 80-х годах прошлого столетия Псковским археологическим обществом и в 1912 г. по поручению Археологической комиссии И.А. Шляпкиным» (Седов 1976: 107, примеч. 13).

удивительно похоже, видимо уже в XI в. существовал один из вариантов «Сказания о призвании варягов», хотя подобных рунических текстов, то есть письменного «Сказания» на древнескандинавском языке не существовало (Мельникова 2000: 149–157).

Согласно летописи, Трувор и Синеус умерли в 864 г. Оба могли быть хевдингами, поставленными Рюриком над этими важными областями со славянским кривичским (Изборск¹⁸) и финским (Белоозеро) населением. Конунги ставили во главе фольков своих родичей, и эти викинги тоже могли быть родичами Рюрика, но не обязательно его братьями (Шлецер 1876: 202–205), тем более – родными. Оба имени чаще встречаются у шведов. Поэтому Трувор и Синеус, скорее, хевдинги из числа «старой» ладожской руси-варягов, либо свояки Рюрика, братья его жены. В любом случае, проблема остается открытой.

Вадим Храбрый. Во время отсутствия Рюрика в Ладоге в 870–873 гг. могла выступить оппозиция во главе с Вадимом Храбрым. Вернувшись, Рюрик должен был вступить в борьбу, окончившуюся гибелью Вадима и бегством части «мужей» в другие земли (Касиков, Касиков 1990: 214). И. Я. Фроянов назвал Вадима Храброго «словенским князем», которого поддержали «старейшины» (Фроянов 1992: 100–103). С такой версией можно было бы согласиться: за время отсутствия Рюрика князь Славии мог осуществить попытку захвата Ладоги и найти поддержку у местной элиты из числа «старой» ладожской руси-варягов. Возражения по этому поводу М.Б. Свердлова не выглядят убедительными, как и вывод о легендарности личности Вадима (Свердлов 2003: 123–125): ничего легендарного в его деятельности нет и непонятно кому и для чего его надо было придумывать. Но загадочным остается имя Вадим. Это христианское имя (преподобномученик Вадим Персидский, память 22 апреля) на Руси впервые встречается в тексте Галицкого Евангелия XIII в. (Лосева 2001: 313). Как же это имя могло попасть в языческую Славия середины IX в.? Единственным возможным объяснением является признание того, что Вадим Храбрый был варягом-христианином, лидером группы старых ладожских варягов, которые уже сливались со словенскими лидерами.

Родственные связи. Согласно летописям, Рюрик умер в 879 г. Эта традиционная дата выглядит довольно правдоподобно. В неопубликованном летописном списке XVII в. сообщается: «Ходил князь великий Рюрик с племенником своим Олгом воевати лопи и корелу. Воевода же у Рюрика Валлт и повоеваста и дань возложиста <...>. Умре Рюрик в Кореле в войне, тамо положен бысть в городе Короле, княжив лет 17» (РНБ, Q IV 88. Л. 766 об., 767 об.; Зиборов 1981: 251). Об этом же говорится и в «Подробнейшей истории Государей Российских», опубликованной Н.И. Новиковым в 1791 г.: «В лето 6387 умре Рюрик в войне в Кореле, княжил 17 лет» (Новиков 1791: 53). В.К. Зиборов, обратил внимание на то, что в последнем случае имя Рюрика связано с именем

---

¹⁸ Традиционное сопоставление Изборска с Труворовым городищем в д. Старый Изборск в 30 км к западу от Пскова была взята под сомнение С.В. Белецким, предложившим локализовать Изборск «варяжской легенды» (*Исуборг, борг на р. Исса/Великая; см.: Шрамм 1994: 147) конца IX–X вв. на месте современного Пскова (Белецкий 1993: 112–114; 1996; 2006: 79–115; Белецкий, Лесман 2006).

новгородского боярина карельского происхождения Валиты, чей род в XIV в. занимал высокое положение в Новгородской земле. Исследователь предположил, что Рюрик был дописан к Валите и Кореле в 1592–1630 гг., когда российская дипломатия искала доказательств древности вхождения карельских земель в русские (Зиборов 1995а: 56; 1995б: 47–54). К.Н. Бестужев-Рюмин, наоборот, не видел ничего невероятного в сообщении о гибели Рюрика в Кореле (Бестужев-Рюмин 1879: 390). Действительно, имя Рюрика только раз связано с Валитой и то в довольно ненадежном источнике. Сообщение о смерти Рюрика и передачи власти Олегу напоминает песню скальда о том, как умирающий от раны конунг передает власть и сына родичу и ближайшему сподвижнику. Возможно, что песнь о гибели Рюрика в Кореле-Бьярмии еще существовала, когда российская дипломатия цеплялась за Валиту и эпические свидетельства принадлежности Корелы Новгороду.

Согласно Иоакимовой летописи у Рюрика было много жен, но «паче всех любляше Ефанду, дочь князя урманского, и егда та роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с Ижарою в вено... передаде княжение и сына своего шурина своему Ольгу, варягу сусчу князю урманскому» (Татищев 1962: 110). Г.-З. Байер отождествлял Урманию со шведской областью Раумдалией (Bayer 1735: 301). Возможно, что, подобно Хальвдану, пытаясь не потерять ютландские и фрисландские базы, а также удержать и Ладугу, Рюрик искал компромисс со шведами, закрепив последний брачным союзом. Свояк Олег привел викингов, с которыми Рюрик выступил в Бьярмию (Корелу), чтобы военным успехом укрепить свою популярность среди местной элиты. В этом походе он получил ранение, от которого, учитывая возраст, умер, а власть перешла к молодому свояку Олегу, объявленному регентом при племяннике. Олег также мог быть одним из «морских конунгов» как норвежского (Дёмин б.г.), так и датского происхождения (Мельникова 2005: 138–146; Мыцько 2010), которого привлек Рюрик, выдав за него свою дочь. Догадки, что матерью Игоря была славянка из рода Гостомысла, не опираются на источники (Свердлов 2003: 126). Более того, если Олег был свояком Рюрика, то есть братом его матери, то и сам Игорь тоже и по матери был скандинавом шведского, норвежского или датского происхождения.

Очевидно, что Рюрик утвердился в Ладоге (Мачинский 2002), а не в Новгороде (Гиппиус 2007), которого тогда еще не существовало. Можно согласиться с Т.Л. Вилкул, что в первоначальном тексте ПВЛ присутствует только «ладожская версия» прихода Рюрика (Вилкул 2008: 272–280)¹⁹. Заметим, что период утверждения Рюрика в Ладоге был периодом военно-политической нестабильности. Из 76 кладов с 25622 дирхемами, сокрытыми в этом регионе между 780 и 899 гг., 23 клада с 13213 дирхемами (или 51,6 % всех монет) относятся к периоду 860–879 гг., что подтверждает такой вывод, так как клады закапывали чаще именно в периоды военно-политической нестабильности (Седых 2005: 106–107).

Осознавая необходимость продолжения дискуссии, попробуем, все-таки, подвести некоторые итоги (см.: Поколенную роспись). Летописный князь Рюрик,

---

¹⁹ Вопросы о Новгороде и его тождестве с Хольмгардом (Hólmgarðr) скандинавских источников, как локализация самого Хольмгарда, остаются дискуссионными.

по нашему мнению, тождествен Рёрику Фрисландскому (Ютландскому). Он был, вероятно, сыном «морского конунга» Хальвдана Старого, родился до 810/812 г., длительное время находился при старшем брата Гаральде Клаке, боролся за датскую корону, был «морским конунгом» и пиратом, периодически удерживая владения в Ютландии и Фрисландии с центром в Дорестаде, а в 867–879 гг. был конунгом (князем) в Ладоге.

Рёрик претендовал на то, чтобы контролировать Дорестада и Хедебю. Эти города являются важнейшими торговыми центрами Балтики. Третьим таким центром была шведская Бирка. Четвертый, самый важный, — Ладога: через нее шел в Европу основной поток арабского серебра. И именно здесь уже на закате жизни появляется конунг Рюрик. Так в пользу отождествления Рёрика с летописным Рюриком говорит сама биография конунга, связывающая его с важнейшими торговыми путями, что проницательно угадал еще Н.Т. Беляев (Беляев 1929: 239 и далее).

Исследователи характеризуют Рюрика как дальновидного и умелого политика, прекрасного организатора морских походов, умеющего подчинить и использовать все возможности для реализации поставленной задачи (Vogel 1906: 236). Он последовательно находился на службе у внуков Карла Великого — Карла II Лысого, Людовика II Немецкого, Лотаря I, а также у сына последнего Лотаря II (Coupland 1998: 95–101).

Летописный рассказ позволяет также утверждать, что как князь ладожский Рюрик пытался расширить контролируемую территорию в глубь континента.

Поколенная роспись

I

ТРАНД (первая пол. VIII в.). Хевдинг Нидароса (Тронхейма)

II

2/1. **ЭЙСТЕЙН** († ок. 780 г.). «Морской» конунг, конунг Ладоги (ок. 780 г.). ~ 1) Аса, д. Сигфрида, датского конунга (до 777 – после 782); 2) ок. 780 г. Исгерд, д. Хледвира, конунга Готланда, вдова Хергейра, конунга Ладоги

3/1. **ЭЙРИК ПУТЕШЕСТВЕННИК** (вторая пол. VIII в.). «Морской» конунг.

III

4/2. **ХАЛЬВДАН СТАРЫЙ** († после 810 / до 812). «Морской» конунг, конунг Ютландии (ок. 800 – 810). ~ Альвиг Мудрая, д. конунга Ладоги Ульвкеля (?)

IV

5/4. **АНУЛО** († 812). Конунг Дании (812)

6/4. **ГАРАЛЬД КЛАК** († нач. 840-х). Конунг Дании (812–815), Ютландии (816–823), маркграф Рустинген (826 – начало 840-х).

7/4. **РЕГИНФРИД** († 815). Конунг Дании (812–815)

8/4. **ХЕММИНГ** († 837). «Морской» конунг.

9/4. **РЮРИК** (*до 810, † 879). «Морской» конунг, маркграф Рустинген (846–855, 873–879), князь ладожский (867–879). ~ NN (Ефанда ?), сестра Олега Вещего (Хельги).

V

10/6. **ГОТФРИД** (882 – ?). Маркграф Рустинген

11/9. **ИГОРЬ (ИНГВАР) СТАРЫЙ** (*до 879, † 945). Князь ладожский (879–882), великий князь Руси (882–945, фактически с 912). ~ Ольга (+ 11.07.969).

Литература

- Адам — *Адам Бременский*. Деяния архиепископов гамбургской церкви // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий*. М. 2012.
- Азбелев 1994 — *Азбелев С.Н.* Обзор источников о происхождении Рюрика и версия о его славянских предках // *Известия Русского генеалогического об-ва*. Вып. 1. СПб. 1994.
- Азбелев 1999 — *Азбелев С.Н.* О происхождении династии Рюриковичей // *Россия и зарубежье: генеалогические связи*. I Международный генеалогический колоквиум. М. 1999.
- Азбелев 2007 — *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. СПб. 2007.
- Азбелев 2010 — *Азбелев С.Н.* Гостомысл // *Варяго-русский вопрос в историографии*. М. 2010.
- Альтайх. — *Альтайхские анналы* // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий* / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012.
- Андрусак 1947 — *Андрусак М.* Тризуб. Б. м. 1947
- Ансг. — *Житие святого Ансгария, написанное Римбертом и еще одним учеником* / пер. В.В. Рыбакова // *Из ранней истории шведского народа и государства. Первые отношения и законы*. М. 1997.
- Анохин 1994 — *Анохин Г.И.* Рюрик – солевар из Русы // *Человек*. Вып. 4. 1994.
- Анохин 2000 — *Анохин Г.И.* Новая гипотеза о происхождении государства на Руси // *Вопросы истории*. № 3. 2000.
- Байер 1767 — *Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Беэра бывшего профессора восточной истории и восточных языков при Императорской Академии наук* / Переводил с латинского Кириак Кондратович 1747 в январе. СПб. 1767.
- Барац 1913 — *Барац Г.М.* Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев. 1913.
- Белецкий 1993 — *Белецкий С.В.* Изборск «варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // *СССР, Петербургский археологический вестник*, № 6, СПб. 1993.
- Белецкий 1996 — *Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб. 1996.
- Белецкий 2000 — *Белецкий С.В.* Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*. № 6. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест. 2000.
- Белецкий 2002 — *Белецкий С.В.* Лично-родовые знаки Рюриковичей на металлических подвесках XI в. // *Ruthenica*. Т. 1. Киев. 2002.
- Белецкий 2004 — *Белецкий С.В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев». Восьмые чтения памяти Анны Мачинской СПб. 2004.
- Белецкий 2006 — *Белецкий С.В.* Западное порубежье «Руси Рюрика» (еще раз о соотношении Труворова городища и Пскова в конце I тысячелетия по Р. Хр.) // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. Вып. 1. СПб. 2006.
- Белецкий 2009 — *Белецкий С.В.* Еще раз о знаках Рюриковичей // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. М. 2009.
- Белецкий 2012 — *Белецкий С.В.* Древнейшая геральдика Руси // *Повесть Временных лет*. СПб. 2012.

Белецкий 2014 — *Белецкий С.В.* Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4. СПб. 2014.

Белецкий, Лесман 2006 — *Белецкий С.В., Лесман Ю.М.* О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова) // Стратум № 5. 2004–2005. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2006.

Белов, Шаповалов 2008 — *Белов О., Шаповалов Г.* Український тризуб. Київ; Запоріжжя. 2008.

Беляев 1929 — *Беляев Н. Т.* Рорик ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakowianum*. Т. 3. Praha. 1929.

Беовульф — *Беовульф* / Переклад О. О'Лір, наук. ред. К.Шрей і О.Фешовець. Львів. 2012.

Бестужев-Рюмин 1879 — *Бестужев-Рюмин К.Н.* Древняя русская история. СПб. 1879.

Бобров, Николаев, Чернов и др. 2012 — *Бобров А., Николаев С., Чернов А., Введенский А., Войтович Л.* Комментарии к Повести временных лет // Повесть временных лет. СПб. 2012.

Богуславский 2005 — *Богуславский О.И.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // *Stratum plus*. 2003/2004. № 5. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2005.

Богуславский 2006 — *Богуславский О.И.* Комплекс памятников у деревни Городище на реке Сяси в системе синхронных древностей (вопросы анализа керамического комплекса) // Славяне и финно-угры. СПб. 2006.

Богуславский 2007 — *Богуславский О.И.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей // Северная Русь и народы Балтики. Труды ИИМК. Т. 24. 2007.

Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О.И., Мачинская А.Д.* Сяское городище и поселения Нижнего Поволжья (опыт сопоставления). // Петербургский археологический вестник. № 6. СПб. 1993.

Болсуновский 1908 — *Болсуновский К.В.* Родовой знак Рюриковичей, великих князей Киевских. Киев. 1908.

Болсуновский, Чернев 1889 — *Б. и Ч.* Заметка о загадочной фигуре на монетах Великого княжества Киевского. Киев. 1889.

Браун 1925 — *Браун Ф.А.* Варяги на Руси // Беседа. Кн. 6–7. Берлин. 1925.

Венелин 1842 — *Венелин Ю.* Скандинавомания и ее поклонники или столетие изыскания о варягах. М. 1842.

Венелин 1848 — *Венелин Ю.* О нашествии завислянских славян на Русь до Рюрьковых времен // Общество истории и древностей российских. М. 1848.

Венелин 1870 — *Венелин Ю.* Известия о варягах арабских писателей и злоупотребления в истолковании оных // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. Кн. 4. М. 1870.

Венелин 2003 — *Венелин Ю.* О происхождении славян вообще и россов в особенности // Сборник Русского исторического об-ва. Вып. 8 (156). М. 2003.

Вернадский 1999 — *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь. 1999.

Веселовский 1906 — *Веселовский А.Н.* Русские и вильгинцы о Тидреке Бернском (Веронском). СПб. 1906.

Вилинбахов 1962 — *Вилинбахов В.Б.* Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalia*. Т. 22. Poznań. 1962.

- Вилинбахов 1963 — *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-Волжский путь // Советская археология. № 3. 1963.
- Вилинбахов 1968 — *Вилинбахов В.Б.* Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсона // Скандинавский сборник. Вып. 6. Таллин. 1968.
- Вилинбахов 1969 — *Вилинбахов В.Б.* Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин. 1969.
- Вилинбахов 1970 — *Вилинбахов В.Б.* По поводу некоторых замечаний П.Н. Третьякова // Советская Археология. № 1. 1970.
- Вилинбахов 1972 — *Вилинбахов В.Б.* Волх и Рюрик – патронимы преданий и легенд новгородской земли // Русский фольклор. Вып. 13. 1972.
- Вилинбахов 1980 — *Вилинбахов В.Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. № 1. 1980.
- Вилкул 2008 — *Вилкул Т.Л.* Ладога или Новгород? // *Paleoslavica*. Т. 16. № 2. Cambridge (Mass.). 2008.
- Войтович 2005 — *Войтович Л.* Рюрик: легенди і дійсність. Стан дискусії на початку ХХІ ст. // Наукові зошити історичного факультету. Львівський національний університет імені Івана Франка. Збірник наукових праць. Вип. 7. Львів. 2005.
- Войтович 2006а — *Войтович Л.В.* Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора И. Я. Фроянова. М. 2006.
- Войтович 2006б — *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква. 2006.
- Войтович 2009 — *Войтович Л.В.* Вікінги в Центрально-Східній Європі: проблеми Ладоги і Пліснеська // Археологічні дослідження Львівського університету. Вип.12. Львів. 2009.
- Войтович 2011а — *Войтович Л.В.* Загадки вікінгів: Ладога і Пліснеськ. Продовження дискусії на межі ХХ–ХХІ століть // *Actis testantibus*. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип.20. Львів. 2011.
- Войтович 2011б — *Войтович Л.В.* Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (I) // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. Вып.3. 2011.
- Войтович 2012 — *Войтович Л.В.* Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (II) // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. Вып.1. 2012.
- Войтович 2014 — *Войтович Л. В.* Князь Рюрик. Біла Церква. 2014.
- Гедеонов 1862 — *Гедеонов С.А.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе. СПб. 1862.
- Гедеонов 1876а — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. Ч. 1. СПб. 1876.
- Гедеонов 1876б — *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. Ч. 2. . СПб. 1876.
- Гиппиус 2007 — *Гиппиус А.А.* Новгород и Ладога в «Повести временных лет» // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического исследования Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб. 2007.
- Глазырина 1978 — *Глазырина Г.В.* Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна». К истории Русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР. 1978 год. М. 1978.

Глазырина 1996 — *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М. 1996.

Глазырина, Джаксон 1986 — *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Из истории Старой Ладogi (по материалам скандинавских саг // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 год. М. 1986.

Глазырина, Джаксон, Мельникова 2003а — *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е. А.* Восточная половина мира глазами скандинавов: топонимия в исторических исследованиях // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 2003

Глазырина, Джаксон, Мельникова 2003б — *Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е.А.* О владениях шведских конунгов в Аустрвеге // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 2003

Голлманн 1819 — *Голлманн Г.* – Фр. Рустрингия, первоначальное отечество первого великого князя Рюрика и братьев его. М. 1819.

Горский 2009 — *Горский А.* Начало Руси: славяно-варяжская дилемма? // Родина. № 9. 2009.

Гринев 1989 — *Гринев Н.Н.* Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского государства. М. 1989.

Грушевський 1913 — *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 1. Київ. 1913.

Грушевський 1917 — *Грушевський М.* Про гербові знаки України // Народна воля (Київ). № 101. 3.09.1917

Гумилев 1989 — *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М. 1989.

Давидан 1971 — *Давидан О.И.* К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией (по материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. Вып. 16. Таллин. 1971.

Даркевич 1985 — *Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985.

Дашкевич 1993 — *Дашкевич Я.* Родовий знак Рюриковичів у Галицькому князівстві XIII ст. // Третя наукова геральдична конференція (Львів, 4–5 листопада 1993 р.). Львів. 1993.

Дёмин б.г. — *Дёмин С.В.* Олег – основатель государства Киевской Руси / http://www.ulfdalir.narod.ru/literature/guests/Demin_Oleg.htm

Джаксон 2000 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о восточной Европе (середины XI – середина XIII в.). Тексты, перевод, комментарий. М. 2000.

Ершевский 1978 — *Ершевский Б.Д.* Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII – Начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л. 1978.

Зиборов 1981 — *Зиборов В.К.* К истории предания о смерти князя Рюрика в г. Кореле // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 36. Л. 1981.

Зиборов 1995а — *Зиборов В.К.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб. 1995.

Зиборов 1995б — *Зиборов В.К.* Романовы и Рюриковичи. О родословной легенде Рюриковичей // Дом Романовых в истории России. СПб. 1995.

- Иловайский 2002 — *Иловайский Д.И.* Начало Руси («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»). М. 2002.
- Иоаннисян 1983 — *Иоаннисян О.М.* Родовые знаки древнерусских князей X–XIII вв. (литература и источники) // Геральдика. Материалы и исследования. Л. 1983.
- Ипат. — Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М. 2001.
- Касиков, Касиков 1990 — *Касиков Х., Касиков А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике датчанине // Скандинавский сборник. Т. 33. Таллин. 1990.
- Кведл. — Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012.
- Кирпичников 1988 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л. 1988.
- Кирпичников 1996a — *Кирпичников А.Н.* «Сказание о призвании варягов»: легенда и действительность // Ладога и Северная Европа. СПб. 1996.
- Кирпичников 1996b — *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов как исторический источник: заметки и комментарии // *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. Vol. 1. Wrocław. 1996.
- Кирпичников 1997a — *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога и основание империи Рюриковичей // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск. 1997.
- Кирпичников 1997b — *Кирпичников А.Н.* «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые Скандинавские чтения. СПб. 1997.
- Кирпичников 1998 — *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов: легенды и действительность // Викинги и славяне. СПб. 1998.
- Кирпичников 2000 — *Кирпичников А.Н.* Основатель империи Рюриковичей // Наш следопыт. № 21. 2000.
- Кирпичников 2008 — *Кирпичников А.Н.* Ладожская жемчужна в Балтийском море // Родина. № 9. 2008.
- Конча 2012 — *Конча С.В.* Скандинавские элементы Иоакимовской летописи и вопрос о ее происхождении // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. М. 2012.
- Крип'якевич 1914 — *Крип'якевич І.* Герб України // Календар товариства «Просвіта» на 1914 р. Львів. 1914.
- Крузе 1836a — *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика (I) // Журнал Министерства Народного Просвещения. № 1. Январь. 1836.
- Крузе 1836b — *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика (II) // Журн. Мин-ва нар. просвещения. № 6. Июнь. 1836.
- Ксант. — Ксантенские анналы // Историки эпохи Каролингов / Отв. ред. А. И. Сидоров. М. 1999.
- Кузьмин 1967 — *Кузьмин А.Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М. 1967.
- Кузьмин 1969 — *Кузьмин А.Г.* Две концепции начала Руси в Повести временных лет // История СССР. № 6. 1969.
- Кузьмин 1970 — *Кузьмин А. Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. № 10. 1970.

- Кузьмин 1974 — *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. № 11. 1974.
- Кузьмин 1998 — *Кузьмин А.Г.* Славяне и Русь. Проблемы и идеи: трехвековой спор в хрестоматийном изложении. М. 1998.
- Кузьмин 2003а — *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М. 2003.
- Кузьмин 2003б — *Кузьмин А.Г.* Облик современного норманизма // Сборник Русского исторического об-ва. Т.8 (156). Антиноманизм. М. 2003.
- Кулаков 1988 — *Кулаков В.И.* Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв // Советская археология. № 3. 1988.
- Кулаков 1997 — *Кулаков В.И.* Иконография геральдических орлов Германии и Пруссии // Альманах Марс. № 1. 1997.
- Куник 1903 — *Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч.1. СПб. 1903.
- Лавровский 1856 — *Лавровский П.А.* Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии Наук. Кн. 2. Вып. 1. СПб. 1856.
- Лебедев 1977 — *Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л. 1977.
- Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985.
- Левшиновский 1915 — *Левшиновский М.С.* Спорные вопросы русской нумизматики. Пг. 1915.
- Лихачев 1928 — *Лихачев Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л. 1928.
- Лихачев 1930 — *Лихачев Н.П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л. 1930.
- Ловмянский 1963 — *Ловмянский Х.* Рорик Фрисландский и Рюрик «Новгородский» // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин. 1963.
- Ловмянский 1985 — *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М. 1985.
- Лосева 2001 — *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М. 2001.
- Макаров, Чернецов 1988 — *Макаров Н.А., Чернецов А.В.* Сфрагистические материалы из Белозера // Древности славян и Руси. М. 1988.
- Мачинский 2002 — *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: связующие пути и организующие центры. СПб. 2002.
- Мельникова 1987 — *Мельникова Е.А.* Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М. 1987.
- Мельникова 1995 — *Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтнической знати // Элита и этнос средневековья. М. 1995.
- Мельникова 2000 — *Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М. 2000.
- Мельникова 2004 — *Мельникова Е.А.* Вступление норманнов в дипломатические отношения с Франкской империей // *Hiatoria animate*. Памяти О. И. Варяш. Ч. 3. М. 2004.

Мельникова 2005 — *Мельникова Е.А.* Ольгь/Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // *Ad fontem: У источника.* Сб. стат. В честь С. М. Каштанова. М. 2005.

Мельникова 2008 — *Мельникова Е.А.* Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 2 (32). М. 2008.

Мельникова, Петрухин 1989 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // *Вопросы истории.* № 8. 1989.

Мельникова, Петрухин 1990 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // *Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века.* М. 1990.

Мельникова, Петрухин 1994 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» // *Скандинавоведение.* № 2. 1994.

Мельникова, Петрухин 1995 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // *Вопросы истории.* № 2. 1995.

Мельникова, Сванидзе, Возгрин и др. 1996 — *Мельникова Е.А., Сванидзе А.А., Возгрин В.Е. и др.* История Дании с древнейших времен до начала XX века М. 1996.

Меркулов 2003 — *Меркулов В.И.* Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // *Сборник Русского исторического об-ва.* Т. 8 (156). Антинорманизм. М. 2003.

Меркулов 2005 — *Меркулов В.И.* Откуда родом варяжские гости? (Генеалогическая реконструкция по немецким источникам). М. 2005.

Меркулов 2006 — *Меркулов В.И.* Гюстроавская ода и мекленбургская генеалогическая таблица // *Судьба России в современной историографии.* Сб. ст. памяти А. Г. Кузьмина. М. 2006.

Микляев 1984 — *Микляев А.М.* О топо- и гидронимах с элементом –гост/-гощ на северо-западе СССР (к проблеме восточно-славянского расселения) // *Археологическое исследование Новгородской земли.* Л. 1984.

Милютенко 1998 — *Милютенко Н.И.* «Гардская» версия происхождения Рагнара Кожаные Штаны (Сага о Съельдингах) // *Ладога и эпоха викингов.* СПб. 1998.

Мицько 2003 — *Мицько І.* Давня історія Підгір'я в контексті українсько-чеських зв'язків // *Слово «Просвіти» (Старий Самбір).* Ч. 58. 2003.

Молчанов 1976 — *Молчанов А.А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. VII. Л. 1976.

Молчанов 1985 — *Молчанов А.А.* Об атрибуции лично-родовых знаков Рюриковичей X–XIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XVI. Л. 1985.

Молчанов 1992 — *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропологический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // *Образование Древнерусского государства: спорные проблемы.* М. 1992.

Молчанов 1997 — *Молчанов А.А.* Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // *Нумизматический сборник.* № 5. М. 1997.

Мошин 1931 — *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia.* Т. 10. Praha. 1931.

Мыцько 2010 — *Мыцько И.З.* Датское происхождение князя Олега // Скандинавские древности. Интернет-конференция. 10–30.09.10 / http://chtyvo.org.ua/authors/Mytsko_Ihor/Datskoe_proyskhozhdnyie_kniazia_Oleha_ros/

Николаев 2012 — *Николаев С.Л.* Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет. СПб. 2012.

Николаев, Бобров, Чернов 2012 — *Николаев С., Бобров А., Чернов А.* О Рюрике, Гостомысле и простушке Умиле // Повесть временных лет. СПб. 2012.

Никон 1990 — *Никон, иеромонах.* Начало христианства на Руси // Вопросы истории. № 6. 1990.

Новиков 1791 — *Новиков Н.И.* Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. XVI. М. 1791.

Носов 1990 — *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990.

Орешников 1894 — *Орешников А.В.* Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки Московского археологического об-ва. Т. 10. М. 1894.

Орешников 1930 — *Орешников А.В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. Серия 7. Отделение гуманитарных наук. № 2. 1930.

Первольф 1876 — *Первольф И.И.* Германизация балтийских славян. СПб. 1876.

Первольф 1877 — *Первольф И.И.* Варяги-Русь и балтийские славяне // Журнал министерства народного образования. Ч. 192. № 7. 1877.

Петрухин 2000 — *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М. 2000.

Погодин 1864 — *Погодин М.П.* С.Гедеонов и его система о происхождении варягов и Руси. СПб. 1864.

Погодин 1872 — *Погодин М.П.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М. 1872.

Потин 1970 — *Потин В.М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л. 1970.

Прицак 2003 — *Прицак О.Й.* Походження Русі. Т. 2. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. Київ. 2003.

Пчелов 2000 — *Пчелов Е.В.* Происхождение династии Рюриковичей // Труды Историко-Архивного Института. Т. 34. Вып. 1. М. 2000.

Пчелов 2001 — *Пчелов Е.В.* Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. М. 2001.

Пчелов 2010 — *Пчелов Е.В.* Рюрик. М. 2010.

Рапов 1968 — *Рапов О.М.* «Знаки Рюриковичей» и символ сокола // Советская Археология. № 3. 1968.

Рыбаков 1940 — *Рыбаков Б.А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси в X–XII вв. // Советская археология. Т. 6. 1940.

Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М. 1982.

Рыбаков 1993 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Изд. 2. М. 1993.

Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в X – первой половине XIII вв. М. 1978.

Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.*, Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская Археология. № 1. 1988.

Сакс. — *Саксон* Анналист. Хроника 741–1139 / Изд. подг. И. В. Дяконов. М. 2012.

Сахаров 2003 — *Сахаров А.Н.* Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического об-ва. Т. 8 (156). Антинорманизм. М. 2003.

Сведения 2012 — Сведения о Рёрике в западно-европейских хрониках // Повесть временных лет. СПб. 2012.

Свердлов 1994 — *Свердлов М.Б.* Rørik (Hrørik) i Gørdum // Восточная Европа в древности и средневековье. М. 1994.

Свердлов 2003 — *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб. 2003.

Седов 1976 — *Седов В.В.* Изборские каменные кресты // «Средневековая Русь». М. 1976.

Седых 2003 — *Седых В.Н.* Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. 2003.

Седых 2005 — *Седых В.Н.* Клады эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М. 2005.

Соболева 2005 — *Соболева Н.А.* Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея» // Хранитель, исследователь, учитель. К 85-летию В. М. Потина. СПб. 2005.

Татищев 1962 — *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М. 1962.

Таубе 1929 — *Таубе М.А.* Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого // Сборник статей, посвященных П.Н.Милюкову. Прага. 1929.

Таубе 1939 — *Таубе М.А.* Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для древней Руси // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград. 1939.

Тиандер 1906 — *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб. 1906.

Тиандер 1915 — *Тиандер К.Ф.* Скандинавское переселенческое сказание // Датско-русские исследования. Т. 3. Пг. 1915.

Толочко 1987 — *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев. 1987.

Толстой 1882 — *Толстой И.И.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб. 1882.

Томсен 1891 — *Томсен В.* Начало русского государства. М. 1891.

Фомин 1999 — *Фомин В. В.* Русские летописи и варяжская легенда. Липецк. 1999.

Фомин 2003а — *Фомин В.В.* Кривые зеркала норманизма // Сборник Русского Исторического Об-ва. Т. 8 (156). Антинорманизм. М. 2003.

Фомин 2003б — *Фомин В. В.* «За море», «за рубеж», «за граница» русских источников // Сборник Русского Исторического Об-ва. Т. 8 (156). Антинорманизм. М. 2003.

Фомин 2005 — *Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М. 2005.

Фроянов 1991 — *Фроянов И.Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. № 6. 1991.

Фроянов 1992 — *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб. 1992.

Херрманн 1986 — *Херрманн И.* Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М. 1986.

Хильд. — Хильдесхайские анналы // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012.

Хлевов 1997а — *Хлевов А. А.* Варяги на Руси. Научный спор и историческая реальность // Новый часовой. № 5. СПб. 1997.

Хлевов 1997б — *Хлевов А.А.* Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб. 1997.

Чернов 2008 — *Чернов А.Ю.* В Старой Ладогe найден герб Рюрика? / http://old-earth.narod.ru/lib/rus/Chernov_Gerb_Rurika.htm

Чернов 2012 — *Чернов А.Ю.* Проблема 6360: Рудименты старовизантийской хронологии в русском летописании // Княжа доба: історія і культура / [відп. ред. Володимир Александрович]; Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. Львів, 2012. Вип. 6. http://chernov-treznin.narod.ru/Problema_Nestora1.htm

Черных 1944 — *Черных П.Я.* К вопросу о происхождении имени «варяг» // Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та. Вып. 4. Ярославль. 1944.

Черных 1958 — *Черных П.Я.* Этимологические заметки. Варяг // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 1. М. 1958.

Шаскольский 1965 — *Шаскольский И.П.* Норманнская теория в современной буржуазной историографии. М.; Л. 1965.

Шаскольский 1967 — *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени «Русь» в современной буржуазной науке // Труды Ленинградского отделения Ин-та истории. Т. 10. Л. 1967.

Шаскольский 1976 — *Шаскольский И.П.* Норманнская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л. 1976.

Шаскольский 1983 — *Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л. 1983.

Шахматов 2001 — *Шахматов А.А.* Разыскания о руських летописях. Москва. 2001.

Ширинский 1968 — *Ширинский С.С.* Ременные бляшки со знаком Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. Сборник статей в честь Б. А. Рыбакова. М. 1968.

Шлецер 1876 — *Шлецер А.-Л.* Нестор. Т. 1. СПб. 1876.

Шрамм 1994 — *Шрамм Г.* Ранние города северо-западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород. 1994.

Якимович 1989 — *Якимович Б.* До питання про українську національну символіку // Пам'ятки України. № 3. 1989.

Яманов 2002 — *Яманов В.Е.* Рорик ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. № 2. 2002.

Янин 1955 — *Янин В.Л.* Древнейшая русская печать X в. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 57. М. 1955.

Янин 1956 — *Янин В.Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 62. М. 1956.

- Янин 1970 — Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М. 1970.
- Янсон 1998 — Янсон И. Русь и варяги // Викинги и славяне. СПб. 1998.
- Adam 1917 — *Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum* / Ed. B. Schmeidler // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannoverae. 1917.
- Adam 1959 — Adam of Bremen. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen / Transl., with an introd. and notes by F. J. Tschan. New York. 1959
- Ann. Bert. — *Annales Bertiniani* / Ed. G. H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptores. T. 1. Hannoverae. 1826.
- Ann. Fuld. — *Annales Fuldenses* / Ed. G. H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptores. T. 1. Hannoverae. 1826.
- Ann. Reg. Franc. — *Annales Regni Francorum* / Ed. G.H.Pertz, F.Kurze // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannoverae. 1895.
- Ann. Xant. 1829 — *Annales Xantenses* / Ed. G.H.Pertz // *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptores. T. 2. Hannoverae. 1829.
- Ann. Xant. 1909 — *Annales Xantenses* / Ed. B. von Simson // *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae–Leipsigae. 1909.
- Arne 1911 — *Arne T. J. Sveriges forbindelser med Ostern under Vikingatiden // Fornvannen meddelanden fran Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens*. № 6. H. 1–2. Stockholm. 1911.
- Bayer 1735 — *Bayer Th. S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*. T. 4 (ad annum 1729). 1735.
- Beltz 1935 — *Beltz R. Der Burgwall von Alt-Gaarz (Mecklenburg) // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit*. T. 11. 1935.
- Beltz 1938 — *Beltz R. Reric und Thrasiko, Zwei Namen unserer frühesten Geschichte // Monatshefte für Mecklenburg*. 1938.
- Beltz 1939 — *Beltz R. Zu Reric // Mecklenburg*. T. 34. 1939.
- Bogusławski 1895 — *Bogusławski W. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej*. T. 3. Poznań. 1895.
- Bredsdorf 1840 — *Bredsdorf A. Bemerkungen, die Genealogie des Russischen Fürstengeschlechtes betreffend // Mémory Society Royal Antiquaires du Nord*. Copenhagen. 1840.
- Chr. de Norm. — *Chronicon de Normannorum gestis in Francia* / Ed. G. H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptores. T. 1. Hannoverae. 1826.
- Chr. Roskil. — *Chronicon Roskildense // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / Rec. M.C.Gertz*. Vol.1. Kobenhavn. 1970.
- Coupland 1998 — *Coupland S. From poachers to gamekeepers: Scandinavian warlords and Carolingian kings // Early Medieval Europe*. Vol. 7. Issue 1. Oxford. 1998.
- Davidson 1980 — *Davidson H. E. Introduction to Saxo Grammaticus The History of the Danes*. Book I–IX. Vol. 2. Commentry. Cambridz. 1980.
- Doberan 1964 — *Doberan Kr. Ein Beitrag zur Lage von Reric // Varia Archaeologica*. Berlin. 1964.
- Depping 1843 — *Depping H. Histoires des Normands*. Paris. 1843.
- Ellis-Davidson 1976 — *Ellis-Davidson H.R. The Viking Road to Byzantium*. London. 1976.

Einh. Ann. — Einhardi Annales / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. 1. Hannoverae. 1826.

Francke 1834 — *Francke G.* Genealogische Tabellen zur Geschichte der Skandinavischen Völker. 1834

Fritze 1960 — *Fritze W.* Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung von Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Odeß / Hrsg. von H.Ludat. Ciessen. 1960.

Goñg. Hrólfr. — Goñgu-Hrólfrs saga // Fornaldar sögur Norðurlanda. Udg. Ved. C.C. Rafn. Bd. 3. København. 1830.

Hack, Lubke (Hrsg.) 2001 — Zwischen Rerik und Bornhoved: die Beziehungen zwischen den Danen und ihren slawischen Nachbarn von 9. bis ins 13. Jahrhundert. Beiträge einer internationalen Konferenz. Leipzig, 4.–6. Dezember 1997 / Hrsg. von O. Hack und Chr. Lubke. Stuttgart. 2001.

Hálfdr. 1917 — Hálfdranar saga Eysteinnssonar / Hrsg. F.R.Schröder. Halle. 1917.

Hálfdr. 1944 — Hálfdranar saga Eysteinnssonar // Fornaldarsögur Norðurlanda / Udg. av Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík. B. III. 1944.

Halfdr. 1985 — Halfdranar Eysteinnsson // Seven Viking Romances / Trans. with an Intro. by Hermann Pálsson and Paul Edwards. London–New York. 1985.

Halfdr. 1989 — Die Saga von Haldan Eysteinnsson // Zwei Abenteuersagas / Aus dem Altnordische übersetzt und mit einem Nachwort von Rudolf Simek. Leverkusen. 1989.

Herrmann 1968 — *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder / Neisse und Elbe. Berlin. 1968.

Herrmann 1984 — *Herrmann J.* Germanen und Slawen in Mitteleuropa. Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu Beginn des Mittelalters. Berlin. 1984.

Hollmann 1816 — *Hollmann H.* Fr. Rustringen, die ursprüngliche Heimat des ersten russischen Großfürsten Ruriks und seiner Brüder. Ein historischer Versuch. Bremen. 1816.

Jankuhn 1950 — *Jankuhn H.* Sechs Karten zum Handel des 10. Jahrhunderts im westlichen Ostseebekken // Archaeologia–Geographica. T. 1. 1950.

Jones 1984 — *Jones G.* A history of the Vikings. Oxford. 1984.

Keary 1891 — *Keary C.F.* The Vikings in Western Christendom. London. 1891.

Kleiber 1957 — *Kleiber B.* Zu einigen Ortsnamen Oms Gardaríke // Scando-Slavica. T. 3. 1957.

Kleiber 1960 — *Kleiber B.* Nordiske spor i en gammel Russiske kronika // Maal og Minne. Heft 1–2. Oslo. 1960.

Knorr 1936 — *Knorr H.A.* Die Hacksilberfunde Hinterpommerns der Grenzmark und der Neumark // Mannus. T. 28. 1936.

Koch 1818 — *Koch C.* Tables généalogiques des maisons souveraines du nord et de l'est de l'Europe. Paris. 1818.

Koczy 1933 — *Koczy L.* Skławanja Adama Bremeńskiego // Slavia Occidentalis. T. 12. Poznań. 1933.

Kroggmann 1939 — *Kroggmann W.* Reric // Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. T. 103. Schwerin. 1939.

Kunik 1844 — *Kunik A.* Die Berufung der Schwedischen Rudszen durch den Finnen und Slawen. SPb. 1844.

Künl, Hardt 1999 — *Künl J., Hardt N.* Dannevirke – Nordens Største fortidsminde. Musset ved Dannerirke. Danevirkegården. 1999.

Labuda 1962 — *Labuda G.* Organizacje państwowe Słowian Zachodnich w okresie kształtowania się państwa polskiego (od VI do połowy X wieku) // Początki państwa polskiego. T. 1. Poznań. 1962.

Läffler 1919 — *Läffler L.* Handelsstaden vid Östersjön som på danskarnas språk kallades Reric // Namn och bygd. T. 7. 1919.

Leciejewicz 1968 — *Leciejewicz L.* Miasta Słowian północnopolańskich. Wrocław. 1968.

Nerman 1929 — *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der Jüngerer Eisenzeit. Stockholm. 1929.

Pritsak 1981 — *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Vol. 1. Cambridge (Mass.). 1981.

Reg. Chr. — *Reginonis Chronicon* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. 1 / Ed. W. Wattenbach. Leipzig. 1890.

San. Ansk. — *Vita Sancti Anskarii a Rimberto* / Ed. G. H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. 2. Hannoverae. 1829.

Šafařík 1937 — *Šafařík P.J.* Slovanske starožitnosti. Díl. 2. Praha. 1937

Schier 1970 — *Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart. 1970.

Schramm 1980 — *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumenten für die Historizität von Rjurik und seine Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 28. 1980.

Schramm 1986 — *Schramm G.* Normannische Stützpunkte in Nord westrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // Beiträge zur Namenforschung. N.F. Bd. 17. H. 3. 1986.

Simek, Pålsson 1987 — *Simek R., Pålsson H.* Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart–Kröner. 1987.

Ślaski 1954 — *Ślaski K.* Udział Słowian w życiu gospodarczym Bałtyku na początku epoki feudalnej (VII–XII w.) // Pamiętnik Słowiański. T. 4. Kraków. 1954

Stender-Petersen 1934 — *Stender-Petersen A.* Die Varagersage als Quelle der altrussischen Chronik. København. 1934.

Szafarzyk 1848 — *Szafarzyk J.* Słowiański starożytności. T. 2. Wrocław, 1848.

Thomas 1716 — *Thomas F.* Die nahe Anverwandschaft des Herzogs Carl Leopold mit der Fürstin Catharina von Russland. Gustrow. 1716.

Thomsen 1877 — *Thomsen V.* Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State. Oxford and London. 1877.

Thornquist 1949 — *Thornquist C.* Studien über die nordischen Lehnwörter im russischen. Upsala. 1949.

Tidr. — *Tidriks saga of Bern.* Utg. au H. Bertelsch. Bd. 1–2. København, 1908–1911

Vasmer 1933 — *Vasmer M.* Germanen und Slaven in alter Zeit // Namn och bygd. T. 21. 1933.

Vernadski 1943 — *Vernadski G.* Ancient Russia. New Haven. 1943.

Vernadski 1959 — *Vernadsky G.* The Origins of Russia. Oxford. 1959.

Vogel 1906 — *Vogel W.* Die Normannen und das Fränkische Reich. Berlin. 1906.

Vogel 1933 — *Vogel W.* Das emporium Reric, Festschrift til Halvdan Koht. Oslo. 1933.

Vries 1962 — *Vries J.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden. 1962.

- Vries 1967 — *Vries J. de*. Altnordische Literaturgeschichte. T. 2. Berlin. 1967.
- Wachowski 1902 — *Wachowski K.* Słowiańszczyzna Zachodnia. Warszawa, 1902.
- Wadstein 1925 — *Wadstein E.* Norden och Västeuropa i gammal tid. Stokholm. 1925
- Wigger 1860 — *Wigger F.* Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. Schwerin. 1860.

НОВЫЕ НАХОДКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ПОДВЕСОК (материалы к своду)

Геральдические подвески — это серебряные, медные или костяные подвески трапециевидной или фигурно-трапециевидной формы, на одной или на обеих сторонах которых помещены древнерусские княжеские знаки (подвески-оригиналы) либо имитации этих знаков (подвески-реплики).

На протяжении двух последних десятилетий я собираю сведения о геральдических подвесках. В статье 2004 г. было учтено 53 таких предмета (Белецкий 2004: 243-319). В статье, вышедшей десять лет спустя были опубликованы сведения еще о 56 предметах (Белецкий 2014а: 12-54). Всего на момент подготовки к публикации статьи 2014 г. были учтены сведения о 109 предметах — 37 подвесок-оригиналов, 51 подвеска-реплика, 7 сомнительных предметов и 11 фальсификатов. Сведения о трех предметах оставались непроверенными.

В 2013 г. в Киеве, в национальном музее истории Украины проходила масштабная выставка «1000 лет украинской печати». Экспозиция почти полностью состояла из предметов, хранящихся в Музее исторических и культурных реликвий семьи Шереметьевых. Наряду с печатями X–XX вв., на выставке экспонировались также девять геральдических подвесок. Их фотографии и описания были опубликованы в каталоге выставки (1000 років: 80-88). По устному сообщению А.Е. Шереметева, на экспозиции была представлена только часть коллекции геральдических подвесок, хранящихся в музее. С разрешения владельца музея, я познакомился с этими предметами¹. Осмотренная коллекция включает семь подвесок-оригиналов, семь подвесок-реплик и три фальсификата.

Подвески-оригиналы

№ 88² (рис. 1-2). Фотография согнутой серебряной подвески, сохранившая колечко для подвешивания, несколько лет назад мелькнула на одном из антикварных аукционов и была включена в статью 2014 г. (Белецкий 2014а: 15, 34, рис. 14). После того, как эту подвеску приобрел А.Е. Шереметев, она была аккуратно разогнута и очищена от налипшей грязи в реставрационной мастерской музея (1000 років: 82, 83, № 57). Выяснилось, что на стороне «А» подвески помещено изображение трезубца, покрытого тонким слоем позолоты. Над левым зубцом, по мнению А.А. Алфёрова, размещается розетка (1000 років: 84), которую я не сумел разглядеть. Возможно, за изображение розетки были приняты дефекты поверхности подвески. Правый зубец у трезубца осложнен крестовидным отпятнышем наружу. Сходный элемент зафиксирован на правом

---

¹ Считаю приятной обязанностью поблагодарить А.Е. Шереметева, предоставившего мне возможность познакомиться с фондами музея и разрешившего опубликовать материалы. Благодарю также сотрудника музея А.А. Алфёрова, неоднократно сообщавшего мне о новых находках геральдических подвесок и оказавшего большую помощь во время работы с коллекциями.

² Номера подвесок являются техническими — они присваиваются подвескам по мере учета сведений о находках.

зубце у двузубца, размещенного на стороне «Б» подвески № 47 из Пскова (Белецкий 2004: 315, рис 16)³. На стороне «Б» подвески сохранилась графья-разметка для изображения двузубца, оставшегося нереализованным. Подобный случай нереализованного знака ранее был зафиксирован на подвеске № 43 из Чернигова (Белецкий 2004: 247; Новик, Белецкий 2009: 51-55).

А.А. Алфёров полагает, что на стороне «А» подвески «зображено знамено Володимира Великого», а крестик на правом зубце «мав означати нещодавне навернення князя-язичника у християнство» (1000 років: 84). С таким объяснением трудно согласиться. Отпятыш на правом зубце является таким же геральдическим элементом, как крестик на вершине центрального зубца у трезубца Изяслава Владимировича и крестик на вершине левого зубца у двузубца Святополка Ярополчича. Принятие же Владимиром новой веры, на мой взгляд, материализовалось появлением процветшего креста на подвесках № 42 и 97 (Белецкий 2004: 314: рис. 15, 2; 2014а: 32, рис. 10). Очевидно, что появление отпятыша на правом зубце трезубца произошло при изменении трезубца Владимира в процессе наследования знака (одним из младших сыновей?). Вопрос о принадлежности знака на стороне «А» подвески № 88 пока оставляю открытым.

№ 110 (рис. 3). Односторонняя серебряная подвеска с изображением трезубца Владимира Святославича (1000 років: 82, 83, № 55) аналогична серебряной подвеске № 29 из раскопок в Новгороде (Белецкий 2004: 255, 256, 310, рис.11, 1) и серебряной (?) подвеске № 73 из частной коллекции (Белецкий 2014а: 13, 28, рис. 4).

№ 111 (рис. 4). Подвеска из медного сплава (1000 років: 84, № 58) несет на стороне «А» изображение трезубца Владимира Святого. На стороне «Б» помещено изображение знака якоревидной формы. Подвеска близка подвескам № 35–36, происходящим, по непроверенным данным, из Киева (Белецкий 2004: 261, 262, 312, рис. 13).

Комментируя изображение на стороне «Б» подвесок № 35 и 36 (Белецкий 2004: 261-262) я не исключал, что якоревидный знак, возможно, представляет собой парадный вариант изображения трезубца, стилизованного под якорь. При этом отмечалось, что близкородственные знаки известны на актовых печатах из Новгорода (Янин 1970: 166, № 3) и Белоозера (Янин, Гайдуков 1998: № 282б), а также на печати, поступившей в частную коллекцию в Москве через киевский антикварный рынок (Янин, Гайдуков 2000: 299, № 282в). Подобные знаки зафиксированы также в клеймах на кирпичах из Пятницкой церкви в Чернигове (Холостенко 1956: 287). Не исключено, впрочем, что якоревидное изображение являлось социально-престижным изобразительным символом лица, не принадлежавшего к роду Рюриковичей, но обладавшему такими властными полномочиями, которые уравнивали бы его с князьями-наместниками, сыновьями великого киевского князя Владимира Святославича. Эта гипотеза была ранее (Белецкий 2015) адресована изображениям стяга на подвесках № 40 и 53 (Белецкий 2004: 313, 318, рис. 14; 2, 19, 1), турьего рога на подвеске № 53

---

³ Сама псковская подвеска до новых находок отнесена к числу сомнительных (Белецкий 2004: 273-277; 2016; ср.: Лабутина, Королева 2014: 171-195).

(Белецкий 2004: 318, рис. 19, 1), птицы, из головы которой растет крест на подвеске № 59 (Белецкий 2014: 27, рис. 1-2), знака «меч-молот» на подвесках № 50, 62 и 93 (Белецкий 2004: 310, рис. 11, 2; 2014а: 29, рис. 5-6) и знака «меч-копье» на подвеске № 89 (Белецкий 2014а: 30, рис. 7).

№ 112 (рис. 5). Подвеска из медного сплава (1000 років: 85, № 60), практически идентична подвеске № 37 из окрестностей Киева (Белецкий 2004: 310, рис. 11, 6). Ранее я считал, что на подвеске из окрестностей Киева изображены трезубцы Судислава Владимировича и его племянника Владимира Ярославича (Белецкий 2004: 266-268). Лучшая сохранность гравировки на подвеске из музея Шереметева позволила уточнить изображения знаков и исправить их персонификацию. Выяснилось, что ножка изображенного на стороне «Б» трезубца не имеет крестовидного завершения: за крест были приняты сильно стертые элементы кружкового орнамента, размещенные по сторонам от основания ножки (рис. 6, 1). При большом увеличении фотографии подвески из окрестностей Киева выяснилось, что и у этой подвески ножка знака на стороне «Б» имеет не крестовидное завершение, а сильно стертый кружковый орнамент (рис. 6, 2). Таким образом, на стороне «Б» обеих подвесок помещено изображение трезубца не Владимира Ярославича, а его отца, Ярослава Владимировича.

№ 113 (рис. 7). Подвеска из медного сплава (1000 років: 87, № 61) с изображениями трезубцев Ярослава и Мстислава Владимировичей отлита в той же форме, что и подвески № 30 (Белецкий 2004: 310, рис. 11, 4; фото см.: Древний Новгород 1985: 50, рис. 55) и № 57 (Белецкий 2014а: 33, рис. 12).

№ 114 (рис. 8). Подвеска из низкопробного серебра или медного сплава с изображениями трезубцев Вышеслава и Ярослава Владимировичей отлита в той же форме, что и серебряная подвеска № 8 (Белецкий 2004: 308, рис.9) и подвески из медного сплава № 41 (Белецкий 2004: 314, рис. 15, 1) и № 98 (Белецкий 2014а: 32, рис. 11). В верхней части подвески имеется отверстие. Очевидно, оно было просверлено со стороны «Б», так как место отверстия точно совпадает с кружком на вершине центрального зубца трезубца Ярослава. Ушко у подвески отломано в древности, причем место излома было не только зачищено, но и заполировано вместе со всей поверхностью ребра подвески.

№ 118 (рис. 9). Массивная подвеска из медного сплава (1000 років: 88, № 63) несет на стороне «Б» изображение трезубца Ярослава Владимировича. На стороне «А» помещено изображение двузубца. А. А. Алфёров полагает, что «по спадковій лінії двозуб могли використоувати нащадки князя Ярослава Володимировича — сини та онуки ... Найбільшу подібність ... має двозуб Володимира Всеволодовича Мономаха. Він так само перехрещений низу. Логично припустити, що ймовірним володарем знака міг бути Всеволод Ярославич» (1000 років: 88). Однако нет никаких оснований считать, что сыновья Ярослава Владимировича использовали в качестве лично-родовых знаков двузубцы. Если у знака на стороне «А» ножка действительно крестовидная, его можно было бы атрибутировать Ярополку Святославичу, пользовавшемуся таким двузубцем при жизни отца, то есть — до 971 г. (Белецкий 2004: 252, 253). Однако Ярополк был убит за три года до рождения Ярослава (Войтович 1992: 16), так что лично-родовые знаки этих князей не могли быть помещены на одной геральдической подвеске. Кроме того, и это самое главное, ножка у двузубца на стороне «А» подвески № 118 при

внимательном рассмотрении оказывается не крестовидная — за перекрестие приняты орнаментальные завитки, отходящие вправо и влево от основания треугольной ножки (рис. 10). Ранее я предполагал, что подобное раздвоение ножки является особенностью двузубца Олега Святославича (Белецкий 2012: 434-438, рис. 3, 10, 4). Однако Олег был убит по меньшей мере за шесть лет до рождения Ярослава, так что его лично-родовой знак никак не мог быть помещен на одной геральдической подвеске со знаком Ярослава. Остается признать, что завитки, отходящие от основания ножки двузубца на подвеске № 118, являются не геральдическим элементом, а частью декора. Следовательно, на подвеске помещено парадное изображение простого двузубца. При жизни Ярослава таким двузубцем пользовался только его кузен, Святополк Ярополчич (Белецкий 2014б: 65-72), так что двузубец на подвеске, очевидно, принадлежал именно ему.

Подвески-реплики

Все подвески-реплики из музея Шереметьевых принадлежат к типу II, по классификации Э.С. Мугуревича (Mugurēvičs 1994). Особенностью подвесок этого типа являются ярко выраженные выступы в верхней части. Внутреннее пространство выступов заполнено завитком, иногда трансформировавшимся в кружок с точкой в центре. На стороне «А» помещено «парадное» изображение трезубца. Сторона «Б» обычно занята геометрическим орнаментом типа «елочка». Все подвески реплики представляют собой отливки из медного сплава, выполненные в разных формах. Они датируются XII–XIII вв., но XIV в. также не исключен (Белецкий 2004: 284).

Несмотря на внешнее сходство подвесок-реплик из коллекции Шереметева, эти подвески различаются между собой по пропорциям и деталям оформления. Подвески № 119-123 (рис. 11-13) имеют классические вытянутые пропорции, знак на стороне «А» отдаленно напоминает трезубец Ярослава Владимировича, а «елочка» на стороне «Б» заключена в орнаментальную рамку (Белецкий 2004: 300-304, рис. 1, 3, 2, 3, 4, 2, 5, 17, 2; 2014а: 38-43, рис. 22-24, 27, 28, 30, 32). Подвеска № 124 (рис. 14) по пропорциям сходна с подвесками № 119-123, однако трезубец на стороне «А» аналогичен трезубцам на подвесках типа III по классификации Э. С. Мугуревича (Mugurēvičs 1994), а сторона «Б» гладкая. Подвеска № 125 (рис. 15) имеет более приземистые пропорции, аналогичные пропорциям у подвесок-реплик № 49, 77 и 98. Трезубец на стороне «А» аналогичен трезубцам на тех же подвесках. Орнаментальная рамка на стороне «Б» отсутствует, зато под геометрическим орнаментом, как и на подвесках № 77 и 98, помещен кружок с розеткой, овальная (точнее – яйцевидная) и круглая розетки (Белецкий 2004: 316, рис. 17, 1; 2014а: 39, 40, рис.25, 26). Складывается впечатление, что подвеска № 125 отлита в той же форме, что и подвески № 77 и 98.

Фальсификаты

№ 115 (рис. 16). Подвеска представляет собой массивную отливку из темно-серого металла, визуально напоминающего свинец или свинцово-оловянистый сплав. В каталоге выставки металл, из которого изготовлена подвеска, назван *серебром*, (см.: 1000 років: 81, № 54). На обеих сторонах подвески вырезаны схематичные изображения одинаковых двузубцев в обрамлении орнаментальных

рамок. А.А. Алфёров полагает, что «на лицьовій стороні зображено двозуб князя Святослава Игоревича... На зворотній стороні двозуб князя Ярополка Святославича» (1000 років: 81). На мой взгляд, изображения двузубцев на подвеске не имеют ничего общего с двузубцами Рюриковичей X в., но зато чрезвычайно близки изображениям на подвесках, в которых угадываются современные фальсификаты (Белецкий 2014а: 52, рис. 52, 53).

№ 116 (рис. 17). Подвеска изготовлена из медного сплава (1000 років: 87, № 62). На стороне «А» в окружении орнаментальной рамки помещено рельефное изображение трезубцеобразного знака без ножки. Центральный зубец знака имеет вид четырехконечного креста, в пространстве между мачтой и крыльями которого размещены четыре кружка. На стороне «Б» размещено изображение аналогичного трезубцеобразного знака, выполненное глубокими канавками, в которых частично сохранились следы инкрустации, а вместо кружков над крыльями креста размещены две глубокие ямки. Орнаментальная рамка на стороне «Б» отсутствует. А.А. Алфёров полагает, что трезубцы на обеих сторонах «пов'язують вірчий знак з ближнім колом князя Ізяслава, сина Володимира Великого» (1000 років: 88). Действительно, центральный зубец у трезубца Изяслава Владимировича имел крестовидное завершение (Белецкий 1912: 435, рис. 2, 2). Однако ближайшей аналогией для изображений на подвеске являются стилизованные изображения трезубца с крестовидным центральным зубцом на современных новоделах, несущих на оборотной стороне зооморфные сцены терзания копытного грифоном (№ 61, 76, 95, 105, 106, см.: Белецкий 2014а: 49-51, рис. 46-50). Орнаментальная рамка на стороне «А» совершенно аналогична рамкам на обеих сторонах подвески № 102, в которой также опознается современный фальсификат (Белецкий 2014а: 49, рис. 45).

№ 117 (рис. 18). Подвеска изготовлена из медного сплава (1000 років: 85, № 59). На стороне «А» помещен стилизованный «тризуб, подобный, — по мнению А.А. Алфёрова, — до того, який використовував Володимир Великий». На стороне «Б» – растительный орнамент, образующий фигуру, напоминающую трикветр, которую А.А. Алфёров считает изображением древа жизни и рассматривает «як оберіг, наділений магічною силою». Исследователь датирует подвеску второй половиной X – началом XI вв. (1000 років: 85). На мой взгляд, и изображение трезубца, и орнамент не имеют ничего общего с орнаментикой как подлинных подвесок-оригиналов, так и подлинных подвесок-реплик. Выдает новодел также совершенно невообразимая форма ушка для подвешивания.

* * *

Таким образом, в настоящее время число введенных в научный оборот геральдических подвесок достигло 126 экземпляров: 44 оригинала, 58 реплик, 7 сомнительных предметов и 14 фальсификатов. Сведения о трех предметах продолжают оставаться непроверенными.

Добавлю к сказанному, что имеются сведения еще как минимум о десяти геральдических подвесках. Но эти находки должны стать предметом самостоятельного рассмотрения.

Литература

- 1000 років — 1000 років української печатки. Київ. 2013.
- Белецкий 2004 — *Белецкий С.В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев». Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2004.
- Белецкий 2012 — *Белецкий С.В.* Древнейшая геральдика Руси // Повесть Временных лет. СПб. 2012.
- Белецкий 2014 — *Белецкий С.В.* Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып.4. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». Старая Ладога, 12-13 июля 2013 г. СПб. 2014.
- Белецкий 2014б — *Белецкий С.В.* Топорик из Суздальского Ополя // *Stratum plus*. № 6. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2014.
- Белецкий 2015 — *Белецкий С.В.* Еще раз о геральдической подвеске из окрестностей Киева // Вторая международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». СПб. 2015.
- Белецкий 2016 — *Белецкий С.В.* Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 61-го заседания. М., Псков. 2016 (в печати).
- Войтович 1992 — *Войтович Л.В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ. 1992.
- Древний Новгород 1985 — Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М. 1985.
- Лабутина, Королева 2014 — *Лабутина И.К., Королева Э.В.* К изучению подвески с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове // Славяне и иные языцы... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Тр. Государственного Исторического музея. Вып. 198. М. 2014.
- Новик, Белецкий 2009 — *Новик Т.Г., Белецкий С.В.* Древнерусская геральдическая подвеска из Чернигова // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. II. СПб; М. 2009.
- Холостенко 1956 — *Холостенко Н.В.* Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.) // Советская археология. Т. XXVI. 1956.
- Янин 1970 — *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. М. 1970.
- Янин, Гайдуков 1998 — *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. III. М. 1998.
- Янин, Гайдуков 2000 — *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Древнерусские печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 25-27 января 2000 г. Вып. 14. Новгород. 2000.
- Mugurēvičs 1994 — *Mugurēvičs E.* Piekariņi ar t.s. Rjurikoviču cilts zīmi Latvijā 11.-13.gs. // Arheologija un etnogrāfija. T.XVII. Rīga. 1994.

Сборник иллюстраций

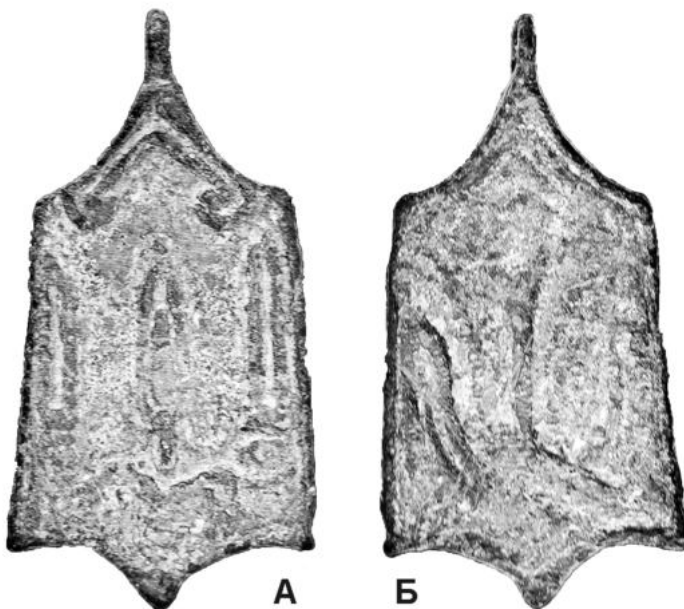
Рис. 1. Подвеска № 88 (до реставрации)

Рис. 2. Подвеска № 88 (после реставрации)

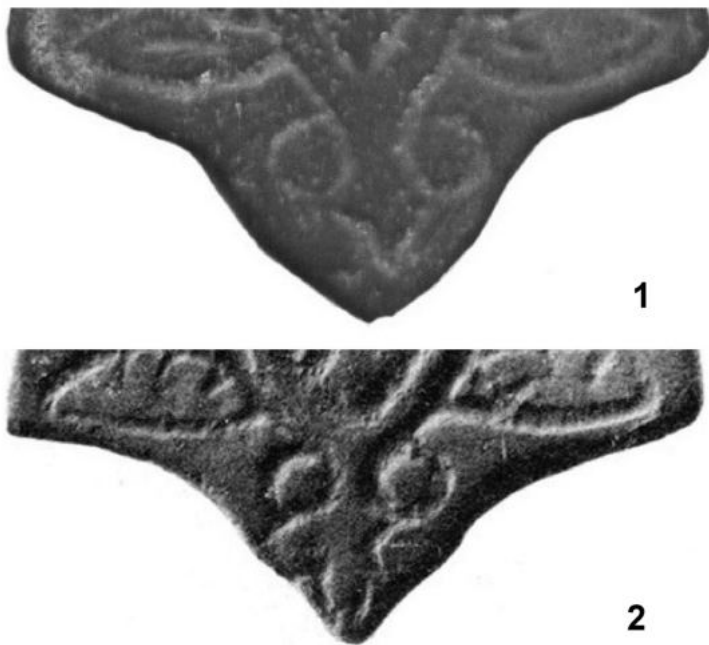
Рис. 3. Подвеска № 110

Рис. 4. Подвеска № 111

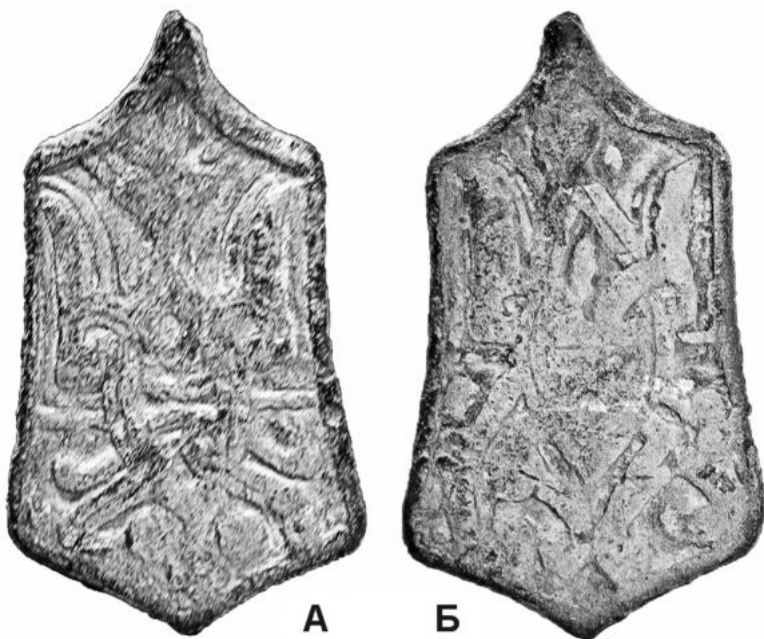

Рис. 5. Подвеска № 112

Рис. 6. Ножка подвесок № 112 (1) и № 37 (2)

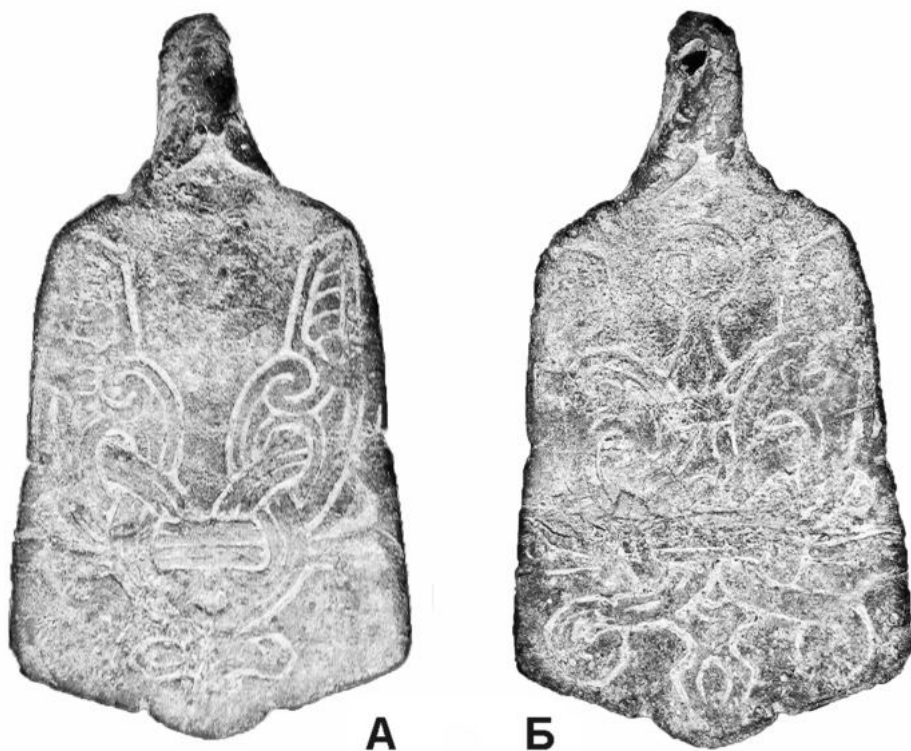

Рис. 7. Подвеска № 113

Рис. 8. Подвеска № 114

Рис. 9. Подвеска № 118

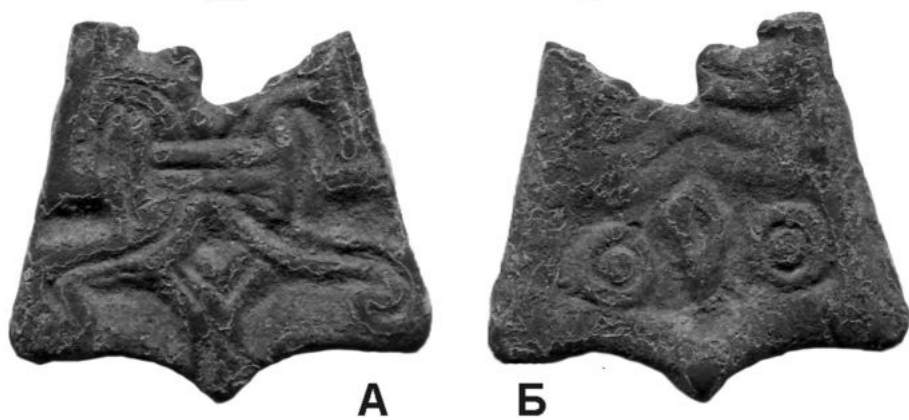
Рис. 10. Ножка подвески № 118

Рис. 11. Подвеска № 119

Рис. 12. Подвеска № 122

Рис. 13. Подвеска № 123

A

Б

Рис. 14. Подвеска № 124

A

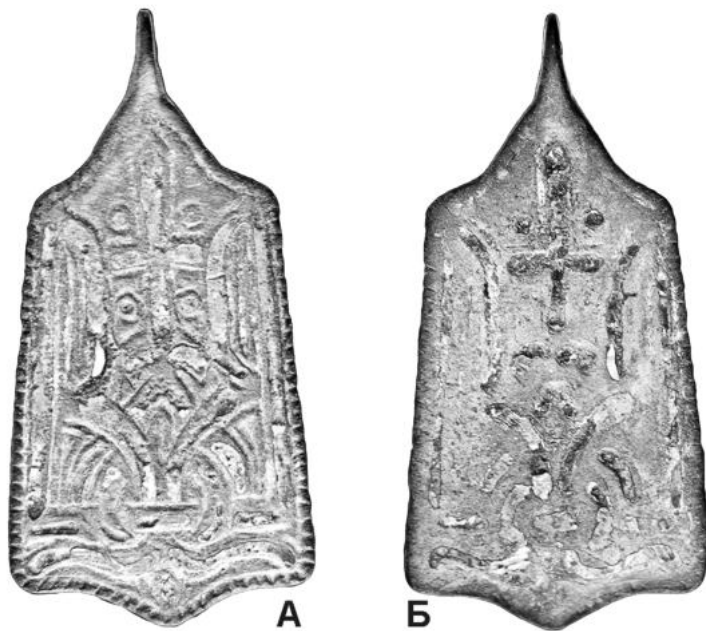

Б

Рис. 15. Подвеска № 125

Рис. 16. Подвеска № 115

Рис. 17. Подвеска № 116

Рис. 18. Подвеска № 117

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КАМЕРЫ ИЛИ ПСЕВДО-КАМЕРЫ ЭПОХИ ВИКИНГОВ НА ЮЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

В настоящее время мало у кого вызывает сомнение существование особого обряда захоронения в подземных деревянных камерах-склепах, который практиковался в Северной и Восточной Европе в эпоху викингов. Широкое распространение обряд захоронения в камерах получает в римскую эпоху и эпоху переселения народов, когда в камерах хоронили представителей родовой аристократии. В эпоху Меровингов и ранних Каролингов в погребальных камерах продолжают захоранивать представителей германской языческой воинской верхушки. С распространением христианства этот обряд вытесняется на периферию германского мира, где он постепенно исчезает из могильников (Eisenschmidt 1994: 71-73). Новый толчок к распространению этот особый тип трупоположений получает в скандинавском мире с конца IX по конец X в. В эпоху викингов погребальные камеры со скандинавскими элементами обряда и костюма выходят за пределы Скандинавии и появляются в ранних древнерусских городских некрополях. В могильниках Дании к концу XX в. было исследовано около 100 погребальных камер эпохи викингов (Eisenschmidt 1994; Müller-Wille 1991)¹. Ещё около 120 погребальных камер было открыто в крупнейшем некрополе викингов Бирка на острове Бьёрко и в сельских могильниках материковой Швеции (Gräslund 1980). Несколько погребальных камер зафиксировано в южной части Норвегии. В настоящий момент мне удалось собрать достоверные данные о 76 древнерусских погребальных камерах. Ещё о 35 камерах имеется отрывочная или не всегда достоверная информация (Михайлов 2001; Михайлов 2005). Таким образом, можно утверждать, что в X в. данный обряд захоронения являлся характерной особенностью могильников Балтийского побережья. Концентрация богатых камерных захоронений связана, главным образом, с ранними городскими торговыми центрами и их округами.

Строительство погребений в подземных склепах с деревянными стенами, многочисленным инвентарем и сопутствующими захоронениями женщин и верховых лошадей в Скандинавии и на территории Древней Руси заканчивается на рубеже X–XI вв. В крупнейшем шведском некрополе Бирка на о. Бьёрко на озере Меларен обряд прекратил свое существование вместе с исчезновением самого города где-то в 70-е гг. X в. От Бирки функции главного торгового центра Средней Швеции переходят к Сигтуне. Этот город начинает развиваться на рубеже X–XI вв. Однако жители христианской Сигтуны уже не хоронили своих мертвых в погребальных камерах. В Дании же самые поздние захоронения в камерах в местечках Маммен и Хёнин-кирхе были произведены между 970/971 и 1000 г. По-видимому, на территории Древней Руси, в могильниках Киева, Гнездова, Пскова и в Тимерево сооружение камер прекращается в 970-980-е гг (Авдусин, Пушкина 1989: 190-205; Яковлева 2004: 253-255). Следовательно, хронологическим рубежом бытования этого обряда

---

¹ По сведениям А.Яновского – 103

можно считать 980–1000 гг. До сих пор большинство исследователей соглашались с мнением, что одновременно с затуханием торговых центров этой эпохи завершается традиция сооружения погребальных камер с «пышным» и разнообразным инвентарем.

Но раскопки на Балтике продолжают, и последние десятилетие исследований подарило научному сообществу совершенно новый регион, где погребальные камеры ранее не фиксировались. Как считают наши польские коллеги, за последние 35 лет число камер эпохи викингов значительно пополнился новыми находками с южного побережья Балтийского моря, с территории Польши и Северной Германии. В 1970–1980 гг. одиночные погребения с деревянными конструкциями были зафиксированы на городище Ольденбург (погребения № 19/20,), в Гдыне (погребение № 558) и в могильнике Усадель (погребения № 38 и 100). По мнению А. Яновского, к числу могильников с находками камерных погребений эпохи викингов можно причислить: могильники Совинки (Sowinki), Наполе (Napole), Пень (Pien), Кальдуц (Kaldus), Дзекановичи (Dzieskanowice) в Польше и могильник Уседом (Usedom) в Северной Германии, открытые в 1990–2000-е гг. Всего в работах А. Яновского (Janowski 2011: 257-258) упоминаются 33 погребальные камеры из девяти могильников на южном побережье Балтийского моря (рис.1)². В 2008–2010 гг. во время работ на могильнике Чепле, расположенном в долине р. Висла, недалеко от Гданьска, было открыто 52 погребения X–XII вв. Среди них своим обрядом и богатым погребальным инвентарём выделяется ранняя группа, состоящая из четырех ингумаций. В трех из них были найдены мечи, копья, шпоры, стремяна, удила, фрагменты узды и весы с гирьками. Эти захоронения З. Раташук называет погребальными камерами (Ratajczyk 2013: 325-340)³. В 2007–2009 гг. польские исследователи прибавили к числу могильников с захоронениями в камерах некрополь в местечке Бодзя (Buko 2014). Могильник X–XII вв. был найден в бассейне Вислы вблизи городка Влодавек. Среди 58 захоронений польские исследователи выделили группу из 12 ингумаций, которые они называют камерными погребениями. Эти погребения располагались в больших ямах со следами деревянных конструкций и остатками гробов. В нескольких из них были найдены: меч, боевой нож–ландсакс и украшения костюма (Buko, Kara, Price, Duczko, Frei, Sobkowiak-Tabaka 2013: 423-442; Buko 2014). Таким образом, общее число могильников с «камерами» достигает 11, а общее число погребений – 49⁴. А. Яновский и ряд других польских исследователей считают, что выявленные захоронения имеют прямые аналогии в скандинавских и древнерусских могильниках эпохи викингов и относятся к захоронениям в погребальных камерах.

---

² Совинки (погр № 70, 148, 69, 135, 151, 156), Наполе (погр. № 13), Пень (погр. № 15, 32, 37, 38-40, 49, 57), Кальдуц (погр. № 13, 60, 125, 166, 264, 422, 453), Дзекановичи, Уседом (погр. № 135) (Janowski 2011: 257-258).

³ Могильник Чепле, погребальные камеры: 35/2008, 42/2009, 43/2009, 47/2009

⁴ М. Мюллер–Вилле упоминает могильники с погребальными камерами в Чепле, Кракове-Закрзовек, Дечине, Мале и в Островите (Müller-Wille 2014: 482-483, fig.23.3). Т.е. число могильников с погребальными камерами на южном побережье Балтики может достигать 15.

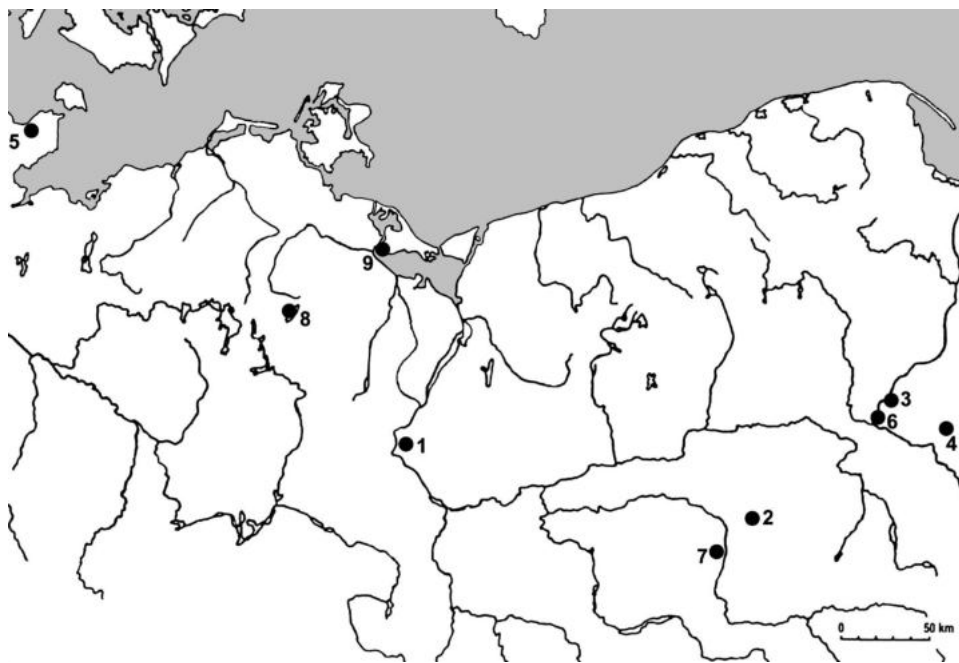

Рис.1. Карта распространения могильников с погребальными камерами конца X – XII вв. на южном побережье Балтийского моря (по Janowski 2011).

На мой взгляд, главным признаком, по которому польские исследователи выделяют «камерные» погребения, стали большие размеры погребальных ям. Большинство польских погребальных камер имеют размеры больше чем 2 x 1,2 м. Например, длина больших погребальных ям из могильника Бодзя составляла от 2,60 до 3,48 м, ширина – от 0,97 до 1,68 м. Других конструкций, которые могли свидетельствовать о наличии в них пола, стен или верхнего перекрытия почти не зафиксировано. Об этом факте открыто пишет в своих работах А. Яновский (Janowski 2011: 261 – 263, fig. 8). На эту же особенность недавно открытых польских «камер» обратил внимание М. Мюллер-Вилле. Только в трех погребениях в Бодзе были зафиксированы ямки от угловых столбов, на которые могли крепиться деревянные стены. В тоже время, в большинстве ингумаций могильника были найдены остатки гробов. Обнаруженное в «камерах» дерево относилось именно к гробам, а не к сооружениям самих камер. (Müller-Wille 2014: 481-482).

Польские исследователи пишут о том, что в южно-балтийских камерах прослеживаются прямые параллели с обрядом погребальных камер могильника Бирка, древнерусских некрополей X в. в Гнёздово, Чернигове и Киеве. В тоже самое время, среди польских находок отсутствует такой важный элемент обряда как вещевые наборы мужских воинских и одиночных женских захоронений. Да, в семи мужских погребениях из Цепле, Бодзи, Усаделя, Уседома и Гдыни наличествуют мечи. Но в остальных погребениях инвентаря, практически, нет.

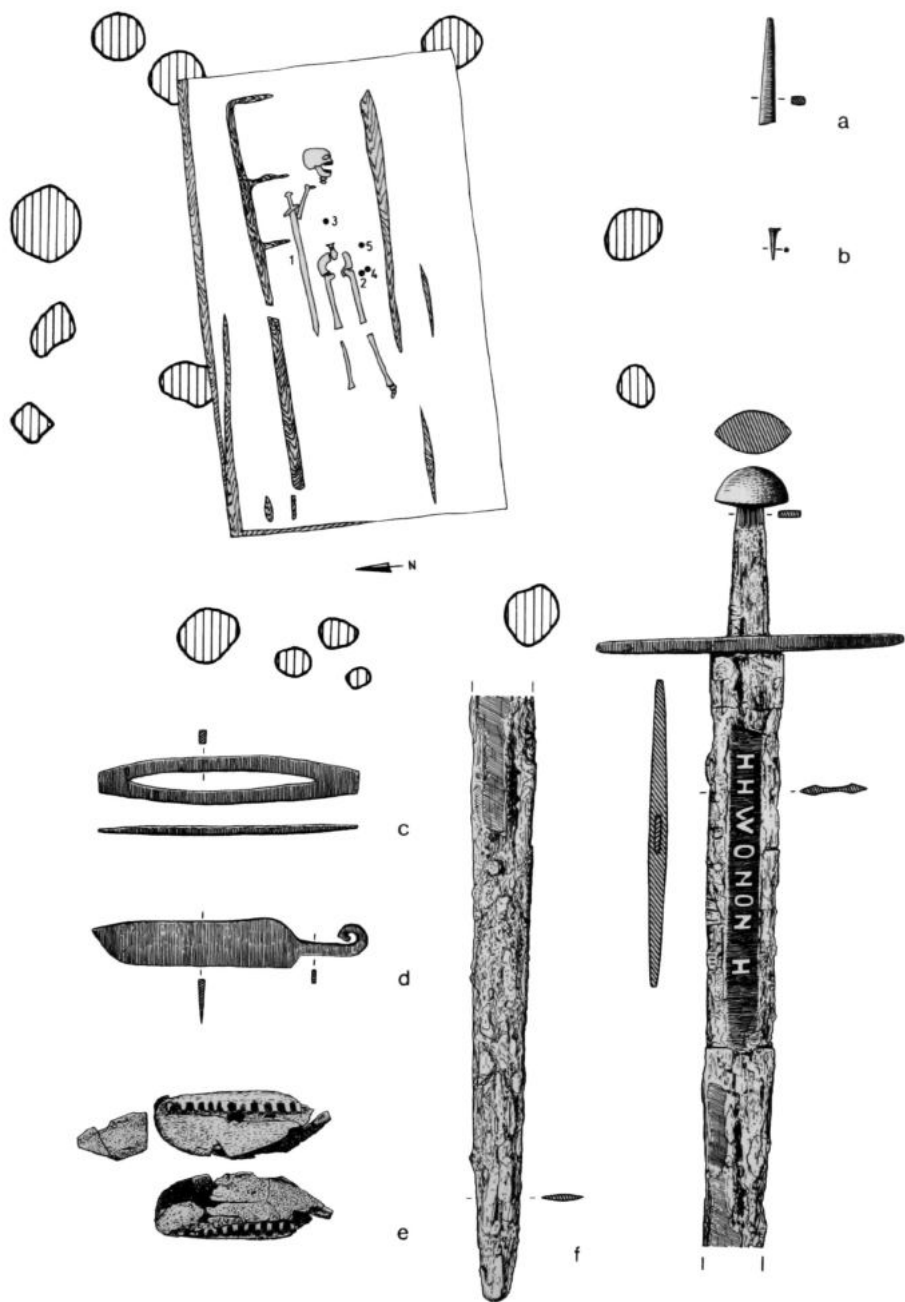

Рис.2. План погребения № 38 в «камере» могильника Усадель (по Janowski 2011).

В них отсутствуют наборы вооружения и снаряжения всадника, лошади, пиршественные наборы (чаши, ритоны, керамические сосуды с едой, ведра, подносы и туши животных и птиц), крупногабаритные вещи (сундуки, стулья, коробки), второй набор парадной одежды, скандинавские типы фибул, гребни, дорогие наборы бус и многое другое (Михайлов 2005).

Ещё одна особенность польских и северогерманских «камер» – это хронологический разрыв между ними и всей остальной группой погребальных камер эпохи викингов. Датируя свои погребения по находкам монет и мечей, польские коллеги определяют время их бытования концом X – началом XI в. Но, если внимательно рассмотреть погребения с мечами, то окажется, что они распадаются на две хронологические группы. В первую и самую раннюю следует включить погребения из Цепле и Бодзи. В них найдены мечи относящиеся к типу Z, O или R (по Я. Петерсену), которые датируются концом

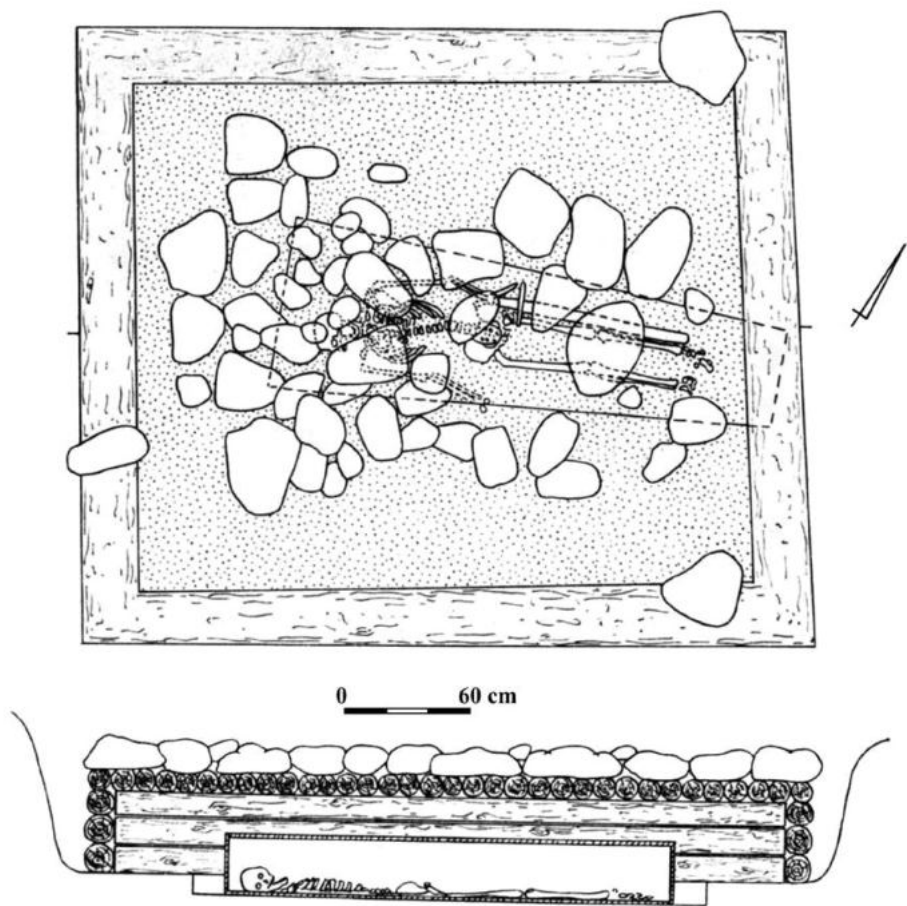

Рис.3. План и реконструкция погребения № 558 из Гдыни (по Janowski 2011).

X–XI вв. (Buko, Kara, Price, Duczko, Frei, Sobkowiak-Tabaka 2013: 430-431). Во вторую – мечи из могильников Усадель, Уседом и Гдыня. Это позднесредневековые романские изделия (рис. 2), которые относятся к типам Ха и В (по Оуксхоту) или типу 12/I–12/II (по Гейбегу). Датировки мечей: Гдыня – вторая половина XII в., Усадель № 38 – XII в., Усадель № 100 – середина XII в., дендродата – 1150 г, Уседом № 135 – конец XI – первая половина XII в. (Janowski 2014: 53-67, tab. 1). Следовательно, часть этих «камер» выпадает из эпохи викингов. Скорее всего, эти захоронения в склепах и гробах с романскими мечами принадлежали христианизированной поморской элите и никоим образом не относятся к обряду погребальных камер (рис. 3).

Вторая часть польских захоронений в больших ямах (конца X – XI в.) может продолжать линию развития погребальных камер эпохи викингов, но имеет с ними значительные различия. Для территории государства Пястов этот вновь выявленный погребальный обряд мало характерен и по этой причине польские исследователи стали искать его прототипы на соседних территориях. Но, на мой взгляд, некоторое занижение датировок привело к тому, что аналогии продолжали искать в Бирке и Хедебю. Правда М. Мюллер-Вилле и М. Кара обратили внимание на отличия погребений Бодзи от классических камер и даже стали называть их квази- или псевдо-камерами (*chamber-like graves*, см.: Müller-Wille 2014: 479, 507-510; Buko 2014: 363). Вероятно, термин квази- или псевдо-камеры применим к большинству вышеперечисленных захоронений. Ближайшие аналогии этой группе южно-балтийских погребений можно увидеть в многочисленных погребениях на территории Восточной Европы.

Также как и в польской, в отечественной историографии появилась тенденция расширять традиционные хронологические рамки существования обряда погребальных камер на территории Древней Руси. Это явление среди украинских и российских археологов проявилось лет на 20 раньше, чем в Польше и, вполне вероятно, повлияло на наших польских коллег. Произошло своеобразное омоложение этого обряда, когда «верхнюю» дату его существования расширяют вплоть до конца XI – начала XII вв. Главным образом, новые открытия таких поздних «камер» сделаны в периферийных, пограничных районах Древней Руси, на раннехристианских некрополях сельских поселений. Например, Е.А. Шинаков считает, что в Среднем Подесенье в настоящий момент известно не менее 19 (по другим данным – 18) камерных погребений эпохи викингов, идентичных погребальным камерам Киева, Гнездова, Шестовицы и Бирки. Основная часть этих могил (по Е.А. Шинакову) оказалась обнаружена в древнерусском могильнике Кветунь близ летописного Трубчевска. К ним, по мнению исследователя, относятся погребения в курганах № 4, 7, 62, 73, 84, 100, 103, 122, 142, 177, 193. Ещё одно «камерное» погребение, происходит из раскопок Г.П. Полякова (по Е.А. Шинакову) в могильнике у с. Антоновка под Брянском (Шинаков 1995: 82-84; Шинаков 1998: 311-312). В своей монографии исследователь пишет о присутствии погребальных камер уже в целом ряде древнерусских могильников XI–XII вв. на Левобережье Днепра: в Гочево, Ляпино, Левенке и Кветуни (Шинаков 2002: 245-246). Ссылаясь на мнение Е.Н. Шинакова, В.Н. Гурьянов пишет о деснянских «камерах» и «камерах» на Брянщине как о хорошо

известном и доказанном факте (Гурьянов 1993: 31-33). К таким погребениям в «камерах» В.Н.Гурьянов относит цветунские погребения № 1, 6, 113, 177, 82, 142 из раскопок В.А. Падина и погребения из раскопок у с. Арефино и близ Левенки.

Опираясь на работы брянских исследователей, А.С. Щавелев и С.П. Щавелев так же причисляют некоторые древнерусские погребения в бассейне р. Сейм, в Курской области, к числу погребальных камер эпохи викингов (Шинаков 1982; Щавелев 2001: 153-156; Щавелев, 2002). С.П. Щавелев считает, что к «вероятным» камерам относятся погребения гочевского некрополя № I, IX, XXVII, XXX, LXVIII из раскопок Д.Я. Самоквасова, № 85 из раскопок В. Н. Глазова и труположения из курганов 3 и 29 из раскопок Г.Ю. Стародубцева (Щавелев 2001: 154-156). Как нам кажется, С.П. Щавелев сознает, что перечисленные им погребения по своему облику, обряду и составу инвентаря значительно отличаются от камерных погребений Киева, Гнездова и Шестовицы. Возникшие противоречия он пытается объяснить особым развитием этого обряда на Юго-Востоке Руси в XI в. и тем, что древнерусские дружинники создали смешанный вариант погребального обряда с учетом местных и христианских форм погребения. На основании датировок гочевских древнерусских захоронений существование обряда погребальных камер продлевается исследователем вплоть до конца XI – начала XII в. (Щавелев 2001: 156).

А.С. Щавелев повторяет аргументы С.П. Щавелева и дополнительно относит к камерам ряд погребений из Гочево: № I, IX, XXVII, LXVIII, исследованных Д.Я. Самоквасовым (Щавелев 2002: 211). Главным признаком камер (по А.С. Щавелеву) становится величина погребальных ям. Одновременно исследователь цитирует выдержки из дневников Д.Я. Самоквасова, который пишет, что в ямах обнаружены труположения в гробах и нигде не упоминает других деревянных конструкций. У нас были бы основания не доверять Д.Я. Самоквасову, если бы он никогда не видел камерных погребений воочию. Однако именно этот исследователь перед открытием Археологического съезда в Чернигове уже успешно раскапывал «срубные погребения» в Чернигове, Гушино, Левенке и Седневе (Самоквасов 1917: 77-80, 81-83, 85-86; Самоквасов 1916: 33; Рыбаков 1949: 22). Трудно заподозрить такого опытного полевого археолога, как Д.Я. Самоквасов, в повторяющейся ошибке, когда вместо обширного и впечатляющего погребения в срубе он описал рядовое древнерусское труположение в деревянном гробу.

Главным критерием для атрибуции «камер», обнаруженных исследователями в древнерусских могильниках на Левобережье Днепра, в Подесенье и Посеймье стали величина погребальной ямы и присутствие следов дерева, но могилы без следов дерева также причисляются ими к камерам эпохи викингов. Из этих публикаций можно сделать вывод, что авторы относят к камерам или «срубным погребениям» захоронения по обряду ингумации в ямах большого размера. Например, могильная яма из Арефино имела размеры: 2,70 x 2,07 м. Некоторые ямы из могильника Кветунь достигали размеров 3,2 x 2,8 м. Однако, все эти погребения происходят из древнерусских могильников XI в. Почти все они практически полностью лишены погребального инвентаря.

Обширных деревянных конструкций, перекрытий и стен там так же не обнаружено. В случае с погребением у с. Антоновка, на плане могилы хорошо заметно, что костяк погребенного находился в деревянном гробовище. Однако видимых следов деревянных конструкций, связанных с самой погребальной камерой, на самом плане не заметно (Шинаков 1998: 311, рис. 2). В этих погребениях не было обнаружено таких характерных черт погребальных камер как: парные погребения, погребения с конем, воинское снаряжение скандинавского или кочевого происхождения.

Главное, что при таком подходе исследователей к данной проблеме не учитывается погребальный обряд как «совокупность ритуальных действий и материальных элементов». Подобное забвение теоретических основ изучения погребальных традиций приводит к тому, что исследователи в качестве главного критерия группировки захоронений стали использовать один единственный – величину погребальной ямы. Да, у большинства погребальных камер викингов в Скандинавии и в «дружинных» некрополях Древней Руси величина могильной ямы значительно превышает размеры других типов грунтовых захоронений. Однако эти размеры были обусловлены обширными деревянными конструкциями камер, которые имели стены, перекрытие, пол, а так же значительным количеством погребального инвентаря. В состав инвентаря входили многочисленные громоздкие предметы: сундуки, ларцы, наборы посуды, дополнительные комплекты одежды, кони, упряжь, наборы оружия. Именно для их размещения требовалась значительная площадь погребальной ямы. А.-С. Грэслунд и Ю.Э. Жарнов, на примерах камер из Бирки и Гнэздова, отмечают, что размеры ям могут стать важным признаком обряда камер только в сочетании с другими признаками, характерными для этих захоронений (Gräslund 1980: 7-9, 12; Жарнов 1991: 208; 1998: 98).

Мне представляется, что в случае с псевдокамерами из округа Курска и Брянска исследователи столкнулись с явлением, которое ещё не получило должной оценки в историографии. Находки древнерусских христианских погребений датирующихся XI–XII вв. и сооруженных в крупных могильных ямах, известны в разных районах Древней Руси. Например, такие захоронения открыты в Смоленской области и на территории Новгородской земли, где эти ямные захоронения никогда не относили к характерному погребальному обряду в камерах. В работах Ю.М. Лесмана и В.Ю. Соболева на материалах Северо-Запада высказано предположение о существовании средневековых так называемых «квазикамер» (термин Ю.М. Лесмана). По предположению исследователей, «квазикамеры» продолжают существовать в древнерусских могильниках вплоть до XI–XII вв. В качестве примеров таких погребений авторы приводят труположения из могильника Струйское в Ржевском районе Тверской области и грунтовое захоронение в кургане № 8 могильника Рапти-Наволоки Лужского района Ленинградской области (Лесман 1997: 180-185; Соболев 1997а: 272-277; Соболев 1997б: 183-185). «Квазикамера» из могильника Струйское представляла собой обширную яму (3,4 x 3 м), которая оказалась впущена в древнерусскую курганную насыпь XI в. Из инвентаря в захоронении нашли двучастную лировидную пряжку, нож, два поясных кольца и гончарный горшок. Ю.М. Лесман предположил, что в яме могли присутствовать

деревянные стенки и верхнее перекрытие. Он так же высказывает предположение, что в «квазикамере» могло быть сидячее захоронение мужчины (Лесман 1997: 181-182). В могильнике Рапти-Наволок II в кургане № 8 открыли погребальную яму прямоугольной формы (4,5 x 2,7 м). Значительные размеры ямы выделяли это погребение на фоне остальных грунтовых захоронений могильника. В слое песка кости и органика не сохранились, но от погребального инвентаря остались двучастная лировидная пряжка, нож и топор группы IV (по классификации А.Н. Кирпичникова). Находки позволили отнести время сооружения кургана к середине – второй половине XI в. Авторы раскопок попытались реконструировать деревянные стены и деревянную крышу над могильной ямой. Реконструкцию производили ориентируясь по пятнам ожелезненного песка, открытым на дне ямы. Однако в разрезе могилы никаких следов рухнувших перекрытий и стен им зафиксировать, судя по чертежам, не удалось. В разрезе могильной ямы исследователям не удалось проследить воронкообразных провалов грунта в пустую могильную яму, которые так характерны для погребальных камер в Гнёздове и Шестовице (Соболев 1997а: 272-275, рис.2-3). По-видимому, в этих двух погребениях главным аргументом для отнесения древнерусских грунтовых могил к числу камер послужили значительные размеры могильных ям, а за остатки деревянных конструкций были приняты естественные следы ожелезнения, не образующие правильных структур. Сами исследователи, понимая отличия этих захоронений от «классических» камер «дружинных» некрополей, пытаются ввести для них новое обозначение – «квазикамеры».

Другой пример связан с Левобережьем Днепра. Ф.А. Андрощук в своей монографии, посвященной норманнам в Подесенье, приводит новый список погребальных камер из могильника Шестовица. Этот список существенно отличается от предыдущей публикации. В него исследователь включил погребения из курганов (по Д.И. Блифельду) № 2, 4, 7, 8, 12 (1-2), 17, 21, 22, 36, 38 (1-2), 41, 61(3), 63 (1), 67 (2), 78, 96, 98, 100, 107, 110, 117, 118, 119, 145, 121 (1-2), 123, 124, 126, 127 (1-2). В этот список попали, практически, все труположения могильника Шестовицы. По-видимому, погребения отбирались по принципу принадлежности к обряду ингумации и наличию в них погребальной ямы значительных размеров (Андрощук 1999: 41-45, рис. 4). Но так как размеры большинства этих погребальных ям значительно меньше размеров погребальных камер, а погребальный инвентарь отличается от набора находок из камер, то аргументы в пользу такого широкого включения всех шестовицких ингумаций в список погребальных камер оказываются недостаточными.

В последние годы некоторые исследователи высказали мнение, что камерный обряд оказался «востребован христианизированной частью Руси (вероятно под Русью авторы понимают окружение киевского князя – *К. М.*) и вместе с её представителями перемещается из центра Руси на её географическую периферию (Северо-Запад – *К. М.*)». С этим они связывают широкое географическое распространение больших погребальных ям в древнерусских христианских некрополях XI–XII вв. В то же время, как мне кажется, остается необоснованной преемственность камер эпохи викингов и

древнерусских захоронений в «больших» могильных ямах (Соболев 1997а: 272-276; Платонова 1998; Мусин 1999: 144; Щавелев 2001: 153-154).

Из перечисленных работ следует, что в 1990-е годы у ряда отечественных исследователей появилась тенденция «механического» причисления древнерусских погребений X–XII вв. к типу, так называемых, камерных или «срубных» погребений.

Во всех перечисленных работах главное несоответствие выводов и аргументов, по-видимому, связано с забвением теории погребального обряда. Под погребальным обрядом исследователи подразумевают порой отдельные, вырванные из контекста элементы погребального ритуала. Довольно часто единственным критерием причисления к поздним камерам служил размер погребальной ямы. Некоторые признаки обряда погребальных камер разработанные А.-С. Грэслунд и Ю.Э. Жарновым для могильников эпохи викингов и древнерусских «дружинных» некрополей, таких как Бирка и Гнездово, оказались применены некоторыми исследователями к совершенно другому типу погребальных памятников – древнерусским христианским кладбищам с грунтовыми могилами. Результатом таких манипуляций стали многочисленные «открытия» камер без признаков специфического погребального обряда и соответствующего набора погребального инвентаря. Такие исследования демонстрируют невозможность использования единственного критерия отбора. Подобный отбор приводит к неоправданному расширению группы погребений за счет погребений других типов. Опыт исследований показывает, что размеры погребальных ям древнерусских камер должны обязательно сочетаться с другими характерными признаками этого обряда. Поэтому вышеперечисленные находки можно обозначить как «псевдокамеры». Вся логика развития отечественной историографии демонстрирует, что изучение древнерусских погребальных камер происходило в отечественной археологии параллельно с исследованиями западноевропейских ученых. В отдельные периоды эта связь не была столь заметна. Однако каждый раз на очередном этапе изучения древнерусского материала новые отечественные исследователи обращались к тем аналогиям и тем размышлениям по поводу погребальных памятников, которые накопились в североевропейской историографии.

Следует отметить близкие аналогии польских «камер» с древнерусскими «псевдокамерами» Левобережья. Хронология, конструктивные особенности, немногочисленный инвентарь сближают эти две территориально далекие группы славянских захоронений. В случае с южно-балтийскими и древнерусскими квази- или псевдо-камерами исследователям из разных регионов, независимо друг от друга, удалось выделить новый тип погребений XI–XII вв. в западно- и восточнославянском ареале расселения. Безусловно, это новое явление заслуживает самого пристального внимания и объективного описания, без попыток занизить хронологию или придумать объектам исследования престижное происхождение или «знатных» предков.

Литература

- Авдусин, Пушкина 1989 – *Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М. 1989.
- Алёшкин 1986 – *Алёшкин В.А.* Социальная структура и погребальная обрядность древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л. 1986.
- Андрощук 1999 – *Андрощук Ф.О.* Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ. 1999.
- Гурьянов 1993 – *Гурьянов В.Н.* Камерные погребения на Брянщине // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Чернигов. 1993.
- Жарнов 1991 – *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово. М. 1991.
- Жарнов 1998 – *Жарнов Ю.Э.* Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. (К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина). М. 1998.
- Лесман 1997 – *Лесман Ю.М.* Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск. 1997.
- Массон 1976 – *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л. 1976.
- Михайлов 2001 – *Михайлов К.А.* Древнерусские камерные погребения и Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследованиям памятника // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М. 2001.
- Михайлов 2005 – *Михайлов К.А.* Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 2005.
- Мусин 2002 – *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX – XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности // *Archaeologica Petropolitana*. XII. СПб. 2002.
- Ольховский В.С. 1995 – *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. № 2. М. 1995.
- Платонова 1998 – *Платонова Н.И.* Камерные погребения XI – начала XII вв. в новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Том 4. М. 1998.
- Рыбаков 1949 – *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. № 11. М.-Л. 1949.
- Самоквасов 1916 – *Самоквасов Д.Я.* Раскопки северянских курганов во время XIV археологического съезда. М. 1916.
- Самоквасов 1917 – *Самоквасов Д.Я.* Могильные древности Северянской Черниговщины. Посмертное издание. М. 1917.
- Соболев 1997а – *Соболев В.Ю.* О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. Т. II. СПб, Псков. 1997.

Соболев 1997б – *Соболев В.Ю.* Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволок II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов 10-14 сентября. Петрозаводск. 1997.

Шинаков 1982 – *Шинаков Е.А.* Население верхнего течения реки Псёл в X-XII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История № 3. М. 1982.

Шинаков 1995 – *Шинаков Е.А.* Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности 1994. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья». Брянск. 1995.

Шинаков 1998 – *Шинаков Е.А.* Северные элементы в культуре Среднего Подесенья // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М. 1998.

Яковлева 2004 – *Яковлева Е.А.* 2004 Камерное захоронение из раскопок в околном городе Пскова (предварительное сообщение) // XV Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. часть I. Петрозаводск. 2004.

Buko, Kara, Price, Duczko, Frei, Sobkowiak-Tabaka 2013 – *Buko A., Kara M., Price N.D., Duczko W., Frei K.M., Sobkowiak-Tabaka I.* A unique medieval cemetery from the 10th / 11th century with chamber-like graves from Bodzia (Central Poland) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 43 Jh. 3 H. Mainz. 2013.

Buko 2014 – *Buko A. (Ed. by) Bodzia.* A Late Viking Age Cemetery in Central Poland. Leiden-Boston. 2014.

Eisenschmidt 1994 – *Eisenschmidt S.* Kammergraber der Wikingerzeit in Altdanemark // Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bd. 25. Bonn. 1994.

Gräslund 1980 – *Gräslund A.S.* The Burial Customs. A study of the graves on Bjorko // Birka IV. Stocholm. 1980.

Janowski 2011 – *Janowski A.* Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea // Der Wandel um 1000 // Sonderdruck aus Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 60. Langenweissbach. 2011.

Janowski 2014 – *Janowski A.* Groby 558 I 1120 z Ceduni na tle wczesnosredniowiecznych zachodniopomorskich pochowkow z mieczami // Civitas Cedene. Studia i materialy do dziejow Cedyni. T.1. Chojna-Szezecin-Cedynia. 2014.

Müller-Wille 1991 – *Müller-Wille M.* Wikingerzeitliche Kammergräber // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid // Viborg Stiftsmuseums række. Bd. 1 // Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. Bd.28. Højbjerg. 1991.

Müller-Wille 2014 – *Müller-Wille M.* The Cemetery at Bodzia in a Broader European Context // Bodzia. A Late Viking Age Cemetery in Central Poland (Ed. By A. Buko). Leiden-Boston. 2014.

Ratajczyk 2013 – *Ratajczyk Z.* The cemetery in Ciepłe - current research results // Scandinavian Culture in Medieval Poland. Wrocław. 2013.

СВАСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НА ЛЕПНОЙ ПОСУДЕ С ПОСЕЛЕНИЙ ПОВОЛХОВЬЯ

В дошедших до нас вещах традиционной культуры присутствует тесная и глубокая взаимосвязь между функционально обусловленной формой предмета и его декоративным оформлением, отразившим специфические особенности мышления и мировосприятия людей того времени. Украшение предмета обихода преследовало скорее не художественные цели, а определялось религиозно-мифологическими представлениями.

На раннесредневековых памятниках Поволховья встречены разнообразные предметы, орнаментированные различными узорами или несущие отдельные знаки, а иногда и надписи, выполненные в различной технике. Исследование керамических коллекций показало, что для последней четверти I тысячелетия н. э. украшение лепной посуды не очень характерно. В коллекциях Старой Ладogi орнаментированная керамика составляет около 10% от числа верхних частей сосудов (Сениченкова 2002: 105). Ещё меньше – около 6,5% – подобных изделий встречено в материалах Рюрикова городища (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 75; 2009: 52). Только на нескольких обломках лепных сосудов с этих памятников отмечены знаки в виде крестов и свастики. Первые уже были нами рассмотрены (Плохов, Семенов 2006). В данной работе мы обратимся ко вторым. Всего на поселениях Поволховья отмечено два фрагмента со свастическим знаком.

В 1985 г. при работах экспедиции ЛОИА АН СССР (в настоящее время ИИМК РАН) под руководством Е.Н. Носова на Новгородском (Рюриковом) городище была найдена стенка ребристого лепного сосуда со знаком в виде правосторонней свастики (рис. 1, 1). Изображение выполнено под плечиком по сырой глине. Оно довольно небрежно прочерчено тонкой веткой или стеблем травянистого растения, ветви знака имеют разные размеры. Фрагмент принадлежал горшку так называемого «ладожского типа», составляющего значительную часть раннесредневекового керамического комплекса памятника (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 76). Он происходит из заполнения котлована большой постройки второй половины XII – первой половины XIII в¹. Возможно этот черепок, как и ещё целый ряд находок, попал в заполнение из более раннего комплекса (№ 56), перерезанного юго-западной стенкой котлована (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 39, 47). По обломкам раннегончарной керамики, этот комплекс можно датировать не позднее третьей четверти X в.

В 2008 г. при исследованиях Староладожской экспедиции ИИМК РАН на Земляном городище в раскопе 4 встречено донце лепного сосуда с изображением правосторонней свастики (рис. 1, 2)². Знак, прочерченный на внутренней стороне донца пальцем, занимает всю его поверхность. Стенки

---

¹ Фрагмент (НОЭ-85, Рг-285) зафиксирован в квадратах 137, 138, 144, 145, гл. 1,9-2,5 м.

² Обломок (САЭ-08, №100) встречен в кв.Е-ХII, на гл. -73. Благодарю А.Н. Кирпичникова за возможность ознакомиться с материалами из его раскопок.

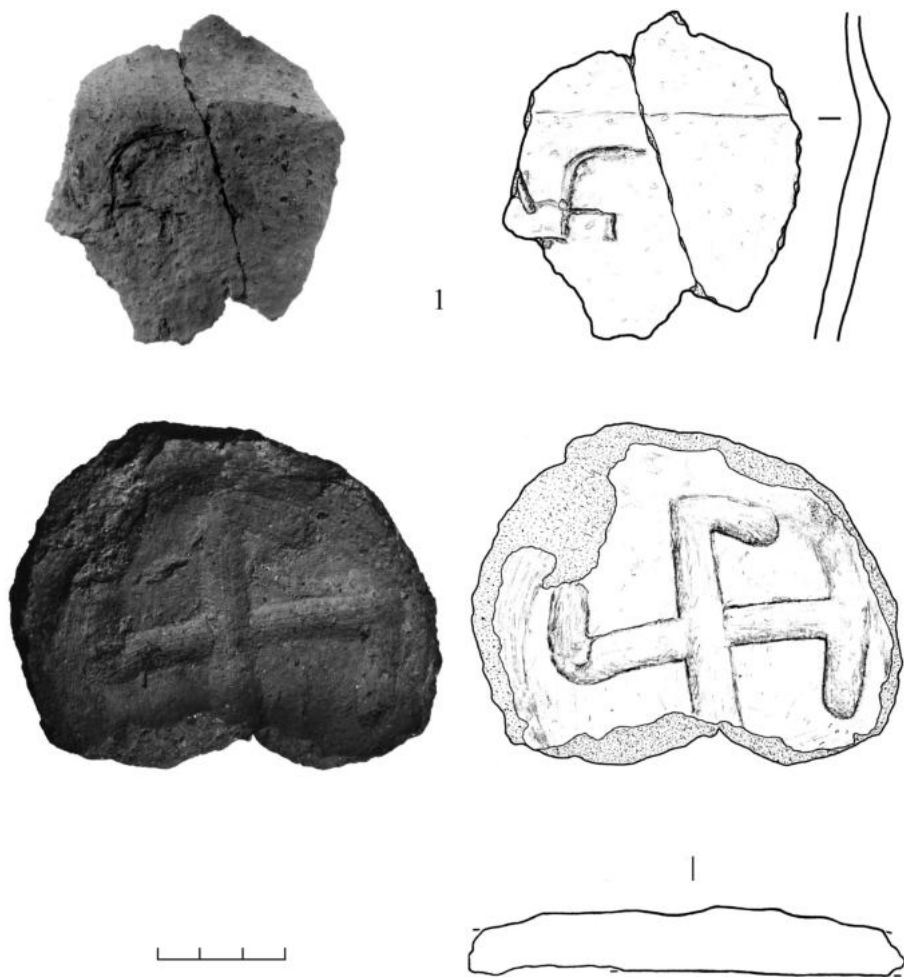

Рис.1. Свастика на лепной керамики с поселений Поволховья:
1 – Рюриково Городище; 2 – Старая Ладога.

сосуда не сохранились, поэтому форму изделия представить невозможно. Находка происходит из горизонта В-2008, с уровня верхней части деревянных конструкций постройки 5³, датированной по результатам дендрохронологического анализа в пределах 864-889 гг.⁴ (Кирпичников 2010: 15-16; 2011: 31; 2012: 56).

³ Это сооружение исследовалось на протяжении четырех полевых сезонов – 2004-го (постройка 1), 2008-го (постройка 5), 2009-го – 2010-го гг. (постройка 2).

⁴ Определить порубочные даты удалось по спилам, полученным в 2004 и 2010 гг.

На лепной керамике конца I тысячелетия н.э. других памятников Северо-Запада России изображение свастики нам не известны⁵. Практически не представлен этот символ и на других предметах раннего средневековья этого региона. Мы можем увидеть его лишь на округлобоком пряслице, найденном при раскопках на селище у оз. Крюково близ г. Боровичи, относимом к культуре псковско-новгородских длинных курганов (Торопов 1997: 12, 14). Только в последней четверти X в., с началом бытования традиции клеймения гончарных горшков, свастические знаки получают более широкое распространение (Горюнова 2014).

Очевидно, что отмеченные на лепных сосудах из Рюрикова городища и Ладоги свастики нанесены не для украшения посуды, а имели особое, магическое значение.

Свастика относится к древнейшим и широко распространенным символам. Как отдельный знак в виде креста с загнутыми под прямым углом в одну (правую или левую) сторону концами она известна по крайней мере с энеолита⁶. В эпоху энеолита и бронзового века «классическая» свастика представлена в материалах культур на части территорий Передней, Южной и Центральной Азии, Южной, Центральной и Восточной Европы, а также Кавказа и Западной Сибири. В последующие века свастика распространилась на большую часть земного шара. На протяжении не одного тысячелетия она присутствует в христианстве, исламе, индуизме, буддизме и некоторых других религиях, остается значимым и популярным элементом в орнаментике, сфрагистике, геральдике, символике многих стран и народов (Багдасаров 2001; 2005; Кутенков 2010; Голан 1993: 119-122; Москвин 2008; Тарунин 2009; Уилсон 2008).

Споры о происхождении и семантике знака начались с середины XIX в., как только он был выделен исследователями в археологических и этнографических материалах. Существуют различные трактовки свастики. Её считали символом небесного божества, божества света и жизненной силы, обозначением земли, солнца, неба, четырех фаз луны, эмблемой вечного кругового движения, священного огня, молнии, воды, бесконечности, плодоношения, изображением птицы, инструмента для добывания огня, «молота Тора» и др. Доминирующей, с конца XIX в. стала солярная концепция, по которой свастика обозначала солнце и его движение, свет, планетарные божества, являлась, положительным знаком жизни, благоденствия, благополучия, удачи, а её изображение служило оберегом. В основе этой теории лежала трактовка свастики в традиционной индийской культуре (Альбедиль 1996; Багдасаров 2001: 31-40, 42-43, 103-104; 2005: 35-42, 45-46, 117-118; Бидерманн 1996: 236-237; Голан 1993: 120-122;

---

⁵ Поиск аналогий находкам со свастическими знаками, встреченным на поселениях Поволховья, в отечественной научной литературе сопряжен с определенными трудностями. В советское время эти знаки связывались с идеологией нацизма, и многие исследователи избегали упоминания свастики, а также помещения её изображения в своих трудах. В работах она часто скрывается среди «солярных символов». Положение изменилось лишь в последние десятилетия.

⁶ Мы здесь не рассматриваем другие разнообразные знаки, причисляемые исследователями к свастическим.

Кутенков 2010: 150-158, 169; Москвин 2008: 425-431, 454; Сыркин 1991: 490; Уилсон 2008; Фоли 1997: 185-186). По гипотезе А. Голана солярное значение свастика, так же как и крест, приобрела только с эпохи бронзы. Исследователь полагает, что в неолите этот знак представлял собой условное обозначение «понятия «четырёх сторон света» и служил символом бога земли». При этом некоторые разновидности свастики исследователь рассматривает как символ богини неба (Голан 1993: 121-122).

Чтобы приблизиться к пониманию семантики знака свастики и его применения нет иного выхода, как обратиться к этнографии и в первую очередь тех народов, где зафиксировано живое употребление символа. С XIX в. территорией, служившей основным источником сведений по интерпретации свастики была Индия, где, кроме древних материальных и письменных источников, до наших дней сохранились и традиционные верования и обряды, позволяющие увидеть значение свастики в действии. В сочинении «Брихатсамхита», связываемом с именем индийского астронома и астролога Варахамихиры и датированном VI в. н. э., предписывает наносить свастику в качестве оберега на двери домов, на ворота храмов, на предметы бытового назначения и т. п. (Альбедиль 1996). В XX в. в североиндийских деревнях американскими исследователями в церемониях рождения, бракосочетания, а также других обрядах, было зафиксировано нанесение женщинами свастики на глиняную посуду, землю, стены. Когда же после завершения праздника убирался его главный атрибут, этот знак рисовали на «месте, где он находился, чтобы зло не смогло туда проникнуть» (Багдасаров 2001: 41; 2005: 43-44). По сведениям конца XIX в., последователи джайнизма в Индии «рисовали свастику всегда и везде, где требуется призвать благословение божественных сил» (Багдасаров 2001: 45; 2005: 47). В Литве и Курляндии в начале XX в. крестьяне чертили свастику в своих домах в качестве охранительного знака (Генон 1997: 26).

Очевидно, что окончательное заключение о символике свастических знаков делать рано, если вообще это возможно, поскольку в разные исторические эпохи, в разных культурах они, по-видимому, имели различные значения (Уилсон 2008: 109), да и в одной культуре в различных контекстах могли заключать в себе неодинаковый смысл. В тоже время, следует признать правоту исследователей, говорящих о близости, а может быть, в некоторых случаях, и тождественность свастики по смыслу другому священному символу – кресту (Голан 1993: 121-122; Лесман 1996: 35; Уилсон 2008: 31, 39, 46, 48-49). Об этом свидетельствует, в частности, одинаковое расположение этих знаков на посуде⁷. Видимо, во всех этих случаях, как крест, так и свастика выступают как оберег, атрибут магической защиты, знак способный призвать благословение божественных сил. Веруя в защитную силу знака, мастер наносил его для

---

⁷ Многочисленные случаи нанесения креста на внутреннюю сторону донца приводились нами раньше (см.: Плохов, Семенов 2006). В качестве примеров изображений креста на стенках лепной посуды с территории Древней Руси, можно привести горшок из кургана 430 Тимеревского могильника, датированного началом XI в. и сосуд из кургана 40 во втором Пекуновском могильнике, сооруженного в том же столетии (Комаров 1974: 254, рис.2, 3; Смирнова 1987: 94, рис. 3).

охраны содержимого керамического изделия от внешних враждебных воздействий, а также для наделения его особыми свойствами. Последнее наиболее вероятно в случае изображения этих символов на внутренней поверхности дна сосуда (Плохов, Семенов 2006: 252-258).

Непростым является вопрос об истоках традиции нанесения свастических знаков среди населения Поволховья.

Можно предположить, что данный символ, имеющий индоевропейские истоки, был принесён на эту территорию в ходе славянского расселения. Как известно, в первой половине I тысячелетия н. э. свастика представлена на некоторых лепных сосудах и пряслицах с ряда постзарубинецких памятников и поселений киевской культуры, которые, по мнению многих исследователей, генетически связаны с достоверно славянскими древностями (Валькова 1992: 30; Воронятов 2008: 344, рис.4, 1, 3, 4; Горюнова 2004: 45, рис.18, 4, 5; Обломский 1991: 40, 78, рис.11, 5, 59, 9; 2002: рис.46, 4; Обломский, Терпиловский 2002: 87, рис.74, 3; 2010: 306, 321-322, рис.9, 7; 35, 1; 36, 9; 37, 3; Памятники 2007: 28, 30, 85, рис.17, 10; 53, 7; Терпиловский 2004а: 28, 40-41, рис.15, 5, 24, 8, 38, 12; Терпиловский, Абашина 1992: 57, рис.12, 5). Известен подобный знак и на памятниках раннеславянских культур лесостепи и юга лесной зоны Восточной Европы – колочинской, пеньковской, пражской. Чаще всего его изображение нанесено на глиняные пряслица, но встречен он на обломке керамики с поселения Слободка в Среднем Поднепровье, на каменной литейной форме с селища у с. Семенки в Побужье, бронзовой подвеске-медальоне с поселения Рашков III в Поднестровье, а на поселении Бернашевка в том же регионе найдена каменная формочка для отливки нашивной бляшки в виде левосторонней свастики (Археология 1986: рис. 36, 12; Баран 1988: 23-24, 113, рис. 12, 3, табл. LIII, 4; Березовец 1963: 167, рис. 12, 1, 2; ,13, 2, 4; Винокур 1997: 60, 130, рис. 20; Дергачев, Ларина, Постикэ 1983: 128, рис. VIII, 1; Терпиловский 1984: рис. 33, 5, 34, 2; 2004б: 132, рис. 6, 5, 9, 30; Рафалович 1972: 205-206, рис. 30, 1; 32, 13; Хавлюк 1974: 208, рис. 10, 12). В более позднее время, на левом берегу Днепра такой знак отмечен в орнаментальной композиции лепной керамики роменских городищ (Макаренко 1925: 328, табл. I, 5).

Однако, в последние десятилетия была высказана гипотеза о скандинавском происхождении свастики на Руси (Лесман 1996; Москвин 2008: 382, 384; Шинаков 1998: 317). По мнению Ю.М. Лесмана, этот знак как элемент скандинавской культуры появляется на её территории в X в., но «получает распространение лишь на клеймах гончарных сосудов»⁸. Широкая распространенность традиции изображения свастики в германских древностях раннего железа – раннего средневековья хорошо известна. Видимо, с её влиянием связано появление рассматриваемого символа на ряде раннегончарных сосудов полабских славян (рис.2), являющихся ближайшими аналогами находки с Рюрикова городища (Corpus 1979: 85/5-19, 0/9-1; Kempke

---

⁸ О возможной связи применения в клеймени сосудов из Пскова и Гнездова знаков свастики с выходцами из Средней Швеции недавно написала В.М. Горюнова (Горюнова 2014: 63).

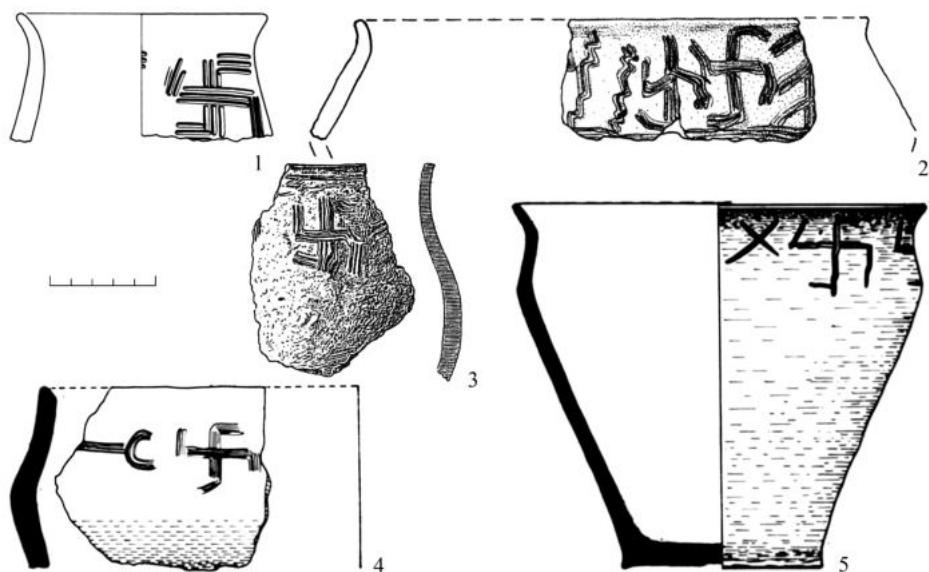

Рис.1. Свастика на западнославянской раннегончарной керамике с территории Германии: 1 – Ольденбург (Старигард), земля Шлезвиг-Гольштейн; 2 – Косвиг, земля Саксония-Анхальт; 3 – Дуфензее, земля Шлезвиг-Гольштейн; 4 – Луккенвальде, земля Бранденбург, 5 – Берлин.

1984: Taf. 37, 3; Kersten 1951: 109, Taf. 78, 2; Schunke 2005: 27, Abb. 5: 3)⁹. К фактам, подтверждающим варяжский след, можно отнести присутствие свастики среди граффити, нанесенных на куфических монетах, найденных на территории Восточной Европы и Швеции, а также нанесение этого знака наряду со стилизованным изображением молота Тора¹⁰ на котле с Супрутского городища (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 74, 120, рис.37: 6-8; 48: 16, 19, 20; Меч и златник 2012: 43).

Конечно, появление свастических знаков на лепной керамике Ладоги и Рюрикова городища, в материальной культуре которых отчетливо выражена «скандинавская вуаль», вполне можно объяснить влиянием «северных» традиций. После призвания варягов, их символика могла распространиться в

⁹ Следует отметить, что лощеные миски со свастическими знаками, найденные на постзарубинецких и киевских памятниках, исследователи также связывают с германскими культурами – А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский с пшеворской, а В.М. Горюнова – с вельбарской и оксывской (Горюнова 2004: 46; Обломский 1991: 47; Памятники 2007: 30, 41; Терпиловский 2004а: 31, 33, 41, 47).

¹⁰ В скандинавской традиции свастика связана с культом Тора, а в эпоху викингов она считалась символом, равнозначным молоту этого бога (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 120).

интернациональной дружинной среде, но вряд ли свастика, будучи чуждым элементом, проникла бы в устоявшееся консервативное мифологическое и религиозное мировоззрение древнерусского земледельца. Только скандинавским влиянием и более поздними «западными импульсами» нельзя объяснить такое глубокое проникновение рассматриваемого знака в символику восточного славянства. Тот факт, что свастика дожила в традиционной крестьянской вышивке до XIX–XX вв., свидетельствует об устойчивом месте этого символа в его знаковой системе. Анализировавшие архаические сюжеты русской крестьянской вышивки В. А. Городцов, А. К. Амброс, Б. А. Рыбаков и некоторые другие исследователи отнесли становление композиций с богиней, конями и солярными символами (в том числе и в виде свастики) ко времени задолго до эпохи викингов (Амброс 1966; Городцов 1926; Рыбаков 1981: 471-527).

Изображение свастики на сосудах Поволховья, несомненно, продолжает традицию языческой культуры, однако полностью нельзя исключать и влияния церковной символики на их появление¹¹. Ведь, как известно, этот знак использовался христианами ещё с III века н. э. (Багдасаров 2001: 118-122, рис.50; 2005: 133-137). Официально Русь приняла православие в конце X в. Тогда же была крещены жители Новгородской земли. Однако миссионеры и первые обращённые, принадлежавшие главным образом к верхушке древнерусского общества, дружине и наемникам-варягам, появились здесь значительно раньше. Вместе с ними распространялась на Руси христианская идеология и церковная атрибутика. В Поволховье к самым ранним достоверно христианским древностям относятся «татингские» кувшины, обломки которых выявлены в могильнике в урочище Плакун и отложениях Земляного городища, относимых к IX – первой половине X в. (Плохов 2007: 24). Так что, они вполне синхронны рассматриваемой нами посуде.

В заключение следует отметить, что традиция нанесения свастики на различные предметы, в том числе и на керамику, имеет глубокие корни в древнем прошлом разных народов, в том числе славян и скандинавов, проживавших в конце I тысячелетия н. э. на Северо-Западе России. Присутствие этого знака на обломке горшка ладожского типа, характерного для лепной керамики Старой Ладogi, Рюрикова городища, древнейших напластований Новгорода, а также раннесредневековых селищ Приильменя и Поволховья, оставленных ильменскими словенами, позволяет, по нашему мнению, именно с ними связать его появление.

Литература

Амброс 1966 – Амброс А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // Советская археология. №1. 1966.

Альбедиль 1996 – Альбедиль М.Ф. Свастика // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. М. 1996.

---

¹¹ Е. Теодор и И. Станчу рассматривают крестообразные и свастические знаки на лепной раннесредневековой керамике с территории Румынии, прежде всего, как христианский символы (Teodor, Stanciu 2009).

- Археология 1986 – Археология Украинской ССР. Т.3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев. 1986.
- Багдасаров 2001 – *Багдасаров Р.* Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М. 2001.
- Багдасаров 2005 – *Багдасаров Р.* Мистика огненного креста. М. 2005.
- Баран 1988 – *Баран В. Д.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев. 1988.
- Березовец 1963 – *Березовец Д.Т.* Поселение улочей на р. Тясмине // *Материалы и исследования по археологии СССР. № 108.* М. 1963.
- Бидерманн 1996 – *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М. 1996.
- Валькова 1992 – *Валькова Т.П.* Позднезарубинецкое поселение у с. Гребля в Среднем Подесенье // *Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини.* Чернігів. 1992.
- Винокур 1997 – *Винокур І.С.* Слов'янські ювеліри Подністров'я. За матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини I тис. н.е. Кам'янець-Подільський. 1997.
- Воронятов 2008 – *Воронятов С.В.* Ромб с крючками – сарматский след // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов.* Вып.1. Тула. 2008.
- Генон 1997 – *Генон Р.* Символы священной науки. М. 1997.
- Голан 1993 – *Голан А.* Миф и символ. М. 1993.
- Городцов 1926 – *Городцов В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // *Труды Государственного Исторического музея.* Вып.1. М. 1926.
- Горюнова 2004 – *Горюнова В.М.* Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова* СПб. 2004.
- Горюнова 2014 – *Горюнова В.М.* О времени появления клейм на раннегончарной посуде Северо-Западной Руси // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья.* Вып. 4. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». СПб. 2014.
- Дергачев, Ларина, Постикэ 1983 – *Дергачев В.А., Ларина О.В., Постикэ Г.И.* Раскопки 1980 г. на многослойном поселении Данчены I // *Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг.* Кишинев. 1983.
- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л. 1991.
- Кирпичников 2010 – *Кирпичников А.Н.* 2010. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2009 году. Т.1. Текст отчета и приложения. СПб. 2010 // *Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН.* Ф. 35. Оп. 1. 2009 г. Д. 28.
- Кирпичников 2011 – *Кирпичников А.Н.* 2011. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2010 г. Т.1. Текст отчета и приложения. СПб. 2010 // *Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН.* Ф. 35. Оп. 1. 2010 г. Д. 16.
- Кирпичников 2012 – *Кирпичников А.Н.* Раскопки в Старой Ладоге в 2008 г. // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья.* Вып.3. СПб. 2012.

Комаров 1974 – *Комаров К.И.* Погребения дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге // Советская археология. № 3. 1974.

Кутенков 2010 – *Кутенков П.И.* Ярга-свастика – знак русской народной культуры. СПб. 2010.

Лесман 1996 – *Лесман Ю.М.* Вихревая розетка и свастика в декоре древнерусских ювелирных изделий // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб. 1996.

Макаренко 1925 – *Макаренко М.* Орнаментация керамічних виробів в культурі городищ роменського типу // *Obzor praehistorický Roč. 4. Niederlův sborník.* Praha. 1925.

Меч и златник 2012 – Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М. 2012.

Москвин 2008 – *Москвин А.* Крест без распятого // История свастики с древнейших времён до наших дней. Нижний Новгород. 2008.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья. Новые материалы и исследования. СПб. 2005.

Обломский 1991 – *Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. М; Сумы. 1991.

Обломский 2002 – *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеаримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М. 2002.

Обломский, Терпиловский 2002 – *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Позднестаробульские материалы поселения Рябовка-3 // Верхнее Поднепровье и Подвине в III-V веках н. э. М. 2002.

Обломский, Терпиловский 2010 – *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Новые памятники киевской культуры на территории Украины (каталог) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. М. 2010.

Памятники 2007 – Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). М. 2010.

Плохов 2007 – *Плохов А.В.* О связи нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики. СПб. 2007.

Плохов 2009 – *Плохов А.В.* Орнаментация лепной керамики Рюрикова городища // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в древности и средневековье. Доклады Международного Российско-литовского семинара (Санкт-Петербург, 4-8 декабря 2006 г.). СПб. 2009.

Плохов, Семёнов 2006 – *Плохов А.В., Семёнов С.А.* О семантике крестообразных знаков на днищах лепной керамики с Новгородского (Рюрикова) Городища и Старой Ладоги // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова. Псков. 2006.

Рафалович 1972. – *Рафалович И.* Славяне VI–IX веков в Молдавии. Кишинев. 1972.

Рыбаков 1981 – *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М. 1981.

Сениченкова 2002 – *Сениченкова Т.Б.* Орнаментация ладожской керамики VIII–X вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.

Смирнова 1987 – *Смирнова Л.И.* Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // Советская археология. № 2. 1987.

Сыркин А.Я. 1991. – *Сыркин А.Я.* Свастика // Мифологический словарь. М. 1991.

Тарунин 2009 – *Тарунин А.В.* Сакральный символ. История свастики. М. 2009.

Терпиловский 1984 – *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев. 1984.

Терпиловский 2004а – *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. // *Monumenta Studia Gothica III.* Lublin. 2004.

Терпиловский 2004б – *Терпиловский Р. В.* Поселение Сенча и его место среди памятников Днепровского Левобережья // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье.* Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова СПб. 2004.

Терпиловский, Абашина 1992 – *Терпиловский Р. В., Абашина Н. С.* Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев. 1992.

Торопов 1997 – *Торопов С. Е.* Поселение культуры длинных курганов на озере Крюково // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли.* Материалы научной конференции (11-13 ноября 1997 г.). Новгород. 1997.

Уилсон 2008 – *Уилсон Т.* Свастика. Древнейший известный символ, его перемещение из страны в страну, с наблюдениями о перемещениях некоторых ремёсел в доисторические времена // *История свастики с древнейших времён до наших дней.* Нижний Новгород. 2008.

Фоли 1997 – *Фоли Д.* Энциклопедия знаков и символов. М. 1997.

Хавлюк 1974 – *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // *Раннесредневековые восточнославянские древности.* Л. 1974.

Шинаков 1998 – *Шинаков Е. А.* Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X–XI вв. // *Историческая археология. Традиции и перспективы.* К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина. М. 1998.

Corpus 1979 – *Corpus.* Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert). 3. Lieferung – Bezirke Frankfurt, Potsdam und Berlin. Textband, Tafelteil. Berlin. 1979.

Kempke 1984 – *Kempke T.* Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien II. Die Keramik des 8.-12. Jahrhunderts. Neumünster. 1984.

Kersten 1951 – *Kersten K.* Vorgeschichte des Kreises Herzogtum Lauenburg. Neumünster. 1951.

Schunke 2005 – *Schunke T.* Wo lag Cossewiz? Zur Lokalisierung der slawischen Siedlung und der deutschen Burg im Stadtgebiet von Coswig // *Archäologie in Sachsen-Anhalt.* H. 3. 2005.

Teodor, Stanciu 2009 – *Teodor E. S., Stanciu I.* About Crosses on Wet Clay as a Cultural Marker // *Ephemeris Napocensis XIX.* București. 2009.

ПЕРСТНИ «САЛТОВСКОГО» ТИПА В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ (по материалам Тимерёвского могильника)

Среди находок колец, происходящих с территории Древней Руси, обращают на себя внимание тип серебряных перстней с полудрагоценной вставкой, чаще всего сердоликовой. Некоторые находки содержат надпись на арабском языке. Подобный тип перстней носит название «салтовские».

Распространение подобных украшений связано с торговыми операциями осуществляемыми по Волжскому пути. На Востоке ношение серебряного перстня со вставкой является сунной (Пророк имел подобный перстень). При смене нескольких хозяев подобного украшения изначальный смысл – символ принадлежности к некоторой общности – утрачивался. Перстни с полудрагоценной вставкой, в некоторых случаях содержащие надписи переходят в женскую субкультуру населения северо-запада Руси.

В настоящее время наибольшее количество подобных находок происходит из Ярославского Поволжья. Исследователи отмечают около 10 экземпляров, происходящих из Тимерёвского могильника (Зозуля 2012). Обращаясь к более подробному изучению погребений, в которых обнаружены «салтовские» перстни, выделяется сходство по таким критериям как: пол погребенного, датировка погребения, материал вставки. При этом этническая принадлежность не является определяющей: кольца описываемого типа найдены в скандинавских, по преимуществу, но также славянских и финских захоронениях. Датировка комплексов не выходит за рамки X в. Большая часть находок происходит из женских погребений, но встречаются они также и в парных погребениях. Материалом, из которого изготовлены вставки (в тех случаях, когда он определен), являлся сердолик (таблица 1).

Находки, происходящие из Тимерёвского могильника, содержат разнообразные арабские надписи. На вставке кольца из погребения № 120 содержится пожелание «Благодать от Аллаха». На сердоликовой вставке из парного погребения № 382 указано: «Ибрагим сын Али».

Обращает на себя внимание вставка от перстня обнаруженная на территории Тимерёвского поселения. Это уникальная вещь изготовлена из аметиста. На ней нанесено подражание арабской надписи «клянусь Аллахом»¹ (Дубов 1982).

Тимерёвский археологический комплекс представляет нам интересный материал для анализа торговых отношений в эпоху викингов, но находки восточных перстней для него не уникальны. Аналогичные украшения были обнаружены при раскопках в Старой Ладого. Три вставки, происходящие из культурного слоя Земляного городища, содержат надписи на арабском языке (рис. 1). На вставке, выполненной из горного хрусталя помещена надпись: «Нет помощи мне, кроме как в уповании на Аллаха»² (Кирпичников 2009). Еще два

---

¹ Определение И.Г. Добровольского.

² Определение В.В. Полосина

Рис. 1. Перстни «салтовского типа» из Старой Ладог.

фрагмента сердоликовых вставок, найденные в слоях E2 и D, описаны О.И. Давидан (Давидан 1998). Близкой по исполнению (возможно, являющейся подражанием более дорогим экземплярам) является бронзовый перстень с синей стеклянной (?) вставкой, происходящий из слоя E1 (Давидан 1986).

Важным для понимания распространения подобного типа украшений является тот факт, что более чем из 1000 погребений, раскопанных Х. Арбманом в Бирке, происходит только два подобных перстня (рис. 2), найденные в женских погребениях № 515 и 791. Перстень из погребения № 515 выполнен из позолоченного серебра, на вставке из цветного стекла содержится надпись «во имя Аллаха». Перстень, обнаруженный в погребении № 791 не использовался по назначению, а был переделан в подвеску путем добавления серебряной бусины из рубчатой проволоки и ушка, выполненного из того же материала. Кольцо было выполнено из серебра, вставка из сердолика, без

Рис. 2. Перстни «салтовского типа» из погребений Бирки.

Рис. 3. Перстни «салтовского типа» из слоя поселения «Черная земля» Бирки

надписей. Еще две находки подобного типа происходят из слоя поселения «Черная земля» (рис. 3). Оба они серебряные, но одно без вставки, а второе со вставкой, выполненной из стекла.

Уникальной красоты перстни «салтовского» типа имели широкое хождение от Волги до Кавказа и являются нередкой находкой на территории Древней Руси. Основная масса находок выполнена из серебра. Материалом вставки чаще всего является сердолик, но встречаются экземпляры выполненные из аметиста, горного хрусталя и стекла. Надписи, содержащиеся на вставках, носят религиозный характер. Материалы Тимерёвского могильника представляют эти перстни в составе женского набора украшений. Аналогичная ситуация, при достаточно небольшом количестве находок, прослеживается и на материале Бирки. В настоящее время нельзя однозначно утверждать, что украшения подобного типа попадали на территорию Руси и Скандинавии исключительно посредством торговых операций, возможно, они являлись военными трофеями, сувенирами (Пушкина 2007). Показательным в этом плане является парное погребение № 100 Тимерёвского могильника, инвентарь которого содержит: серебряное кольцо с сердоликовой вставкой, весы с куфической надписью, гири, оружие и др. Не исключено восточное происхождение этого комплекса.

Таблица 1

Могильник / № погребения	Пол	Перстень / вставка	надпись	материал	Овальные фибулы
Петровский / 75	?	Перстень без вставки	-	Стекло / сердолик (?)	-
Тимерёвский / 95	Ж	Вставка	-	Сердолик	+
Тимерёвский / 100	М+Ж	Перстень	-	Сердолик	-
Тимерёвский / 120	Ж	Перстень	«Благодать от Аллаха»	Сердолик	-
Тимерёвский / 265	Ж	Вставка	-	Сердолик	+
Тимерёвский / 284	М	?	-	?	?
Тимерёвский / 297	Ж	Перстень	-	Сердолик	51К
Тимерёвский / 348	Ж	Перстень	Надпись (?)	Сердолик	51В
Тимерёвский / 382	М+Ж	Вставки (2)	На одной: «Ибрагим сын Али»	Сердолик	+
Тимеревский / 459	Ж	Вставка	-	-	-

Литература

Давидан 1986 – Давидан О.И., Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII-IX вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 27. Л. 1986.

Давидан 1998 – Давидан О.И., Сердоликовые изделия из Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 33. СПб. 1998

Дубов 1982 – *Дубов И.В.*, Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л. 1982.

Зозуля 2012 – *Зозуля С.С.*, Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимерёвского некрополя // Российская археология. № 4. 2012.

Кирпичников 2009 – *Кирпичников А.Н.*, Историческое наследие Старой Ладogi // Археологические открытия, 1991-2004 гг. Европейская Россия. М. 2009.

Пушкина 2007 – *Пушкина Т.А.*, Сувениры Аустрвега // У истоков русской государственности. СПб. 2007.

МОГИЛЬНИК ЛАПИНЛАХТИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ «КОРЕЛЫ» РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

В решении проблемы происхождения летописной корелы первостепенным является вопрос происхождения и истории предшествующего населения основной территории древней Карелии (Карельский перешеек и Северо-Западное Приладожье). Другими словами, находится ли в основе известной по письменным источникам и выявляемой по археологическим памятникам XII–XIV вв. корелы и ее культуры более древнее автохтонное население, как считают российские ученые, или же в основе культуры железного века Карелии следует, согласно утвердившееся в финской археологической науке гипотезе, видеть пришельцев из Западной Финляндии.

В последние десятилетия, по мере развития археологических исследований в Финляндии и на Северо-Западе России, а также постоянных плодотворных научных встреч между учеными двух стран, обе позиции утратили былую несовместимость. Более очевидной стала роль культурных контактов и взаимовлияния культур в древности, что не обязательно предполагало перемещения больших групп людей. Вопрос, тем не менее, остается и ответ на него требует обращения к его истории. Поскольку проблема происхождения карел неоднократно обсуждалась в литературе, ограничимся ее узловыми моментами.

В исследовании развития культуры позднего железного века Карелии, интересным и важным является материал могильника Наскалинмяки в дер. Лапинлахти (Ольховка). Он исследован А. Европеусом в 1921 г. (Europeus 1923: 66–75). Данное погребение, датируемое временем около 800 г., представляло собой трупосожжение под каменно–земляной насыпью, сложенной вокруг большого материкового камня. Прослежен также венец из более крупных камней. В основании насыпи у большого камня зафиксированы плоские гранитные плиты, рядом с которыми находилась большая часть вещей и кальцинированные кости. На поверхности одной плиты расчищено кострище, от которого осталось значительное количество углей, головешек и черной земли вокруг камня. Европеус отметил в отчете, что речь может идти о «площадке для сожжения» или остатках поминального костра (Uino 1997: 51; 2003: 309). Вещи и кальцинированные кости были встречены среди камней и на границе с песком в перемешанной с углями и золой земле в нешироком поясе вокруг центрального камня (рис. 1). Находки (рис. 2) представлены предметами вооружения, орудиями труда и украшениями (Nordman 1924: 96–100, 182–184; Saksa 1998: 192–193; Uino 1997: 50–52, 111–113; 2003: 309–312). Кроме этого, в куче было довольно много угля, обгорелая береста, зубы лошади, два гвоздя, кальцинированные кости (750 гр.).

В финской археологической литературе этот комплекс чаще всего приводится в связи с проблемой заселения Карельского перешейка в железном веке. Погребение рассматривается как одно из ключевых доказательств заселения

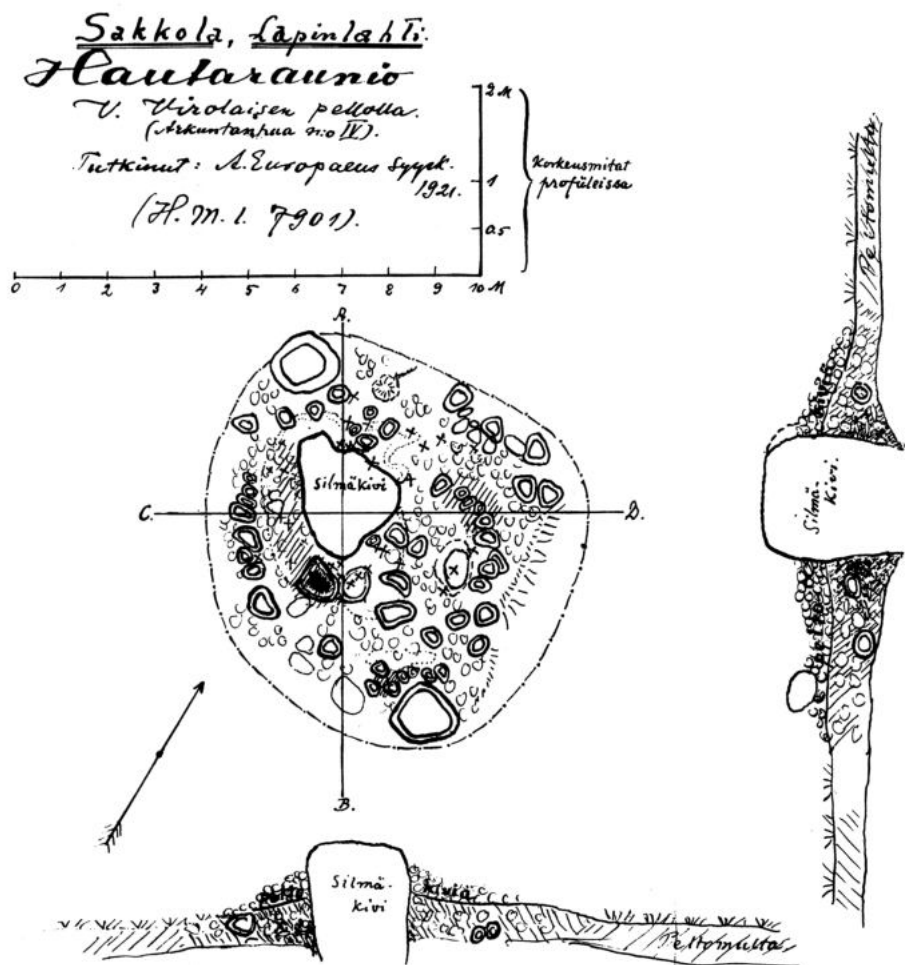

Рис.1. Погребение в Лапинлахти. План, разрезы

перешейка новым населением из западных областей Финляндии (Nordman 1924: 99; Kivikoski 1944: 2–3; 1961: 161, 257, 259–260; Huurre 1979: 140; Uino 1997: 111–112). При этом указывается на его отчетливый западно-финский облик¹. Такая однозначная трактовка погребения финскими археологами вызывает все же сомнения в первую очередь из-за противоречия между архаичной формой

¹ Несмотря на значение памятника, его детальный анализ в финской литературе вплоть до последнего времени не проводился (см.: Uino 1997: 50–52, 111–113; 2003: 309–312). В отечественной археологической науке к нему обращались С.И. Кочуркина (Кочуркина 1978: 136–137; 1981: 15, 118, 1982: 17–18; 2004: 117–118) и автор (Сакса 1984: 112–117; 1989: 94–97; 2000: 124; 2001: 264–265; 2006: 288–291; Saksa 1985: 37–49; 1998: 192–193).

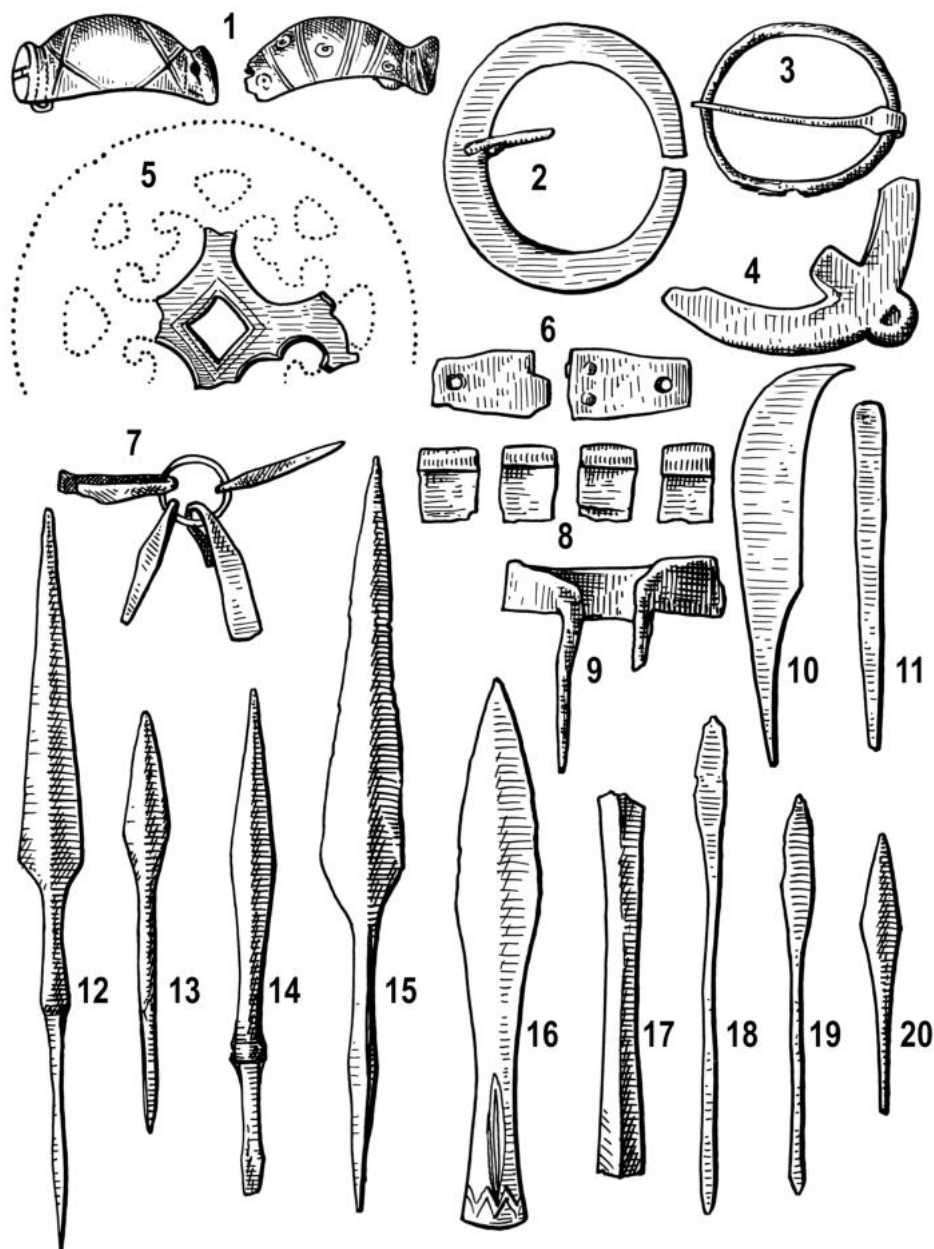

Рис.2. Погребение в Лапинлахти. Инвентарь

погребального сооружения и набором погребального инвентаря. Он состоял из предметов, бытовавших в западных областях Финляндии во время господства иного типа могильников — с трупосожжениями на поверхностной каменной вымостке (полттокенттякалмисто). Они пришли на смену трупосожжениям в каменной насыпи в начале VII в. (Hackman 1905: 20–110; Kivikoski 1939: 27–40; Huurre 1979: 128–136; Lehtosalo–Hilander 1984: 279–282). Поскольку памятник является краугольным камнем в системе доказательств заселения Карелии в железном веке выходцами из Западной Финляндии, он приводился в работах многих финских археологов. Последнюю по времени попытку детально рассмотреть материал могильника Наскалинмяки предприняла П. Уйно (Uino 1997: 111–113; 2003: 309–312).

А. Европеус уже в отчетной статье о раскопках отмечал отчетливый западно-финский облик памятника, что отражается как в его конструкции, так и в инвентаре и погребальном обряде. Он считал очевидным переселение в Приладожскую Карелию во второй половине железного века, самое позднее в VIII в., из западных областей Финляндии. Наличие в инвентаре могилы определенных местных черт, возможно, сдвигает это колонизационное движение в еще более раннее время (Europaeus 1923: 70–72). С.А. Нордман, Э. Кивикоски и М. Хуурре поддержали и развили гипотезу А. Европеуса (Nordman 1924: 96–100, 182, 184; Kivikoski 1961: 257, 259–260; Huurre 1984: 307). В то же время, вопросы об исходной территории, масштабах колонизационного потока, и путях его прохождения остались открытыми. С. И. Кочкуркина, в целом, согласилась с утверждением финских археологов о западно-финском происхождении погребения из Лапинлахти, отметив в то же время, что материалов одного памятника недостаточно для подтверждения гипотезы о колонизации из Западной Финляндии (Кочкуркина 1978: 136–137; 1981: 118; 1982: 17–18).

Поскольку детальный анализ вещевого материала погребения из Лапинлахти не производился, мы попытались восполнить этот пробел. В Западной Финляндии в VIII в. не находится области, погребальные памятники которой как по конструкции, так и инвентарю соответствовали бы рассматриваемому погребению. Инвентарь захоронения в Лапинлахти представляет собой своего рода сборную «коллекцию» предметов достаточно широкого географического и временного диапазона и не является, строго говоря, единым и сложившимся погребальным комплексом. Конструкция самого погребального сооружения (низкая каменная насыпь) широко известна в лесной зоне Восточной Финляндии и Карелии уже в предшествующее время. Такая традиция сохранялась на этой территории на протяжении всего железного века вплоть до эпохи викингов. По этому, имеются серьезные основания сомневаться в принадлежности комплекса западно-финским переселенцам (Сакса 1989: 94–95; 2000: 124; 2001: 264–265; 2006: 288–291; Saksa 1985: 38; 1998: 192–193).

В последнее время древнее прошлое Карелии стало предметом трех защищенных диссертаций (Uino 1997; Saksa 1998; Сакса 2007). П. Уйно первой из финских археологов детально рассмотрела погребальный обряд, инвентарь и датировку погребального комплекса из Лапинлахти (Uino 1997: 51–52, 111–113; 2003: 309–312). Уйно считает, что по составу и количеству вещей в насыпи можно говорить о захоронении 4–8 мужчин и 1–2 женщин. По ее мнению, вещи

из погребения относятся ко времени, ограниченному 700-ми – 900/1000-ми гг., а не к концу эпохи Меровингов как считалось ранее (напр.; Kivikioski 1961: 257; ср.: Uino 1997: 52, Fig. 3, 13). По углю из насыпи была получена радиоуглеродная датировка — 890 ± 70 BP (Hel-3623), cal AD 1040–1240. Результат оказался моложе археологической датировки вещей, однако, если учесть возраст самого дерева, разницу можно сократить. Уйно не исключает того, что в XI–XII вв. на место захоронения попали новые камни и уголь, как это случалось при полевых работах в более позднее время. В этом случае имеются основания предполагать, что первоначальное захоронение было совершено не в насыпи, а на вымостке, характерной для соседних более поздних могильников эпохи викингов на этом же участке земли. По ее мнению, следует также учитывать, что граница между низкой каменной насыпью и небольшой по площади каменной вымосткой может быть достаточно условна (Uino 1997: 52).

Исследовательница также подвергает сомнению ряд высказанных нами ранее положений. В первую очередь, это утверждение о связи погребения в Лапинлахти с предшествующей традицией совершения каменных погребальных насыпей типа лапинраунно на этой территории, и её сохранении на переходном этапе к эпохе викингов. Вторым критикуемым положением является предложенная нами гипотеза, согласно которой рассматриваемая эпоха Меровингов в Карелии была временем начала развития производящего хозяйства и международной пушной торговли, роста населения и становления поселенческих центров, и что на этой основе зарождается самобытная карельская культура, испытывавшая на начальном этапе сильное внешнее влияние в форме заимствований. Наши сомнения в привнесении всех элементов культуры железного века западно-финскими переселенцами (Сакса 1984: 5–6; Saksa 1992: 96–105) представляются П. Уйно недостаточно обоснованными (Uino 1997: 112).

При знакомстве с критикой П. Уйно возникает впечатление, что она не до конца поняла нашу аргументацию. Так, исследовательница утверждает, что наши выводы слишком категоричны, обоснования неполны и отчасти противоречивы на том основании, что не представлено сопоставление материала могильников Западной Финляндии с материалом погребения в Лапинлахти. Но ведь именно на таком сравнении и строится наша аргументация. Уйно утверждает, что предположение о более раннем передвижении населения из западных областей Финляндии не ново: оно уже было высказано Хакманом и Европеусом (Uino 1997: 112). Соглашаясь с этим, мы принимаем положение о западных переселенцах для более раннего времени, которое в случае с рассматриваемым погребением оспариваем. Но, во-первых, мы нигде не говорим о колонизационном потоке, а лишь о промысловых и торговых поездках и контактах с местным населением, то есть, о факте пребывания в древней Карелии пришельцев из Западной Финляндии и наличии там в это время местного населения. Именно на констатации данного факта базируется наше утверждение о двух «параллельных» культурах — пришлой и местной, существовавших одновременно на этапе до зарождения собственно карельской материальной культуры (Сакса 1984: 5–6; 1989: 94–97; 2000: 123–124; 2001: 96–97; Saksa 1998: 191–193). Во-вторых, сама же Уйно констатирует, что «как

Сакса заметил, подобных комбинаций вещей в других местах не найдено», тем самым, признавая факт сопоставления нами материалов различных регионов (Uino 1997: 112).

П. Уйно в своем анализе памятника обоснованно ставит вопрос о времени совершения погребений в насыпи из Лапинлахти и о том, насколько уверенно мы можем реконструировать её первоначальную форму. Если речь идет о захоронениях различного времени, то вполне возможно, что первоначальное погребальное сооружение представляло собой открытую каменную вымостку. В этом случае основной аргумент о слишком позднем для Западной Финляндии (ок. 800 г.) погребальном сооружении в форме каменной насыпи теряет смысл (Uino 1997: 112–113). Сам автор раскопок, впрочем, вполне категорично утверждал, что речь идет о каменной насыпи, аналогичной западно-финским (Euroraeus 1923: 66–75). К сожалению, вопрос этот остается открытым из-за недостаточного количества полевой документации и наблюдений. Следует также согласиться с выводом П. Уйно о недостаточности одного погребения для определения всей картины развития населения эпохи железного века.

Наиболее значимыми, по мнению П. Уйно, поселенческими центрами эпохи Меровингов на Карельском перешейке были районы Саккола (Громово), Ряйсяля (Мельниково) и Кексгольма (Приозерск). Начиная с этого времени, в археологическом материале наблюдается влияние отчетливого западного компонента, и речь при этом может идти, хотя бы отчасти, о новом пришлом населении. Оно не обязательно должно было быть значительным: речь не идет о массовой миграции. В подтверждение гипотезы о приходе нового населения в Карелию в эпоху Меровингов Уйно приводит находки на Карельском перешейке жертвенных (культовых) камней с выемками. Несмотря на то, что они надежно датированы обозначенным периодом, их следует, по мнению Уйно, рассматривать как часть привнесенной новым населением традиции, поскольку они выявлены именно вблизи пунктов с находками эпохи Меровингов, то есть, другими словами, в местах средоточия нового западно-финского населения (Uino 1997: 113; 2003: 310–312).

Как мы видим, необходимость детального и как можно более внимательного и аргументированного рассмотрения погребального комплекса из Лапинлахти сохраняется и в настоящее время. Прежде всего, обратимся к предметам вооружения. Пять из шести наконечников копий отнесены Х. Сальмо к типу рис. 1651 по Аспелину (Salmo 1938: 241). Из них два наконечника заметно отличаются от остальных своими менее выразительными формами и худшим качеством исполнения. Они, видимо, являются местными изделиями, сделанными в подражание импортным образцам. Подобные наконечники были распространены во всех меровингских центрах на территории современных финских провинций Собственно Финляндии, Сатакунта и Хяме. Семь таких же экземпляров найдены в Похьянмаа и один на севере у Кемиярви. За пределами Финляндии они хорошо известны в памятниках Прибалтики конца эпохи Меровингов. В Скандинавии найден только один экземпляр на о-ве Готланд (Salmo 1938: 243–244, 347). На Карельском перешейке известны еще два наконечника такого типа — один здесь же, в Лапинлахти (Наскалинмяки), второй — в Ряйсяля Ховинсаари (п-ов Героев на оз. Вуокса). Наибольшего

распространения подобные наконечники достигают в конце эпохи Меровингов — в VIII в. (Salmo 1938: 245). Примечательно, что в комплексе из Лапинлахти было найдено небывалое для густонаселенных областей Западной Финляндии количество однотипных копий (5 экз. типа рис. 1651, по Аспелину). В юго-западных областях Финляндии, где локализуется значительная часть подобных наконечников, на самых больших могильниках (а не в одном погребении) найдено лишь в целом по 4–8 экземпляров (Salmo 1938: 241–247).

Еще один, шестой черешковый наконечник копья, имевший утолщение в верхней части черенка и вытянутое перо, образует отдельный тип (Salmo 1938: 251). Подобные наконечники часто встречаются в Западной Финляндии, единичные экземпляры есть в восточно-финской области Хяме. В Приладожской Карелии этот наконечник единственный. В Прибалтике наконечники такого типа встречаются редко. За пределами Финляндии лишь один экземпляр найден в Швеции, в Упланде (Salmo 1938: 252). На территории Руси наконечники копий с пером вытянуто-треугольной формы и черенком вместо втулки (тип VI, по классификации А. Н. Кирпичникова) происходят из более поздних комплексов (X–XI в.) и встречаются почти исключительно в районах, где размещались чудские племена (Кирпичников 1966: 17). В Юго-Восточном Приладожье подобные наконечники найдены в курганах IX в. (Кочкуркина 1989: 150, 270–271).

Седьмой, втульчатый, наконечник копья типа А, по Я. Петерсену (Petersen 1919), является в Финляндии редким для эпохи Меровингов типом. За исключением наконечника из Лапинлахти, найдено лишь три экземпляра в прибрежной зоне Юго-Западной Финляндии. Датируются они временем перехода от меровингского времени к эпохе викингов (Salmo 1938: 243). Дамаскировка пера наконечника указывает на то, что наконечник из Лапинлахти имеет иноземное, скорее всего, рейнское происхождение. Втулка копья украшена врезным «готическим» орнаментом, характерным для наконечников копий с пером ланцетовидной формы более позднего времени (Кирпичников 1966: 9). Второй втульчатый наконечник копья, сохранившийся фрагментарно, можно отнести, опираясь на уцелевшую часть, к типу Е (Petersen 1919: 26). Подобные копья с пером ланцетовидной формы бытовали в Европе во второй половине VIII и в IX в. (Petersen 1919: 28; Кирпичников 1966: 9, 12).

Что касается орудий труда, то погребения с ними редки для памятников эпохи Меровингов в Финляндии. Лишь в одном погребении в Кёйлиё Кюлёхольм (область Сатакунта) были встречены аналогичные столярные инструменты. Один скось был найден в Сяксмяки Рупакаллио (Kivikoski 1973: 86, Abb. 623).

Перейдем далее к анализу предметов украшений. Плоские подковообразные фибулы из бронзы известны в могильниках Западной Финляндии конца эпохи переселения народов (Nordman 1924: 97; Kivikoski 1973: 66, Abb. 434). Вне Финляндии известны лишь три экземпляра: две фибулы найдены в Эстонии в комплексе с предметами конца эпохи переселения народов (Nordman 1924: 1–14) и одна происходит из бывшей Владимирской губернии (Спицын 1905: 126, рис. 408), найдена не в кургане. В самой Финляндии известно 14 подобных фибул (Salmo 1956: 15, 16; Kivikoski 1973: 66, Abb. 434) из памятников эпохи, переходной от эпохи переселения народов к эпохе викингов (Kivikoski 1939:

93–95). Однако, если у типичных фибул дуга заметно расширяется к середине и немного выпуклая, то у фибулы из Лапинлахти дуга совершенно плоская и равноширокая. Для типичных фибул обычен орнамент из ряда треугольников вдоль дуги, а на фибуле из Лапинлахти он состоит из симметрично расположенных по дуге групп маленьких кружочков. Несомненно, фибула эта является местным изделием, лишь приблизительно повторяющим популярные в Западной Финляндии формы.

Круглая ажурная фибула из бронзы, фрагмент которой был найден в могильнике Лапинлахти — редкий тип в Финляндии. Там обнаружено лишь четыре экземпляра подобных фибул (две из Калумяки в Каланти, одна из Летала, одна из окрестностей г. Хяменлинна (Nordman 1924: 99, fig. 73; Kivikoski 1973: 65, Abb. 426). За пределами Финляндии точные аналогии не известны, но К.А. Нордман считал, что прототип данной формы фибул следует искать в районах, примыкающих к Балтийскому морю (Nordman 1924: 99).

Маленькие равноплечные фибулы, из которых две найдены в Леппясенмяки, в VII–VIII вв. появляются в памятниках Финляндии и широко там распространяются. Происходят они из Швеции, где датируются второй половиной VI в., но к VIII в. они уже настолько вошли в употребление в Финляндии, что становятся неотъемлемой частью западно-финского женского «национального» костюма (Kivikoski 1961: 168; 1973: 61). Количество найденных в Финляндии фибул достигает 240 экз. Кроме Швеции и Финляндии они известны на Аландских островах, несколько экземпляров найдено в Дании и Германии (Kivikoski 1973: 61, 172, Abb. 401, 402, Taff. 41, 1). Наиболее восточные находки маленьких равноплечных фибул происходят из крепости Корелы (Кирпичников 1979: 66–68, рис. 5; Saksa 1998: 118–120, kuv. 41, 12, 13; Кирпичников, Сакса 2002: 138, рис. 2, 2, 18, 20) и Изборска. Как и в случае с плоской подковообразной фибулой, эти две фибулы отличаются от типичных маленьких равноплечных фибул своей орнаментацией, традиционно выполненной из двух параллельно прочерченных линий и кружочков, но составляющих оригинальную композицию. В то же время обе фибулы непарные; они различаются между собой по пропорциям и орнаментации.

Подковообразные фибулы с круглой в сечении дугой и спирально свернутыми головками встречаются настолько широко, что было бы излишним приводить все аналогии. Изготовленные из бронзы или железа подобные фибулы в Финляндии известны во всех населенных центрах эпохи Меровингов (Salmo 1938: 17, 18).

Найденный в Лапинлахти фрагмент круглого бронзового изделия с выступом по внешнему краю дуги, возможно, является частью накладки от конской сбруи. Подобные изделия в небольших количествах найдены в Финляндии, в северной Эстонии и на о-ве Сааремаа (Nordman 1924: 99; Kivikoski 1973: 87, 136, Abb. 646, 30).

Навершие плети с обоймочками относится к типу С, по классификации А. Хакмана (Hackman 1938: 124, 126), который соотносится со скандинавскими образцами начала IX в. Ближайшие аналогии известны в памятниках Аландских островов, где найдены два навершия типа С (Hackman 1938: Taff. 34: 1, 2; Kivikoski 1973: 87, Abb. 639). Похожие кнутаовища найдены также в памятниках

Прибалтики и в русских дружинных курганах (Hackman 1938: 125, 126; Кирпичников 1973: 71–75 (тип I).

В целом, вещи из погребального комплекса в Лапинлахти укладываются во время от конца эпохи Меровингов до первой половины эпохи викингов (конец VIII–IX вв.). Имеется, следовательно, вероятность их сосуществования в переходный к эпохе викингов период, учитывая отмеченные выше не характерные для серийного массового производства особенности в форме и орнаментации маленьких ракообразных и подковообразных фибул.

Таким образом, мы можем отметить, что, несмотря на общий западно-финский облик погребального инвентаря, ряд вещей имеет свои особенности. Более того, целый ряд категорий предметов был широко распространен в эпоху Меровингов за пределами Финляндии. Они хорошо известны и на противоположном берегу моря в Восточной Прибалтике.

Чтобы более определенно решить вопрос о соотношении могильника в Лапинлахти с памятниками Западной Финляндии, необходимо сравнить их между собой на уровне комплексов. Для этого следует выявить те памятники Западной Финляндии, где найдены вещи, подобные находкам с Карельского перешейка. К ним относятся могильники Каарина Ристимяки, Маариа Сарамяки, Лието Питкясмяки, Перниё Паарскюля, Перниё Тииккинниemi, Каланти Калмуньяки, Мессукюля, Куккоенкиевенмяки, Лайтила, Каркку Палвиала Тулонен, Летала, Тенхола Лиллмалмсбакен, Карья Эттерпилен, Вёрю Логпелтокангас. Часть этих памятников (Каарина Ристимяки, Сарамяки, Лието Питкясмяки) расположена в бассейне реки Аураёки. Здесь в эпоху Меровингов господствовал обряд, при котором остатки сожжения рассыпались на довольно большой каменной вымостке (Kivikoski 1973: 27–40). Погребения же под каменной кучей (как в Лапинлахти) были распространены в Западной Финляндии в предшествующее время, но к началу эпохи Меровингов (около 600 г., то есть за 150–200 лет до того, как была возведена каменная куча у Лапинлахти) там уже преобладали могильники с трупосожжениями на каменной вымостке (Hackman 1905: 20–110; Huurre 1979: 128–136; Lehtosalo–Nilander 1984: 279–282). Различаются и вещевые комплексы сопоставляемых регионов Финляндии и Карелии.

В Западной Финляндии в интересующую нас эпоху лишь в южной части современной провинции Похьянмаа сохранялся обряд погребения под каменной кучей (Hackman 1938: 178; Huurre 1979: 132, 166; Ahtela 1981: 80–91), но в них отсутствуют вещи, аналогичные находкам из погребения в Лапинлахти. Этот район, характеризующийся сильным шведским влиянием, образует самостоятельную в культурном отношении область, густо заселенную еще в более раннее время (Huurre 1979: 166–169). Известны редкие каменные кучи и в Центральной Финляндии, но там они маловыразительны и в большинстве случаев не содержат вещей. Следует в этой связи особо отметить, что на рассматриваемой территории в районе г. Сортавалы в пос. Хелюля на горе Хернемьяки Э. Кивикоски 1939 г. были раскопаны три отчетливые каменные насыпи с материалом эпохи викингов (Кочкуркина 1981: 20; Uino 1997: 329–331; Saksa 1998: 151–152, kuv. 64).

Отмеченное нами противоречие между погребальным обрядом и инвентарем могилы из Лапинлахти устраняется, если предположить погребение в ней местного жителя в традиционной для этого таежного района каменной насыпи. Каменные насыпи, как погребальные сооружения, использовались населением Восточной Финляндии, Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья и в эпоху викингов (Миккели Мойсио и Хелюля Хернемяки). Обилие вещей в погребении из Лапинлахти следует понимать как типичное явление для меновой торговли с «варварскими» народами. В данном случае, правда, уже отмечаются зачатки местного ремесленного производства и следы постоянного населения. Что же касается высказанного П. Уйно предположения о возможном первоначальном захоронении на поверхностной каменной выкладке с последующим (случайным?) сооружением верхней части каменной насыпи в XI–XII вв., то и в этом случае следует учитывать, что вещи и угли находились у основания большого камня, что хорошо видно (рис. 1) на полевых рисунках Европеуса (Uino 1997: 50, Fig. 3, 11). Крупные центральные валуны, так называемые «глазные камни», были характерны именно для погребальных насыпей эпохи Меровингов. По всей видимости, именно из-за крупного камня могила и сохранилась. Произведенные Уйно по вещам подсчеты количества погребенных (4–8 мужчин и 1–2 женщины) интересны, но не проверяемы. В самих предметах также не наблюдается заметных внешних различий. При отнесении части изделий к более позднему времени следует учитывать, что материал эпохи викингов это уже другая эпоха в предметах вооружения и украшениях (см. напр.: Kivikoski 1973). Радиоуглеродная датировка 1040–1240 -ми годами, как обоснованно полагает П. Уйно, может быть связана не с самим захоронением, а с позднейшей деятельностью (в том числе и погребальной) на этом участке. Достоверность датировки снижается тем обстоятельством, что из текста не ясно, какая часть угля и из какого места взята для хронологического определения (Uino 1997: 52). В целом, погребение из Лапинлахти остается уникальным, выпадающим из общего контекста захоронений конца эпохи Меровингов — начала эпохи викингов памятником. Наши предположения по его происхождению можно рассматривать как одну из возможных интерпретаций.

В итоге есть все основания утверждать, что у нас нет достаточно достоверных данных в пользу западно-финского происхождения погребения, так как в Западной Финляндии не находится такой области, памятники которой по всем параметрам (по конструкции и инвентарю) можно было бы сопоставить с комплексом из Лапинлахти. Найденные там предметы вписываются в круг древностей, характерных для обширных областей Финляндии и Прибалтики. Это говорит о наличии самых широких связей с указанными областями. Если бы население Карельского перешейка происходило из Западной Финляндии, имелись бы более широкие и очевидные соответствия в форме погребальных сооружений и в комплексе погребального инвентаря.

Мы полагаем, что погребение в Лапинлахти было совершено местным «пракарельским» населением. Это население в культурном отношении тяготело к развитым центрам Западной Финляндии и Прибалтики, откуда (из Западной Финляндии), видимо, и была заимствована форма погребального сооружения. Погребальный инвентарь, представленный как оригинальными местными

вариантами, так и имеющими всеобщий для Балтийского региона характер изделями также несет на себе отпечаток влияния соседних более развитых культур. Это явление естественно и объяснимо. Известно, что у населения развитых меровингских центров Западной Финляндии сложились достаточно прочные связи с расположенными восточнее, вплоть до Урала областями, которые хорошо отражены в археологическом материале (Hackman 1938: 188; Huurre 1979: 191; Lehtosalo–Nilander 1984: 289, 294–295). Подобные связи существовали и с прибалтийскими землями. Неудивительно, что в предшествующее эпохе викингов время и при таких отдаленных контактах мы находим на Карельском перешейке (который по своему географическому положению является узловым) характерные для этих центров и областей типы вещей. Эти находки свидетельствуют, что оживленные торговые контакты IX–XI вв. возникли не вдруг, не на пустом месте, а были подготовлены практикой предшествующего международного торгового обмена.

Нам представляется, что данное погребение является результатом культурного взаимодействия двух соседних регионов с различной степенью развития (Сакса 1989: 94–97;; Saksa 1992: 96–105; 1998: 191). Несомненно, что со стороны Западной Финляндии происходило переселение части населения. Оно совершалось в форме поездок сезонных охотников, как на ранних этапах в первой половине – середине I тысячелетия н. э., или под давлением необходимости поиска новых земель и ресурсов. Это отражено в динамике роста археологических памятников в эту эпоху в Юго–Западной Финляндии и области Хяме, которая своим вектором развития направлена на восток (Хуурре 1979: 138–142; Сакса 1989: 172–173; 2000: 368–369; 2001: 95–112; 2006: 290–291; Saksa 1992: 96–105; 1998: 192–193). Однако это движение населения на восток не могло быть крупномасштабным, поскольку возможности внутреннего развития в Западной Финляндии в форме освоения и введения в хозяйственный оборот земель не были исчерпаны. Это проявилось в увеличении количества погребенных на тех же самых могильниках в Западной Финляндии и во второй половине эпохи Меровингов и даже в более позднее время. Существенное увеличение количества памятников восточнее Хяме наблюдается лишь в эпоху викингов.

По нашему мнению, инвентарь и конструкция погребального комплекса в Лапинлахти, имеющие аналогии в Западной Финляндии, не дают достаточных оснований утверждать, что в основе культуры железного века Карелии лежит культура западно-финских переселенцев, волна которых достигла западного побережья Ладоги через центральные области Финляндии (Хяме) к концу эпохи Меровингов — началу эпохи викингов. На том основании, что ближайшие аналогии вещам западно-финского происхождения из могилы в Лапинлахти обнаружены в погребальных памятниках Юго-Западной Финляндии, можно предположить, что наиболее вероятный путь их поступления на Карельский перешеек проходил морем через Финский залив (Saksa 1992: 96–105; Сакса 1998: 20–25; 2000: 124; 2006: 290).

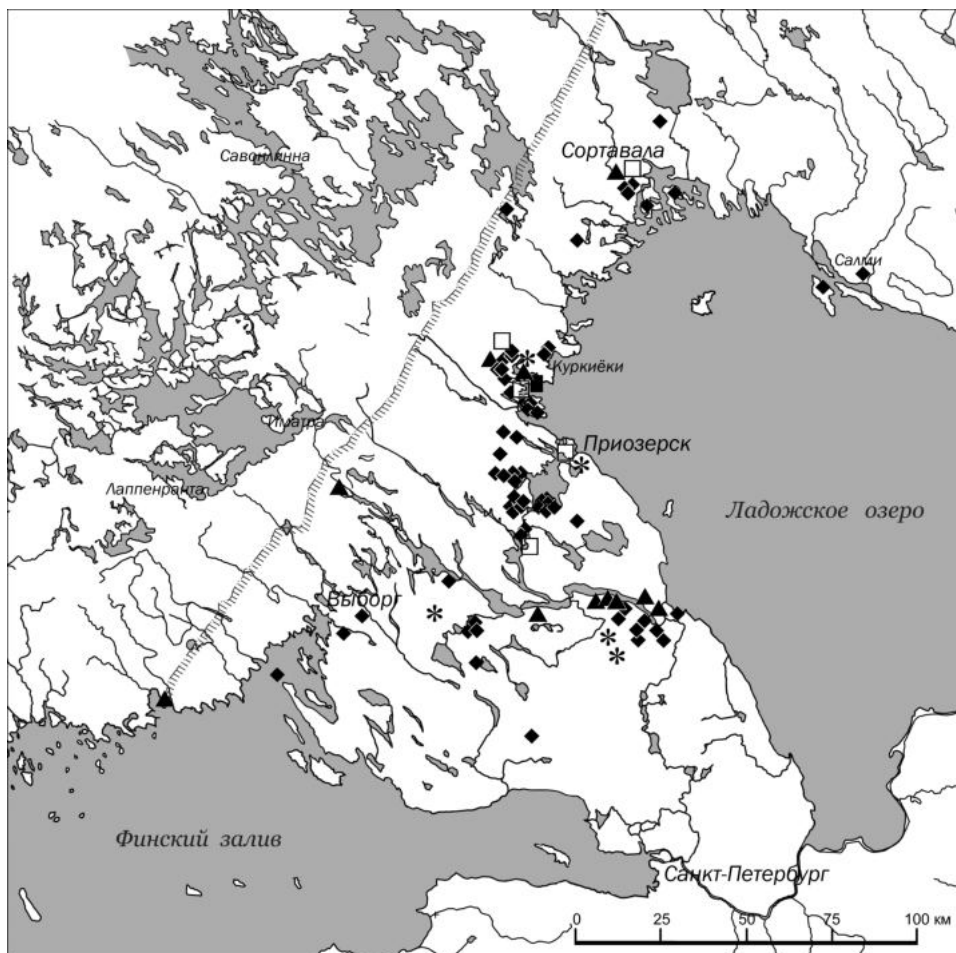
По всей видимости, в процессе торгово-экономической деятельности пришлого населения в Приладожской Карелии в неё вовлекается местное население, результатом чего является не только появление «гибридной»

погребальной обрядности, но, что важнее всего, зарождение поселенческих центров, ставших в эпоху позднего железного века основой развития и расцвета средневековой карельской культуры. В эпоху Меровингов эта тенденция в развитии населения обозначила совершенно новую ситуацию, при которой определяющим фактором становится внутреннее общественно-экономическое развитие в рамках территорий, на которых складывается постоянное население.

Особый интерес в этом плане вызывает находка целого ряда вещей эпохи Меровингов из крепости Корела в г. Приозерске, достаточно надежно указывающих на наличие на территории самой крепости или рядом с ней поселения уже в эту эпоху (Кирпичников 1979: рис. 45; Сакса 1997: 179–185; 1999: 192–205; Saksa 1998: 107–125; Кирпичников, Сакса 2002: 137–139; Сакса 2014: 117–130). Следы постоянного населения в предшествующее эпохе викингов время фиксируется также в Ряйсяля (пос. Мельниково), Юля–Кууса (пос. Пчелино), Ховинсаари (п-ов Большой у д. Кротово), Суотниemi (д. Яркое). В последнем пункте нами в 1991 г. было выявлено поселение с керамикой, нагар на поверхности которой датирован временем около 600 г. н. э. (Uino 1997: 109–111, Fig. 4, 4; 2003: 297; Saksa 1998: 126). Эта находка служит ещё одним подтверждением нашей концепции формирования центров постоянного населения в древней Карелии в эпоху Меровингов и складывания именно в это время основы будущего развития в экономике (начало земледельческой деятельности, торговля) и области материальной культуры (налаживаются постоянные связи с близкими в культурном отношении соседями в Финляндии и Прибалтике).

Прогрессивное экономическое развитие приводит к увеличению оседлого населения, к расширению сфер деятельности, в первую очередь, к земледельческому освоению территории. Значение реки Вуоксы, как важнейшего стимулирующего развития фактора, было исключительно важно: все известные находки могильников, поселений или следов таковых на Карельском перешейке приурочены к этой водной артерии (рис. 3). Роль Вуоксы как водного пути еще более усиливается — она становится внутренней водной артерией, связующей между собой новые «территории развития». Значение этой водной системы в выборе места поселения все в большей степени определяется хорошим качеством земли по ее берегам, наличием сухих, удобных для проживания пологих всхолмлений с суглинистыми и песчаными почвами.

С наступлением эпохи викингов (IX–XI вв.) с присущей ей активной торговой деятельностью в регионе Балтики внутреннее развитие возникших на Карельском перешейке в эпоху Меровингов поселенческих центров «притормаживается», во всяком случае, в археологическом материале четко не проявляется. Могильники и места находок отдельных вещей первой половины эпохи викингов (IX — первая половина X в.) не связаны, как правило, с зародившимися в предшествующую эпоху поселенческими центрами: они происходят из мест, где на это время не фиксируются следы постоянного населения (рис. 3). В большинстве своем это одиночные воинские погребения и отдельные случайные находки предметов вооружения и украшений. Увеличение количества погребений позволяет выявить закономерности внутреннего развития могильников на протяжении продолжительного времени, более обоснованно

▲	могильник	◆	отдельная находка
□	городище	*	клад
■	городище с материалом эпохи викингов		

Рис. 3. Места находок эпохи викингов

сопоставить их с памятниками соседних территорий и выявить присущие могильникам Карельского перешейка особенности. Наличие целой серии отдельных находок дополняет картину культурно-исторического развития рассматриваемого региона.

Наиболее ранние находки эпохи викингов, обнаруженные в Северо-Западном Приладожье, относятся к концу IX–первой половине X века.

Погребальный обряд — трупосожжение на каменной вымостке — отвечает западно-финской погребальной традиции эпохи викингов. Тем не менее,

захоронения Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья отличаются от памятников аналогичного типа в Финляндии «интернациональным» набором предметов вооружения и украшений. Карелия, таким образом, в IX–X вв. становится частью «Ладожского мира» эпохи викингов. Западно-финские «переселенцы», оставившие эти захоронения, могут рассматриваться, таким образом, не как представители колонизационного потока на восток из Западной Финляндии через центральные районы страны, а как подобные отрядам скандинавских викингов вооруженные группы воинов–торговцев, взявшие под контроль водные пути и пушные ресурсы Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья (вспомним колбягов средневековых источников). В свете проведенного нами исследования аналогий найденным в Приладожской Карелии вещам становится очевидным, что отправной точкой этих отрядов являлся район Турку–Лайтила–Каланти в Юго-Западной Финляндии и поэтому естественно предположить морской путь (Сакса 1998: 20–25; 2001: 97; 2006: 291–294). В условиях, когда осевшие в Ладоге славяне и скандинавы были более заинтересованы в контроле и использовании ведущих на восток путей, западные финны взяли под свой контроль местные карельские и финские рынки, «привязав» их к ладожской международной торговле. Формируется местный рынок, обслуживающий транснациональную торговлю по Волжскому (Восточному) пути. Карелия уже более не являлась глухой таежной областью с редким населением. При оценке ситуации в Карелии в эпоху викингов следует также учитывать возможность контроля и над ведущими из карельского Приладожья на север водными путями, по которым можно было пройти вплоть до Ботнического залива и Белого моря (см. также: Макаров 1997). Сам факт наличия погребений воинов и полный набор военного снаряжения в них говорит о вооруженных столкновениях и, косвенно, о достаточно жесткой конкуренции за контроль над этой территорией. Роль и деятельность западных финнов в первой половине эпохи викингов в Карелии сопоставима с ролью и деятельностью скандинавов в Восточной Европе. Карта распространения обнаруженных погребений и отдельных находок этого времени хорошо ложится на трассу русла Вуоксы (рис. 3), что указывает на военно-торговое использование этой водной системы уже в начале эпохи викингов (Saksa 1992: 468–479; 1998: 196, 201; Сакса 1989: 95–96; 2000: 125; 2006: 291–293; Kirpichnikov, Saksa, Tomanterä 2014: 235–272).

С XI в. начинается новый этап в развитии карельского общества. Могильники этого времени содержат значительно большее количество разновременных захоронений. Следовательно, они принадлежат уже местным общинам, хотя и остаются по обряду и инвентарю западно-финскими по форме. Карелия входит составной частью в область распространения западно-финской культуры. В сущности, со второй половины эпохи викингов эту культуру правильнее называть общефинской, поскольку она охватила территорию расселения всех трех средневековых финских племен: суми, еми и карел. Однако одна важная особенность проявляется уже на этом этапе, предшествующем сложению собственной карельской культуры. Это избирательность, предпочтение лишь части украшений, а именно — наиболее популярных в Западной Финляндии и в целом на Балтике. В западно-финскую по облику культуру здесь, в Приладожской

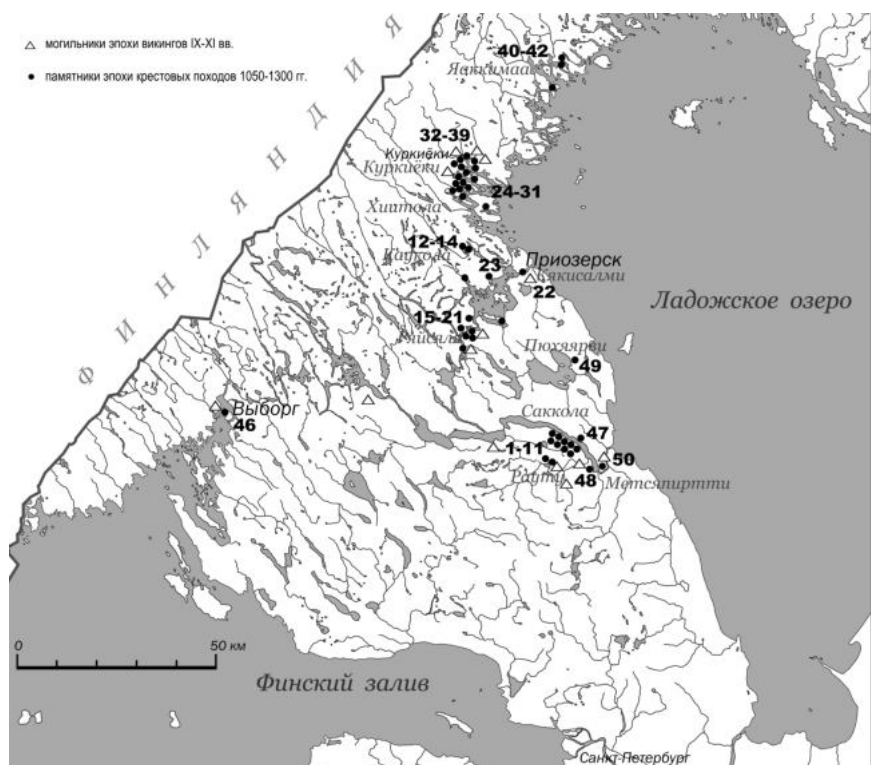

Рис.4. Археологические памятники эпохи викингов (IX-XI вв.) и эпохи крестовых походов (1050-1300 гг.). 1–9 — Саккола/Лаянлахти*) (1 — Хенномяки, могила; 2 — Хенномяки, святилище; 3–6 — поселения Ольховка I–IV; 7 — Паямяки, могильник; 8 — Леплясенмяки, могильник; 9 — Патья, могильник); 10 — Рауту/Хаапакюля, могильник; 11 — Рауту/Лейниколя, могильник; 12–14 — Каукола (12 — Коверила/Кекомаки, могильник; 13 — Коверила/Кулхамяки, могильник; 14 — Сяппяйнен, могильник); 15–21 — Ряйсяля (15 — Хови/Калмистомяки, могильник; 16 — Тиверский городок; 17 — Ивасканмяки/Хайконен; могильник; 18 — Ивасканмяки/Оллинахо, могильник; 19 — Ховинсаари, могильник и поселение; 20 — Мельниково/Ряйсяля, поселение; 21 — Кивипелто/Пенттинен?, поселение); 22 — крепость Корела; 23 — Какисалми/Суотниemi (могильник); 24–31 — Хийтола (24 — Кильпола/Ханнукайнен, могильник; 25 — Ханнола, могильник; 26 — Кавосалми, могильник; 27 — Нехвола, могильник; 28 — Мустола, могильник; 29 — Петкола, могильник; 30 — Тенхола, могильник; 31 — Кюлялахти, могильник); 32–39 — Куркиёки (32 — Кууппала/Калмистомяки, могильник, поселение; 33 — Кууппала/Ямяки, городище; 34 — Хяменлинна, городище; 35 — Корписаари, городище; 36 — Лопотти, городище; 37 — Сяккимяки, могильник; 38 — Рахола/Куусиккомаки, могильник; 39 — Виллапекко, находка топоров); 40–42 — Яаккимаа (40 — Сур-Микли, городище; 41 — Миинала, могильник; 42 — Сорола, могильник); 43–45 — Сортавала (43 — Паасонвуори, городище; 44 — Риеккала/Нукутталахти, поселение; 45 — Риеккала/Рантуэ, клад); 46 — Выборгский замок; 47 — Саккола/Келья, поселение; 48 — Саккола/Риска, поселение, могильник; 49 — Пюхярви/Салтисанранта, поселение.

*) Сельский приход/деревня и место находки.

Карелии, добавляются обще-балтийские, интернациональные элементы (браслеты, фибулы, определенные типы мечей, топоров и копий). Происходит формирование определенного «вкуса». На следующем этапе эти типы украшений воспроизводятся на местах и тем самым местные мастера приобретают навыки ювелирного производства. Конец эпохи викингов в Приладожской Карелии знаменуется накоплением значительного количества серебра, аккумулированного в пяти монетных и вещевыхкладах.

Как видно из карт распространения находок, к XII в. население уже освоило все те районы, где находятся более поздние достоверно карельские памятники XII-XIV вв. (рис. 4). Возникают укрепленные поселения на прибрежных холмах или островах, жизнь на которых продолжалась и в более позднее время.

Рассмотренный нами период, в сущности, достоверное археологическое начало известной по древнерусским летописям корелы. В это время сложилась территория распространения однотипных археологических памятников, в материале которых прослеживается эволюция отдельных предметов украшений и проявляется хронологическая преемственность на протяжении от эпохи Меровингов до эпохи викингов.

Литература

- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. / САИ. Е 1-36. М.; Л. 1966.
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / САИ. Е1-36. Л. 1973
- Кирпичников 1979 — *Кирпичников А.Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы (Корельский город XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л. 1979.
- Кирпичников, Сакса, 2002 — *Кирпичников А.Н., Сакса А.И.* Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. 2002.
- Кочуркина 1978 — *Кочуркина С.И.* Контакты населения Северо-Западного Приладожья с Эстонией и Финляндией в I – нач. II тыс. н. э. Скандинавский сборник. Вып. XXIII. Таллинн. 1978.
- Кочуркина 1981 — *Кочуркина С.И.* Археологические памятники корелы. V-XV вв. Л. 1981.
- Кочуркина 1982 — *Кочуркина С.И.* Древняя корела. Л. 1982.
- Кочуркина 1989 — *Кочуркина С.И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X-XIII вв. Петрозаводск. 1989.
- Кочуркина 2004 — *Кочуркина С.И.* Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск. 2004.
- Макаров 1997 — *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. (По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). М. 1997.
- Сакса 1984 — *Сакса А.И.* Комплекс археологических памятников у д. Ольховка (Лапинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. 1984.
- Сакса 1989 — *Сакса А.И.* Средневековая корела (к вопросу о происхождении этнической общности) // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов Т. I. М. 1989.

- Сакса 1997 — *Сакса А.И.* Город Корела — центр приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб. 1997.
- Сакса 1998 — *Сакса А.И.* К вопросу о заселении Приладожской Карелии в позднем железном веке // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб. 1998.
- Сакса 1999 — *Сакса А.И.* Итоги изучения карельских крепостей эпохи средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. 1999.
- Сакса 2000 — *Сакса А.И.* Археологическое наследие древней корелы // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. СПб. 2000.
- Сакса 2001 — *Сакса А.И.* История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. // Очерки исторической географии. СПб. 2001.
- Сакса 2006 — *Сакса А.И.* Древняя Карелия в эпоху железного века (к вопросу о происхождении летописной корелы) // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб. 2006.
- Сакса 2007 — *Сакса А.И.* Древняя Карелия во второй половине I – первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 2007.
- Сакса 2014 — *Сакса А.И.* От племенного «городка» карел к административному центру Новгородской земли (Кякисалми–Корела в XII–XIV вв.) // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Выпуск 4. Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». Старая Ладога, 12-13 июля 2013 г. СПб. 2014.
- Спицин 1905 — *Спицын, А. А.* Владимирские курганы // Известия Императорской Археологической Комиссии. Т. 15. СПб. 1905.
- Хуурре 1979 — *Хуурре М.* Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века // Финно-угры и славяне. Л. 1979.
- Ahtela 1981 — *Ahtela E.* Piirteitä Vähäkylön rautakautisesta asutuksesta // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 25. Helsinki. 1981.
- Europaeus 1923 — *Europaeus A.* Muinaistutkimuksen tehtäviä Karjalassa // Kalevalaseuran Vuosikirja 3. Helsinki. 1923.
- Hackman 1905 — *Hackman, A.* Die ältere Eisenzeit in Finnland I. Helsinki. 1905.
- Hackman 1938 — *Hackman A.* Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyro // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 41. Helsinki. 1938.
- Huurre 1979 — *Huurre M.* 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Keuruu. 1979.
- Huurre 1984 — *Huurre M.* Itä-Suomen rautakautinen asutus arkeologian valossa // Suomen väestön esihistorialliset juuret // Bidrag till kannedom av Finlands natur och folk 131. Helsinki. 1984.
- Kirpichnikov, Saksa, Tomanterä 2014 — *Kirpichnikov A. N., Saksa A. I., Tomanterä L.* Swords of medieval Karelia // Waffen- und Kostümkunde. Zeitschrift für Waffenß und Kleidungsgeschichte. Heft 2. Sonnefeld. 2014.
- Kivikoski 1939 — *Kivikoski E.* Svenskar i Österled under 500-talet // Finskt Museum 46 Helsinki. 1939.
- Kivikoski 1944 — *Kivikoski E.* Zur Herkunft der Karelrier und ihrer Kultur // Acta Archaeologica. Vol. XV. København. 1944.

- Kivikoski 1961 — *Kivikoski E.* Suomen esihistoria // Suomen historia I. Porvoo. 1961.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki. 1973.
- Lehtosalo-Hilander 1984 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Keski- ja myöhäisrautakausi // Suomen historia I. Porvoo. 1984.
- Nordman 1924 — *Nordman C.A.* Karelska järnåldersstudier // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. XXXIV: 3. Helsinki. 1924.
- Petersen 1919 — *Petersen J.* De norske vikingsverd. En Typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Christiania. 1919.
- Saksa 1985 — *Saksa A.* Results and perspectives of archaeological studies on the Karelian Isthmus // Fennoscandia archaeologica II. Helsinki. 1985.
- Saksa 1992 — *Saksa A. I.* Karelia and the West Finnish cultural area in the Late Iron Age // Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn. 1992.
- Saksa 1998 — *Saksa A.* Rautakautinen Karjala. Muinai-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica Humanistica II. Joensuu. 1998.
- Salmo 1938 — *Salmo H.* Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. XLII: 1. Helsinki. 1938.
- Salmo 1956 — *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 56. Helsinki. 1956.
- Uino 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies – Muinai-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 104. Helsinki. 1997.
- Uino 2003 — *Uino P.* Keskirautakausi n. 300-800 jKr. // Viipurin läänin historia I / Karjalan synty. Jyväskylä. 2003.

О НАИБОЛЕЕ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЯХ МОГИЛЬНИКА БОРНИЦЫ НА ИЖОРСКОМ ПЛАТО

Курганный могильник Большие Борницы (Борницы I) – один из наиболее исследованных средневековых погребальных памятников Ижорского плато. Памятник расположен у дер. Большие Борницы Гатчинского района Ленинградской области, известен с середины XIX в. Памятник изучался в 1874–75 годах Л.К. Ивановским (Спицын 1896), в 1911 В.К. Гершельманом (Шмелев 2014), в 2004 году С. Г. Поповым (Попов 2004) и в 2008 году Северо-Западной археологической экспедицией (СЗАЭ) Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им Г.С. Лебедева НИИКСИ СПбГУ, под руководством автора.

Могильник находится в 100 м к северо-востоку от современной деревни Борницы, с севера непосредственно прилегая к полотну железной дороги Гатчина-Ивангород. По состоянию на 1873 г. в группе насчитывалось около 300 насыпей (204 кургана было зафиксировано при обследовании в 1927 г., см.: Попов 2006: 51). В 1870-е годы было раскопано порядка 70 насыпей. Часть курганов была разрушена во второй половине XIX в. при строительстве железнодорожной насыпи. В 1911 году было исследовано 3, в 2004 — 4, а в 2008 — 20 насыпей. При последнем обследовании в 2008 году в группе насчитывалось 102 сохранившихся кургана, разделенные на две группы — северную и южную. Исследования 2004 и 2008 гг. затрагивали насыпи южной группы. Материалы раскопок большей частью опубликованы. Полноценно документированы только результаты последних двух сезонов, хотя материалы более ранних работ так же могут быть частично учтены (Шмелев 2014: 354).

Исследованиям 2004 и 2008 гг. (рис. 1) были подвергнуты курганы в южной части сохранившегося участка могильника (всего 24 насыпи). В большей части исследованных насыпей прослежены схожие элементы могильных сооружений и погребальных традиций. Во всех случаях погребение осуществлялось на подготовленной округлой площадке, в ряде случаев окруженной серповидными ровиками с материковыми перемычками, без сооружения могильной ямы. Поверхность площадки иногда искусственно выравнивалась. Исключение составляет только впускное, детское погребение в насыпи кургана А (4)¹, совершенное в неглубокой (около 0,1 м) яме. Погребения ориентированы головой на запад, северо-запад и север. В ряде случаев прослежено несколько погребений на уровне материка в одном кургане, и впускные погребения в теле кургана.

Другой характерной особенностью являются каменные обкладки, кольцевидной формы, диаметром от 1,2 до 4,2 м из известняковой плиты, в некоторых случаях в обкладку включались отдельные крупные гранитные

---

¹ На плане могильника, снятом в 2004 г., всем насыпям в группе были присвоены цифровые обозначения. В ходе работ 2008 г. была произведена повторная съемка части могильника, при этом, для удобства тахеометрической съемки насыпям присваивались так же и буквенные (латинские) обозначения. В дальнейшем упоминаемые насыпи будут обозначаться по смешанному буквенно-цифровому коду – 4 (А), 12 (М) и т.д.

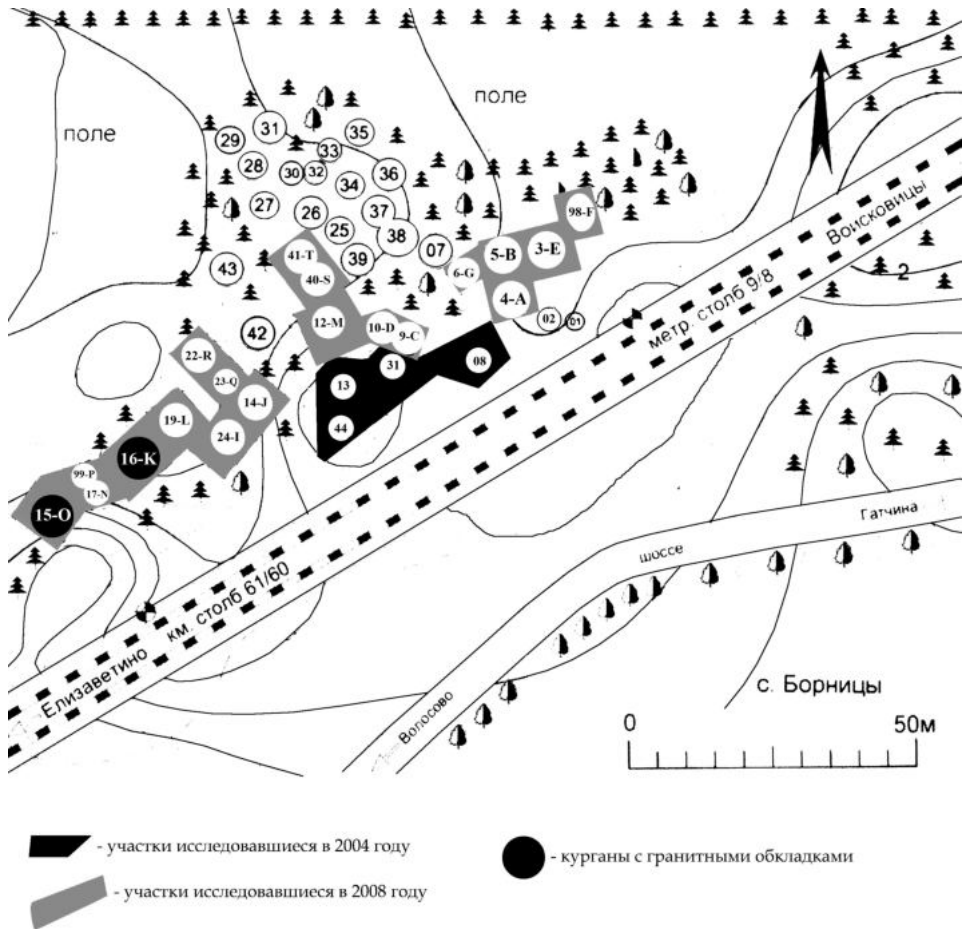

Рис.1. Южная группа курганного могильника у дер. Большие Борницы. Топографический план. Съемка 2004 года с дополнениями 2008 г.

валуны, размещаемые в голове или в ногах погребенного. В одном случае камни отмечали и голову и ноги покойного. В двух случаях обкладки состоят из гранитных валунов. Обкладки складывались насухо, представляя собой вертикальные кольцеобразные стенки, высотой от 0,3 до 1,1 м, характер их разрушения, а так же особенности археологизации тел погребенных позволяют предположить, что изначально внутренний объем обкладок не заполнялся грунтом. В ряде случаев прослежена разборка части стенок, с последующей прикладкой дополнительного объема для подхоронений на уровне материка. В этом случае сооружение приобретало в плане характерную овальную форму. Так же встречены примеры разрушения более старых погребений и обкладок при сооружении новых погребений, впускные погребения в теле насыпи и небольшие

(около 1 м) обкладки с погребениями (вероятно детскими, т. к. костяки в таких случаях практически не сохраняются) расположенными в межкурганном пространстве. Между курганами встречаются каменные вымостки, иногда со следами кострищ, костями животных (петуха, барана) и развалами гончарных сосудов. В ряде случаев камнем забутованы курганные ровики, а в одном случае (курган F по плану 2008 г.²) вся поверхность насыпи покрыта сплошным панцирем из известнякового и гранитного булыжника.

По мнению С.Г. Попова, анализировавшего известные данные о раскопках Ивановского, вещевой инвентарь памятника может быть датирован первой третью XII — серединой XIII в., а в широком диапазоне — от конца XI до конца XIII и начала XIV в. (Попов 2006: 53). Материалы раскопок 2004 г. он так же датирует концом XI — XIII вв. (Попов 2006: 69). Датировка вещевого комплекса из раскопок 2008 г. была осуществлена Ю. М. Лесманом. По его мнению, основная часть исследованных комплексов датируется в пределах второй половины XII — конца XIII в., а отдельные вещи из впускных погребений относятся к началу XIV в. Часть погребений Ю.М. Лесман предварительно датировал второй половиной XI — рубежом XI–XII в., допуская, что на исследованном в 2008 году участке, возможно, полностью отсутствуют погребения первой половины XII в.³

Указанные наиболее ранние комплексы находятся в юго-западной части могильника. Две насыпи — 15(О) и 16(К) визуальнo выделялись среди остальных курганов значительной высотой и крутизной склонов.

Курган 16 (К)⁴ до начал раскопок представлял собой земляную насыпь диаметром около 14 м и высотой 1,7 м, заросшую кустарником, с крупной ямой в центре, заполненной современным мусором. Размеры ямы до снятия дерна 1,2 x 1,4 м, глубина до 1 м. Насыпь кургана была сложена из светло-коричневого суглинка со значительным количеством мелких камешков. Материк представлен светлым суглинком.

В основании насыпи находилась округлая подкурганная площадка, ограниченная рядом полукольцевых ям, заменявших сплошной ровик. По всей площадке фиксировался слой погребенной почвы – сероватая плотная предматериковая прослойка мощностью 12–16 см. Судя по профилю погребенной почвы в бровках кургана, насыпь была возведена на неровной, покрытой кочками и рытвинами поверхности.

---

² На плане 2004 данная насыпь не обозначена.

³ С благодарностью вспоминаю Ю.М. Лесмана (1954-2013), неоднократно консультировавшего меня по различным вопросам древнерусской хронологии.

⁴ С северной стороны к кургану 16 (К) примыкал наброс крупных валунов — следы расчистки пахотного поля. Курган находится на краю невысокой террасы, что обусловило некоторое расползание обкладки с южной стороны. С востока к нему вплотную примыкает насыпь кургана 19 (L), с запада, в межкурганном пространстве с курганом 15 (О) находятся курганы 17 (N) и 99 (P). Эти небольшие насыпи (диаметр обкладки около 1 м), вероятно, представляют собой остатки детских погребений. Остатки костяка плохой сохранности, сопровождаемого железным ножом и фрагментом бронзового изделия, прослежены только в кургане 19 (L), в пределах двух других обкладок погребения не выявлены (фрагменты черепа прослежены в теле насыпи 17 (N)). Время сооружения данных курганов определяется в пределах общей для могильника датировки XI–XIII вв.

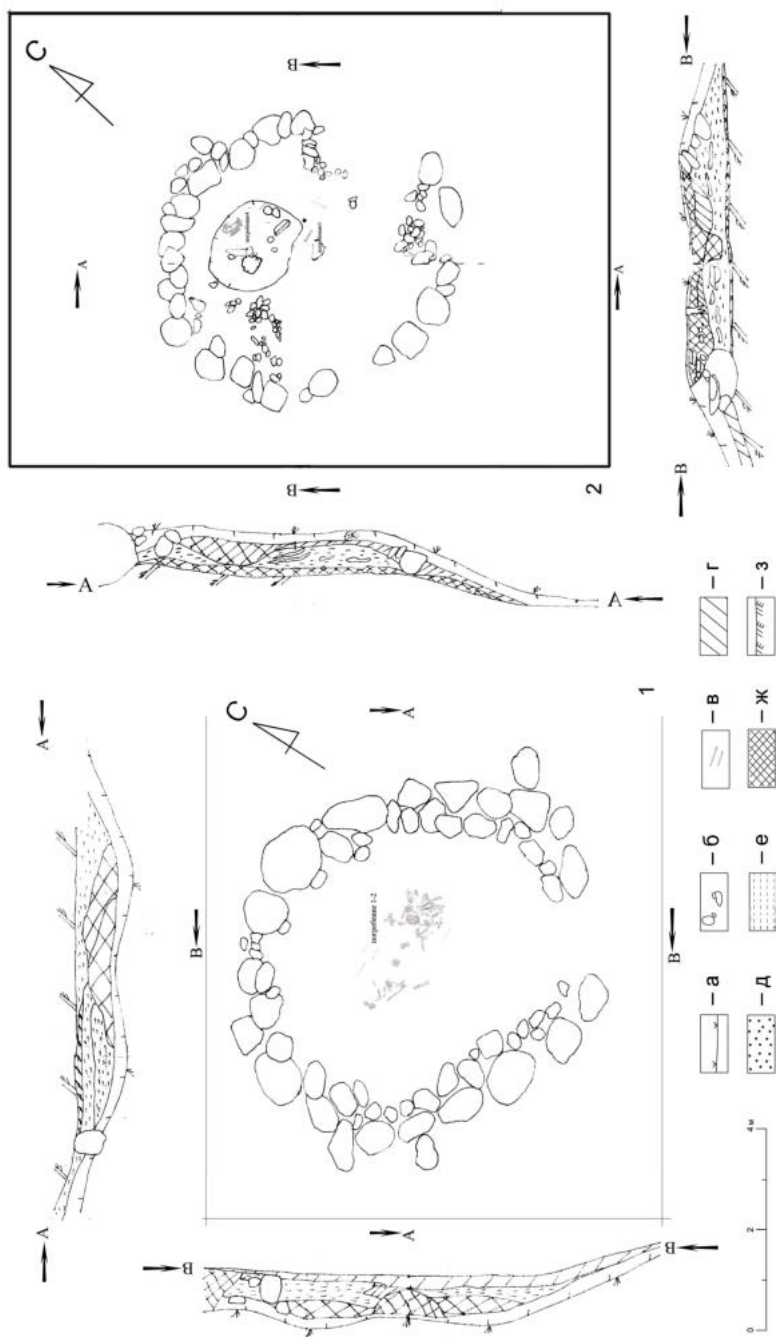

Рис.2. Курганы. 1 – 16 (К), 2 – 15(О). Планы и разрезы. а – дерн; б – глины; в – песчаный слой; г – перемешанный слой; д – глины; е – светлый суглинок; ж – песчаный слой; з – глины

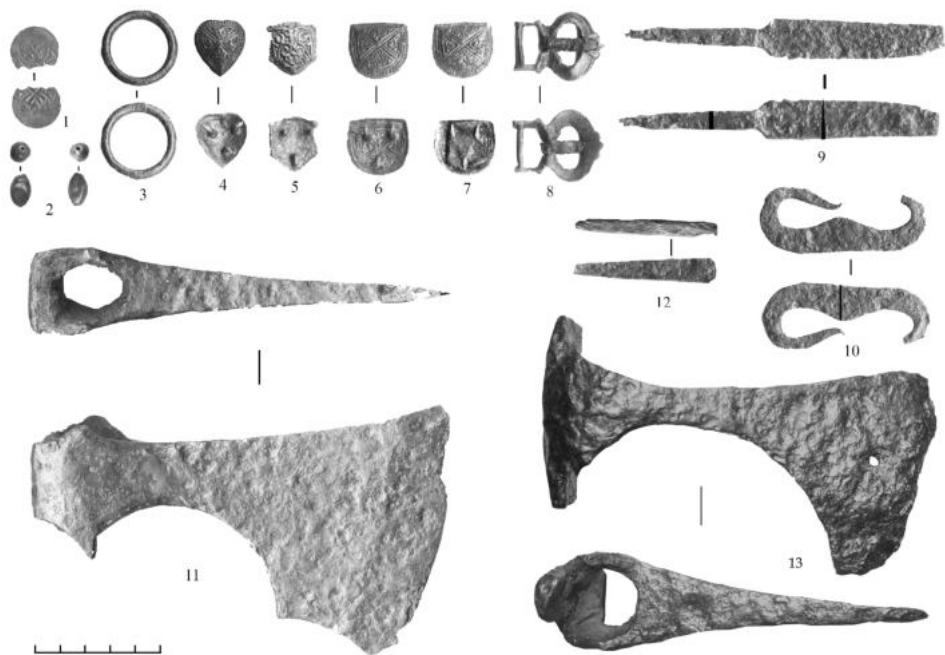

Рис. 3. Инвентарь погребений. 1-12, 16 – курган 16 (К), 13 – курган 15 (О). 1 – денарий; 2 – сердоликовые бусины; 3 – поясное разделительное кольцо; 4-7 – поясные бляшки-накладки; 8 – пряжка; 9 – нож; 10 – кресало; 11-12 – топор с клином; 13 – топор. 1 – серебро; 2 – камень; 3-8 – бронза; 9-13 – железо.

Непосредственно под дерном в нижней части насыпи находилась каменная обкладка (рис. 2, 1) высотой 0,5-0,6 м, сложенная из массивных гранитных валунов и засыпанная желтым материковым суглинком со щебнем. Каменная стенка была в северной части ограничена кольцевым ровиком (ширина ровика 1-1,2 м, глубина до 0,6 м). Кольцевая каменная конструкция, сложенная из крупных гранитных валунов в один ряд, обложенная по телу насыпи мелкими гранитными булыжниками и известняковыми плитами в два ряда, общей высотой 0,6-1 м, диаметром в основании 5,6 м. Каменное кольцо ограничено ровиком с пологими краями (ширина ровика 1,2-1,7 м, глубина до 0,5 м). В южной части обкладку ограничивает край естественной террасы. В юго-восточной части ровика прослежена каменная забутовка из крупного булыжника.

В дерне и поддерновом слое были обнаружены фрагменты круговой керамики, кости животных и человека. Между камней конструкции были найдены фрагменты круговой керамики и серебряная монета. В теле насыпи также фиксировались разрозненные фрагменты керамических сосудов. В заполнении ровика были обнаружены мелкие фрагменты круговой керамики.

Яма в центре кургана прямоугольная, размерами 2,3 x 2,5 м. Она прорезала насыпь почти до погребенного дерна и была заполнена современным мусором. Вероятно, мы имеем дело не со следами ограбления, а с устроенным в кургане

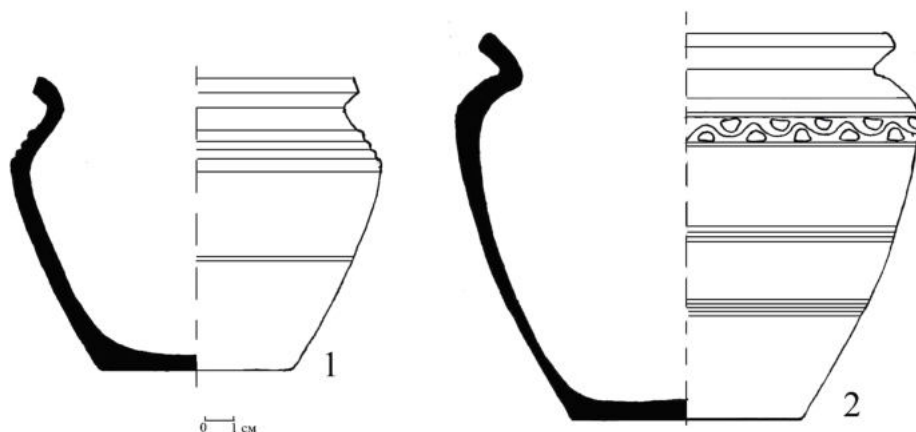

Рис.4. Курганы 15 (О) и 16 (К). Керамические сосуды.

погребом. В выбросе из ямы обнаружены бронзовое поясное кольцо, кости животных и человека. Погребения зафиксированы в частично переотложенном состоянии. Из общей массы могут быть выделены кости двух человек и лошади. За пределами ямы оказались только железный боевой топор (рис. 3, 11-12) и керамический сосуд (рис. 4, 2), относящиеся к одному из погребений. Среди костей и в выбросе из ямы встречен ряд предметов относящихся к инвентарю погребенных. В их числе нож (рис. 3, 9), пара сердоликовых бус (рис. 3, 2), железное калачевидное кресало (рис. 3, 10), серебряная монета (рис. 3, 1) и детали поясного набора: лировидная пряжка, разделительное кольцо и четыре накладные бляшки (рис. 3, 3-8).

Остатки погребенных (погребения 1 и 2) представлены частями скелетов двух человек — мужчины в возрасте старше 55 лет и женщины в возрасте 20-35 лет, а так же неполные остатки скелета лошади — часть костей длинных конечностей, отдельные ребра, позвонки, фрагменты таза, черепа и нижняя челюсть⁵. Костные останки погребенных в значительной степени перемещены (рис. 5), *in situ* по всей вероятности находятся только части голени одного из погребенных (мужчины), в непосредственной близости от нее прослежены уложенные на слой погребенного дерна топор и горшок. Судя по положению костей ног, тело погребенного было уложено головой на северо-запад.

Вещевой комплекс данных погребений достаточно разрознен. Наиболее ранний предмет — серебряная западноевропейская монета (денарий Оттона и Адельгейды, после 991 г.). Монета повреждена, характер повреждений позволяет предположить, что денарий использовался в качестве подвески. С шейным украшением может быть так же связана пара веретенообразных бусин из темно-красного сердолика. По мнению Я.В. Френкеля, данный тип украшений характерен для второй половины XI в⁶. Железное калачевидное кресало

⁵ Определение научного сотрудника Отдела антропологии МАЭ РАН И.Г. Широбокова.

⁶ Устная консультация Я.В. Френкеля.

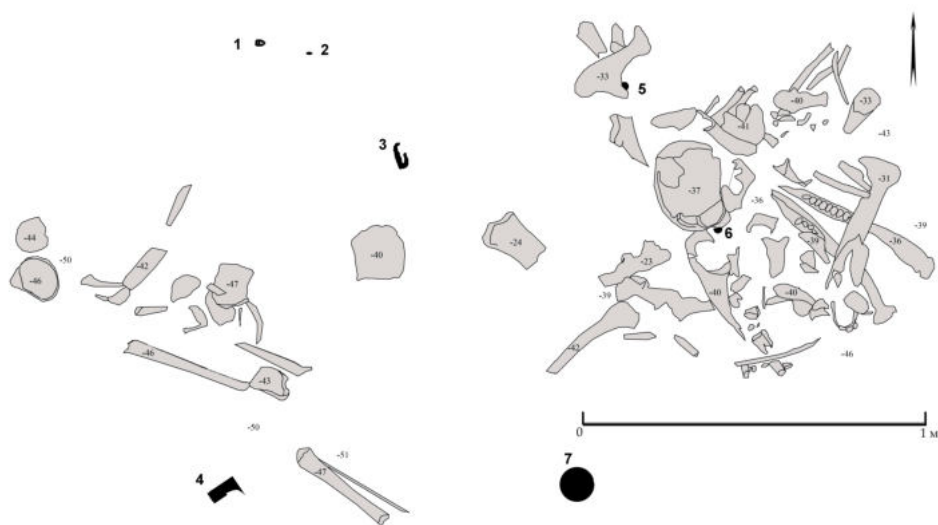

Рис. 5. Курган 16 (К). Погребения 1 и 2. План.

1 - пряжка; 2 - бусина; 3 - кресало; 4 - топор; 5, 6 - поясные бляшки; 7 - горошок

датируется по новгородским материалам временем до 1177 г. (Колчин 1982: 163, рис. 4; Лесман 1984: 138), боевой топор с железным клином типа VI, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 26) — в пределах XI–XII вв. Детали пояса представлены пряжкой, разделительным кольцом и четырьмя бляшками трех типов, возможно, что эти предметы относятся к одному гарнитуру. Бронзовая лировидная пряжка по новгородским материалам датируется периодом 1006–1224 г. (Седова 1981: 144-145; Лесман 1984: 137). Бляшки усеченно-овальной формы зафиксированы еще в работах Л.К. Ивановского (Спицын 1896: табл. IX). Они датируются второй половиной X–XI в. (Мурашова 2000: 55-56). Лировидные и «геральдические» бляшки имеют широкую географию распространения и датируются второй половиной XI – рубежом XII в. (Соболев, Михайлов 2000: 226).

Керамический комплекс представлен немногочисленными фрагментами круговой керамики происходящей из насыпи и из выбросов ямы, а также целым сосудом, связанным с погребением 1. Горшок (рис. 4, 2) с линейно-волнистым орнаментом (диаметр 14,5 см, высота 13 см), по мнению В. И. Кильдюшевского, датируется рубежом XI–XII вв.⁷

Курган 15(О) находился в юго-западной части могильника к западу от курганов 17(N) и 99(P). Он располагался на краю поля и ограничивал с юго-запада сохранившуюся до наших дней часть могильника. До раскопок курган представлял собой высокую насыпь округлой формы, расположенную на краю естественной террасы. Высота кургана 1,2–1,3 м, диаметр 11 м. Насыпь кургана повреждена задернованной ямой (1,8 x 1,3 м, глубиной до 0,4 м).

В дерне и поддерновом слое были обнаружены фрагменты круговой керамики, кости животных и человека, осколки снарядов и патронные гильзы

⁷ Устная консультация В.И. Кильдюшевского.

периода Второй Мировой войны. Между камней конструкции были собраны многочисленные фрагменты круговой керамики. Среди камней, сваленных с северной стороны кургана (вероятно попавших туда при расчистке близлежащего поля), были обнаружены как предметы, вероятно, происходящие из разрушенных погребений (фрагменты круговой керамики, два бронзовых пластинчатых орнаментированных браслета, бронзовая бусина, железный нож, кости животных и человека), так различные предметы (лопаты, ведра, вилы, детали различной техники) XIX–XX вв., а также монета 1941 г.

Конструктивно, курган близок кургану 16 (К), отличается несколько меньшими размерами. Обкладка сложена из крупных гранитных валунов. Расположение насыпи на краю террасы привело к тому, что южная часть обкладки расползлась вниз по склону. Кольцевая каменная конструкция (стенка) сложена из известняковых плит и мелких гранитных булыжников в 4–5 рядов высотой (с основанием из крупных гранитных валунов), общая высота 0,6–0,7 м, диаметром в основании 4,6 м (рис. 2, 2). Каменное кольцо с южной и северо-восточной стороны ограничено краем естественной террасы. С северной стороны верх заполнения ровика завален обломками известняковых плит и мелкими гранитными булыжниками, поверх которых лежал завал из крупных гранитных валунов (образовавшийся при расчистке близлежащего поля).

В насыпи кургана выявлена яма округлой формы. В верхней ее части открыто парное захоронение (погребение 1–2). Судя по вещевому набору (подсумок с патронами 7,62 x 53R, пряжки, пуговицы), это санитарное захоронение времен Второй Мировой войны 1939–1945 гг.

В нижней части ямы залегали кости человека (погребение 4) аккуратно сложенные компактной кучкой на уровне материка. Вероятно, это остатки основного погребения кургана, разрушенные при ограблении или в результате хозяйственной деятельности. Возможно, что в таком случае погребения 4 и 3 представляют собой остатки единого погребения, разрушенного при совершении захоронения времен Второй Мировой войны. Обращают внимание прижизненные повреждения костяка – сросшийся позвоночный столб и глубокая зарубка на левом надбровии черепа. Возраст погребенного – старше 55 лет. Исследование, проведенное в отделе антропологии МАЭ РАН показало, что данный индивид, вероятно, страдал редкими заболеваниями – анкилозирующим спондилоартритом и (или) болезнью Бехтерева⁸.

Погребение 3 выявлено в юго-восточном секторе курган. От него сохранились кости ноги человека ориентированные в направлении северо-запад – юго-восток. Восточнее костей найдены керамический сосуд (рис. 4, 1) и железный топор (рис. 3, 13). С этим комплексом, очевидно, связана каменная выкладка расположенная перпендикулярно костям ноги погребенного. Возможно, она выполняла функцию ограничителя задней стенки деревянного гроба.

Вещевой материал, связанный с погребениями ограничен находками боевого топора типа IV, по А.Н. Кирпичникову, датируемому в пределах XI–XII вв. (Кирпичников 1966: 26) и кругового неорнаментированного гончарного сосуда (диаметр 11,5 см, высота 9,5 см) конца XI – начала XII в⁹.

---

⁸ Определение И.Г. Ширококов и Н.Я. Березина.

⁹ Определение В.И. Кильдюшевского.

Ю.М. Лесман, осматривавший коллекцию из раскопок 2008 г., в частной беседе отметил, что основная масса погребальных комплексов из раскопок 2004 и 2008 гг., по всей вероятности, датируется временем от середины XII до рубежа XIII–XIV вв. При этом, два вышеупомянутых комплекса, несомненно, датируются значительно более ранним временем – второй половиной XI, или, с учетом некоторого запаздывания в бытовании вещей, рубежом XI–XII в. Таким образом, на исследованной части могильника фиксируется некая лакуна, связанная с периодом первой половины XII в. Может быть, она связана с недостаточной исследованностью памятника¹⁰.

В любой случае нельзя не отметить отличие рассмотренных комплексов от основной массы исследованных в могильнике курганов. Это отличие проявляется и в инвентаре, и в конструкции погребальных сооружений. Использование в качестве строительного материала гранитных валунов, вероятно, связано с недостаточной освоенностью первыми переселенцами местных ресурсов. Позднее гранит используется только для специально выделенных участков кладки (в голове или в ногах погребенного), а остальной массив кладок сооружается из известняка – материала значительно более легкого в обработке, нежели гранит¹¹. Таким образом, курганы с гранитными обкладками можно связать с наиболее ранним этапом функционирования могильника у д. Большие Борницы. Оставившее данные насыпи население, вероятно, относилось к первым поколениям переселенцев из других, возможно более южных, областей.

Литература

Колчин 1982 — *Колчин Б.А.* Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. 1982.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / Свод археологических источников. Е1-36. Л. 1966.

Лесман 1984 — *Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: (принципы синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л. 1984.

Мурашева 2000 — *Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) М. 2000.

Попов 2006 — *Попов С.Г.* Могильник Большие Борницы на Ижорском плато: Сто тридцать лет спустя // На Ижорском плато. Археологические исследования 2003–2004 гг. СПб. 2006

Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) М. 1981.

Соболев, Михайлов 2000 — *Соболев В.Ю., Михайлов К.А.* Новгородские наборные пояса XI - XII вв. // Археологические вести. № 7. СПб. 2000.

---

¹⁰ в настоящее время полноценно раскопано только 24 насыпи из приблизительно 100 сохранившихся. возможно, погребения этого времени находятся на неисследованных участках памятника. Материалы более ранних раскопок, к сожалению, в значительной мере утрачены.

¹¹ Ближайшие выходы известняка-доломита находятся менее чем в 5 км к юго-западу от могильника.

Спицын 1896 — *Спицын А.А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского / Материалы по археологии России. № 20. СПб. 1896.

Шмелев 2014 — *Шмелев К.В.* «К вопросу о раскопках Борницкого могильника в 1911 году и их авторе». Новгород и Новгородская земля. История и археология. № 28. Великий Новгород. 2014.

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XI – НАЧАЛЕ XIII В.

На исторических картах северную границу Новгородской земли XI–XII в. изображают по-разному. Но, как правило, она доходит до Северного Ледовитого океана и включает в себя земли карелов (корелы) и чуди заволоцкой. Однако детальное рассмотрение северной границы Новгородской земли пока не предпринималось. В частности, не затронул данный вопрос и А.Н. Насонов (Насонов 1951: 114-117). В связи с этим В.В. Седов был вынужден констатировать: «Северную границу Новгородской земли XII–XIII вв. А.Н. Насонов не проводит, что вполне объяснимо – словене ильменские в первые столетия II тыс. н. э. активно колонизовали области води, ижоры, веси, карелы и лопи и достигли Студеного моря» (Седов 1999: 235). Иными словами, по мнению В.В. Седова, пределы северных рубежей Новгорода установить трудно, поскольку они были подвижными и постоянно менялись.

С этой точкой зрения трудно согласиться. К северу от Новгорода находилось Южное Приладожье, известное в Скандинавии как Гардар. Ярослав Мудрый передал его земли шведам в качестве платы за невесту – дочь шведского короля – вместе с проживавшим здесь населением – колбягами и чудью (предками вепсов). Около 1020 г. в Южном Приладожье появилось особое шведское владение – Ладожское ярлство (Круг земной 1980: 234-235), ставшее плацдармом для походов скандинавов за пушниной.

В поисках «мягкого золота» шведы вместе с колбягами и чудью совершали длительные грабительско-торговые экспедиции далеко на восток, вплоть до Уральского хребта (Шумилов 2015: 50-53). Их пути пролегли по Заволочью – земле к востоку от Приладожья, населенной чудью заволоцкой, обложение данью которой являлось прерогативой ярлства. В районе Белого озера интересы скандинавов сталкивались с интересами Ростова. На пограничной территории с 1040-х гг. существовал Кемский погранично-таможенный пункт (Макаров, Беляков 1989: 82).

Еще одним северным соседом Новгорода были карелы. Но в списке народов, плативших дань Руси к началу XII в., их нет (ПВЛ: 69). В бытность ярлства у карелов сложились со шведами особые отношения. До начала XII в. и те и другие мирно уживались, проводя экспансию на финские земли: шведы – с запада, карелы – с востока. В частности, в 1050-е гг. карелы активно осваивали земли финского племени хямя (в русском варианте ямь, емь). В результате экспансии появилась область Саво со смешанным населением, при этом карельский элемент выступал доминантой (Сакса 2006).

Примечательно, что в списке народов-данников Руси значится ямь (ПВЛ: 69). Принято считать, что это финское племя хямя. Однако для того, чтобы принудить хямя платить дань, новгородцам надо было сначала покорить карелов, проживавших на Карельском перешейке, затем подчинить себе область Саво, и только потом выйти на земли собственно хямя. В письменных источниках нет никаких свидетельств на этот счет. Более того, летописец, сообщая о походе в 1226–1227 гг. новгородского князя Ярослава Всеволодовича на ямь (хямя), особо

подчеркивает, что это был первый поход сюда русских князей, «где ни один князь русский не взможе бывати» (Лавр: 93). А это означает, что новгородцы ранее не совершали походов на землю ями (хьямя).

Не входили в состав Новгородской земли даже ее ближайшие соседи – водь и ижора. Как правильно отметил А. В. Куза, «до XIII в. земли води, ижоры и корелы в основную территорию Новгорода не включались и эти племена действовали как вассалы Новгородской республики» (Куза 1975: 184). Здесь надо лишь сделать одну оговорку: у карелов с Новгородом в XII в. были, скорее всего, не вассальные, а союзнические отношения.

Летописи не содержат никаких сведений о времени присоединения к Новгороду северных территорий. Но это событие можно восстановить по отдельным деталям. Все князья, бывшие в Новгороде после Ярослава Мудрого, испытывали дискомфорт в связи с тем, что доходы от реализации пушнины ярлством оседали в Швеции и Ладожском ярлстве, а не в Новгороде. Первым, кто попытался ограничить независимость ярлства, был князь Глеб Святославич (ПВЛ: 237). Ему удалось подчинить себе Заволочье, ставшее позднее местом его гибели, и ликвидировать в 1070-х гг. Кемский погранично-таможенный пункт (Макаров, Беляков 1989: 82). О том, что данный процесс протекал отнюдь не мирным путем, говорят клады 1070-х гг. (Потин 1967: 94-123). Тогда же в Новгороде появились запорные пломбы с тамгой Глеба для мешков с пушниной (Янин 1982: 140), а это означает, что дань из Заволочья стала поступать в казну самому князю.

Начинание Глеба продолжил Мстислав Великий. В 1090-х гг. в Южном Приладожье вновь наблюдается массовое сокрытие кладов и именно там, где сосредоточена основная часть скандинавских захоронений (Потин 1967: 94-123). И дань вновь пошла в казну князя: в Новгороде обнаружено пять запорных пломб, помеченных тамгой Мстислава (Янин 1982: 140). Пытаясь удержать за собой ярлство, шведский король Инги выдал за Мстислава свою дочь (Рыдзевская 1978: 73), но Мстислав довел начатое дело до конца и в 1105 г. взял Ладогу (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 196). Шведы были изгнаны, Ладожская земля обрела особый статус, и решающую роль в ней стали играть колбяги, известные в Скандинавии как кюльфинги. В XII в. «Ладожскую автономию» именовали там как «земля кюльфингов, которую мы называем царством Гарды» (Мельникова 1986: 209-210). А новгородский князь получил право брать дань с тех территорий, которые сам подчинил силой, в частности, с Заволочья. Со временем это стало традицией: князья получали права и доходы лишь там, где и их предки (Куза 1975: 162).

С начала XII в. новгородцы вместе с колбягами могли ходить в походы на территории, ранее контролируемые и эксплуатируемые шведами. Когда в Новгороде и Ладоге побывал летописец, ладожане поведали ему о том, что «мужи старии ходили за Югру и за Самоядь» (ПВЛ: 308). Речь шла о ладожанах, которые в бытность ярлства совершали походы за пушниной к Северному Уралу. Однако новгородцы тогда вряд ли могли снаряжать дружины. В связи с этим приходится по-иному взглянуть на время отправки дружины новгородцем Гюрятой Роговичем. Обычно данное событие историки датируют 1092 г. на том основании, что оно помещено летописцем в статью за 1096 г. (ПВЛ: 265). Однако

летописец говорит не о походе на Югру, осуществленном четыре года назад, а о том, что он общался с Гюрятой четыре года назад. Если исходить из того, что «Повесть временных лет» в последний раз редактировалась в 1118 г., то эта встреча относится к 1114 г. Поход же на Югру новгородская дружина могла совершить только после перехода территории Ладожского ярлства под юрисдикцию Новгорода. Не случайно летописи не содержат никаких сведений о походах в бытность ярлства, за исключением события 1032 г. (Татищев 1963: 77).

После ликвидации ярлства карелы попали под влияние Новгорода, что привело к изменениям в их отношениях со шведами. Теперь они превратились в заклятых врагов. Начиная с 1143 г., между ними наблюдаются постоянные вооруженные столкновения (Шаскольский 1952: 40-99).

Второй этап подчинения Новгородом вожан, ижорцев, карелов, ладожан, относящийся к 1220-м гг., также не зафиксирован в летописях. Этим временем можно датировать появление на их землях новгородских гарнизонов, частности, в Копорье и Кореле (Куза 1975: 185). Еще одна акция Новгорода – принудительное крещение в 1227 г. южных карелов (Лавр.: 449). При этом северные карелы остались язычниками. Кроме того, новгородская берестяная грамота № 222, датируемая 1220-ми гг., сообщает о бегстве колбягов (Безус 1998: 171-172). Возможно, именно появлением беглых колбягов объясняется активность северных карелов в отношении к квенам, шведам и норвежцам, отмеченная в XIII–XIV вв. (Шаскольский 1952: 40-99). Новые территории были включены в состав собственно новгородских владений на правах Водской и Обонежской пятин. А псковичи в 1228 г. боялись, что их постигнет та же судьба (НПЛ: 65-66).

После присоединения новых земель северная граница Новгородской земли продвинулась далеко на север. К Белому морю она дошла к 1240-м гг. после изгнания отсюда норвежцев (Джаксон 2000: 2004).

Литература

Безус 1988 — *Безус Н.Б.* Судебные исполнители в Новгороде XI–XV вв. (по материалам берестяных грамот) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12. Новгород. 1998.

Джаксон 2000 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.). М. 2000.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. 1986.

Куза 1975 — *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. М. 1975.

Лавр. — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М. 1962.

Макаров, Беляков — *Макаров Н.А., Беляков А.С.* Кемский некрополь в Северном Белозерье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 198. М. 1989.

Мельникова 1986 — *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М. 1986.

Насонов 1951 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М. 1951.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М. Т. III. 2000.

ПВЛ — Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб. 1997.

Потин 1967 — *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 9. Л. 1967.

Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М. 1978.

Сакса 2006 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия во второй половине I – первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 2006.

Седов — *Седов В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М. 1999.

Круг земной — *Снорри Стурлусон.* Круг земной. М. 1980.

Татищев 1963 — *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. М.; Л. 1963.

Шаскольский 1952 — *Шаскольский И. П.* Карелия в Новгородское время // История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. Петрозаводск. 1952.

Шумилов 2015 — *Шумилов Е. Н.* Гардар и Русь: история взаимоотношений // Тезисы IX Всероссийской научной конференции «Чтения памяти профессора В. Ф. Семенова» («Семеновские чтения»). М. 2015.

Янин 1982 — *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. 1982.

ДВЕ ЗАМЕТКИ О КАМЕННЫХ КРЕСТАХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

1. О каменных крестах Тесовской волости

Каменные кресты Среднего Пооредежья и Верхнего Полужья можно выделить по локально-географическому признаку в отдельную группу памятников монументальной скульптуры средневековья. Два доминантных типа, распространенных в этом районе, продолжают новгородскую традицию установки каменных крестов сельским населением Тесовской волости (рис. 1), центром которой в XVI в. был Климентовский Тесовский погост (Селин 2003: 47-52). К первому относятся небольшие четырехконечные кресты с расширенной нижней лопастью и шипом для установки в подпятный камень, с рельефным ободком, в нижней части переходящим в орнамент «волчий зуб», с Голгофским крестом в средокрестии, и монограммами, выполненным оброном (рис. 2, 1-7). Кресты эти получили название «жальничные новгородского типа» (Спицын 1903: 222, 224). Второй тип — кресты «в круге» (рис. 2, 8-10; 3; 4, 2-3) — по всем остальным признакам, кроме формы, сходны с «жальничными новгородскими» крестами (Спицын 1903: 224, 226). Также здесь встречаются и новгородские кресты «в круге» без надписей (рис. 2, 11; 3; 4, 1), которые, скорее всего, являлись обетными памятниками и устанавливались в часовнях или церквях еще до того, как появился обычай закладывать их в стены (Панченко 2014: 206).

Сведения фольклорно-этнографического характера, собранные о крестах в деревнях Лужско-Оредежского междуречья в XX в., демонстрируют традиционное отношение местного населения к этим памятникам: как почитание и сохранение крестов в одних случаях (Кат. 9, 25, 30, 41, 52), так и перенесение с мест первоначальной установки для использования в качестве современных надгробий или строительного материала (Кат. 35, 39).

Археологические исследования этой территории начались еще во второй половине XIX в. Уже тогда отмечалось, что многим памятникам угрожает разрушение распахкой. В этот же период небольшие по размерам средневековые кресты привлекли внимание исследователей и коллекционеров. П.И. Кеппен упоминает о кресте, перевезенном из Тесовской волости в Новгород к гражданскому губернатору Д.С. Жеребцову (Кеппен 1822: 63–64). Не менее десяти крестов из д. Донец Тесовской волости сфотографированы в 1895 г. в Новгородском музее (Шляпкин. Материалы). В дальнейшем эти памятники продолжали пополнять музейные коллекции: часть опубликованных А.А. Спицыным и И.А. Шляпкиным крестов попали в Русский музей и в Псковский музей-заповедник (рис. 2, 2). Несколько крестов были подобраны во время археологических разведок 1980-х годов как подъемный материал и переданы в Эрмитаж (рис. 2, 6; Кат. 6). К началу XX в. многие каменные кресты сохранялись в деревенских часовнях, однако значительная сельскохозяйственная активность в регионе и проводимая после 1917 г. антирелигиозная пропаганда привели не только к разрушению средневековых могильников, но и к уничтожению часовен. Один такой крест из разрушенной часовни (рис. 2, 11) был найден расколотым на несколько частей (Панченко, Селин, Яшкина 1997: 365-374). Тем не менее, некоторые кресты все еще находятся на своих местах (рис. 2, 7, 12, 13).

На начало XX в. на территории Среднего Поореджья – Верхнего Полужья насчитывалось не менее ста каменных крестов, которые находились приблизительно в сорока топографических пунктах (рис. 1); описание их приводится в публикуемом Каталоге. В Новгороде на это время было зафиксировано около 150 закладных крестов (Макарий 1859: 84-102). В стенах новгородских церквей встречаются и кресты с искаженными надписями, скорее всего, привезенные из Тесовской волости.

Городок Тесов известен по летописям с XIII в.: он упоминается в связи с новгородско-орденским конфликтом под 1233 г. и в связи с походом немцев на Лугу в 1240 г.: «Тои же зимы придоша немцы на водь с чудью, и повоеваша, и дань на них возложиша, а город учиниша в Копорьи погосте. И не то быть зло, но и Тесов взяша» (НПЛ: 295); последнее замечание летописца указывает на важное значение Тесова для новгородцев. Ю.М. Лесман соотносит местоположение летописного Тесова с поселением Заполье-2, расположенном на высоком мысу, образованном слиянием рек Тесова и Рыденка (Лесман 1995: 78-81). В 1970-х годах вся западная часть поселения была уничтожена карьером, заложенным для постройки мостов через Рыденку и Оредж. Тесовская волость как административно-территориальная единица складывалась на протяжении XV в., в нее частично вошли земли новгородского владыки и отдельные частные владения эпохи новгородской независимости (Селин 1997: 123). Первое упоминание о церкви св. Климента в Тесове, располагавшейся близ городка Тесова XIII в., относится к рубежу XV и XVI вв. По мнению А. А. Селина, курганный могильник, расположенный у развалин Климентовской церкви 1827 г. «можно считать кладбищем, современным городку XIII в. и, возможно, более ранним. Каменный крест на этом кладбище и "курганы" (исследованные в 1928 г. С. А. Теплоуховым) впервые упомянуты в документе 1629 г.» (Селин 1996: 14). О судьбе Тесова в XIV–XV в. ничего не известно ни по археологическим, ни по письменным источникам. С другой стороны, именно на вторую половину XIV — первую половину XV в. приходится расцвет местной традиции изготовления каменных крестов, «надписи на которых выполнены рельефно, то есть в сугубо городской технике», как отмечал Ю. М. Лесман, что указывает на существование здесь в средневековье протогородского поселения (Лесман 1995: 82). По мнению А. А. Медынцева «наличие памятников эпиграфики является одним из важных археологических показателей поселения городского типа» (Медынцева 2000: 271).

Несомненно, первые кресты с монограммами ІСУ, ХС, НИКА, ЦАРЬ СЛАВЫ были завезены сюда из Новгорода, а выходы известняковых пород в верховьях Ореджа способствовали возникновению производства этих памятников на месте. Характерной палеографической особенностью, помимо неправильно и сокращенно написанных монограмм ІСУ, ХС, НИКА, для крестов этого типа является написание буквы І в виде шести- или семиконечного креста (мачта с тремя поперечными перекладинами). І в виде шестиконечного креста характерна для новгородских каменных крестов. Таким же образом эта буква написана на Васильевских вратах 1336 года из Софийского собора в Новгороде, она часто встречается и в берестяных грамотах XIII–XV вв., причем в основном в XIV в. Видимо, на этом основании А.А. Спицын датировал такие кресты временем не

позднее начала XV в. В то же время, во всем остальном написание монограмм указывает на то, что они были механически скопированы неграмотным мастером — и, скорее всего, для неграмотных заказчиков — в подражание городской традиции. Буквы в них перемешаны и написание их искажено, так что монограммы ИСУ, ХС, НИКА не поддаются прочтению. Многократное копирование привело к тому, что с каждым разом увеличивалось количество ошибок в написании. Надо отметить, что ошибки эти всегда разные, следствием чего является уникальность каждого исследуемого памятника. В некоторых случаях вся надпись копируется «зеркально» — как сами буквы, так и монограммы на лопастях креста: справа налево, вместо обычных — по кругу слева направо (рис. 2, 4); часто встречается зеркальное написание отдельных букв, особенно «Ц». Последнее характерно для всех крестов Новгородской земли (рис. 2, 1, 8). Сильнее всего искажены монограммы на крестах «в круге». Видимо, это было следствием попыток помещения надписей, скопированных с прямоугольных лопастей четырехконечных крестов, в непредназначенное для них пространство, ограниченное изогнутыми линиями «круга» креста и отверстий, разделяющих его лопасти (Панченко 2014: ил. 9). Можно предположить, что на более поздних крестах будут присутствовать и более искаженные надписи, что позволит уточнить датировки крестов. Однако плохая сохранность этих обронных букв (особенно их имитаций) часто приводит к невозможности точного их воспроизведения для составления палеографических таблиц.

Традициям Великого Новгорода стремились следовать не только жители средневекового Тесова, но и более отдаленных сельских территорий. Поскольку Тесов находился на пересечении прямой дороги из Новгорода с водной магистралью, идущей на Северо-Запад, можно предположить, что именно через него, по р. Луге, традиция изготовления и установки каменных крестов попала на Ижорское плато. Однако ни четырехконечные кресты с обронными надписями, ни кресты «в круге», на Ижорском плато не прижились. Там была выработана собственная доминирующая форма — кресты «ижорского» типа, которые изготавливались по технологии, схожей с изготовлением крестов «в круге», методом высверливания четырех отверстий в ромбовидной плите с последующей доработкой лопастей (Яшкина 1998: 83; Панченко 2009: 420–438).

**Каталог каменных крестов Лужского р-на Ленинградской обл.,
южной части Гатчинского р-на Ленинградской обл.
и Батецкого р-на Новгородской обл.¹**

Лужский р-н Ленинградской области:

1. Д. Поддубье-1 (уроч. Дретно). Курган высотой 1,5-2 м («сопки») с каменными крестами, по сведениям, полученным В.А. Лапшиным от жителей д. Поддубье и Куболово, находился в верховьях р. Рыденка, на ее левом берегу, в урочище Дретно, недалеко от железной дороги СПб — Новгород (Лапшин 1983).

---

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить В.В. Добышева, С.Л. Кузьмина и Н.Р. Рахманкулову за предоставленные изображения и сведения о каменных крестах.

2. Д. Поддубье-2 (уроч. Алешина Гора). По сведениям, полученным В.А. Лапшиным от жителей д. Поддубье и Куболово, на пустоши в 7 км от д. Поддубье и в 3 км от д. Огорелье (Новгородские р-н и обл.), недалеко от железной дороги СПб — Новгород, находился могильник с небольшими каменными крестами. Место называлось «литовские сопки» (Лапшин 1983).

3. Д. Жилое Рыдно. Курганная группа с каменными крестами в 100 м от деревни была отмечена в 1911 г. Уничтожена мелиорацией (Романцев 1911: 63; Репников 1931: 18, № 391; Лапшин 1983: 3; Лапшин 1990: 1, № 1).

4. Д. Замежье. По сведениям, полученным В.А. Лапшиным от жителей д. Поддубье и Куболово, в 3-4 км от деревни, на пустоши в лесу, есть «каменный крест в каменном основании и могилы» (Лапшин 1983).

5. Д. Почипово. В 1911 г. у деревни отмечено «древнее кладбище», на котором было около 10 упавших каменных крестов и несколько круглых камней с надписями. Кресты не сохранились (Романцев 1911: 116; Репников 1931: 18, № 392; Лапшин 1990: 10, № 4).

6. Д. Паншино. Два креста в 1983 г. были найдены В.А. Лапшиным с юго-западной стороны деревни (рядом с крайней усадьбой). Переданы в Эрмитаж. Еще несколько крестов стоявших ранее на грунтовом могильнике в 0,5 км к юго-востоку от деревни, на холме «Борок», не сохранились (Лапшин 1983: 2; Лапшин 1990: 10, №7).

7. Д. Волкино. Два каменных креста при деревне отмечены И. С. Романцевым в 1911 г. По устному сообщению А.А. Селина, к моменту осмотра 1991 г. не сохранились (Романцев 1911: 58; Репников 1931: 18, № 393).

8. Д. Филипповичи. Два каменных креста, находившиеся в черте деревни, не сохранились. Один зафиксирован И.С. Романцевым в 1911 г. Разбит в 1930-е годы. По сведениям жителей деревни, крест был высотой около 1,5 м и стоял «на высокой могиле». Еще один небольшой крест стоял, по свидетельству местных жителей, в юго-западной части деревни (Романцев 1911: 65; Репников 1931: 18, № 396; Лапшин 1983: 2; Лапшин 1990: 10, №10).

9. Д. Лютка (рис. 2, 12). Почитаемый каменный крест стоит на окраине д. Лютка, над ключом, рядом с развалинами часовни. Впервые отмечен в 1911 г. Обследован В.А. Лапшиным в 1983 г. По сведениям, собранным в 1996 г., жители окрестных деревень считают, что «водичка с-под креста» помогает от глазных болезней. «Реконструкция» местными жителями почитаемого места и креста привела к тому, что ключ перестал бить из-под него и вышел в нескольких метрах в стороне. Крест побелен (Романцев 1911: 61; Репников 1931: 18, № 399; Лапшин 1983: 5; Лапшин 1990: 13, №19; полевые записи автора, 1996 г.; устная информация В. В. Добышева, 2015 г.).

10. Д. Клюкошицы (рис. 2, 7). И. С. Романцев отметил, что «в часовне д. Клюкошицы есть 3 каменных круглых креста». По сведениям, собранным В.А. Лапшиным в 1983 г., кресты до войны еще стояли. В восточной части деревни, в 150 м от церкви, располагается курганно-жальничный могильник, а в 70 м от церкви — сопка (Романцев 1911: 60; Лапшин 1983: 5-6;). На кладбище с. Клюкошицы, близ Фроловской церкви, находится каменный четырехконечный крест, отмеченный в 1986 г. (полевые записи А.А. Селина, 1986 г.; устная информация В. В. Добышева, 2015 г.). Еще один такой же крест с кладбища был в 2011 г. передан в Российский этнографический музей².

11. Д. Донец-1. (рис. 2, 1-5, 8-10). Не менее 10 каменных крестов «из деревни Донец, Тесовской волости», по сообщению И. А. Шляпкина, в 1910 г. поступили в Новгородский

² http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=454

музей. Рисунки крестов впервые опубликованы А.А. Спицыным в 1903 г.³ В 150 м к юго-западу от деревни, на краю правого коренного берега р. Тесовая, располагается курганно-жальничный могильник. (Спицын 1903: 222, 224; Шляпкин 1906: 21; Репников 1931: 18, № 394; Лапшин 1983: 7; Лапшин 1990: 10, № 15).

12. Д. Донец-2. По сведениям, собранным В.А. Лапшиным в 1983 г., в 3 км от бывшей д. Лахуни, по направлению на северо-восток (или в 6 км от д. Донец в том же направлении), есть «всторок с каменными крестами. На этом месте был покос, называемый “Крестовая Лядина”». Так как «дорога заросла лесом», сведения не проверены (Лапшин 1983: 7; Лапшин 1990: 13, №16).

13. Д. Донец-3. Сведения о каменных крестах в урочище Теменец «типа крестов в д. Лахуни» получены В.А. Лапшиным от жителей д. Поддубье и Куболово. Сведения не проверены (Лапшин 1983).

14. Д. Замостье (уроч. Воротня). В 6 км от д. Замостье, среди болот — «горка, поросшая крупными березами, а на ней — каменные кресты, около 0,5 м высотой». Сведения получены В.А. Лапшиным от жителей д. Поддубье и Куболово, не проверены (Лапшин 1983).

15. Д. Савлово. Четырехконечный каменный крест в часовне (Романцев 1911: 64; Репников 1931: 18, № 400).

16. Д. Вяжище (Лужский р-н, Лен.обл.). Каменный крест близ деревни, отмечен в 1911 г. (Романцев 1911: 58; Репников 1931: 18, № 401).

17. С. Ям-Тесово (Климентовский Тесовский погост). Каменные кресты были зафиксированы А. А. Селиным (полевые записи А. А. Селина, 1990 г.; Репников 1931: 18, № 403).

18. Д. Фралево. Каменный крест близ деревни. В 1911 г. на расстоянии около 1 км от деревни был отмечен каменный крест, а при самой деревне, на берегу Фралевоского озера — 6 сопок (Романцев 1911: 65; Репников 1931: 18, № 397).

19. Д. Жерядки. И.С. Романцев сообщает о том, что в деревне были каменный крест на круглом камне и две сопки высотой около 3 м (Романцев 1911: 59; Репников 1931: 18, № 398).

20. Д. Пищи. По сообщению И.С. Романцева, в 1911 г. в деревенской часовне находились 3 каменных креста. В.А. Лапшин в 1983 г. обследовал жальничный могильник на западной окраине деревни (Романцев 1911: 62; Репников 1931: 18, № 404; Лапшин 1990: 14, № 30).

21. Д. Кипино. Сопка и каменный крест находились, по сообщению И. С. Романцева, на расстоянии около 800 м от деревни (Романцев 1911: 59; Репников 1931: 18, № 405).

22. Д. Мошковы Поляны (бывш. д. Каменные Поляны, рис. 4, 2). По сведениям, собранным А.А. Селиным, в деревне находились каменные кресты (полевые записи А. А. Селина, 1990 г.). В 2009 г. нижняя часть каменного креста «в круге» лежала у дороги в д. Каменные Поляны.

23. Д. Холмцы (рис. 4, 1). Сопка с каменным крестом на пустоши Лощицы в 3,5 км к юго-западу от д. Холмцы зафиксирована в 1987 г. С.Л. Кузьминым. В 25 м к западу от нее располагается курганная группа, а в 0,2 км к северо-западу — курганно-жальничный могильник. (Лапшин 1990: 20, № 75). По устному сообщению С. Л. Кузьмина, три верхние лопасти креста были «секирообразные», отделенные друг от друга овальными вырезами, как у крестов «в круге», но без перемычек. Нижняя лопасть имела выступ-ножку для установки в подпятный камень.

---

³ Рисунок одного креста не был опубликован; еще один крест, возможно, опубликован дважды (Спицын 1903: рис. 333 и 343).

24. Д. Моровино (рис. 2, б). Два каменных креста стояли на курганно-жальничном могильнике в южной части деревни, в 0,3 км от р. Оредеж. Сведения собраны Ю.М. Лесманом в 1979 г. (Лапшин 1990: 15, № 35). По устному сообщению Ю.М. Лесмана, один из крестов был «в круге», второй передан в Эрмитаж.

25. Д. Щупоголово (рис. 2, 12). Почитаемый каменный крест на кладбище рядом с церковью был зафиксирован Ю.М. Лесманом в 1980 г. (Лесман 1980: 19; Лапшин 1990: 14, № 33). Высота креста 98 см, ширина 87 см, толщина 11-13 см. В 1996 г. на лопастях креста и вокруг него лежали монеты (5, 10, 20 руб.), принесенные сюда богомольцами. В начале XX в. над крестом стояла часовня, в 1920-х гг. ее разобрали на дрова. К почитаемому кресту приходят в разные, не только праздничные дни⁴. Богомольцы кладут на него монеты, оставляют рядом с крестом тканые изделия или части одежды, трутся о крест боковыми частями тела, «смывают» крест и умываются «смытой» водой⁵.

О появлении креста и построении церкви в селе записаны следующие предания:

1. «На месте церкви в Щупоголове раньше стояла часовня. Когда была битва со шведами, здесь был похоронен убитый шведский предводитель, потом его матерью приехавшей поставлена часовня, а на месте часовни — церковь. Каменный крест у шведки был поставлен на часовню, потом помещён на нынешнем месте» (полевая запись А. А.Селина, 1993).

2. «Это здесь Ивану Предтечу. Здесь жила Лизавета-княгиня. <...> Лизавета-княгиня жила, и у нее, значит, был сын Иван. А муж помер. И вот война была. Она и говорит: “Если мой сын вот жив останется, то я на этом холме построю церковь во имя Ивана Предтечи. И вот она построила”» (М.Н. Федотова, 1916 г.р., уроженка села; полевые записи автора, 1996 г.).

26. Д. Борщово (или Борщово, бывшая д. Лог). Каменный крест на одном из жальничных погребений курганно-жальничного могильника, расположенного в 0,5 км к западу от д. Борщово, был отмечен в 1905 г. По описанию, он был «в круге», как кресты в д. Кашицы. У Н.И. Репникова упоминается как крест при д. Лог (Репников 1931: 18, № 406). Разведкой 1927 г. не зафиксирован (Целепи 1905: 2об; Гроздилов, Шульц 1927: 100; Лапшин 1983: 7; Лапшин 1990: 15, № 48). По устному сообщению С.Л. Кузьмина, один каменный крест находится у северной окраины деревни.

27. Пос. Оредеж. Курганно-жальничный могильник в бывшей д. Кашицы (теперь — северная окраина пос. Оредеж) впервые исследовал в 1905 г. Л.Н. Целепи. Он сообщает, что на жальниках «были поставлены каменные кресты в круге, которые ныне сняты и сохраняются в часовне». В 1927 г. П.Н. Шульцем и Г.П. Гроздиловым были зарисованы 6 крестов из этой часовни (рис. 3). Четыре из них действительно были «в круге» и имели «ножки» для установки в плиту. Из двух других один, по-видимому, представляет собой

---

⁴ «Престольные» праздники деревни — «Ивана Предтечи» (24 июня ст. ст.) и «Иван — отсечение головы» (29 авг. ст. ст.).

⁵ Из полевых записей автора 1996 г.: Вопрос: «Около него надо что-то оставить?». Ответ: «Да, монетку... Вешают там платочки. Головка болит — так платочек вешают. Вот я раз зимой тоже пришла, а одна женщина с другой деревни пришла — у ей тоже плечи болели. Вот она пальто сняла, а сама вот так об него терлась. И теперь вот прошло, говорит. <...> Тряпочки... Потереть руку и положить. Монетки кладут. <...> Смывают. От глазу... Ребенок другой раз плачет, не спит. Иди смой крест. Мамаша, иди смой. Батюшка сразу пойдет, смоем. Держит от таз и смывает. <...> И взрослому так же» (записано от М. Н. Федотовой, 1916 г. р.).

нижнюю часть разбитого креста «в круге» (обломок был зарисован в перевернутом виде, публикуется в правильном положении), а второй имеет редкую форму. В отчете В.А. Лапшина, проводившего в 1983 г. разведку этой местности, сведений о крестах нет, могильник не сохранился (Целепи 1905: 2; Гроздилов, Шульц 1931: 8, рис. 31; Репников 1931: 24, № 796; Лапшин 1983: 8; Лапшин 1990: 16, № 51).

28. Д. Павшино. Каменный четырехконечный крест был найден крестьянами «вблизи сопки, при распашке». Сопка, около 10 м в диаметре, находилась по левую сторону дороги из д. Павшино в д. Путятино. У основания ее сильно оплывшей поверхности были в беспорядке разбросаны камни. Сведения получены Л.Н. Целепи от священника с. Верхутино (Целепи б. г.: 11).

29. Д. Затуленье (Затуленка). «В д. Затуленке в 11 в. от станции Преображенской (с 1919 г. ст. Толмачево — В. П.) — часовенка с каменным крестом круглой формы и дугами западного типа» (Шляпкин 1906: 21).

30. Д. Колодно. Почитаемый каменный крест на курганно-жальничном могильнике близ деревни. Сведения о нем относятся к 1930-м годам: «На краю дер. Колодно, в 16 км от г. Луги, находится древний могильник. Над ним возвышается несколько елей — остатки “священной рощи”. Бывший помещик дерзнул из ее леса срубить гумно и оно якобы немедленно сгорело. На суку одной ели висел каменный крест, его окачивали водой и ею лечились от разных болезней. Над одной из могил этого древнего могильника выстроена часовня. Сложилась легенда, что в могиле лежит “святой” старец Данила, который будто бы выгесал почитаемый каменный крест. Неизвестно, когда он жил. Да и называют его по-разному: одни — Данила, а другие — Нила. Только одно согласно говорят: он помогал при жизни и, умирая, сказал, что будет помогать и после смерти”. На вопрос, как он помогал при жизни, отвечают: “Всяко — смотрел на солинку, лечил” (т.е. был колдуном). Много ходит легенд про этого старца, про его “чудеса”. На поклонение старцу стекалось много народа. Больные ногами опалзывали три раза часовню и могилу. Припадочных подводили к кресту» (Куразов 1932: 43).

В 1983 г. могильник был обследован Н.И. Платоновой, зафиксировавшей здесь обломок каменного креста, лежавшего на развалинах часовни: «На северо-восточном краю д. Колодно, приблизительно в 250-300 м от берега оз. Колоденского, расположены остатки курганно-жальничного могильника. Сохранилось 17 небольших насыпей жальничного типа, круглой формы с каменными обкладками. Насыпи частью слились между собой. Диаметр их 2,5-5 м, высота — 0,3-0,5 м. В отдельных случаях на поверхность выступают камни жальничных оград, не имеющих насыпи... В отдельных курганах прослеживаются “стелы” — большие камни в головах и ногах... На южной оконечности могильника раньше стояла часовня “на столбиках” (выражение информатора). В настоящий момент основание часовни напоминает миниатюрный (2 x 2 м) круглый курганчик с каменной вымосткой по всей поверхности. На вершине его был найден обломок каменного креста» (Платонова 1983: 3).

1. Д. Наволок. Сведения о каменном кресте на вершине одиночного кургана в д. Наволок впервые получены из сообщения крестьянина Максимова (1891 г.): «Крест этот сделан из дикого (булыжника) камня самой грубой работы и неправильной формы, надписей на нем никаких не имеется, а так же не существует никакого предания ни о времени ни о причине существования сего кургана. Крест, по-видимому, кем-то вынут недавно и находится тут же...». В 1927 г. Г.П. Гроздилов, Н.Н. Чернягин и П.Н. Шульц нашли этот крест установленным на вершине сопки и зарисовали его. Высота в 1891 г. указана 1,24 м. В 1927 г. высота наземной части была 0,85 м. Размах

лопастей около 0, 55 м. В настоящее время крест стоит на том же месте. (Максимов 1891; Гроздилов, Чернягин, Шульц 1931: 1; Лапшин 1990: 27, № 164).

32. П. Межозерный (бывшая д. Кут). Намогильный каменный крест отмечен И.А. Шляпкиным «у деревни Кут, Лужского уезда, около Раковичского озера» (Шляпкин 1906: 21).

33. Д. Старая Середка. Каменный крест на кургане в 13 км от д. Середкино Лужского уезда Городецкой волости отмечен И.А. Шляпкиным (Шляпкин 1906: 21)

34. Д. Большое Конезерье. Каменные кресты на средневековых могильниках (№ 1 и № 2, по нумерации З.В. Прусаковой):

1. Основной курганно-жальничный могильник № 1 находится в 0,2 км от южного берега оз. Врево, на южной окраине бывшей д. Малое Конезерье. Он состоит из сопки, расположенной в центре могильника, окружающих ее курганов и грунтовых погребений. Исследованные погребения относятся к XI–XVII вв. В 1901 г., по сведениям Л.Н. Целепи, на могильнике стоял большой каменный крест. Во время исследований 1927 г. крест не зафиксирован (Целепи 1901; Гроздилов, Шульц 1927; Прусакова 1982: 55-60).

2. Грунтовый могильник № 2 расположен у школы, при впадении р. Конезерки в оз. Врево, на восточной оконечности мыса. Во время исследований 1978 г. «у раскопа, среди камней, снятых с кладок, был обнаружен обломок каменного креста, вписанного в круг» (рис. 4, 4). По словам местных жителей, раньше на могильнике стояло несколько каменных крестов.

Второй сохранившийся крест с этого могильника хранился в школе д. Конезерье. Аналогий среди других каменных крестов пока не имеет (рис. 4, 5). Во время исследований обнаружены 4 детских погребения, из которых одно (ребенок в возрасте до 1 года, с бронзовым крестиком, нашитым на ткань) с северной ориентировкой (Целепи 1901; Шульц, Гроздилов 1927; Прусакова 1982: 55-60; Лапшин 1990: 30, № 196).

35. Д. Старые Полицы. Во время исследований 1908 г. курганов у д. Ситенки (Лужский р-н), С.С. Гамченко получил от от крестьянина этой деревни сведения о том, что «на участке д. Калабутицы — д. Полицы есть “могилы” с плитами, на которых какая-то надпись. Еще недавно в тех местах были старые сосны, а на сучьях этих сосен стояли каменные кресты (равноконечные, концы уширенные) высотой около полуаршина», то есть – около 35 см (Гамченко 1913: 170).

Каменный крест у северо-западной окраины д. Старые Полицы зафиксирован Н.И. Платоновой в 1984 г.: «Найден хозяйкой усадьбы неподалеку от дома, в бывшей “барской” аллее у северо-западной околицы деревни, и она его принесла с тем, чтобы его поставили ей на могилу» (Платонова 1984: 5-6, Лапшин 1990: 36, № 248).

36. Д. Крени. Курганно-жальничный могильник с каменными крестами находился на юго-западной окраине д. Крени, в урочище Могилы. Не сохранился. (Лапшин 1990: 38, № 275).

37. Д. Большие Озерцы (бывшая д. Средние Озерцы). Два каменных креста на сопке в д. Средние Озерцы зафиксированы в 1909 г. К.Д. Трофимовым:

1. Обломок креста из серовато-белого раковистого песчаника, найден внутри кургана. Размеры обломка 25 x 27 см, толщина 7 см. «В центре выбито выпуклое изображение четырехконечного креста на подставке. Над этим крестом сделана небольшая крышка, также выпуклая. Надписей нет».

2. Крест «из того же материала, но значительно больший». Его длина 88 см, ширина 53 см. «Нижний конец расширен и имеет шип для вставки в камень. Крест этот раньше стоял на кургане, а теперь снесен в деревенскую церковь».

Сопка располагается в восточной части д. Большие Озерцы, в 70 м к северу от оз. Мокрое. При раскопках 1909 г. выявлен угольный слой в основании насыпи, без остатков

погребений, и грунтовый могильник в верхней части насыпи. Сопка исследовалась Н.И. Платоновой в 1983 г., сохранился останец насыпи. (Трофимов 1909: 14-16, 66, 68; Платонова 1983: 7; Лапшин 1990: 38, № 277).

38. Д. Юбры. На юго-восточной окраине д. Юбры, справа от дороги, ведущей к шоссе Березно — Поддубье, в поле находится естественный холм. При его распашке, по словам местных жителей, находили каменные кресты и кости. Местное название горы — «Могилы», сведения собраны Н. И. Платоновой в 1983 г. (Платонова 1983: 13).

39. Д. Затрубичье. Сведения о каменных крестах собраны Н.И. Платоновой в 1983 г.

1. «В самой деревне Затрубичье, на одной из усадеб в центре деревни, лет 40-50 назад, по словам очевидцев, стоял большой каменный крест. Над землей он возвышался на 0,6-0,8 м но, будучи выкопан, оказался 1,5 м высотой. Ширина перекрестия была, по-видимому, около 0,5-0,7 м. Крест стоял у центральной деревенской улицы, но был скрыт забором. Когда его выкопали, кругом перекопали довольно глубоко, но костей вроде бы не нашли. Крест был положен вместе с другими камнями в основание моста через ручеек, пересекающий улицу д. Затрубичье» (Платонова 1983: 23)

2. Остатки разрушенного курганно-жальничного могильника в 300 м от юго-западной окраины д. Затрубичье. Урочище называется «Могилы». Местные жители находили здесь кости и каменные кресты. По-видимому, отсюда происходит и крест, стоявший в деревне (Платонова 1983: 24; Лапшин 1990: 48, № 332, № 334).

40. Д. Жог. Курганно-жальничный могильник с каменными крестами у д. Жог, на северной оконечности оз. Жоговское, на небольшом холме. В 1899 г. отмечен В.Н. Глазовым. Обследован в 1979 г., сохранилась часть жальничных погребений. Кресты не сохранились (Глазов 1899: 47об.; Платонова 1979: 10; Лапшин 1990: 51, № 362).

41. Д. Задейшино. Каменные кресты в деревенской часовне. По сообщению конца XIX в., почитаемый каменный крест находился в деревенской часовне св. Николая Чудотворца. У жителей деревни существовало предание о том, что «когда местный управляющий-иноверец приказал взять отсюда крест, разрубить его и бросить в озеро, то сильно захворал и ослеп. Когда его убедили возратить крест на прежнее место, то он выздоровел». Часовня и крест пользовались особенным почитанием прихожан (ИСС 1885: 181; Материалы 1900-1902: 130).

Близ деревни был жальничный могильник с каменными крестами. Могильник не сохранился, а кресты стоят в деревенской часовне (Лапшин 1990: 51, № 360).

42. Д. Славянка. Каменный крест на грунтовом могильнике или жальнике, расположенном в 0,8 км к югу от д. Славянка, на берегу оз. Славенское. «Еще недавно здесь лежал поваленный каменный крест. В настоящий момент крест кем-то утащен. В 100-150 м от него находится “святой родничок” — “целебный” почитаемый ключ, описанный в отчете Лужского отряда за 1982 г.» (Платонова 1983: 31; Лапшин 1990: 53, №380).

43. Д. Ставотино. По сведениям конца прошлого века, в деревне существовал курганно-жальничный могильник с каменными крестами. В отчете Н.И. Платоновой за 1983 г. кресты не упоминаются. (Платонова 1983: 29; Лапшин 1990: 51, № 359).

44. Д. Залустежье (Залустижье). Каменный крест в часовне впервые зафиксирован Н.И. Платоновой в 1979 г.: «Часовня и старинное кладбище, на котором, помимо могил последней войны (расстрелянных) имеются жальники. В часовне обнаружен каменный крест с довольно сложным рисунком» (Платонова 1979: 9, 35, рис. 25; Лапшин 1990: 50, № 354).

Батецкий район Новгородской области:

45. Д. Ивня. По сообщению Л.Н. Целепи, «у самой деревни имеется продолговатый пригорок (естественный), и на нем могильные возвышения, на одном лежит каменный четырехконечный крест без надписи, а деревянный крест, с сделанным в него маленьким выпуклым образом св. Аникиты, стоит невдалеке. По преданию, здесь был монастырь с церковью во имя св. Аникиты, разоренный литовцами» (Целепи б. г.: 9). Ныне не сохранились. Целепи также отмечает большую группу курганов, обложенных камнями по правую сторону дороги из д. Дрёглы в д. Ивня, в виду последней, замечая, что «тут же поставлен крест (на этом месте был найден убитый)». К сожалению, нет сведений о материале, из которого этот крест был сделан. (Целепи б. г.: 8 об.)

46. Д. Столбец. На краю д. Столбцы, по дороге из усадьбы Княжая Гора, по направлению на юг, на пригорке, располагался курганно-жальничный могильник. Позднейшие из исследованных погребений относились к XIV в. Под горой, у жальников, лежала известковая плита, «а на ней разбитый пополам из известкового камня четырехконечный крест. На нижнем конце его, посредине имеется круглое отверстие, конец закруглен». На горе находилась часовня. К этой часовне каждый год 24 июня, в Иванов день, ходил крестный ход. (Целепи б. г.: 5). По сообщению М. Быстрова, часовня была построена «в память того, что здесь, на этой возвышенности, стояла в старину церковь, разрушенная Литовцами. В часовне находится чествуемая местными жителями старинная икона Иоанна Предтечи, изображенного с крыльями за плечами, сохранившаяся будто бы еще от прежней церкви... У самой часовни могила какого-то христианина, покрытая плитой, на которой лежит с незапамятных времен четвероконечный каменный (из плиты) крест в 3/4 аршина длиною и вершка в 2 толщиною; в той точке, где горизонтальная поперечина его пересекает вертикальную, пробито сквозное круглое отверстие в полвершка в диаметре. Столбецкие крестьяне рассказывают, что под этою плитой покоится прах какого-то царя» (Быстров 1879: 404-405; Репников 1931: № 382).

47. Д. Малый Латовец. К юго-западу от д. Малый Латовец, справа от дороги в д. Черная, от последней метрах в 300 и метрах в 30 от р. Черной (левый берег), по сведениям, собранным Л.Н. Целепи, находилась «круглая могила», шириною около 20 м, высотой около 4 м. Поверхность ее «вся усыпана холмиками и поросла кустарником». Крестьяне, выбирая песок из этого места, находили скелеты. Здесь же был найден каменный крест высотой около метра, «который куда-то исчез» (Целепи б. г.: 9об).

48. Д. Велегощи. Два каменных креста близ деревни упоминают И.С. Романцев и Н.И. Репников (Романцев 1911: 58; Репников 1931: 18, № 373).

49. Д. Мячино. Каменный крест с надписью упоминается И.С. Романцевым и Н.И. Репниковым (Романцев 1911; Репников 1931: 18, № 374).

50. Д. Теребони. Каменные кресты упоминаются Н.И. Репниковым (Репников 1931: № 487).

51. Д. Кострони. В ИСС опубликовано сообщение о том, что «в полутора верстах от д. Кострони, близ р. Стройцы есть гора, по имени “Городок”, на которой есть около пяти четвероконечных крестов из известковой плиты». Видимо, имеется в виду то же место, о котором Л. Н. Целепи сообщает следующее. В 0,3 км от деревни расположен холм, на котором была выстроена небольшая часовня. В часовне хранились «несколько истертых икон и четыре каменных грубо вытесанных креста. Вокруг часовни до 10 могил с плитами». О холме говорили, что «здесь была крепость во времена Александра Невского», а по другому преданию — «церковь, которая провалилась в землю». Показывали и место провала — небольшой обрыв на северном склоне холма. 8 июля здесь служился молебен

Казанской Божией Матери, «образ которой здесь явился, но который хранится в часовне у д. Кострони» (ИСС 1884: 384; Целепи б. г.: 9).

52. Д. Кашельково (рис. 2, 11). Почитаемый известняковый крест находится в 1,5 км к востоку от д. Кашельково, на поле, в уроч. Шагин хутор. Раньше здесь стояла деревянная часовня и был родник, теперь почитаемое место запустело. В ходе разведочных раскопок 1996 г. выявлены обломки известнякового креста, остатки часовни, в которой он стоял, монеты XIX–XX вв., фрагменты стеклянного сосуда для лампадного масла, а также культурный слой с фрагментами бело- и сероглиняной керамики конца XV — начала XVI вв. Вероятно, на рубеже XV–XVI вв. здесь существовало небольшое сельское поселение. Впоследствии (скорее всего — в XIX в.) здесь начинает функционировать почитаемое место, которое окончательно запустевает в середине XX в. Пока что неясно, когда и откуда здесь появляется почитаемый известняковый крест. Ближайший средневековый погребальный памятник — это древнерусский могильник у погоста Хрепле, исследованный А.В. Арциховским в 1929 г. Однако результаты раскопок позволяют говорить о том, что почитаемый крест мог и не быть намогильным.

Обнаруженные обломки известнякового креста удалось сложить. В результате получился каменный крест «в круге» с перемычками, без надписей. Диаметр круга 70 см, высота креста 80 см. На расстоянии 2-3 см от края лопастей проложен ободок глубиной около 0,5 см и шириной около 0,5 см. Толщина плиты, из которой сделан крест 7-10 см. Скорее всего, крест относится к обетным памятникам и мог быть привезен из Новгорода⁶ (Панченко, Селин, Яшкина 1997: 365-374).

Южная часть Гатчинского района Ленинградской области

53. Ур. Абрамово (д. Лыссово-2). Каменный крест в часовне. В конце XIX в. Л. Н. Целепи зафиксировал каменный крест «полуовальной формы» в урочище Абрамово (рис. 4, 3). Крест стоял в часовне во имя Параскевы Пятницы на левом берегу р. Луги, в 3-х км от церкви св. Георгия (Целепи б. г.: 110б.).

54. Д. Лыссово-1. Каменные кресты в часовне близ деревни. В конце XIX в. Л. Н. Целепи отметил около деревни, на левом берегу р. Оредеж при впадении ручья Могильного, часовню с каменными крестами такой же формы, что и в ур. Абрамово. В. А. Лапшин в 1984 г. сообщает, что деревня сгорела во время войны и не восстанавливалась, кресты не сохранились. (Целепи б. г.: 12; Лапшин 1984: 6; Лапшин 1990: 77, № 563).

55. С. Кремено-1. В 1984 г. В. А. Лапшин собрал сведения о том, что «в северо-западной части деревни, на песчаном холме, когда-то, по преданию, были каменные кресты». Население называет это место «литовское кладбище» (Целепи б. г.: 12; Лапшин 1984: 7-8).

II. Ещё раз о каменных крестах «в круге»

Поводом для написания этой заметки стала вышедшая в сборнике материалов 59-го семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» статья А.Л. Потравнова и Т.Ю. Хмельник «Каменные кресты в круге на северо-западе России» (Потравнов, Хмельник 2014: 192-204; далее ссылки даются только на страницы в издании). Авторы рассматривают свою статью «как начало большой работы по систематизации и комплексному исследованию каменных крестов

⁶ Крест отреставрирован и передан на кафедру археологии Исторического факультета СПбГУ.

Северо-Западной Руси» (с. 193). Задачи, которые поставили перед собой А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник, сводятся к следующему: дать описание крестов «в круге» (с. 192); очертить ареал их распространения (с. 194-199); наметить первичную хронологию и определить функциональное значение закладных крестов (с. 200-201), а также наметить диапазон возможных аналогий (с. 202-203).

Прежде всего, отметим, что изучение каменных крестов Северо-Западной Руси имеет давнюю историографическую традицию. Впервые каменные кресты, как отдельный вид памятников, описывает архимандрит Макарий (Миролюбов). В работе «Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение» он связывает появление на Руси обычая водружения креста «при заложении городов, церквей, монастырей, пристаней и крепостей, равно и на месте разрушенных храмов» с легендарным временем княгини Ольги (Макарий 1859: 84). Он же первым включает сведения о каменных крестах в «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях», отмечая при этом, что кресты «вкладывались на поклонение и в поминовение душ в стены церквей... Хотя летописцы и не упоминают об этих крестах» (Макарий 1860: 29-30). Архимандрит Макарий не приводит сведений «вещеведческого» характера (о размерах, материале, форме памятников и т. д.). В основном он описывает местонахождение креста и иногда содержание надписи на нем. Но так как к началу XX в. многие кресты, отмеченные Макарием, исчезли, его работы являются уникальным источником сведений об этих памятниках.

В начале XX в. почти одновременно выходят две работы, посвященные комплексному изучению каменных крестов — исследования А.А. Спицына (Спицын 1903) и И.А. Шляпкина (Шляпкин 1906, перепечатанная в ИРАО в 1907 г.). Эти работы, актуальные до сих пор, основываются практически на одном и том же материале, даже нумерация рисунков у обоих авторов одинакова, поскольку, как пишет И.А. Шляпкин, «Почти половина снимков (приводимых А.А. Спицыным. — В. П.) взята из коллекции, составленной мною во время экскурсий, преимущественно в Новгородской губ., совершенных по поручению Императорской Археологической Комиссии» (Шляпкин 1906: 9). Сравнивая эти исследования, необходимо отметить различный подход авторов к изучаемому материалу. А.А. Спицын своей задачей считал постановку проблемы с археологической точки зрения и выделил три основных вопроса: о происхождении обычая устанавливать каменные кресты, происхождении частных форм крестов и причинах «расцвета» данных памятников именно в Новгородской земле (Спицын 1903: 32). И.А. Шляпкин рассмотрел более широкий круг вопросов. Он стремился показать наличие связи между намагильными крестами и предшествующими им погребальными сооружениями — саркофагами и голбцами, выделил по форме лопастей 9 типов каменных крестов и провел сравнительный анализ форм каменных и деревянных крестов, а также крестов-тельников с изображениями крестов на печатях, монетах и с крестами-граффити новгородских церквей для выявления наиболее древней формы креста. Также И.А. Шляпкин обратился к проблеме происхождения и назначения закладных крестов «в круге» и пришел к выводу, что данные памятники появились в Новгороде «благодаря юго-славянскому влиянию» как «особый тип обетного креста» (Шляпкин 1906: 36-38).

В 1996 г. вышла работа Е.В. Солениковой о закладных крестах в архитектуре Северо-Запада России (Соленикова 1996). Публикация состоит из аналитической части, в которой рассматривается динамика традиции на протяжении XIV–XIX вв., и каталога памятников, включающего данные о количестве, типах и времени закладки крестов в стены церквей.

Проблемы, связанные с изучением функций каменных крестов — намогильных, обетных и закладных — рассматривались также в статье «Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв.» (Яшкина 1998б). Обзорная статья «К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси» вышла в 1998 г. В ней были даны краткие характеристики самых ранних памятников и описание региональной специфики и динамики распространения каменных крестов XII–XVII вв. в Новгородской, Псковской, Ростовской, Тверской, Владимиро-Суздальской и Московской землях. В статье отмечалось, что для изготовления новгородских крестов «в круге» и крестов доминантного для Ижорского плато («ижорского») типа использовался один и тот же технологический прием (Яшкина 1998а: 83).

Результаты новых данных о каменных крестах были кратко изложены в статье «Каменные кресты Ижорского плато» (Панченко 2009). Отмечалось, что существует несколько региональных скоплений крестов: район Ижорской возвышенности к югу от Финского залива, район нижнего течения р. Оредеж и верхнего течения р. Луги, район водораздела бассейнов рек Сяси, Мсты и Мологи, район оз. Самро, нижнего течения р. Плюссы и северо-восточного Причудья, район нижнего течения р. Великой и юго-западного побережья Псковского озера (Псковско-Изборский регион). Указывалось, что «предлагаемый к публикации каталог каменных крестов Ижорского плато является лишь частью общего свода средневековых русских крестов, работа над которым началась еще сто лет назад И. А. Шляпкиным и до сих пор не завершена» (Панченко 2005: 424). В этой же статье еще раз обращалось внимание на проблему сходства и различия каменных крестов «в круге» и «ижорских» крестов (Панченко 2005: 422–423).

Таким образом, каменные кресты были выделены в особый вид памятников в начале XX в., и с тех пор они привлекают внимание исследователей как с археолого-этнографической, так и с художественно-архитектурной точек зрения. Существуют не менее двух десятков работ, посвященных изучению отдельных каменных крестов, а также работы, посвященные выделению новых типов крестов (Седов 1976; Панченко 2005). Данные о средневековых крестах включены в соответствующие своды — археологических источников, надгробий, памятников прикладного искусства.

Очевидно, что статья о крестах «в круге» А. Л. Потравнова и Т. Ю. Хмельник не является началом «большой работы по систематизации и комплексному исследованию каменных крестов Северо-Западной Руси»: авторы статьи занимались в основном сбором полевого материала и значительно меньшее внимание уделяли изучению работ предшественников⁷.

---

⁷ Библиография к статье, включает 16 работ (с. 204). Она крайне неполная, составлена небрежно. Так, одна из работ обозначена «Сборник статей, посвященных 70-летию М. К. Каргера» без указания названия статьи и ее автора (Бочкарева 1974).

Обратимся непосредственно к проблеме изучения крестов «в круге». До настоящего времени для этого типа крестов было принято определение, данное И.А. Шляпкиным (Шляпкин 1906: 27): «Все четыре конца утолщаются к краям (дугообразное, почти круговое направление боковых линий, а иногда прямо скреплены кругом)» (тип 7). «Крест как бы вписан в круг с дугообразными выемками. Равносторонние концы сливаются с кругом – так называемые закладные кресты» (тип 8)⁸. Сходное определение надгробных «крестов с кругом», давал А. А. Спицын: они «все имеют расширенные концы, так что части круга являются как бы перемычками для них» (Спицын 1903: 224).

А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник предлагают для памятников следующее определение: крест «в круге» это «объемный четырехконечный крест, изготовленный из цельного куска природного камня», лопасти которого или «заключены в круг», или «изготовлены таким образом, что создают иллюзию круга» (с. 193-194). Казалось бы, описание сводится к определению И.А. Шляпкина. Однако, исключение из описания такой характерной для крестов «в круге» детали, как дугообразное завершение лопастей, и добавление к описанию «иллюзии круга» позволило А.Л. Потравнову и Т.Ю. Хмельник отнести к типу крестов «в круге» несколько «ижорских» крестов, в частности — крест из д. Плещевицы (с. 196, 197, 200, рис. 2, 2).

Рисунок креста из д. Плещевицы был взят из публикации «Каменные кресты Ижорского плато» (Панченко 2005: рис. 5, 1). Этот крест является наиболее ранним датированным памятником «ижорского» типа. У крестов «ижорского» типа лопасти образованы путем высверливания четырех отверстий в ромбовидной (то есть, имеющей углы) плите. Этот технологический прием действительно сближает их с типом крестов «в круге», широко распространенным в Новгороде и в области нижнего течения р. Оредеж и верхнего течения р. Луги (Яшкина 1997б; Панченко 2005). Последовательное наблюдение за развитием и распространением подобных технологических приемов может способствовать лучшему пониманию процессов сложения и распространения различных морфологических типов крестов. Объединение двух типов крестов («ижорского» и «в круге») в один непродуктивно для дальнейших исследований. Однако А. Л. Потравнов и Т. Ю. Хмельник игнорируют различия в формах и считают, что «одно из главных отличий каменных крестов Ижорского плато — в изображении креста в центральной части» (с. 197).

Объединение крестов разных типов привело к тому, что на карте распространения (с. 199, рис. 3) областью наибольшей концентрации крестов «в круге» оказывается северо-запад Ижорского плато. При этом и на карте, и в перечне памятников отсутствуют известные классические новгородские кресты «в круге».

В районе нижнего течения р. Оредеж и верхнего течения р. Луги, где кресты «в круге» отмечались еще в начале XX в., на карте А.Л. Потравнова и Т.Ю. Хмельник отмечены всего два креста: Борщово (пункт 8) и Каменные Поляны (пункт 9). При этом остались неучтенными три креста «в круге» из д. Донец (Спицын 1903: рис.

---

⁸ Современные реставрационные работы показали, что кресты типа 8, закладные в стенах церквей, также имеют длинные ножки, скрытые ранее под штукатуркой. Пользуясь случаем поблагодарить Е.В. Соленикову за консультацию.

345, 346, 354); крест «в круге» из д. Большое Конезерье (Прусакова 1982); крест «в круге» из д. Кашельково (Панченко, Селин, Яшкина 1997; 2000).

Такая же ситуация с крестами Волховского р-на Ленинградской обл., ни один из которых не отмечен на карте: крест из д. Конец (Спицын 1903: рис. 352; Панченко 2009б: рис. 13, 5); крест из д. Мыслово (ИСС 1884: 210; Панченко 2009б: с. 146); крест из д. Белые Кресты (Яшкина 1997а: 70; Панченко 2009б: рис. 13, 2).

Очевидно, что составление полноценного каталога памятников невозможно без детального изучения имеющихся публикаций и архивных источников. Правда, А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник называют основной причиной, не позволившей им подсчитать точное количество памятников, закрытые фонды музеев (с. 193). При этом в Новгородском музее авторы побывали, но точного количества хранящихся там крестов «в круге» все же не подсчитали, указав приблизительную цифру — около 20 и обломки (с. 194). Однако даже на 2004 г. в музее насчитывалось не менее 60 крестов «в круге», и коллекция постоянно пополняется материалами новых раскопок.

В Русском музее был учтен только Боровичский крест по публикации Порфиридова (Порфиридов 1963), однако не упоминается новгородский крест «в круге», опубликованный в каталоге к музейной выставке в 2011 г. (Русский музей 2011: С. 390. Кат. № 213).

Стоит сказать несколько слов о выборе рисунков для публикации. На с. 196 (рис. 2) приводятся шесть изображений каменных крестов «в круге» из Новгородской и Псковской земель. Три из них — фотографии крестов Псковского региона и Ижорского плато, сделанные авторами статьи, а три — рисунки, взятые из публикаций: рисунок креста, обнаруженного в обломках, из Карелии (Шахнович, Бельский 2009: 176-185); рисунок «ижорского» креста из д. Плещевицы (Панченко 2005: рис. 5, 1)⁹; рисунок креста «в круге» из ц. Спаса на Ильине в Новгороде (Спицын 1903: рис. 360)¹⁰. В нижней части последний, очевидно, был реконструирован — так памятники выглядели в стенах церквей в начале XX в. Однако после проведенных в Новгороде реставрационных работ оказалось, что «ножки» закладных крестов были скрыты под штукатуркой: «На новгородских памятниках нами не встречено ни одного непосредственно «закладного» (выражение Шляпкина) креста, который не имел бы основания и ножки, т.е. совершенно круглого. Приведенные в таблицах А.А. Спицыным и И.А. Шляпкиным 4 креста такого типа (№№ 356, 357, 359, 360), по нашему мнению, могли быть переделаны в позднее время» (Красноречьев 2014а: 243)¹¹.

---

⁹ Из-за мелкого масштаба, в котором перепечатан рисунок, не сразу заметно, что единственная неповрежденная лопасть этого креста имеет двускатное завершение, то есть — угол, и уже поэтому его нельзя относить к типу крестов «в круге».

¹⁰ Крест из ц. Спаса на Ильине хранится не в Новгороде, как считают А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник (с. 195): он был передан вместе с несколькими другими крестами в Исторический музей в Москве. Кроме того, крест не был закладным, а использовался в кладке сводов храма как строительный материал (Шляпкин 1906: 20).

¹¹ В настоящее время в ГИМе хранятся именно обломки этих крестов — скорее всего, очищенные от поздней (гипсовой?) «доработки»

Поэтому можно сказать, что в публикации А.Л. Потравнова и Т.Ю. Хмельник нет ни одного рисунка целого классического креста «в круге».

На с. 194 приведена таблица количества крестов «в круге» из стен новгородских церквей (83 креста); кресты ц. Спаса на Ковалеве, не включенные в таблицу, упоминаются отдельно на с. 195. Таблица не содержит никакой информации, кроме количества крестов. Однако известно, что кресты в церкви закладывались в разное время (одни непосредственно при постройке, другие при позднейших ремонтах), в разные стены (апсида, фасад, прясло, лопатка или притвор) и на разные ярусы. Приведенная ниже таблица, составленная на основании опубликованных Е.В. Солениковой данных, дает представление о количестве крестов, попадавших в стены церквей в разные хронологические периоды — начиная с XIV в. непосредственно при постройке церкви, а позже — при ремонтах (Соленикова 1996; Панченко 2014: 217).

Время закладки	Количество в городах			
	Новгород	Псков	Старая Русса	Изборск
1360-1400	45	3	—	—
1401-1450	17	—	8	—
1451-1500	9	7	—	—
XVI век	28	7	—	—
XVII — XIX вв.	29	—	1	11

Не учитывая столь важную и доступную после публикации Е.В. Солениковой информацию, невозможно переходить к решению вопросов о хронологии и функциональной типологии закладных крестов. Однако А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник считают, что «выяснение данного вопроса (то есть, времени закладки — В. П.) выходит за рамки настоящей статьи» (с. 195), хотя и позволяют себе «предположить диапазоны датировок», для чего, по их мнению, сначала «необходимо выяснить предназначение закладных крестов» (с. 200). Нет ничего удивительного в том, что после такого поверхностного подхода к решению проблемы, ответы на поставленные вопросы оказываются и необоснованными, и неверными.

Основаниями для датировки каменных крестов могут быть: дата на кресте или упоминание в надписи известного исторического имени, датировка погребения, палеографический анализ надписи, стилистические особенности изображений, время закладки в стену церкви (верхняя дата). Существует два датированных каменных креста «в круге»: Алексеевский из Софийского собора в Новгороде (1360-1388 гг.) и Боровичский из Русского музея (рубеж XIII – XIV вв.)¹². Во второй половине XIV в. именно кресты «в круге» приобретают в Новгороде широкое распространение. К этому типу относится и сохранившийся деревянный «Людогощинский» крест 1359 г. Все три креста, несомненно, обетные. При строительстве всех храмов второй половины XIV – начала XV в., закладываются кресты «в круге», причем исключительно в первом ярусе. Время постройки

¹² А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник приводят еще датировку намогильного креста из д. Плещевицы, не имеющего, как уже было сказано, никакого отношения к закладным крестам или новгородским крестам «в круге».

церкви, таким образом, является верхней датой времени изготовления следующих памятников: пяти крестов северного притвора ц. Спаса на Ковалево, пристроенного в 1360-е годы; пяти крестов на ц. Петра и Павла на Славне (1367 г.); десяти крестов ц. Спаса Преображения на Ильине (1374 г.); одного креста ц. Рождества Христова на Красном поле (1380 г.); четырех крестов ц. Покрова в Зверинском монастыре (1399 г.)¹³. Все перечисленные кресты не содержат надписей. Таким образом, кресты «в круге» без надписей существовали уже во второй половине XIV в. Но, по мнению А.Л. Потравнова и Т.А. Хмельник, кресты «либо вовсе без выпуклого изображения сакральной формулы (имеются в виду монограммы — *В. П.*), либо с небольшим выпуклым четырехконечным крестиком» появились во второй половине XV в. «или чуть раньше», так как «дальнейшее упрощение *узора* (курсив мой. — *В. П.*) и изображения скорее связано с необходимостью *удешевления и ускорения производства* каменных крестов» (с.201)¹⁴.

Факты же свидетельствуют о том, что с начала XV в. закладные кресты помещаются уже в стенах не всех строящихся церквей, располагаются не обязательно в первом ярусе, а на любой высоте, при этом количество их сокращается, и в стены церквей попадают не только кресты без надписей, но и кресты с монограммами или обетными посвящениями, и надгробные кресты разных типов, а также обломки крестов, что, возможно, указывает на прекращение производства этих памятников и начало вторичного использования крестов любых типов.

Вопрос о функциональном значении закладных крестов довольно сложный. Архимандрит Макарий (Макарий 1859) предложил два варианта — кресты вкладывались «на поклонение» и «в поминовение душ», так же считал и В.В. Суслов (Суслов 1888). И.А. Шляпкин склонялся к тому, что закладные кресты несли исключительно поклонную или обетную функцию. Е.В. Соленикова добавила к этому «охранную» функцию (впрочем, на наш взгляд, неотделимую от поклонной или обетной) и декоративную. По мнению Л.Е. Красноречьева, «традиция установки вкладных крестов, предназначавшихся вначале для культа, со временем потеряла свою роль, и кресты в большей степени стали служить в качестве декоративных элементов в оформлении фасадов» (Красноречьев 2014б: 216). Возможно, что крест «в круге», как считал И.А. Шляпкин, действительно был изначально особым типом отдельно стоящего «обетного» (но не закладного) креста. Такие кресты могли устанавливаться в церквях или часовнях по обету, а позже, при постройке новых каменных церквей, стали закладываться в стены. Необходимо отметить, что три известных самых ранних закладных креста не «в круге», а четырехконечные без надписей — из ц. Входа в Иерусалим 1336-37 гг.¹⁵ (Антипов и др. 2011: ил. 9; Антипов и др. 2013: 56) и ц. Федора Стратилата на

---

¹³ Здесь еще не учтены кресты «в круге» ц. Рождества Богородицы на Молоткове из недавно опубликованной рукописи Л.Е. Красноречьева: три креста «в круге» без надписей были заложены в XIV в., два «в круге» с надписями — в XVII в. (Красноречьев 2014а).

¹⁴ Чтобы не возвращаться к теме надписей отметим, что надпись на кресте из с. Еройла воспроизведена в статье А.Л. Потравнова и Т.А. Хмельник неточно (с. 197).

¹⁵ Благодарю И.В. Антипова за предоставленные сведения.

Ручье 1360 г. (Красноречьев 1977). Тем не менее, во второй половине XIV в. распространилась традиция закладки именно крестов «в круге», которые в стенах церкви встречаются чаще, чем кресты всех остальных типов.

Принято считать, что все кресты «в круге» имеют новгородское происхождение. Но еще А.А. Спицын отмечал, что в среднем течении Оредежа, крупнейшего притока Луги, наблюдается большая концентрация каменных крестов — как равноконечных, названных А.А. Спицыным «жалничными новгородского типа», так и крестов «в круге», которые «по материалу, композиции, орнаменту и надписям совершенно тождественны крестам без круга» (Спицын 1903: 222, 224). Эти кресты действительно сходны по многим признакам: по краю они обведены рельефным ободком, в нижней части переходящим в орнамент «волчий зуб». Обязательны рельефные монограммы IC, XC, НИКА, причем часто написанные зеркально, с искажениями или пропусками букв. У всех четырехконечных крестов есть «ножка» для установки в подпятный камень, кресты «в круге» могут быть с «ножкой» и без нее. Четырехконечные кресты необходимо привлекать в качестве аналогий для изучения крестов «в круге» данного региона, так как они возможно, происходят из одной мастерской.

Попробуем подвести некоторые итоги. Изучение каменных крестов сопровождается многочисленными трудностями, так как кресты являются памятниками эпиграфики и монументальной скульптуры, архитектурными деталями и частью постоянно изменявшегося погребального обряда, почитаемыми объектами и в тоже время предметами, перемещаемыми с места на место и разрушаемыми, особенно после 1917 г. В музейных коллекциях кресты из наиболее многочисленной группы намогильных каменных крестов (с монограммами или без) так же почти не изучались, а сведения об их происхождении не фиксировались, как правило, до 1960-х годов. Несмотря на постепенное приращение источниковедческой базы и увеличение количества работ, посвященных тем или иным аспектам изучения каменных крестов, появление памятников в Новгородских, Псковских, Московских землях в различные исторические периоды с XI по XVII в., до сих пор не может быть с уверенностью отнесено к влиянию той или иной традиции. Исследование пока что находится на стадии выявления доминантных (или локальных) типов, характерных для какого-либо хронологического среза или определенной территории. Изучение взаимосвязей этих типов позволит в дальнейшем проследить динамику их распространения, выявить более ранние формы и определить источники их возникновения.

Однако методы, которыми А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник пытаются решить поставленные задачи, не имеют научной основы, что приводит авторов к серии неверных выводов. Прежде всего, предлагаемое в статье вольное определение типа каменных крестов «в круге» взамен существующего ничем не обосновано. Смысл подсчета количества крестов заключается не в том, чтобы узнать общее количество памятников, но в том, чтобы сравнить количество крестов разных типов на определенных локальных территориях и выделить регионы, для которых кресты «в круге» будут являться доминантным типом и регионы, где они будут попадаться в качестве случайных находок, а преобладающими будут кресты других форм. Такого сравнительного анализа в статье нет. Авторы не используют

архивные материалы, в которых содержатся сведения о крестах «в круге» и их рисунки. Мы не можем доверять мнению авторов о датировках и функциях крестов этого типа, поскольку вопрос о времени попадания крестов в стены они оставили за рамками статьи и не отличают кресты, вложенные при постройке церкви XIV–XV вв., кресты, вложенные при ремонте церкви в XVII–XIX вв. и кресты, обнаруженные в кладках как строительный материал. Изучение же надписей на новгородских крестах может быть продуктивным только после составления палеографических таблиц с привлечением полного свода надписей на всех памятниках.

Литература

- Антипов и др. 2011 — *Антипов И.В., Булкин В.А., Жервэ А.В., Родионова М.А.* Изучение церкви Входа Господня в Иерусалим 1336-1337 гг. в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 25. Великий Новгород. 2011.
- Антипов и др. 2013 — *Антипов И.В., Булкин В.А., Жервэ А.В., Родионова М.А.* Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в Новгородском Детинце в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород. 2013.
- Бочкарева М. Н.* Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея // Культура средневековой Руси. Сборник статей, посвященный 70-летию М. К. Каргера. Л. 1974.
- Быстров 1879 — *Быстров М.* Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, С.-Петербургской губернии // Известия Императорского Российского археологического общества. т. IX. Вып. 4. СПб. 1879.
- Гамченко 1913 — *Гамченко С.* Исследование курганов у д. Сытенки, на левом берегу р. Луги, в 1908 году // Записки отделения Русской и славянской археологии Императорского Российского археологического общества. Т. IX. СПб. 1913.
- Глазов 1899 — О раскопках В. Н. Глазова в 1899 г. в Гдовском у. // Архив ИИМК РАН. Ф.1 (ИАК) 1899 г. Д. 50.
- Гроздилов, Чернягин, Шульц 1931 — Материалы по учету городищ, курганов и жальников в дд. Наволок, Петровская, Петровский Погост, Подгородье, Пустой Брод, Раковицы, Рассохи, Репьи Лужского р-на (сведения, чертежи и рисунки) - обследования Г. Гроздилова, Н. Чернягина и П. Шульца в 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2 (ГАИМК) 1931 г. Д. 94.
- Гроздилов, Шульц 1927 — Отчеты, дневники и чертежи П.Н. Шульца и Г.П. Гроздилова по разведке в Лужском у. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2 (ГАИМК) 1927 г. Д. 106.
- Гроздилов, Шульц 1931 — Материалы по учету курганов и жальников в дд. Ерышево, Кашицы, Лог и городища на мызе Надбилье (сведения, чертежи и рисунки) — обследования П. Шульца и Г. Гроздилова в 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.2 (ГАИМК) 1931 г. Д. 98.
- ИСС 1884 — Историко-статистические сведения о СПб епархии. Т. IX. СПб. 1884.
- ИСС 1885 — Историко-статистические сведения о СПб епархии. Т. X. СПб. 1885.
- Кеппен 1822 — *Кеппен П. И.* Список русским памятникам. М. 1822.

- Красноречьев 1977 — *Красноречьев Л.Е.* О датировке вологовских фресок // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М. 1977.
- Красноречьев 2014а — *Красноречьев Л.Е.* Вкладные кресты церкви Рождества Богородицы на Молоткове в г. Новгороде // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Выпуск 5. Великий Новгород. 2014.
- Красноречьев 2014б — *Красноречьев Л.Е.* Краткий обзор новгородских вкладных крестов // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 5. Великий Новгород. 2014.
- Куразов 1932 — *Куразов Н.* По колхозам Ленинградской области // Антирелигиозник. 1932. № 17/18.
- Лапшин 1983 — *Лапшин В.А.* Отчет о разведке в Лужском р-не. // Архив ИИМК РАН. Ф.35 1983 г. Д. № 73, 74.
- Лапшин 1984 — *Лапшин В.А.* Разведка в Ленинградской обл. // Архив ИИМК РАН. Ф.35 1984 г. Д. № 71-73.
- Лапшин 1990 — *Лапшин В.А.* Археологическая карта Ленинградской области. Часть I. Л. 1990.
- Лесман 1980 — *Лесман Ю.М.* Разведочные работы Оредежского отряда // АО 1980 года. М. 1981.
- Лесман 1995 — *Лесман Ю.М.* Древнерусский Тесов // Древности Северо-Запада России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб. 1995.
- Макарий 1859 — *Архимандрит Макарий (Н. К. Миролюбов).* Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение // Известия Императорского археологического общества. Т. II. 1859.
- Макарий 1860 — *Архимандрит Макарий. (Н. К. Миролюбов).* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I-II. М. 1860.
- Максимов 1891 — О кургане в д. Наволок в 17 в. от г. Луга (по сообщению крестьянина Максимова) / Архив ИИМК РАН. Ф.1 (ИАК) 1891 г., д.137.
- Материалы 1900-1902 — Материалы для составления археологической карты Гдовского уезда / Архив ИИМК РАН. Ф.37 (Н. К. Рериха) 1900-1902 гг. Д. 3.
- Медынцева 2000 — *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. М. 2000.
- НПЛ — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л. 1950.
- Панченко 2002 — *Панченко В.Б.* «Поставлен святой крест...»: о надписях на средневековых каменных крестах // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 декабря 2001 г. Сборник статей. СПб. 2002.
- Панченко 2009а — *Панченко В.Б.* Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum Plus. № 5. 2005-2009 г. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2009.
- Панченко 2009б — *Панченко В.Б.* Ладожские деревянные кресты: неопубликованные материалы Н. И. Репникова из фотоархива ИИМК РАН // Староладожский сборник. Выпуск 7. Старая Ладога. 2009.
- Панченко 2014 — *Панченко В.Б.* Каменные кресты из коллекции академика Н. П. Лихачева // Труды Государственного Эрмитажа т. LXXI. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. СПб. 2014.

- Панченко, Селин, Яшкина 1997 — *Панченко А.А., Селин А.А., Яшкина В.Б.* Почитаемое место у д. Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной святыни // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28-30 января 1997 г.). Новгород. 1997.
- Панченко, Селин, Яшкина 2000 — *Панченко А.А., Панченко В.Б., Селин А.А.* Почитаемое место у д. Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования // Российская археология. № 2. 2000.
- Платонова 1979 — *Платонова Н.И.* Отчет Лужского отряда Северо-Западной экспедиции ЛГУ о разведке в Лужском р-не в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 7542.
- Платонова 1983 — *Платонова Н.И.* Отчет о полевых исследованиях в Ленинградской и Новгородской областях. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10653, 10653а.
- Платонова 1984 — *Платонова Н.И.* Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Лен.областной экспедиции ЛОИА в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10242, 10242 а, б.
- Порфиридов 1963 — *Порфиридов Н.Г.* Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры (каменный крест из Боровичей) // Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М. 1963.
- Потравнов, Хмельник 2014 — *Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю.* Каменные кресты в круге на северо-западе России // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 59-го заседания. Вып. 29. М.; Псков; СПб. 2014.
- Прусакова 1982 — *Прусакова З.В.* Топография могильников у д. Конезерье на оз. Врево // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л. 1982.
- Репников 1931 — *Репников Н.И.* Жальники Новгородской земли // Известия ГАИМК. Т. IX. Вып. 5. 1931.
- Романцев 1911 — *Романцев И.С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород. 1911.
- Русский музей 2011 — Русский музей представляет: Святая Русь. Альманах. СПб. Вып. 302. 2011.
- Седов 1976 — *Седов В.В.* Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М. 1976.
- Селин 1996 — *Селин А.А.* Ивангородская дорога. СПб. 1996.
- Селин 1997 — *Селин А.А.* Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Староладожский. СПб. 1997.
- Селин 2003 — *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI-XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб. 2003.
- Соленикова 1996 — *Соленикова Е.В.* Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб. 1996.
- Спицын 1903 — *Спицын А.А.* Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки отделения Русской и славянской археологии Императорского Российского археологического общества. Т. V. Вып. 1. СПб. 1903.
- Суслов 1988 — *Суслов В.В.* Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб. 1888
- Трофимов 1909 — О раскопках К. Д. Трофимова в д. Средние Озерцы в Гдовском уезде в 1909 и 1910 гг. // Архив ИИМК РАН. Ф.1(ИАК) 1909 г. Д. 128.

Целепи 1901 — *Целепи Л.Н.* Сведения о памятниках Лужского уезда Петербургской губ. для составления археологической карты губернии. // Архив ИИМК РАН. Ф.37 (Н.К. Рерих). Д. 6.

Целепи 1905 — *Целепи Л.Н.* О раскопках С.-Петербургского археологического института в Новгородском и Лужском уездах. // Архив ИИМК РАН. Ф.1 (ИАК) 1905 г. Д.51.

Целепи б. г. — *Целепи Л. Н.* К археологической карте Петербургской губернии — Восточная часть Лужского уезда, Водская пятина. // Архив ИИМК РАН. Ф.37 (Н. К. Рерих). Д. 7.

Шахнович, Бельский 2009 — *Шахнович М.М., Бельский С.В.* «Новгородские» каменные кресты Западного Приладожья // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. Эпоха бронзы – позднее средневековье. СПб. 2009.

Шляпкин 1906 — *Шляпкин И.А.* Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и нецерковной службы. СПб. 1906.

Шляпкин. Материалы — Материалы к изданию И.А. Шляпкиным русских вещественных надписей XI-XIII вв. // Фотоархив ИИМК РАН. Альбом Q 692.

Яшкина 1997а — *Яшкина В.Б.* К исследованию каменных крестов Северного Поволжья // Ладога и религиозное сознание. Материалы к третьим чтениям памяти Анны Мачинской 20-22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб. 1997.

Яшкина 1997б — *Яшкина В.Б.* Каменные кресты в культуре населения Северо-Запада Новгородской земли // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. Тезисы конференции молодых ученых Санкт-Петербурга и СНГ. СПб. 1997.

Яшкина 1998а — *Яшкина В.Б.* К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. Материалы I-V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994-1998. СПб; Старая Ладога. 1998.

Яшкина 1998б — *Яшкина В.Б.* Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX-XX вв. // Антропология религиозности. Альманах «Канун». Вып. 4. СПб. 1998.

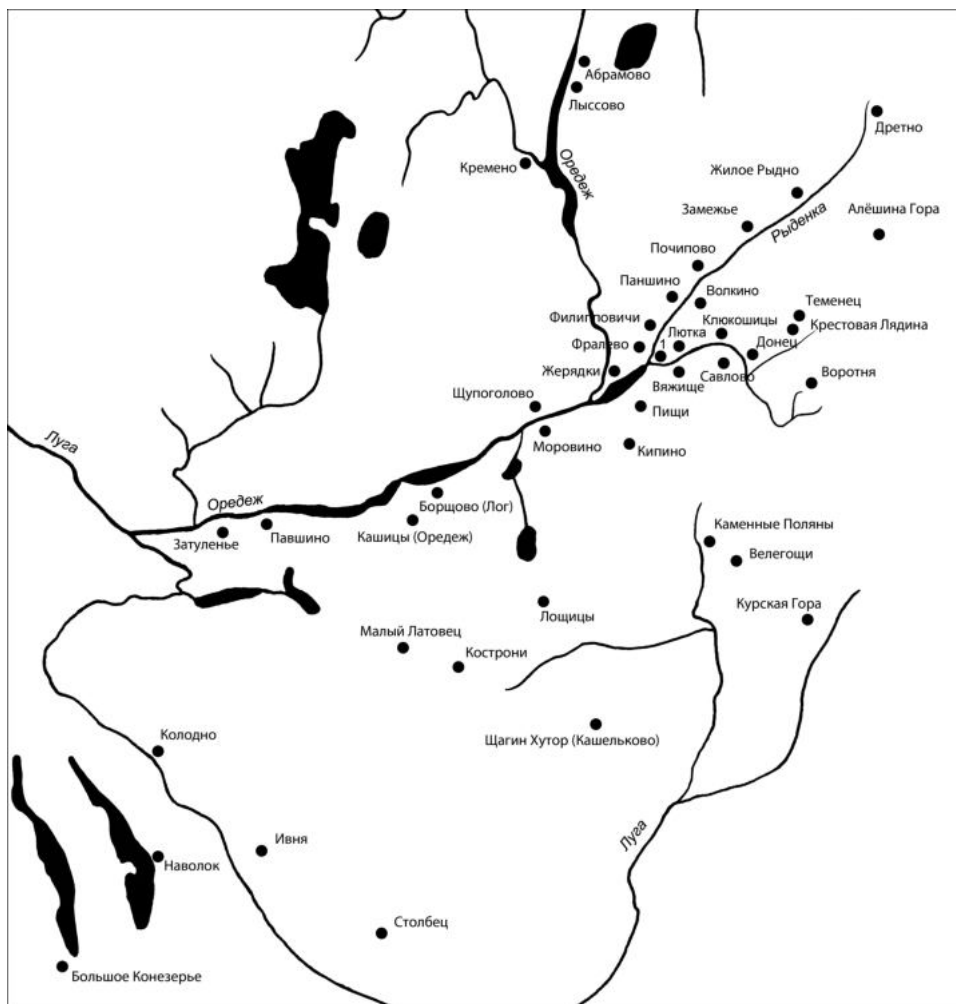

Рис. 1. Карта распространения каменных крестов в Тесовской волости и ее округе.
1 — Климентовский Тесовский погост.

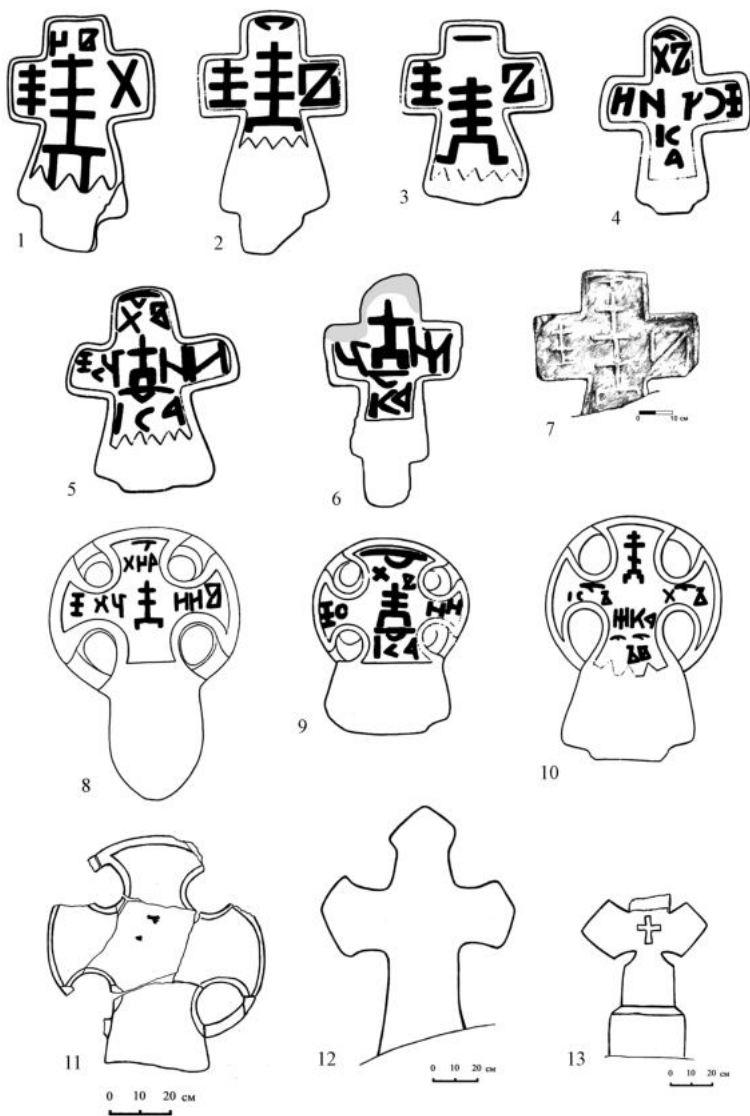
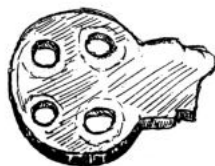
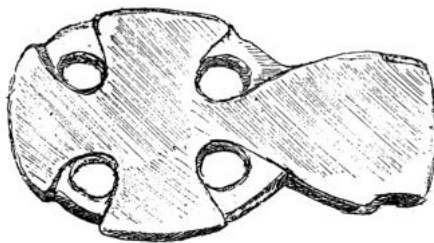
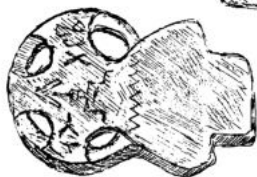

Рис. 2. Каменные кресты Тесовской волости (Климентовский, Тесовский и Спаский на Орездеже погосты). 1-5, 8-10 — д. Донец (Спицын 1903: Рис. 332, 335, 329, 333, 346, 354, 345. В настоящее время крест рис. 335 находится в Псковском Государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, инв. № ВХ/4929); 6 — д. Моровино (прорисовка Ю. М. Лесмана); 7 — д. Ключошицы, на кладбище (рисунок В. В. Добышева, 2015); 11 — д. Кашельково (по: Панченко, Селин, Яшкина 1997: 371, рис. 1); 12 — д. Щупологово (рис. автора, 1996 г.); 13 — д. Лютка (по: Лапшин 1990: 104, рис. 1, 2).

Камень боковой крестовый
 1 м. выс.; 0,55 м. шир.; масса
 на палец 0,9 м.

Каменный крестик
 из часовни д. Кашицы

Рис. 3. Каменные кресты из часовни д. Кашицы (Шульц, Гроздилов 1931: 8, рис. 31).

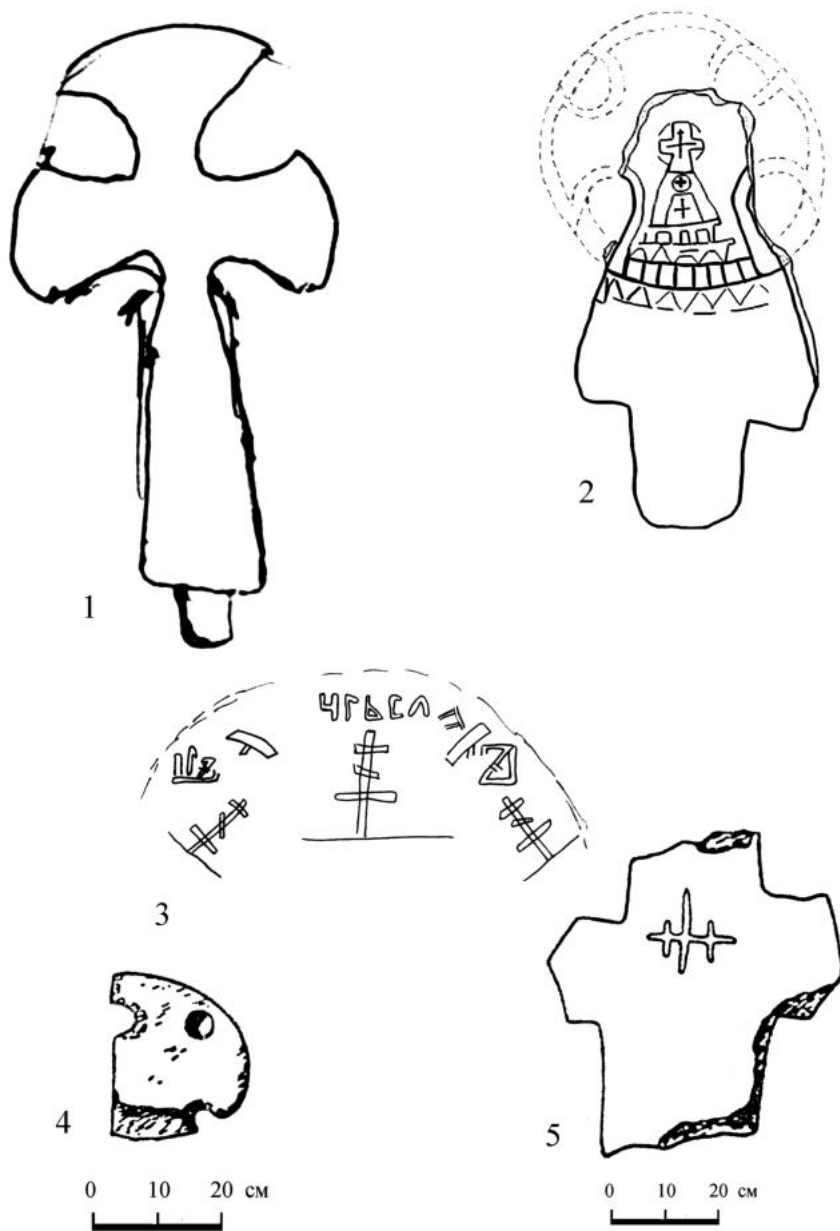

Рис. 4. Каменные кресты Тесовской волости и ближайшей округи. 1 — пустошь Лоцицы (рис. С.Л. Кузьмина); 2 — уроч. Каменные Поляны (прорисовка фото Н.Р. Рахманкуловой, 2009); 3 — уроч. Абрамово (Целепи б. з.: 11об); 4-5 — д. Конезерье (по: Прусакова 1982: рис. 16-17).

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЦЕРКВИ СЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ КЕСАРИЙСКОГО БЛИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Церковь свт. Василия Кесарийского находится в деревне Чернавино, на правом берегу реки Волхов, напротив села Старая Ладога.

Первая каменная церковь на месте деревянной в Васильевском погосте, скорее всего, построена в первой половине XIV в., при новгородском архиепископе Василии в честь тезоименитого ему святителя, как делали многие новгородские князья. После присоединения земель Великого Новгорода к Московскому государству, в первой четверти XVI в. был образован ладожский уезд. Васильевский погост вошел в состав Онежской пятины Ладожского уезда. Из найденных документальных источников первое упоминание о храме на территории погоста встречается в богослужебной рукописной книге Пролог 1501 г., в настоящее время хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. На обороте последнего листа книги имеется владельческая запись: «Лета 7051/1543-го апреля дал сию книгу Пролог в дом св. Василью старец Варламей Ва<силь>евского монастыря Васильев сын Лаптева <пр>и игумени Тарасии» (Пролог 1501).

В конце XVI в. экономическое положение Ладоги и всего Южного Приладожья сильно пошатнулось. Торговля с западноевропейскими городами стала вестись не через Ладогу, а через морской архангельский порт на Белом море. Население не могло обеспечить доходами многочисленных служителей Божиих, монастыри и приходские церкви стали приходить в упадок.

В переписной книге Обонежской пятины, Заонежской половины, составленной Андреем Васильевичем Плещеевым и подъячим Семейкой Кузминым в 7091 (1582/83) году отмечено: «Погост Васильевской на Волхове. На погосте церковь Василей Кисарейски без пения, стоит на Царя и Великаго Князя земле. Да на погосте же мест дворовых: место поповское, место дьячка церковного, место понамарево, место проскурничино. Пашни к церкве не дано». (Неволин 1853: 133-134, 142-143).

В особенно большое запустение Ладога и ладожские монастыри пришли в начале XVII в., в период шведской оккупации края. В 1611 г. они подверглись нападению шведов, которые еще в первой четверти XVI в. приняли лютеранство и не щадили православные обители.

В начале 1618 г. валаамский строитель Сильвестр подал челобитную государю Михаилу Федоровичу Романову о дозволении поместиться в Ладожской Васильевской обители, которая практически пустовала: «... тот де Васильевский монастырь стоит пуст, ... тем монастырем и вотчиною и рыбными ловлями велено б им владеть, как владел того монастыря игумен и братья» (Царская грамота 1618 г.: 130-131, № 96). Когда валаамские иноки начали восстанавливать Васильевский монастырь, единственная каменная церковь стояла осыпавшейся, а сам монастырь был доведен до такой крайности, что «ставится после немецких людей вновь» (Царская грамота 1618 г.: 130-131, № 96).

О скудности средств и лишениях, в которых пришлось совершать духовные труды, говорит тот факт, что в 1627 г., через семь лет после начала

восстановительных работ, у обители не хватало средств даже на воск. Богослужения освещались дранью, и братия жаловалась, что «у них-де в церкви Божии служача с лучиною, образа закоптили» (Царская грамота: 237-238, № 146).

В переписной книге 1647 г. государевых и монастырских вотчинных сел и деревень, дворов и в них людей Обонежской пятины письма Лариона Григорьевича Сумина и подьячего Якова Ефимова указывалось: «Погост Васильевский на Волхове, а ныне в том месте стоит монастырь Васильевский, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы да Василия Кесарийского, а на монастыре три кельи: келья черного священника да две кельи братские...» (Переписная книга: 319 об. — 320 об.).

Бедность обители привела к тому, что к 1666 г. каменный храм настолько обветшал, что его пришлось разобрать практически до основания. Старец Иверского монастыря Маркел, приехавший в монастырь Василия Кесарийского с целью досмотра зданий, движимого имущества, земельных угодий и рыбных ловель по указу Святейшего Патриарха Никона от 1 февраля 1666 года, констатировал «...в Васильевском монастыре церковь бывала каменная, а ныне развалилась до основания, во имя Василия Кесарийского...» (Досмотр 1666 г.: 580-584).

Благодаря записи в сохранившемся синодике (Синодик), мы знаем, что после 20 лет практически полной разрухи, в 1684 г., на фундаменте старого разобранного храма с использованием средства воеводы дворянина Тихона Ивановича Бестужева построили новый каменный — с трапезной палатой, крыльцом у западного фасада и Благовещенским приделом с юга (рис. 1).

28 января 1686 года храм был освящен по грамоте митрополита новгородского Корнилия. Дату возведения новой каменной церкви на месте старой развалившейся подтверждает датировка конькового бревна трапезной палаты, спил которого был исследован в лаборатории дендрохронологии Института археологии РАН Н. Б. Черных; бревно оказалось спиленным в первой половине 80-х годов XVII в.

Из приведённых выше свидетельств по истории Васильевского монастыря явствует, что древняя каменная церковь Василия Кесарийского к 1666 г. «развалилась до основания». В 1686 г. храм был «выстроен заново». Однако вряд ли строители искали новый художественный образ храма. Скорее всего, они пытались воссоздать облик ранее существовавшей церкви с сохранением её плана, как это нередко бывало в России при возобновлении рухнувших церквей. В этом случае в современном облике храма можно попытаться усмотреть черты здания XVI и, возможно, XIV столетий.

Архитектурное решение церкви Василия Кесарийского предельно просто. Это небольших размеров одноапсидная бесстолпная церковь. В плане здание представляет квадрат с полуциркульной апсидой с восточной стороны. Главный вход в храм расположен с западной стороны, где к основному объёму примыкает трапезная с небольшим крыльцом. С южной стороны церковь имеет небольших размеров придел Благовещения. Длина храма: по оси восток-запад — 16,95 м, по оси север-юг — 14,59 м.

При незначительных размерах храма бросается в глаза толщина стен — от 1,5 до 2,91 м, что говорит о невысоком уровне строительного искусства зодчих-строителей. Это подтверждает и кривизна стен, связанная с неправильной разбивкой плана на местности.

Внутреннее расположение помещений хорошо читается на фасадах церкви. На любом из фасадов явно чувствуется основное ядро храма. Эта часть церкви несколько выше трапезной и южного придела и увенчана барабаном и главкой. Главка и барабан меньших размеров возвышается над приделом Благовещения.

Основным декором на всех фасадах здания являются перспективные окна со стрельчатыми завершениями, причем все завершения окон разные. Под карнизом здания протянут, выполненный в кирпиче, поребрик, опоясывающий здание, этот же декоративный прием применен на апсиде и на барабане собственно церкви. Нет поребрика только на стенах придела. Углы здания выделены мощными лопатками. Все помещения храма перекрыты коробовыми сводами с распалубками. Свод придела к стене церкви приложен без перевязки швов. Большой и малый барабаны поставлены на своды.

С западной стороны храма находится небольшой перспективный портал и крыльцо, выложенное плитами известняка. Помимо главного западного портала существует другой вход в храм с южной стороны, где с крыльца в храм ведут два дверных проёма, один из них — в трапезную церкви, другой в придел Благовещения. Перед двумя дверными проёмами, в углу, расположена открытая паперть.

По высоте выделяется лишь главное церковное помещение, своды трапезной и придела несколько понижены.

Весь храм выстроен в одном материале. Это местный, грубо обработанный известняк (волховская плита). Кирпич можно проследить только в сводах в обрамлении окон, и в барабанах. Поверх известняка был нанесён тонкий слой известковой обмазки, не скрывающей неровности каменной кладки.

Если вновь напомнить о времени возрождения храма из руин (XVII в.), установить стилевое единство в решении всех фасадов, вспомнить единый строительный материал и явную одновременность сооружения здания в целом, то закономерным ставится вопрос — кто был создателем этой церкви. Строитель был, несомненно, знаком с новгородской архитектурой, но ярче всего для него были образцы деревянного русского зодчества, которыми славится северный край России и Приладожье. Судя по архитектурным особенностям и неровной кладке, строитель и каменщики здесь же и жили, то есть перед нами, скорее всего, произведение мастеров, пришедших с Валаама и здесь поселившихся. Место для храма было выбрано строителями удачно: он расположен в начале пологого спуска к реке, среди в то время свободно стоящих крестьянских изб и амбаров, окруженный лугами и пашнями.

В плане церкви чётко усматривается аналогия с древнерусскими церквями клетского типа, а система покрытия храма была, скорее всего, заимствована из деревянного зодчества. Двускатная тесовая кровля, покоящаяся на слгах, охлупень завершал скаты кровли. Главки крылись лемехом. Мастер-строитель не имел большого опыта в каменном строительстве, о чём говорят большой запас прочности в стенах и неправильная разбивка плана. Получив заказ на строительство церкви Василия Кесарийского, мастер попытался в камне передать композицию и объёмное решение деревянной клетской церкви, воплотив его в новом для строителя материале. Для деревянных клетских церквей также характерно членение здания на три объёма: основной куб и примыкающие к нему

пониженные придел и трапезная. Строительная техника постройки чисто новгородская. В декоре же здания мастер пытался передать некоторые черты московской архитектуры. Очевидно, декор здания относится к 1686 г., когда храм воссоздавался заново из руин. Видимо, бедность монастыря не позволила пригласить мастера извне, даже из соседнего Новгорода.

Документов о состоянии церкви Василия Кесарийского в XVIII и XIX вв не обнаружено.

Во время реформ императрицы Екатерины II, в 1764 г., храм из монастырского превратился в приходской. (Зверинский 1892: 86. № 764). В Васильевской обители к этому времени оставалось всего два монаха.

Вот краткое описание внутреннего убранства церкви по состоянию на 30 октября 1854 г. (ИСС 1884): «в главном алтаре престол каменный, высотой в 1 аршин 6 вершков, длиною и шириною в 1 аршин. В приделе — деревянный, на 4-х столбах, вкопанных в землю; высота и длина его 1 аршин 5 вершков, ширина 1 аршин 4 вершка. Антиминсы на престолах новые, освященные митрополитом Никанором 20 декабря 1853 года. Жертвенники устроены не на столиках, как обыкновенно, а в стенных впадинах» (рис. 2).

В Материалах Императорской археологической комиссии хранятся документы, свидетельствующие о том, что храм находится в числе охраняющихся памятников древнерусской архитектуры. В 1906 г. в связи с очень плохим состоянием здания гражданскому инженеру Н. Ф. Романченко было поручено его обследование. В прошении Н. Ф. Романченко от 30 апреля 1906 г. в Императорскую археологическую комиссию отмечается, что необходим ремонт здания, особенно замена сгнившей крыши. 18 мая 1906 г. Археологическая комиссия сообщила в петербургскую Консисторию, что работы по ремонту церкви Василия Кесарийского поручены инженеру Н. Ф. Романченко, который взялся их выполнять безвозмездно. Стоит отметить, что Николай Филиппович Романченко, в то время был не только инженером, но и являлся председателем Староладожского церковно-приходского попечительства. В сообщении Археологической комиссии отмечено, что ремонт будет состоять в замене деревянной крыши железною, и в перештукатурке фасада и переделке сгнивших полов¹.

В 1913 г. было проведено новое обследование храма Н. Буниатовым, который провёл обмеры здания. Чертежи Н. Буниатова (план, фасады и разрезы) хранятся в научно-исследовательском музее Российской Академии Художеств².

С 1937 г. православный храм в Чернавино перестал действовать, а в 1940 г. был закрыт официально. В здании церкви устроили сельский клуб с библиотекой, два раза в неделю под патефон здесь проводились танцы и трижды на неделе показывали кино. Во время войны, когда начиналась бомбёжка, оставшиеся жители сбегались в храм свт. Василия Кесарийского, стены которого имели большую толщину. Ночевали на деревянных скамейках, до сих пор вспоминают, что там было тепло и уютно. Удивительно, но от бомбёжек и обстрелов церковь фактически не пострадала. После окончания войны здание церкви отремонтировали и продолжили использовать как клуб.

¹ Архив ИИМК ф. 1, д. 57. 1906. 1.

² Архив Научно-исследовательского музея Российской Академии Художеств, ед. хр. 681.

30 августа 1960 г. постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 церковь святителя Василия Кесарийского в деревне Черनावино была признана памятником федерального значения. После этого рядом с храмом был построен новый деревенский клуб, а храм... оказался брошенным и стал медленно разрушаться без присмотра (рис. 3).

В 1963 г. Инспекцией по охране памятников Ленинградской области была заказана и выполнена научно-исследовательская и проектная документация. Проект реставрации предусматривал воссоздание тесовой кровли на всех объемах церкви, воссоздание покрытия главок лемехом, реставрацию участков стен, реставрацию барабанов на собственно церкви и приделе, реставрационные работы по фасадам. Но производства работ не последовало.

На фотографиях видно, что уже к концу 1970-х годов храм пришёл в удручающее состояние. Так продолжалось до начала 1990-х годов. В 1991–1993 годах при финансировании Всероссийского общества охраны памятников была выполнена реставрация храма, в которой принимали участие норвежские учащиеся школы деревянного зодчества из деревни Лом (рис. 4).

Архитекторами проектного отдела МО «Ингрия» проведены доисследования и воплощён проект 1963 года. В этот период при расчистке сводов удалось зафиксировать в стенах апсиды, трапезной и собственно церкви пустые каналы от деревянных связей, в которые позже были протянуты связи металлические, затянутые снаружи на стенах. Учащимися школы деревянного зодчества с отличным качеством были выполнены работы по реставрации кровель церкви и главок (рис. 5-6). В 1994 г. здание храма снаружи было отреставрировано³.

В 2003 г. вышло распоряжение митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира о возрождении церковной жизни на Васильевском погосте. В деревне Черनावино был образован женский скит, приписанный к Никольскому монастырю в Старой Ладге.

В 2006 г. проводились ремонтно-реставрационные работы по фасадам Васильевского храма: поверхность стен была заново покрыта штукатуркой с применением современных материалов (рис. 7). В связи с тем, что храм редко использовался, начались небольшие разрушения в виде локальных протечек кровли и обрушения штукатурки, поэтому была частично произведена замена крыши.

В настоящее время проводится обследование современного состояния здания храма, разработана технология производства реставрационных работ и откорректирован проект реставрации здания. Внутреннее убранство церкви придётся возродить заново (рис. 8).

Литература

Досмотр 1666 г. — Досмотр зданий, движимого имущества, земляных угодий и рыбных ловель Васильевского, что напротив Ладоги, за рекою Волховом, монастыря. 1 февраля 1666 года // Русская историческая библиотека. Т. 5. СПб. 1878.

---

³ Автор проекта реставрации архитектор И. А. Хаустова. Производство работ выполнял кооператив «Каменное зодчество» (директор И. П. Любарова).

Зверинский 1892 — *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования православных монастырей в Российской империи. Т. II. СПб. 1892.

ИСС 1884 — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 9. СПб. 1884.

Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских. СПб. 1853.

Переписная книга — Подлинная переписная книга государевых и монастырских вотчинных сёл и деревень, дворов и в них людей Обонежской пятины письма Л.Г. Сумина и подьячего Я. Ефимова. 1647 год. / Российский Государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 309.

Пролог 1501 — Пролог (март-август). 1501 г. / Российская национальная библиотека. Новгородско-Софийское собрание, Соф. 1345.

Синодик — Синодик Васильевского монастыря второй половины XVII века // Музей Православной Церкви Финляндии, г. Куопио, SOOK, № 66.

Царская грамота — Царская грамота о ненарушении тарханских грамот Васильевского монастыря о рыбных ловлях // Акты исторические. Т. 3. СПб. 1841.

Царская грамота 1618 г. — Царская грамота Ладожским воеводам Неплюеву и Змееву о пожаловании опустевшего Васильевского монастыря и его вотчины старцу Валаамского монастыря Сильвестру с братьями. 11 июля 1618 года // Акты Археографической экспедиции. Т. 3. СПб. 1836.

Рис. 1. Храм свт. Василия Кесарийского. Северный фасад. Фото нач. XX в.

Рис. 2. Иконостас церкви свт. Василия Кесарийского. Фото нач. XX в.

Рис. 3. Храм свт. Василия Кесарийского. Вид с юго-востока. Фото. М. И. Коляды, 1960 г.

Рис. 4. Реставрация храма свт. Василия Кесарийского. Начало работ. Фото 1991 г

Рис. 5. Реставрация храма свт. Василия Кесарийского. Восстановление кровли на приделе Благовещения. Фото 1992 г.

Рис. 6. Реставрация храма свт. Василия Кесарийского. Воссозданная главка. Фото. 1993 г.

Рис. 7. Начало реставрационного ремонта храма свт. Василия Кесарийского. Фото 2006 года

Рис. 8. Храм свт. Василия Кесарийского. Современный вид. Фото 2015 г.

РУССКИЕ ВОИНСКИЕ ТОПОРЫ ЗРЕЛОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ДИНАМИКА И СТАТИКА УДАРА, ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТОЧКИ УДАРА КАК ПРИЗНАКА БОЕВОГО ТОПОРА

В эпоху развитого и позднего средневековья топор продолжал оставаться одним из популярных видов оружия рукопашного боя, продолжая воинские традиции эпохи викингов и Киевской Руси. В ходе бурного развития военного дела и становления тяжеловооруженной дружинной конницы, появились различные типы боевых топоров — как легких всаднических топорков и чеканов, так и пехотных широколезвийных секир.

Со второй половины XIII в. использование боевых топоров пошло на спад, но не прекратилось совсем. Возможно, это связано с окончательным снижением роли пехоты. Однако уже с середины XIV в. боевые топоры вновь входят в широкий воинский обиход: появляются усовершенствованные всаднические чеканы и широколезвийные секиры, продолжающие древние воинские традиции. В полупрофессиональные военные ополчения все больше вовлекаются представители простонародья, что позволяет рассматривать многие типы рабочих секир в качестве пехотного оружия, включая их в группу универсальных топоров или шанцевого инструмента, используемого в ходе штурма и обороны крепостей. Одновременно в связи с утяжелением воинских доспехов возрастают поражающие свойства оружия: топоры становятся тяжелее, растет бронебойная и ударная способность лезвий и чеканных бойков. Появляются новые боевые формы: топорки-булавы, топорки-клевы и собственно клевы, утяжеленные топоры, двуручные и длиннодревковые широкие секиры, предшествующие распространению знаменитых бердышей времен ранней огнестрельной эпохи.

В результате обследования нескольких сотен изделий второй половины XIII — начала XVI в. можно констатировать, что в рассматриваемую эпоху для русских воинских топоров наблюдается не только эволюция местных древнерусских форм, но и восприятие новых типов изделий от соседей с Востока (Волжской Булгарии, Золотой Орды) и Запада (Польши, Германии, Венгрии, Литвы). Естественно, что последние изначально отмечены в западнорусских землях (на территориях Украины и Беларуси), входивших в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, а позже и в других регионах.

Заметим, что кроме стандартных задач исторического оружейведения — описания, классификации, датировки собранного материала (памятников археологии, изобразительных и письменных источников) — интерес представляют также чисто прикладные и технологические задачи сборки, ношения, военного использования и реконструкции боевых и универсальных топоров. Значительным подспорьем в этом может быть рассмотрение физических вопросов кинематики и статики удара топором с привлечением положений теории ручных орудий. Это позволяет подойти к решению ряда практических вопросов в части обоснования той или иной формы лезвия, реконструкции длины и поперечного сечения топорика (которые, как правило, не сохраняются), определения угла заточки и скоса лезвия, а также других конструктивных и

функциональных особенностей изучаемых изделий. И, что представляется особенно важным, такой анализ позволяет расширить признаки обоснованного выделения из множества археологических предметов боевого оружия.

Теория удара топором, как часть теории ручных орудий, была разработана в первой четверти прошлого века профессором В. Горячкиным (Горячкин 1925) и дополнена В. Желиговским (Желиговский 1925). В некоторых современных работах также используется ряд положений этой теории, в частности, применительно к изучению конструкций рабочих топоров (Попов 2005; 2006). Представляется, что рассмотрение действующих сил удара применительно к боевому топору может дополнить положения этой теории некоторыми интересными наблюдениями.

Рассмотрим статическую схему сил, возникающих в момент нанесения удара топором по некоторому твердому материалу (рис. 1). На рис. 1, 1б представлен удар, наносимый в плоскости топора *топорком-булавой*, у которого центр тяжести O лежит практически на оси топорщица. Принимается, что направление удара лежит в плоскости топора перпендикулярно рукояти, где P — точка нанесения удара. В этой точке на лезвие топора действует сила R реакции материала, равная силе удара, но противоположная по направлению. Если на линию удара R опустить перпендикуляр из центра тяжести, то полученная точка пересечения A будет называться *точкой удара* (в рассматриваемом частном случае для *топорка-булавы* она будет лежать практически на оси топорщица). Длину топорщица от точки удара до свободного конца обозначим L , а расстояние от точки удара до центра тяжести — s . Для определения результирующего воздействия удара на топор необходимо по правилу приложения сил перенести действующие на него силы в центр тяжести топора O . При этом, если сила реакции R переносится в точку O , к этой же точке в результате компенсации будет приложена пара сил, образующих крутящий момент M_1 (обозначен скругленной стрелкой). При этом сила R в момент удара будет сообщать всему инструменту поступательную мгновенную скорость v , направленную вверх (ряд черных стрелок на рис. 1, 1б) — они показывают скорость замедления («отскока» вверх) инструмента при упругом ударе. Одновременно, момент M_1 сообщит топору вращательное движение по часовой стрелке вокруг своего центра тяжести O с угловой скоростью ω . При этом мгновенные касательные скорости вращательного движения топора ωs_x (где s_x — координата на оси x вдоль рукояти) будут увеличиваться пропорционально длине рукояти с направлением вниз — вправо от центра тяжести и вверх — слева от него (на рис. 1, 1б обозначены серыми прямыми стрелками). Чтобы определить результирующее движение топора необходимо сложить две указанные линейные скорости в каждой его точке. При этом на топорщице образуется некая точка C , где результирующая скорость движения (суммарные мгновенные скорости обозначены контурными белыми стрелками) будет равна нулю (поскольку здесь линейные скорости равны по величине и противоположны по направлению). Эта точка называется *центр удара* или *центр качания вокруг точки удара*, и она будет неподвижна во время нанесения удара. Иными словами, рука бойца, держащая топорщице в этом месте не будет испытывать отдачи при нанесенного даже очень сильного удара.

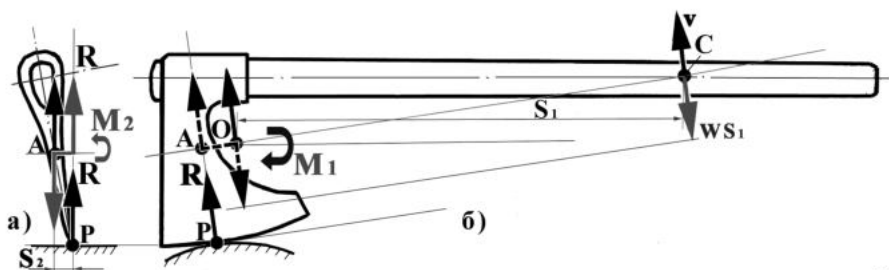
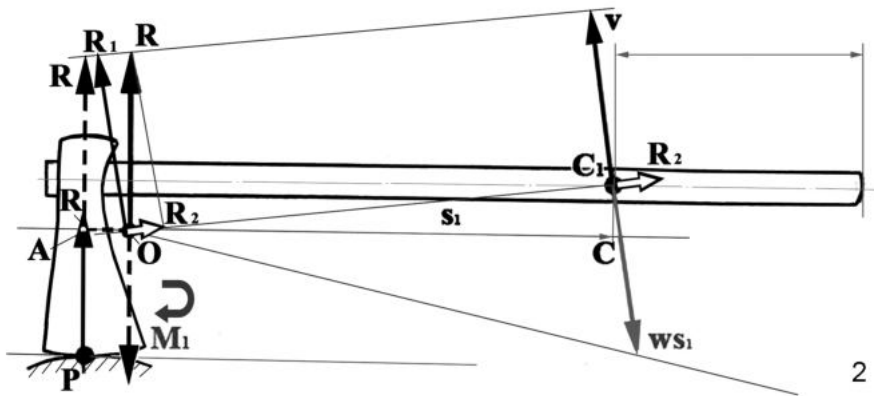
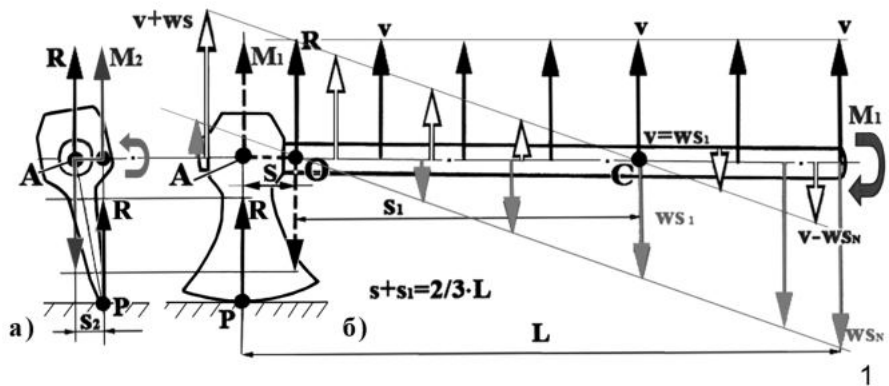

Рис.1. Боевые и универсальные топоры, схемы действующих сил, кинематика и статические характеристики. Кинематические схемы (а — поперечная, б — продольная) сил и моментов в момент удара топора: 1 — боевого частично уравновешенного чекана (топора-булавы); 2 — неуравновешенного рабочего топора; 3 — частично уравновешенной универсальной бородовидной секиры со скошенным лезвием.

По В. Желиговскому, для идеализированного орудия (прямого однородного цилиндрического стержня) центр удара S лежит на расстоянии двух третей ($2/3L$) длины стержня от того конца, которым наносятся удары, что с определенными допущениями будет справедливо и для нашего рассматриваемого примера.

В общем случае для простого, а в особенности, бородовидного лезвия топора из-за относительно большой массы его железа (расширяющего книзу), центр тяжести орудия будет лежать ниже оси его рукояти (см. точка O на рис. 1, 2). В этом случае *центр удара* S будет находиться вне инструмента — значительно ниже рукояти. Это говорит о том, что у такого топора нет точки на рукояти, где бы не ощущалась отдача при нанесении удара. Путем графических построений можно определить, что минимальная отдача на рукояти будет в точке C_1 , а движение отдачи в руку бойца будет определяться вектором R_2 . Этот фактор может быть устранен изготовлением специального топорича с изгибом вниз, как это делают у современных топоров, либо небольшим скосом лезвия к заднему углу (пятке) лезвия (как это показано на рис. 1, 3).). Очевидно, что наиболее эффективный удар топором должен быть нанесен не носком или пяткой лезвия, а серединой точки острия P , через которую проходит касательная к лезвию, параллельная поверхности объекта удара. При этом сила реакции R пойдет вверх перпендикулярно этой касательной и под углом к оси топорича. Тогда при соответствующем угле наклона режущей кромки от носка к пятке перпендикуляр к направлению удара, проходящий через центр тяжести топора O будет пересекать осевую линию прямого топорича в точке S — именно здесь будет отсутствовать отдача в руку бойца. Понятно, что средневековые мастера не могли строить подобных статистических схем и производить расчеты действующих сил — они интуитивно находили нужный наклон лезвия и нужную длину топорича так, чтобы *центр удара* удара приходился на то место топорича, где его держит рука воина или плотника. Это очень хорошо иллюстрируется с помощью топоров, у которых сохранились рукояти (рис.2, 1, 2). У других топоров, у которых отсутствует выраженный наклон лезвия от носка к пятке (напр.: рис. 2, 4, 5), сами топорича изогнуты вниз, чтобы также «поймать» *центр удара* на то место рукояти, где его держит рука владельца.

Авторы теории ручных орудий, (к которым они относят и топор), определяют коэффициент полезного действия (КПД) орудия, насаженного на рукоять, в функции соотношения масс лезвия и рукояти, а также в зависимости от расположения центра тяжести топора по отношению к длине топорича. Так, В. Горячкин определяет КПД орудия η следующим образом (Горячкин 1925: 4):

$$\eta = s/(s + s_1) \text{ или } \eta = 1 - 3s_2/2L \text{ (1),}$$

$$\text{а также: } \eta = 1 - 3m_2/2m_1 \text{ (2),}$$

где (рис.1,1) L — длина топорича от точки удара до свободного конца; s — расстояние от точка удара до центра тяжести; s_1 — расстояние от центра тяжести до центра удара; m_1 — масса лезвия топора, сосредоточенная в точке удара A ; m_2 — масса топорича.

Из представленных выражений следует ряд важных конструктивных выводов: КПД (по В. Горячкину) будет стремиться к 1, если s из формулы (1) будет

стремиться к нулю, т.е., если центр тяжести топора сдвинется влево и будет совпадать с точкой удара. Или, что тоже самое, если масса топорика обратится в ноль, по формуле (2). Из этого следует, что прямой удар какой-либо массой m является более производительным, чем удар той же массы, насаженной на ручку. Понятно, что в реальности таких топоров с невесомой рукоятью не существует, но есть ряд конструктивных деталей, позволяющих уменьшать расстояние от центра тяжести до точки удара. В частности, это наблюдается для бородовидных лезвий: при вытягивании нижней части лезвия вправо (бороды) центр тяжести практически остается на месте, а линия удара, проходящая через середину режущей кромки лезвия, смещается вправо, приближаясь к точке O ср. длину отрезков AO у *топорка-булавы* на рис. 1, 1б и у *бородовидной секиры* на рис. 1, 3б). Однако при этом линия удара проходит уже не через проушину, а через топориче, что повышает опасность его поломки. Именно поэтому у позднесредневековых секир трубка проушины удлиняется назад.

В части приложения этих зависимостей к конструированию топора, необходимо обеспечить следующее:

1) рукоять топора должна быть как можно легче, именно поэтому топориче всегда делают из дерева, а не из железа;

2) длина топорича определяется назначением топора. Она должна быть достаточной, чтобы плотник или лесоруб не нагибался в процессе работы. Для боевого всаднического топора длина топорича должна быть необходимой для работы с коня — чтобы достать противника, действуя одной рукой. С другой стороны, слишком длинное топориче будет мешать всаднику активно поворачиваться в седле, задевая за щит, поводья, круп или шею лошади. Неуравновешенность оружия для одной руки может стать столь значительной, что вызовет выворачивание кисти руки. Для пешего бойца и, скажем, дровосека, увеличение длины топорича позволит значительно наращивать силу удара при увеличении махового момента, при этом орудие держат двумя руками. Максимальная длина древка определяется из условий удобства работы оружием. Например, для боевых длиннодревковых пехотных секир — чтобы не задевать соседних бойцов при манипулировании оружием в сомкнутом строю. Обычно длина боевой двуручной секиры могла колебаться от 0,7 до 1,2 человеческого роста. Западноевропейские алебарды ввиду своей специфики имели более длинные древки.

В общем случае, расчетная реконструкция длины топорича, основанная на анализе статической схемы удара, может быть найдена графически из условий отсутствия отдачи в определяемом графически *центре удара*, который должен отстоять от точки удара на расстоянии не менее $2/3$ длины рукояти.

При работе двумя руками топориче захватывается левой рукой на расстоянии $1/3$ от свободного конца, чтобы не испытывать отдачи от удара, правая рука подключается в районе свободного конца топорича;

По В. Горячеву, орудия с относительно короткими бойками и рукоятками (такие, как молотки) имеют наибольший КПД ($\eta = 0,85 - 0,95$), орудия с тяжелыми, но более сложными бойками и рукоятками (такие, как топоры) имеют более низкий КПД ($\eta = 0,80 - 0,85$). Самое маленькое значение КПД ($\eta = 0,25$) получается у инструмента при отсутствии массы бойка по сравнению с массой

рукоятки, т.е. при амплитудном ударе свободным концом прямой палки. Максимальное значение КПД $\eta = 1$ будет у орудия, вес рукоятки которого бесконечно мал по сравнению с бойком (лезвием топора), как для одного лезвия без топорика (Горячкин 1925: 7).

Замечу, что, в соответствии со вторым законом термодинамики, никакой КПД ни одной машины, механизма или устройства никогда не может быть равным 1. Поэтому, значение η (по В. Горячкину) не является общим КПД инструмента, его можно характеризовать как частный коэффициент отдачи или коэффициент учета относительных потерь инструмента от отдачи при ударе. В самом общем случае КПД — это отношение полезной работы к затраченной энергии. Для топора затраченная энергия обеспечивается мускульной силой человека, который осуществляет удар топором, как правило, широким замахом сообщая рабочему органу топора необходимую кинетическую энергию, которая в ходе удара преобразуется в полезную работу и потери.

Запишем уравнение прямого баланса энергии в момент удара по некоторому объекту:

$$E = A_p + A_d + A_o + D_t + T \quad (3),$$

где E — общая энергия, расходуемая для нанесения удара; A_p — работа разрубания материала («полезная»); A_d — работа деформации материала (применительно к боевому топору «полезная»); A_o — работа сил отдачи топора (по В. Горячкину); D_t — энергия деформации топора; T — изменение внутренней энергии системы.

КПД топора по прямому балансу:

$$\eta_T = (A_p + A_d) / E \quad (4).$$

Разделив правую и левую части (3) на значение E , получаем выражение для определения КПД через относительные потери (по обратному балансу):

$$\eta_T = 1 - \delta_o - \delta_{dt} - \delta_t \quad (5),$$

где δ_o — относительные потери отдачи топора, которые, по В. Горячкину, можно выразить как $\delta_o = 1 - \eta$, где η определяется по выражению (1) или (2); δ_{dt} — относительные потери деформации лезвия топора; δ_t — относительные тепловые потери.

Полезная работа для топоров различного назначения может оцениваться по-разному. Скажем, для топора лесоруба это будет только работа статического резания или разрубания материала:

$$A_p = F H_p \quad (6),$$

где F — сила удара; H_p — глубина разруба.

При одной и той же силе удара глубина разруба для разного материала может быть разной — это зависит от прочностных физических свойств материала, которые должны учитываться соответствующей константной для данного материала σ_r . Она представляет собой усилие, с которым надо надавить на условную режущую кромку площадью 1 мм^2 (т.е. напряжение, с которым резак воздействует на материал), при котором глубина статического резания достигает 10 мм. Тогда для общего случая вертикального удара можно записать:

$$F = \sigma_r H_p Q = \sigma_r H_p k l \quad (7),$$

где: Q – площадь режущей кромки, мм^2 ; k – ширина режущей кромки, мм – определяется заточкой лезвия; l – длина режущей кромки, мм .

Подставляя все эти выражения в (6), получаем:

$$A_p = \sigma_p H_p^2 k l \quad (8).$$

Отсюда следуют естественные выводы, что при всех равных условиях, для того, чтобы увеличить глубину разруба, например, вдвое, нужно приложить вдвое большую силу удара, при этом работа разрубания увеличится в 4 раза. Для широколезвийной секиры затрачиваемое усилие и работа разрубания также увеличиваются пропорционально длине режущей кромки. Поэтому узколезвийным топорком гораздо легче прорубать материал объекта, но при этом, соответственно, уменьшается длина разруба. Если одинаковыми топорами с разным качеством заточки (например, у одного топора режущая кромка k будет в два раза толще, чем у второго) нанести по одному и тому же материалу удары с одинаковой силой, то у второго, более острого топора, глубина разруба H_p и совершенная работа A_p также увеличатся в 2 раза. Для рабочего топора это будет свидетельствовать об увеличении общего КПД также практически в 2 раза – вот почему для него главным эксплуатационным фактором является качество заточки при соответствующей твердости лезвия (качестве закалки). Для рабочего топора при относительно тупом лезвии глубина разруба и, соответственно, полезная работа прорубания будет уменьшаться, а работа заминания A_d будет расти, осуществляя деформацию материала и частично переходя в тепловые потери. Для боевого топора A_d , по всей видимости, нужно включать в состав «полезной» работы, поскольку эта задача деформации материала, например, доспеха – одна из функций назначения оружия ударно-дробящего действия. Для выполнения именно этой функции предназначено такое оружие как, например, булава, шестопер, всевозможные палицы и дубины. Большинство боевых *всаднических топорков* также используется для оказания *двойного* действия оружия – и разрубать, и заминать объект – для этого предназначены столь популярные *топорки-чеканы* с острым лезвием с одной стороны и с боевым молоткообразным бойком с другой, и особенно, *топорки-булавы*, у которых небольшое острое лезвие совмещено с массивным шарообразным металлическим обухом, используемым в качестве булавы. У этого оружия «эффект заминания» является основной функцией назначения. Поэтому, с учетом вышесказанного, «полезная» работа боевого топора выражается суммой ($A_p + A_d$) из ф. (5). Работа деформации материала A_d в результате удара топором по металлическому жесткому доспеху (пластинчатому) или шлему может вызывать упругую и пластичную деформацию металла по стандартной зависимости с учетом предела текучести от для соответствующего материала и по зависимостям, аналогичным формулам (7) и (8). В результате замятия металла доспеха или шлема воин, по которому пришелся удар, может получить травму, шок или даже быть сбитым с ног. Практически никакой защиты от такого воздействия топора и другого ударного оружия не может оказать кольчуга. В этом случае составляющая работы деформации поверхности объекта удара может быть частично погашена (рассеяна) толстой поддоспешной одеждой (при ее наличии) – стеганой, набивной или слоеной. Для бойца, не имеющего жесткого металлического

доспеха или мягкой толстой защитной одежды, попадание подобного удара даже тупым оружием может быть весьма плачевно – разрыв тканей, перелом костей, внутреннее кровоизлияние и даже мгновенная смерть в результате тяжелой травмы черепной коробки и т.п.

Следующая составляющая энергетических потерь в уравнении энергетического баланса (3) Дт связана с деформацией лезвия топора при ударе по твердому материалу. При недостаточной закалке лезвия на режущей кромке будут появляться забоины и плоские площадки пластической деформации металла острия, при перекалке – трещины и сколы (что, кстати, часто наблюдается у боевых топоров). Слишком тонким и хорошо заточенным лезвием удобно и эффективно работать с деревом и другими мягкими материалами при снижении общего уровня потерь. Для успешного заминания и прорубания металлического доспеха, включая и кольчугу, необходимо более утолщенное лезвие со специальным увеличенным бронебойным углом заточки, не позволяющим быстро выкрашиваться и заминаться острию при ударе по металлу.

Тепловые потери δt (изменение внутренней энергии), возникающие в ходе нанесения удара, выражаются в местном нагреве, как лезвия топора, так и поверхности объекта по следующим причинам:

1) в результате трения лезвия о края разруба материала при его вхождении в материал;

2) в результате заминания (деформации) материала или самого лезвия при ударе по слишком прочному материалу;

3) при скошенном ударе, когда направление удара не перпендикулярно плоскости объекта (касательной плоскости в точке нанесения удара). В этом случае удар может сопровождаться высыпанием искр. В частности, это может иметь место в плоскости, перпендикулярной оси топорика (рис.1, 1а), когда часть энергии удара расходуется на его боковое скольжение по прочному материалу, например, по пластине металлического доспеха. Тогда наряду с силой «отскока» вверх в центре тяжести топора возникает боковой опрокидывающий момент M_2 (показан загнутой серой стрелкой против часовой стрелки). В этом случае, для топоров с одинаковой массой и при одинаковой силе удара этот момент будет тем меньше (а значит, будут меньше и соответствующие потери), чем ниже будет располагаться центр тяжести инструмента. Мы можем сравнить это для *топорка-булавы*, у которого центр тяжести находится высоко – непосредственно в обухе, и для бородавидной секиры, центр тяжести которой утягивает вниз удлиненная борода нижней части лезвия (*поз.3,а*), что выражается в относительном уменьшении плеча рассматриваемого момента s_2 и составляющей касательной силы бокового скольжения.

Как ранее было установлено, для выполнения различных хозяйственных и боевых задач в эпоху развитого средневековья, были разработаны различные формы лезвий боевых, рабочих и универсальных топоров (при насаживании их на прямое топориче). Так, с точки зрения оптимизации потерь, возникающих при отдаче рукояти, наиболее выгодными являются бородавидные лезвия со скошенной режущей кромкой, причем наиболее эффективная работа лезвия должна приходиться на середину режущей кромки. Ранее с помощью графической схемы (рис.1, 2) было показано, что при недостаточном наклоне

лезвия (или отсутствию такового) рука, наносящая удар таким топором, будет обязательно испытывать отдачу топорща.

Однако среди археологического и исторического материала встречается ряд боевых топоров с *чрезмерно большим* наклоном лезвия. Принадлежность их к боевым была установлена либо по обстоятельствам находок (Кирпичников 1966: 26-46), либо бесспорно конструктивно-военным назначением, что, например, относится к *топоркам-чеканам* (напр.: рис.3, 1)¹. При этом, если в классическом варианте удар будет принят на середину лезвия (точка Рр), то *центр удара* (точка Ср), в которой не ощущается отдача, будет лежать слишком близко к обушной части оружия — там, где невозможно обеспечить необходимый маховый момент, амплитуду и силу удара. Поэтому, используя обратное графическое построение, попробуем восстановить перпендикуляр, проходящий через центр тяжести О к неизвестной пока линии удара из назначенной нами точки удара Сб, выбранной, исходя из удобства ее расположения на длинной боевой рукояти (длинная серая прямая). Далее нам необходимо восстановить перпендикуляр к построенной линии Аб — Сб таким образом, чтобы другой его конец пересекал режущую кромку лезвия в точке, где касательная к лезвию составляла бы также прямой угол с этим же перпендикуляром Аб — Рб. Таким образом, для боевого топора именно эта точка Рб и является наиболее удобной и эффективной точкой нанесения удара по защищенному броней противнику. Именно подобное лезвие с увеличенным наклоном и острым бронебойным передним углом (носком) является признаком боевого топора — оно явно не предназначено для производства хозяйственных работ, но весьма эффективно для раскалывания, например, досок щита, пробивания металлических пластин доспеха или шлема, разрывания кольчужных колец.

Интересное подтверждение сказанному можно получить, если сравнить наиболее характерные формы однотипных лезвий топоров боевых и рабочих. Так, на рис. 2, 7 для удобства графического сравнения топоры, идентифицированные как боевые (Кирпичников, Медведев 1985: 339, табл. 127), наложены на соответствующие им типы рабочих, ср.: рис. 2, 7а — топоры с трапециевидным лезвием; рис. 2, 7б — бородавчатые секиры; рис. 2, 7в — узколезвийные топорки. Лезвия рабочих топоров хоть и имеют необходимый наклон для нивелирования отдачи удара при работе, тем не менее, их режущие кромки плавно скруглены, что позволяет удобно работать по всей длине лезвия, концентрируя удар в центральной точке кромки — рубить деревья, тесать бревна или выбирать пазы. У рабочих топоров, даже узких, предназначенных для вырубания нешироких желобов, передний угол, как правило, скруглен — ведь задача рабочего инструмента не просто глубоко втыкаться, но и выбирать (срезать) деревянную щепу определенной ширины, для чего и нужна соответствующая протяженность скругленного лезвия. У боевых топоров, напротив, мы видим более спрямленную режущую кромку с ярко выраженным наклоном и более острым бронебойным носком (передний угол лезвия), на который и должна приходиться основная масса пробивающих броню ударов. Это можно также подтвердить обратным графическим построением местоположения

---

¹ Топорок-чекан, а также значительное количество других находок боевых и универсальных русских топоров зрелого средневековья, использованные в настоящей работе, взяты автором из материалов Интернет-ресурса «Домонгол» (<http://domongol.org/viewforum.php?f=74>).

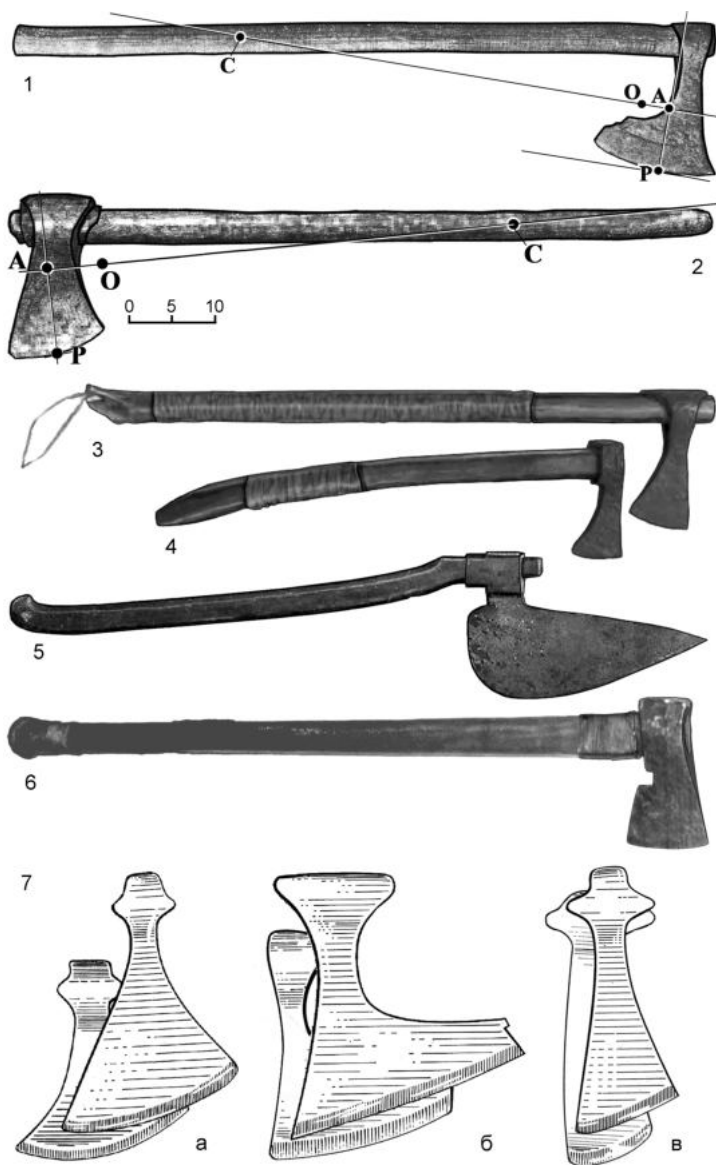

Рис.2. Боевые и универсальные топоры. Общие характеристики. 1-6 — средневековые топоры с топорницами (1 — секира, конец XII — начало XIII в., Минск; 2 — XIV в., Орешек; 3, 4 — XIV-XV вв., Украина; 5 — секира для пешего боя, XV-XVI вв., Национальный исторический музей Украины, Киев; 6 — утяжеленный позднесредневековый топор, Музей Вооруженных сил Украины); 7 — сравнение степени наклона (передних углов) лезвий некоторых типов рабочих (снизу) и боевых (сверху) топоров раннесредневекового периода (по А. Н. Кирпичникову). а — трапециевидные лезвия; б — бородавчатые секиры; в — легкие узколезвийные

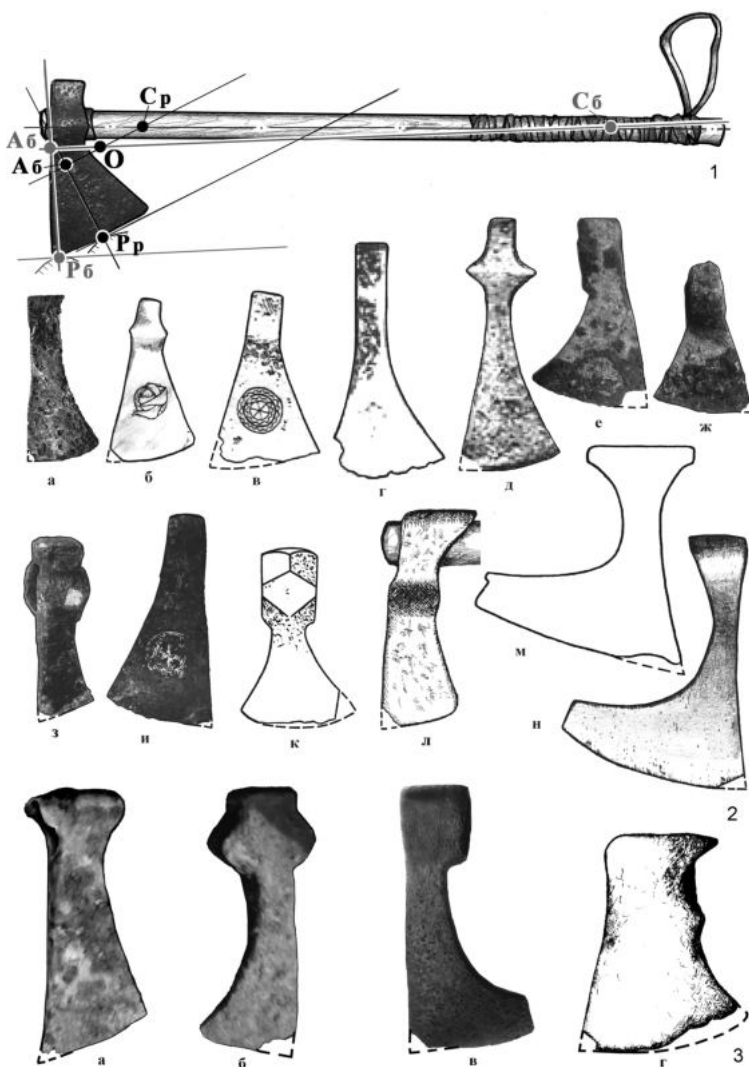

Рис.3. Боевые и универсальные топоры. Характеристики удара. Схема удара боевого топора. 1 — схема к определению точки удара боевого топора-чекана (Белгородская обл., XV-XVI вв.); 2 — примеры боевых топоров, чеканов и секир со сколотым в точке удара лезвием (а — Львовская обл.; б — Владимир, XIV-XV вв.; в — Новгород, XIV-XV вв.; г — Псков, XV в.; д — Новгород, XV в.; е-ж — Европейская Россия, XIV-XV вв.; з — Музей Вооруженных сил Украины; и — Мозырь, XIV в., Белоруссия; к — Новгород, XV в.; л — Остров, Псковская обл., XV-XVI вв.; м — секира, Княжья Гора, XII-XIII вв.; н — секира, Минское Замчище, XIII в.); 3 — универсальные топоры со сколом переднего угла лезвия (а-б — топоры из воинскогоклада XIII — XIV вв., Украина; в — Брянск, XV-XVI вв.; г — утяжеленный топор, крепость Изборск, XIV-XVI вв.)

точки удара в функции от предполагаемого центра удара — места расположения руки на топориче в боевом положении.

Изложенные особенности специфики боевого использования носка лезвия (или передней зоны режущей кромки) некоторых типов боевых топоров могут быть подтверждены еще одним интересным наблюдением. Наиболее часто возникновение и развитие в металле усталостных трещин происходит в зонах максимальных местных напряжений и интенсивных динамических нагрузок, которые возникают в точке удара. Наиболее часто сколы и трещины возникают в закаленном металле ввиду минимизации здесь пластических деформаций (сминаний и загибов) лезвий большинства топоров в тех местах лезвий, которые вошли в ударный контакт с относительно твердым материалом. И, что удивительно — самый большой процент топоров, имеющих сколы лезвия — это как раз топоры со сколотым носком. Более того, большинство из них мы безошибочно можем отнести к боевому оружию (рис. 3, 2). Здесь мы видим преимущественно *всаднические топорки*, *топорки-чеканы* и даже *топорок-булаву*. Это оружие из Новгорода (рис. 3, 2 в, д, к), Пскова (рис. 3, 2 г, л), Владимира (рис. 3, 2 б), Центральной России (рис. 3, 2 е, ж), Украины (рис. 3, 2 а, з) и Беларуси (рис. 3, 2 и), а также боевые широколезвийные секиры (рис. 3, 2 м, н). Здесь же показано несколько топоров, которые могут быть отнесены к универсальным (рис. 3, 3, а, б, в, з). Примечательно, что первые два топора были извлечены из воинскогоклада (Украина), а последний — утяжеленный топор из Изборской крепости. Как и *топорок* из псковской крепости Остров (рис. 3, 2 л), эти находки тем или иным образом связаны с боевыми эпизодами русской средневековой истории. Характерные сколы носков лезвий свидетельствуют о вероятном применении топоров в боевой обстановке — нанесении бронебойных ударов по железным защитным пластинам доспеха, либо по шлему или кольчужному полотну, либо при попытке разбить универсальными топорами крепкие дубовые и окованные железными полосами крепостные ворота.

Понятно, что вышеописанные конструктивные особенности — увеличенный наклон лезвия и приостренный опущенный носок, определяющие ударную зону лезвия по отношению к рукояти в районе переднего угла режущей кромки — являются одними из важных признаков боевого оружия, но отнюдь не недостаточными. Широко известны и другие типы боевых топоров и секир — со скругленным лезвием и колющим передним углом, лунообразным лезвием и пр. Тем не менее, представляется, что изложенные выше заключения могут хотя бы частично помочь в вопросах идентификации боевого оружия.

Литература

- Горячкин 1925 — *Горячкин В.* Теория ручных орудий // Вестник металлопромышленности научно-технический. № 3-4, март-апрель. 1925.
- Желиговский 1925 — *Желиговский В.* Ручные ударные орудия и работа ими // Вестник металлопромышленности научно-технический. № 3-4, март-апрель. 1925.
- Попов 2005 — *Попов Б.И.* Топоры Древней Руси // Клинок. № 4. 2005.
- Попов 2006 — *Попов Б.И.* Топоры Древней Руси. Часть II // Клинок. № 1. 2006.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII в. / Свод археологических источников. Е1-36. Л. 1966.

Кирпичников, Медведев 1985 — *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. / Археология СССР. М. 1985.

СОДЕРЖАНИЕ:

А.Н.Кирпичников С.В. Белецкий ПРЕДИСЛОВИЕ	7
А.Н. Кирпичников ИСТОРИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СТАРОЙ ЛАДОГИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	18
В.А. Лапшин ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ	29
А. Стальсберг О ЛАДОГЕ И ВИКИНГАХ	36
Н.В. Григорьева СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО И БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЛАДОГЕ В XI В. (по материалам раскопок в Ладужской крепости)	39
А.В. Курбатов КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОВ 3 – 5 НА ЗЕМЛЯНОМ ГОРОДИЩЕ СТАРОЙ ЛАДОГИ (1999 – 2013 гг.)	48
В.Ю. Соболев КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК Н.Е.БРАНДЕНБУРГА 1886-1887 ГГ	101
П.А. Миляев ГОРОДИЩЕ ЛЮБША В НИЖНЕМ ПОВОЛХОВЬЕ: (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН)	108
Е.Р. Михайлова УКРАШЕНИЯ ИЗ ЛЕГКОПЛАВКИХ СПЛАВОВ В КУЛЬТУРЕ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И ПОИСК АНАЛОГИЙ	125
С.Г. Попов ПОГРЕБАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ К ВОСТОКУ ОТ ЧУДСКОГО ОЗЕРА	135
Л.В. Войтович РЮРИК И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ: НОВЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАРЫМ СПОРАМ	148
С.В. Белецкий НОВЫЕ НАХОДКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ПОДВЕСОК (материалы к своду)	184
К.А. Михайлов ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КАМЕРЫ ИЛИ ПСЕВДО-КАМЕРЫ ЭПОХИ ВИКИНГОВ НА ЮЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ	200

А.В. Плохов, С.А. Семёнов СВАСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НА ЛЕПНОЙ ПОСУДЕ С ПОСЕЛЕНИЙ ПОВОЛХОВЬЯ	212
Д.Ю. Чернышенко ПЕРСТНИ «САЛТОВСКОГО» ТИПА В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ (по материалам Тимерёвского могильника)	222
А.И. Сакса МОГИЛЬНИК ЛАПИНЛАХТИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ «КОРЕЛЫ» РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ	227
К.В. Шмелев О НАИБОЛЕЕ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЯХ МОГИЛЬНИКА БОРНИЦЫ НА ИЖОРСКОМ ПЛАТО	245
Е.Н. Шумилов К ВОПРОСУ О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XI – НАЧАЛЕ XIII ВВ	255
В.Б. Панченко ДВЕ ЗАМЕТКИ О КАМЕННЫХ КРЕСТАХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ	259
Д.А. Арутюнов И.А. Хаустова НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЦЕРКВИ СВЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ КЕСАРИЙСКОГО БЛИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ	285
П.А. Васин РУССКИЕ ВОИНСКИЕ ТОПОРЫ ЗРЕЛОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ДИНАМИКА И СТАТИКА УДАРА, ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТОЧКИ УДАРА КАК ПРИЗНАКА БОЕВОГО ТОПОРА	295

Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья

Выпуск 5

Выпускающий редактор Д.А. Бутин

Оригинал-макет Д.А. Бутин

Подписано в печать 20.08.2015. Формат 60x90 1/16

Усл.-печ. л. 19,38. Тираж 300 экз.

Издательство «Социальная пропаганда»

197183 СПб., Приморский пр. д. 6

www.социальная-пропаганда.рф

Отпечатано в типографии ООО "Печатный Элемент"

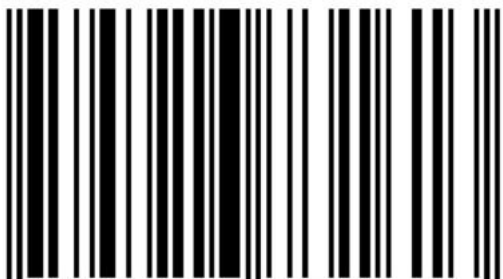
196211, Санкт-Петербург, пр. Ю.Гагарина, д. 24, кор. 3, литер. А, пом. 7Н

заказ № 08-088 от 20.08.2015г.

Ленинградское областное отделение
«Всероссийское общество охраны
памятников истории и культуры»,
в рамках проекта
Историко–культурный фестиваль
«Старая Ладога - первая столица Руси»,
осуществляемого при поддержке
комитета по печати и связям с общественностью
Ленинградской области

ISBN 978-5-91673-161-3

9 785916 731613